ЕВРОПА-2012: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ ЕВРОПЕИЗАЦИИ

Материалы международной
студенческой научной конференции

18–20 мая 2012 г.
Вильнюс

ЄHU Европейский гуманитарный университет

ВИЛЬНЮС
2013

ЕЎРОПА-2012: ПЕРСПЕКТЫВЫ І ВЫКЛІКІ ЕЎРАПЕІЗАЦЫІ

Матэрыялы міжнароднай
студэнцкай навуковай канферэнцыі

18–20 мая 2012 г.
Вільнюс

ЄHU Еўрапейскі гуманітарны ўніверсітэт

ВІЛЬНЮС
2013

EUROPE-2012: PROSPECTS AND CHALLENGES OF EUROPEANIZATION

Proceedings of the International Student Scientific Conference

May 18–20, 2012
Vilnius

EHU European Humanities University

VILNIUS
2013

УДК 32+34+7+008](4)+940
ББК 66+67+85+71+63.3(4)
Е24

Рекомендовано к изданию
Научным советом Европейского гуманитарного университета
(протокол № 53-23 от 20 марта 2013 г.)

EUROPEAN HUMANITIES UNIVERSITY
EHUTF TRUST FUND

Издание осуществлено при поддержке Трастового фонда
Европейского гуманитарного университета

Е24 **Европа-2012**: перспективы и вызовы европеизации : сб. науч. тр. / редкол. : Г.Я. Миненков (отв. ред.) [и др.]. – Вильнюс : ЕГУ, 2013. – 464 с.

ISBN 978-9955-773-66-5.

В сборник включены материалы международной студенческой научной конференции «Европа-2012: перспективы и вызовы европеизации», состоявшейся в Европейском гуманитарном университете в мае 2012 г.

Для преподавателей, аспирантов, студентов гуманитарных специальностей.

The collection contains the proceedings of the International Student Scientific Conference «Europe-2012: Prospects and Challenges of Europeanization» that took place at European Humanities University in May, 2012.

The book is intended for teachers, PhD students and students of Humanities.

УДК 32+34+7+008](4)+940
ББК 66+67+85+71+63.3(4)

ISBN 978-9955-773-66-5

СОДЕРЖАНИЕ

Медиа-культура: анализ, интерпретация, критика

Локальное, глобальное и транснациональное в современных арт-практиках в Восточной и Центральной Европе

CONTENTS

ПРЕДИСЛОВИЕ

Европейский гуманитарный университет продолжает традицию издания материалов организуемых университетом ежегодных научных студенческих конференций. Читатель может познакомиться с уже шестым выпуском материалов, в котором обобщаются итоги конференции, прошедшей в мае 2012 г. Замечу, что наша конференция становится все более популярной среди студенческой молодежи. На конференцию 2012 г. было подано более 300 заявок, из них более 200 было включено в программу конференции. Конференция все активнее утверждает свой международный статус: среди ее участников были представители Беларуси, Литвы, Украины, России, Казахстана, других стран. Особенно отрадным является постоянно растущее количество студентов белорусских высших учебных заведений, участвующих в наших конференциях.

Конференция 2012 г. во многом следовала формату проведения предыдущих конференций. Одновременно для нее был характерен и ряд новых организационных особенностей. Так, в рамках конференции было организовано несколько круглых столов и междисциплинарных дискуссий. Например, значительный интерес вызвал круглый стол «*Вызовы глобального общества и новые функции юридической профессии (case Belarus-EHU: 20 years later)*». Основной круг участников стола – выпускники факультета права различных лет, начиная с самого первого выпуска. Еще один круглый стол – «*Особенности коммуникации итогов политических кампаний в Беларуси*» – был посвящен памяти известного белорусского политолога *Светланы Андреевны Наумовой*. Была также проведена публичная дискуссия «*Проблемы мобильности белорусской молодежи*». Почти все секции конференции организовали по 2–3 панельные дискуссии, что позволило учесть многообразие интересов участников и одновременно содействовать междисциплинарному диалогу представителей различных направлений социального и гуманитарного знания. Специальная секция была организована для белорусских школьников, выпускников дистанционного курса «*Демократия и права человека*». В ходе конференции с публичными лекциями выступили известный белорусский драматург *Андрей Курейчик*, декан школы ис-

кусств и дизайна лондонского университета Кингстон профессор *Чарльз Райс*, заместитель главного редактора газеты «d'Ouest-France» *Жан-Пьер Шапель*, сотрудник польского телевидения и «Белсат ТВ» *Ярослав Ежи Каменьски.* С вступительным докладом на конференции выступил известный литовский философ, член Европейского парламента, профессор *Леонидас Донскис*.

В центре дискуссий участников конференции находилось проблемное поле, которое можно назвать «практики европеизации». Нет нужды подробно обосновывать актуальность связанных с этим проблем для нашего региона. Действительно, самоопределение стран и обществ постсоветского мира происходит в контексте европейского горизонта, как бы к нему ни относились – негативно или позитивно. «Европейское приключение» (З. Бауман) отнюдь не закончено, оно приобретает все новые измерения и направления, прежде всего при акценте на европейском духовном опыте, критическом переосмыслении самих себя, столь характерном для европейцев. Такая «критика исторического опыта» в контексте новой социальной и персональной креативности, отвечающей вызовам глобального, динамично меняющегося и все более космополитичного мира, выходит в центр национальных и региональных проблем. В той или иной форме практически все доклады и выступления на конференции были посвящены именно этим вопросам. В итоге сложилась впечатляющая панорама соответствующих интеллектуальных поисков и вытекающих из них социальных практик.

Опубликованные доклады – только часть того, что прозвучало на конференции. Надеюсь, лучшая часть. Нет нужды излагать содержание докладов. Читатель сам все сможет прочитать. Стоит разве что обратить лишь внимание на широту панорамы обсуждений. Фактически ни одна из актуальных социальных проблем не была обойдена вниманием. На конференции работали как традиционные уже для нее секции (по истории, праву, медиа, искусству и т.д.), так и было сформировано несколько новых. В частности, я обратил бы внимание на секции, посвященные проблемам современного высшего образования и религиозным процессам в странах Центральной и Восточной Европы. Появление данных тематик вполне симптоматично. Не приходится сомневаться в том, что проблематика образования – это сегодня главная теоретическая и практическая проблема. С другой стороны, переживаемые современным обществом кризисы побуждают обращаться к различным версиям духовного опыта, которые к тому же тесно переплетаются с образовательными практиками.

Конференция стала новым этапом в углублении осмысления молодежью проблем современного общества. Мы надеемся, что обсуждение этих и других вопросов имело серьезное значение для дальнейшего развития участников конференции. Далеко не все из них станут со временем профессиональными исследователями социальных проблем. Но нынешнее общество все более развивается в таком направлении, когда от каждого требуются максимальная креативность, инновативность, навыки приспособления ко все новым и новым ситуациям и вызовам. Это становится основой социального и персонального успеха. И я очень надеюсь, что опыт, приобретенный молодыми людьми на нашей конференции, будет для них очень полезным, более того, откроет для них новые пути творческого конструирования своей жизни.

Григорий Миненков,
профессор

FOREWORD

European Humanities University continues the tradition of publishing proceedings of international student scientific conferences that are organized by the university. Readers may familiarize themselves with the sixth issue of the proceedings that summarize the results of the conference held in May 2012. I have to point out that the conference is becoming more and more popular with young students. Over 300 students applied for the 2012 conference, and over 200 presentations were included in the conference program. The conference actively asserts its international status: among the participants were students from Belarus, Kazakhstan, Lithuania, Russia, Ukraine and other countries. I am especially glad to see the growing number of students from Belarusian universities who take part in our conferences.

To a great extent the 2012 conference followed the format of the preceding conferences. However, there were a few organizational changes. For example, a few round table discussions and interdisciplinary discussions were organized. Of great interest was the round table discussion *«Challenges of the global community and new functions of the legal profession (case Belarus-EHU: 20 years later)»*. Most of the participants were the graduates of the Law School of different years beginning with the first class of graduates. Another round table – *«Peculiarities of communicating the results of political campaigns in Be-*

larus» – was dedicated to the memory of the renowned Belarusian political scientist *Svetlana Andreevna Naumova*. The public debate «*Problems of Belarusian youth mobility*» was also held. Almost all the conference workshops had 2–3 panel discussions allowing to take into account the variety of the participants' interests and to promote the interdisciplinary dialogue of representatives of different fields of social and humanities knowledge. A special workshop was organized for Belarusian high school students who finished the distance course «*Democracy and human rights*». Plenary lectures were given by the famous Belarusian playwright *Andrey Kureichik*, Prof. *Charles Rice*, Head of School of Art and Design History at Kingston University, London, *Jean-Pierre Chapel*, deputy editor-in-chief of the newspaper d'Ouest-France, and *Jaroslaw Jerzy Kamenski*, staff member of Polish TV and Belsat TV. The introductory speech was made by the famous Lithuanian philosopher, member of the European Parliament Prof. Leonidas Donskis.

The discussion of the conference participants focused on the problem field that may be called «the practice of Europeanization». There is no need to substantiate the topicality of the problems connected with it for our region. It is true that self-determination of the countries and societies of the post-Soviet world is taking place in the context of the European horizon, no matter what one's attitude might be – negatively or positively. «The European adventure» (Z. Bauman) is now over yet; it is acquiring new dimensions and directions prioritizing European spiritual experience and critical rethinking of ourselves, which is so characteristic of the Europeans. In response to the challenges of the global, dynamically changing world that is growing to be more and more cosmopolitan, such «criticism of the historical experience» becomes the focal point of national and regional problems. In this or that way, practically all the presentations and papers at the conference dealt with these issues. As a result, there appeared an impressionable panorama of relevant intellectual quest and subsequent social practices.

The papers collected in this volume are only part of what was discussed at the conference. Hopefully, it is the better part. There is hardly any need to give the contents of the papers. The reader will be able to read for him/herself. But I would like to draw your attention to the range of the panorama of discussions. As a matter of fact, none of the topical social problems was ignored. The conference had both traditional workshops (on history, law, media, arts, etc.) and a couple of new ones. In particular, I would point out the workshops that dealt with the problems of modern higher education and religious processes in the countries of Central and Eastern Europe. The appearance of these themes is quite symptomatic. There is no doubt that today the problematics of education

is the main theoretical and practical problem. On the other hand, the crises that modern society goes through make people address different versions of spiritual experience that are closely connected with educational practices.

The conference became a new stage in deepening young people's understanding of the problems of modern society. We hope that the discussion of these and other problems was of great importance for the further growth of the conference participants. Not all of them will become professional researchers of social problems. But modern society is developing in a direction when each person is expected to show ultimate creativity, innovative spirit, and skills of adapting to ever new situations and challenges. It is becoming the basis of social and professional success. And I do hope that the experience which the young people got at the conference will be of great use for them and, moreover, will open up new ways of constructing their life creatively.

Prof. *Ryhor Miniankou*

ГІСТОРЫЯ І КУЛЬТУРА БЕЛАРУСІ: МІНУЛАЕ І СУЧАСНАСЦЬ

Аляксандр Луцэвіч
(Мінск, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт)

СУЧАСНАЯ БЕЛАРУСКАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ: ПРАБЛЕМЫ ФУНКЦЫЯНАВАННЯ БЕЛАРУСКА-ЛІТОЎСКІХ ВАЕННЫХ ФАРМІРАВАННЯЎ У СКЛАДЗЕ АРМІІ НАПАЛЕОНА Ў 1812 г.

This paper is concerned with the development of the Belarusian historiography regarding the problem of formation and activities of the Belarusian-Lithuanian military units in the army of Napoleon in 1812. It examines all the existing scientific articles and monographs published from 1991 to the current period, devoted to the problem. The author concludes that today we have a good foundation of numerous scientific articles to create a summarizing monograph on the functioning of the «last army of the Grand Duchy Lithuania» in 1812.

Айчынная гістарыяграфія вайны 1812 г. доўгі час развівалася ў русле агульнасавецкіх падыходаў да праблемы [1; 8; 9]. Пасля атрымання Рэспублікай Беларусь незалежнасці гістарыяграфія зрабіла моцны рывок наперад і прадставіла шматлікія новыя даследаванні па розных аспектах беларускай гісторыі падчас вайны 1812 г.

У пачатку 1990-х выпрацоўваўся новы погляд на дадзеную вайну, больш увагі надавалася ролі ў ёй беларускіх зямель. І хаця манаграфічных даследаванняў, прысвечаных дзейнасці беларуска-літоўскіх фарміраванняў падчас вайны 1812 г. на баку арміі Напалеона, да гэтага часу не створана, існуе пэўная колькасць даволі грунтоўных артыкулаў. Гэтыя працы можна падзяліць на некалькі груп: першым блокам можна выдзеліць даследаванні, якія цалкам прысвечаны тэме беларуска-літоўскіх фарміраванняў на баку Напалеона. Другім блокам зазначым працы, якія тычацца разгляду шырокага кола праблем, якія паўсталі ў працэсе адраджэння ВКЛ у 1812 г. Трэцяй жа часткай можна ўмоўна адзначыць краязнаўчыя даследванні па пэўных рэгіёнах Беларусі.

Такім чынам, пачнем разгляд сучаснай гістарыяграфіі з грунтоўнага артыкула, які непасрэдна тычыцца тэмы беларуска-літоўскіх фарміраванняў падчас вайны 1812 г. на баку арміі Напалеона – «Апошняя армія ВКЛ» С. Таляронка і А. Блінца [22]. Тут пададзена вельмі падрабязная інфармацыя аб войсках ВКЛ у 1812 г., даследуюцца ўмовы фарміравання палкоў, іх дзейнасць, аналізуецца нават рацыён харчавання салдат і інш. Аўтары імкнуцца як мага аб'ектыўна ацаніць дадзеную падзею, зазначаючы і бяздарнасць некаторых афіцэраў, якія куплялі чыны, і мужнасць большасці вайскоўцаў, і жаданне шляхты ВКЛ змагацца за свабоду, і выкарыстанне Напалеонам гэтых памкненняў у сваіх мэтах.

У артыкуле А. Блінца «Беларускія татары ў гвардыі Напалеона» [2] сабрана шмат матэрыялаў пра татарскую складаючую войска ВКЛ. У артыкуле змешчана даволі падрабязная інфармацыя аб працэсе фарміравання татарскага эскадрона, прыводзяцца ўрыўкі з дакументаў. Прыведзена таксама і адозва «да літоўскіх татар», у якой татары палымяна прызываюцца ў ствараемы корпус. Расказваецца ў артыкуле і пра ўзбраенне татар, пра іх абмундзіраванне. Паказваецца і далейшы лёс татарскага войска, рэшткі якога вымушаны былі даваць у 1815 г. парад галоўнакамандуючаму арміяй створанага Каралеўства Польскага Канстанціну Паўлавічу. Толькі пасля гэтага парада ім было дазволена вярнуцца дадому.

У артыкуле «Для Беларусі гэтая вайна не была Айчыннай» [23] С. Таляронак спрабуе адказаць на пытанне, чаму польскае і пераважна беларускае дваранства [23, с. 2] выступіла на баку Напалеона. Аўтар даследуе і тыя колы грамадства, якія не падтрымалі новай улады, піша пра салдат, якія знаходзіліся на расійскай службе. Па праблеме вайсковых фарміраванняў С. Таляронак спыняецца на ўтворанай са студэнтаў Віленскага ўніверсітэта нацыянальнай гвардыі, распавядае пра яе фарміраванне і баявы шлях. Аўтар прыходзіць да высновы, што для Беларусі гэтая вайна не была Айчыннай.

У артыкуле І. Кудрашова «Узброеныя сілы Літоўскага княства ў 1812 г.» [10] вывучаюцца фарміраванне і дзейнасць арміі ВКЛ, прыводзяцца цікавыя звесткі аб абмундзіраванні вайскоўцаў. І. Кудрашоў прыходзіць да цікавай высновы: армія мела цяжкасці менавіта з абмундзіраваннем, узбраеннем, але не з наборам людзей (прыводзіць нават дадзеныя аб шматлікіх дэзерцірствах з расійскай арміі ў атрады ВКЛ).

Шмат прац разглядаемай праблеме прысвяціў В.В. Швед. У яго артыкуле «Фарміраванне і дзейнасць арміі ВКЛ (1812–1815)» [28] распавядаецца не толькі пра сфарміраваныя палкі, але і пра спецыфіку набору з

кожнай губерні, умовах паступлення на службу, даследуюцца пытанні адміністратыўнага кіравання войскамі, адзначаецца прысутнасць грамадзян ВКЛ у палках, якія фарміраваліся не на тэрыторыі самога княства.

Праблемам агульнага становішча беларускіх зямель у разглядаемы перыяд прысвечана іншае даследванне В.В. Шведа – «Вялікае княства Літоўскае ў 1812 г.» [29]. У ім аўтар, карыстаючыся шматлікімі даследаваннямі польскіх гісторыкаў, засяроджвае ўвагу на разглядзе дзейнасці Камісіі Часовага ўрада ВКЛ.

У краязнаўчым артыкуле таго ж В.В. Шведа «Губернскі Гродна» [30] гісторык прыводзіць інфармацыю пра гродзенскую жандармерыю, абмундзіраванне і ўзбраенне гэтых палкоў падчас вайны 1812 г. У якасці своеасаблівай абагульняючай працы ў адносінах да Гродзенскага рэгіёна можна прывесці сумеснае даследаванне В.В. Шведа і С. Данскіх «Заходні рэгіён Беларусі ў часы напалеонаўскіх войнаў (1805–1815 гг.)» [27]. Вайсковым фарміраванням ВКЛ прысвечана глава «Заходні рэгіён Беларусі і апошняя армія ВКЛ».

С. Данскіх таксама з'яўляецца аўтарам артыкула «Рэкруцкія наборы на тэрыторыі Гродзенскай губерні ў час напалеонаўскіх войнаў (1802–1815)» [5]. У ім аўтар праводзіць паралель паміж рэкруцкім наборам, што праводзіў расійскі ўрад напярэдадні вайны, і наборам у «апошнюю армію ВКЛ». Прыводзяцца працэнтныя суадносіны запатрабаваных французскімі ўладамі да прызыву салдат і паказчыкі з тэрыторыі Гродзенскай губерні, расказваецца аб умовах стварэння «народнай гвардыі» ў самім горадзе Гродна, а таксама пра ўмовы паступлення ў яе.

К. Тарасаў у артыкуле «Беларусы ў напалеонаўскай гвардыі» [24] разглядаў праблему сварэння беларуска-літоўскіх ваенных фарміраванняў у складзе арміі ВКЛ з пункту гледжання авантуры з боку некаторых колаў беларуска-літоўскага грамадства, рамантычнага кроку мясцовай шляхты. У артыкуле «Насустрач уласнай пагібелі» (размешчаным у кнізе «Памяць пра легенды: постаці беларускай мінуўшчыны») [25] К. Тарасаў робіць акцэнт на дваістасці гэтай вайны. Ён ставіць з аднаго боку сярэднюю і буйную шляхты ВКЛ, якія імкнуліся адрадзіць дзяржаву, а з іншага – сялян, якім гэтыя памкненні былі нецікавыя. У гэтым артыкуле падаюцца і малавядомыя факты аб фарміраванні ўласных палкоў беларускіх магнатаў, а таксама пра невялікія атрады з беларусаў, якія ўвайшлі ў склад польскіх войскаў.

Карысныя звесткі аб удзеле татар у беларуска-літоўскіх вайсковых фарміраваннях можна знайсці ў кнізе «Беларускія татары: мінулае і сучаснасць», аўтарамі якой з'яўляюцца С. Думін і І. Канапацкі [6]. Тут ма-

ецца матэрыял аб татарскім эскадроне ў арміі ВКЛ, распавядаецца пра яго фарміраванне і лёс, адзначаецца незайздроснае становішча татар, як, дарэчы, і беларусаў, палякаў, украінцаў, літоўцаў, бо яны знаходзіліся з абодвух бакоў фронту.

І своеасаблівай падагульняючай працай менавіта па тэме дзейнасці беларуска-літоўскага войска ў 1812 г. можна назваць кнігу В.А. Лякіна «Беларускія палі бітваў 1812 года» [18]. У ёй закранаецца шырокае кола праблем, звязаных з дзейнасцю арміі ВКЛ, а таксама змешчана інфармацыя пра кожны з баёў на тэрыторыі Беларусі, у якім удзельнічалі новаўтвораныя войскі. Гэтае выданне змяшчае ў сабе вельмі змястоўныя, нават энцыклапедычныя дадзеныя па тэме беларуска-літоўскіх фарміраванняў падчас вайны 1812 г. на баку арміі Напалеона: прыводзяцца лічбы па сфарміраванай арміі ВКЛ, звесткі аб яе ўзбраенні, абмундзіраванні; характарызуецца кожны бой на тэрыторыі Беларусі, у якім удзельнічалі новаўтвораныя войскі княства.

Адзначым, што і ў агульных працах па вайне 1812 г. прыводзяцца дадзеныя па праблеме дзейнасці беларуска-літоўскіх фарміраванняў падчас вайны 1812 г. на баку арміі Напалеона.

У артыкуле Я. Ліса «Палітыка Напалеона на Беларусі» [11] прыводзіцца падрабязная інфармацыя пра фарміраванне жандармерыі, пра яе функцыі, структуру, умовы праходжання службы. Што тычыцца рэгулярных войскаў, то тут гісторык выказвае думкі аб прычынах, з-за якіх Напалеон не змог сабраць неабходную колькасць войскаў з беларускіх тэрыторый (з нагоды таго, што ў пачатку 1812 г. Расійская імперыя правяла тут рэкруцкі набор). Такім чынам, аўтар прыходзіць да высновы, што «літоўска-беларуская карта была разыграна з яшчэ большай жорсткасцю і цяжэйшымі наступствамі для народу краю, чым гэта было зроблена імператарам Аляксандрам I» [11, с. 122]. Падобнага пункту гледжання прытрымліваецца і А. Філатава ў артыкуле «Паміж Парыжам і Масквой» [26], якая, разглядаючы фарміраванне войскаў ВКЛ у 1812 г., адзначае, што па сутнасці адна акупацыя змянялася іншай. З. Шыбека ў кнізе «Нарысы гісторыі Беларусі. 1795–2000» [31], прыводзячы дадзеныя пра фарміраванне войскаў ВКЛ, зазначае, што па сутнасці беларусы выкарыстоўваліся як «пушачнае мяса» і тымі, і іншымі. З такіх жа пазіцый падыходзіць і В. Піліпчык у артыкуле «1812 год: грамадзянская вайна?» [20]. Даволі цікавай інфармацыяй з гэтай кнігі з’яўляюцца звесткі пра колькасць забітых і параненых польскіх і літоўскіх (беларускіх) афіцэраў падчас пераправы французскага войска праз Беразіну, якую з левага фланга прыкрывалі атрады арміі ВКЛ.

Неадназначнасць абстаноўкі на беларускіх землях падчас французскай акупацыі аналізуе В. Галубовіч у артыкуле «Напалеон на Беларусі» [4]. Аўтар, адзначаючы мужнасць беларуска-літоўскага войска, гаворыць і пра шматлікія беды, якія прынесла «Вялікая Армія», бо марадзёрства з яе боку хутка пачало прымаць пагражаючы характар. Што тычыцца арміі ВКЛ, то тут паказана яе фарміраванне, а таксама ўтварэнне асобных атрадаў, якія не ўваходзілі ў заяўленыя 9 палкоў пяхоты і ўланаў. Цікавай падаецца і інфармацыя аб тым, з якой мясцовасці набіраліся салдаты ў асобныя палкі.

І. Несцярчук у артыкуле «У агні 1812 г., альбо на якім баку змагаліся беларусы» [19] спыняецца на разглядзе ваенных дзеянняў 18-га ўланскага і 22-га пяхотнага палкоў, а такама расказвае пра разгром 3-га легкаконнага палка генерала Канопкі.

Самым буйным даследчыкам вайны 1812 г. на тэрыторыі Беларусі з'яўляецца А.М. Лукашэвіч. Пад яго аўтарствам выйшла вялікая колькасць прац, прысвечаных разнастайным праблемам дадзенай падзеі сусветнай гісторыі. У сваіх артыкулах ён даследуе палітычнае становішча напярэдадні вайны [16], інжынерна-тапаграфічную падрыхтоўку расійскіх войск [14], матэрыяльныя страты Беларусі ў сувязі з вайною [12], становішча беларускай шляхты ў гэты перыяд і шматлікія іншыя праблемы [13; 17]. Трэба адзначыць вучэбна-метадычны комплекс «Беларусь напярэдадні і ў час вайны 1812 г.» [17]. У ім А.М. Лукашэвіч разглядае ўсе асноўныя аспекты франка-рускай вайны на тэрыторыі Беларусі, у тым ліку прысвячае главу і беларуска-літоўскім фарміраванням у складзе арміі Напалеона.

Большасць краязнаўчых прац, у сваю чаргу, прысвечана становішчу Гродзенскага дэпартамента падчас вайны 1812 г. Так, Слонімскаму павету прысвечана кніга В. Супруна «Дзеі над Шчарай» [21]. Галоўная ўвага ў апісанні падзей 1812 г. на тэрыторыі павета надаецца працэсу фарміравання палка генерала Канопкі, а таксама апісваецца бой, пры якім ён быў разгромлены. Даследчык распавядае і пра фарміраванне ў Слоніме народнай гвардыі і жандармерыі.

Пра становішча Навагрудскага павета падчас вайны 1812 г. піша М.П. Гайба ў даследаванні «Навагрудак. Гістарычны нарыс» [3]. Аўтар гаворыць пра стварэнне ў горадзе новай улады, уладкаванне гэтага рэгіёна. Што тычыцца беларуска-літоўскіх вайсковых фарміраванняў, то тут прыводзяцца звесткі пра створаны ў горадзе полк уланаў, які «разам з польскімі часцямі рушыў на ўсход» [3, с. 116].

Адзначым у шэрагу краязнаўчых артыкулаў і артыкул А.У. Ерашэвіча «Старонкі гісторыі Берасцейскага павета ў перыяд напалеонаўскіх вой-

наў (1805–1815)» [7], дзе аўтар падае разнастайныя звесткі пра дзейнасць беларуска-літоўскіх войскаў, фарміраванні пехацінцаў, уланаў, жандармаў, стральцоў у Брэсцкай падпрэфектуры Гродзенскага дэпартамента. Цікавую інфармацыю прыводзіць аўтар наконт фарміравання былым польскім стражнікам А. Мержаеўскім палка з уласных сялян, дакументальных звестак пра які, на жаль, амаль не засталося.

Такім чынам, пасля 1991 г. увага ў даследаваннях айчынных гісторыкаў стала засяроджвацца менавіта на праблемах беларускіх зямель падчас вайны 1812 г., у тым ліку і на асобнай тэме беларуска-літоўскіх фарміраванняў ВКЛ у 1812 г. на баку арміі Напалеона.

Зыходзячы з гэтага, можна адзначыць, што праца ў накірунку вывучэння своеасаблівасці месца беларускіх зямель вызначаецца вялікай колькасцю артыкулаў, прысвечаных дадзеным праблемам, і ў той жа час адсутнасцю манаграфічных даследаванняў менавіта па праблеме беларуска-літоўскіх ваенных фарміраванняў на баку арміі Напалеона. Існуючыя даследавані можна ўмоўна падзяліць на тры катэгорыі: артыкулы па тэме дзейнасці беларуска-літоўскіх фарміраванняў падчас вайны 1812 г. на баку арміі Напалеона; даследаванні па шматлікіх праблемах вайны 1812 г., у тым ліку і становішча беларускіх зямель у гэты перыяд; краязнаўчыя артыкулы, прысвечаныя аднаму з рэгіёнаў аднооўленага ў 1812 г. ВКЛ падчас французска-рускай вайны. Дадзеныя працы назапасілі ў сабе шмат факталагічнага матэрыялу і з'яўляюцца добрым падмуркам для падрыхтоўкі манаграфіі па праблеме ўдзелу ўзброеных аддзелаў беларускай шляхты ў складзе апошняй арміі ВКЛ на баку імператара Францыі Напалеона.

Літаратура

1. Аржаева, Л., Шапкина, Г. События Отечественной войны 1812 года на Гродненщине (по документам Гродненского исторического архива) // Гродненская правда. – 1957. – 19 июля.
2. Блінец, А. Беларускія татары ў гвардыі Напалеона // Спадчына. – 1997. – № 6.
3. Гайба, М.П. Навагрудак. Гістарычны нарыс. – Навагрудак, 1992.
4. Галубовіч, В. Напалеон на Беларусі // За передовую науку. – 1990. – 29 июня.
5. Данскіх, С. Рэкруцкія наборы на тэрыторыі Гродзенскай губерні ў час напалеонаўскіх войнаў (1802–1815) // Французская рэвалюцыя і лёсы свету. – Мінск, 1999.
6. Думін, С., Канапацкі, І. Беларускія татары: мінулае і сучаснасць. – Мінск, 1993.
7. Ерашэвіч, А.У. Старонкі гісторыі Берасцейскага павета ў перыяд напалеонаўскіх войнаў (1805–1815) // Берасцейскі хранограф: зб. навук. прац. – Брэст, 2002. – Вып. 3.

8. Клюкин, Н.В. Могилев: ист.-геогр. и экон. очерк. – Минск, 1963.
9. Корнейчик, Е.И. Белорусский народ в Отечественной войне 1812 года. – Минск, 1962.
10. Кудряшов, И.Ю. Вооруженные силы Литовского княжества 1812 г. – М., 1991.
11. Ліс, Я. Палітыка Напалеона на Беларусі // Спадчына. – 1996. – № 5.
12. Лукашевич, А.М. Источники Национального исторического архива Беларуси о размерах материального ущерба, нанесенного войной 1812 г. населению белорусских земель // Беларус. археаграфічны штогоднік. – Мінск, 2010. – Вып. 11. – С. 145–156.
13. Лукашэвіч, А. 1812 г. і Беларусь // Беларуская думка. – 2007. – № 8. – С. 119–124.
14. Лукашэвіч, А. Вывучэнне Беларусі як верагоднага тэатра ваенных дзеянняў (1810–1812) // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2006. – № 1. – С. 15–22.
15. Лукашэвіч, А.М. Чыншавая шляхта Беларусі ў ваенных планах Расійскай імперыі (канец XVIII ст. – 1812 г.) // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. рэдкал.: У.К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2007. – Вып. 2. – С. 45–51.
16. Лукашевич, А.М. Политическая ситуация в белорусско-польском пограничье и ее оценка российским руководством по данным разведки и контрразведки (1801–1812 гг.). – Минск: ИНБ Республики Беларусь, 2009.
17. Лукашэвіч, А.М. Беларусь напярэдадні і ў час вайны 1812 г.: вучэб.-метад. комплекс. – Мінск: БДУ, 2004.
18. Лякин, В.А. Белорусские поля сражений 1812 года: военно-историческая хроника. – Минск, 2009.
19. Несцярчук, Л.М. У агні 1812 г., альбо на якім баку змагаліся беларусы. – Брэст, 1990.
20. Піліпчык, В. 1812 год: Грамадзянская вайна // ЛІМ. – 1993. – 12 сакавіка.
21. Супрун, В. Дзеі над Шчарай: з гісторыі зямлі Слонімскай. – Слонім, 2000.
22. Таляронак, С., Блінец, А. Апошняя армія ВКЛ (1812–1814 гг.) // Бел. гіст. часоп. – 1996. – № 2.
23. Таляронак, С. Для Беларусі гэта вайна не была Айчыннай // Звязда. – 1992. – 16 верасня.
24. Тарасаў, К. Беларусы ў напалеонаўскай гвардыі // Звязда. – 1992. – 24 верасня.
25. Тарасаў, К. Памяць пра легенды: постаці беларускай мінуўшчыны. – Мінск, 1994.
26. Філатава, А. Паміж Парыжам і Масквой: 1812 год і Беларусь // Культура. – 1992. – 9 лістапада.
27. Швед, В., Данскіх, С. Заходні рэгіён Беларусі ў часы напалеонаўскіх войнаў (1805–1815 гг.). – Гродна, 2006.
28. Швед, В.В. Фарміраванне і дзейнасць арміі ВКЛ (1812–1815) // Веснік Брэсцкага універсітэта: мовазнаўства, літаратуразнаўства, права, гісторыя, педагогіка. – 2000. – № 1.
29. Швед, В.В. Вялікае княства Літоўскае 1812 года // БГЧ. – 2000. – № 3.
30. Швед, В.В. Губернскі Гродна: аповеды з гісторыі горада (канец XVIII – пач. XX ст.). – Гродна, 2003.
31. Шыбека, З. Нарысы гісторыі Беларусі. 1775–2002. – Мінск, 2003.

Піліп Падбярозкін
(Мінск, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт)

СЛУЖБА ВЫВЕДКІ МАСКОЎСКАЙ ДЗЯРЖАВЫ НА ПАМЕЖЖЫ З РЭЧЧУ ПАСПАЛІТАЙ У 1652–1654 гг. (па дакументах Разраднага прыказа)

The documents of the Razryadny Prikaz (a kind of medieval ministry in Muscovy) show the system and methods of Russian intelligence service during the short period (1652–1654) before the Russian-Polish war (1654–1667). We also can name the categories of people who were selected for working in the intelligence service: Cossacks, monks, peasants, merchants and other loyal Orthodox believers. During the XVIIth century the payment and providing system of the Russian intelligence service continued to improve from simple local forms to a centralized state system. The intelligence service significantly contributed to the Russian victorious campaigns in 1654–1655.

Асаблівасці памежнага становішча з 1618 г. Пасля заключэння Дэўлінскага перамір'я 1618 г. на межах Рускай дзяржавы з Рэччу Паспалітай складваецца своеасаблівае становішча. Да каталіцкай Польска-Літоўскай дзяржавы адышлі землі з пераважна праваслаўным насельніцтвам. Паміж асобнымі мясцовасцямі, нягледзячы на праходжанне паміж імі дзяржаўных меж, працягвалі захоўвацца трывалыя гаспадарчыя, гандлёвыя, роднасныя і іншыя сувязі, што рабіла мясцовых жыхароў патэнцыяльнымі фігурантамі выведкі аднаго з бакоў.

Асабліва карыснымі інфарматарамі звычайна выступалі тыя людзі, якія, маючы сувязі па той бок мяжы, з'яўляліся «асобамі даверу» – звычайна гэта былі духоўныя асобы. Напрыклад, старац Нікольскага манастыра Герман «ездил в порубежную деревню Есмань для взятку оставленной монастырской своей рухляди (нерухомасці. – *П.П.*)» [10, с. 308]. За

мяжой старац сустрэўся з селянінам Данілкам, які распавёў яму аб рухах палкоўніка нежынскага Івана Залатарэнкі. Пазней інфармацыя была перададзена сеўскаму ваяводзе Афанасію Бутурліну, а адтуль – у Маскву. Каштоўным інфарматарам рускай выведкі быў ігумен «с литовской стороны» Феадосій, які падарожнічаў у Варшаву [8, с. 309]. У снежні 1652 г. Аляксей Міхайлавіч загадаў «в литовскую сторону» з мэтамі «проведывать подлинно вестей» заслаць «торговых людей» [2, с. 290].

Ва ўмовах недасканалай аховы мяжы рабіўся магчымым паспяховы збор інфармацыі. Поспех быў за тым бокам, які б найбольш удала скарыстаўся з дадзеных абставін. Мясцовае праваслаўнае насельніцтва патэнцыяльна ўжо было лаяльным да Рускай дзяржавы. Значыцца, ініцыятыва павінна была належыць менавіта Маскве.

Наша задача – на падставе апублікаваных крыніц Разраднага прыказа – т.зв. «веставых стаўбцоў» – паспрабаваць раскрыць ролю выведкі ў храналагічны перыяд 1652–1654 гг. – час актыўнай падрыхтоўкі Рускай дзяржавы да ваенных дзеянняў на заходнім напрамку.

Дакументы Разраднага прыказа як крыніца па гісторыі выведкі. Разрадны прыказ – ваеннае і адміністрацыйнае ведамства Рускай дзяржавы – пакінуў пасля сябе каштоўную дакументальную спадчыну, дзякуючы якой сучасны даследчык мае магчымасць карыстацца пэўным комплексам крыніц па асобных навуковых праблемах, прысвечаных ваеннай, дыпламатычнай і сацыяльнай гісторыі. Для даследавання дзейнасці рускай выведкі XVII ст. дакументы Разраднага прыказа з'яўляюцца фактычна асноўнай групай крыніц. У Рускай дзяржавы XVII ст., калі яшчэ не было асобных устаноў для збору звестак аб праціўніку і існавала трывалае становішча ваеннай пагрозы на межах з Польска-Літоўскай дзяржавай, пошуку аб'ектыўнай інфармацыі шляхам выведкі надавалася ўсё большая роля.

Перыяд 1652–1654 гг. у дакументах Разраднага прыказа. Дадзены перыяд трэба разглядаць у якасці асобнага ў дзейнасці выведкі па наступных прычынах. У гэты час у дакументах прыказа (адрозна ад перыяду больш ранняга, дзе пераважнае месца займае «татарская», «чаркаская» тэматыка, звязаныя з тэмай паўстання на Украіне) вялікая ўвага надаецца збору звестак аб руху літоўскіх ваенных кантынгентаў і дзеяннях палявых камандуючых, канцэнтрацыі сіл і ўзбраення. І гэта невыпадкова – менавіта ў 1652 г. каронная армія цярпіць буйнейшыя паразы ад паўстанцаў пад Батогам і Жванцом. Рэч Паспалітая знаходзіцца на мяжы ваеннай катастрофы, і ў Маскве мэтанакіравана пачынаюць рыхтавацца да будучай вайны. А значыць, актывізуецца і памежная

выведка. У пэўныя адрэзкі перыяду 1652–1654 гг. выведку цікавіла тое ці іншае пытанне. Таму паспрабуем разгледзець яе дзейнасць тэматычна і храналагічна.

2 жніўня 1652 г. белгарадскі ваявода Емельян Бутурлін па царскаму даручэнню даслаў «в козачии города черкас Сеньку Маленького до Павлика Калинникова… для проведыванья вестей за рубежом в польской стороне в козачьих городех… в Веприке да в Гадиче» [2, с. 290]. Пасланцы прыехалі ў вышэйназваныя гарады, але далей іх не пусцілі, сказаўшы: «Ехать де вам далее того нельзя, туда де вас пропустят, а назад де не пропустят <…> во многих местех мор большой <…> поставлены заставы крепкие <…> пропускать никого не велено». Такім чынам, адной з галоўных тэм, якая цікавіла цара на працягу позняга лета – восені 1652 г., была верагоднасць дадзенай інфармацыі, як убачым – нездарма. З адпіскі вольнаўскага ваяводы Плешчэева ад 2 верасня мы даведваемся, што да апошняга 26 жніўня 1652 г. «…приехали курчане Любимка Малютин да пушкарь Куземка Халезев» [7, с. 291]. Па паказаннях Малюціна і Халезева выявілася, што, насамрэч, ніякага «морового поветрия нет», а задумана яно было якраз дзеля таго, каб «…государевы люди в их сторону не ездили <…> боясь на себя приходу твоего государева боярина и воеводы, князя Григорья Семеновича Куракина с ратными людьми». Атаманы пыталіся ў Малюціна і Халезева, па якой прычыне баярын Куракін «с ратными людьми идет к литовскому рубежу». «Лазутчыкі» тлумачылі гэта тым, што баярын «ходил по черте крепостей осматривать от приходу крымских людей». Такім чынам, легенда аб «моровом поветрии» была сфабрыкавана мясцовымі казацкімі даводцамі для прадухілення прыходу войск баярына Куракіна, якія маглі спустошыць акругу. Іншая ж версія ў тым, што такім чынам атаманы хацелі перашкодзіць дзейнасці іншаземнай выведкі на сваёй тэрыторыі (Украіна на 1652 г. яшчэ не была звязана дамоўленасцямі з Рускай дзяржавай). Магчыма, менавіта такі метад «морового поветрия» быў прыменены пазней, ўжо рускім бокам [3, с. 344]. Нельга перабольшваць значэння выкарыстання метада «морового поветрия» – «учреждение застав» было звычайнай з'явай з-за пашыраных выпадкаў эпідэмічных захворванняў у той час.

Трывалай мэтай выведкі з 1648 г. заставаўся збор інфармацыі аб ходзе паўстання Хмяльніцкага на Украіне. Спецыяльна кранаць яе не будзем, зазначым толькі, што тыя ці іншыя вынікі барацьбы паўстанцаў уплывалі на далейшую палітыку Рускай дзяржавы ў адносінах да заходняга суседа ў цэлым. Так, менавіта пасля паразаў 1652 г. кароннай арміі назіраецца значная актывізацыя дзейнасці выведкі на ўсім працягу

мяжы, таксама як і мэтанакіраваных парушэнняў апошняй. Асабліва цікавілі маскоўскае кіраўніцтва адносіны казацкіх вярхоў з радавым казацтвам (на якое і была зроблена стаўка ў будучым).

У перыяд 1653–1654 гг. першачарговым пытаннем для выведкі была падрыхтоўка літоўскага камандавання да ваенных дзеянняў на маскоўскім напрамку. 8 снежня 1652 г. казакі нежынскага палкоўніка Івана Залатарэнкі схапілі «в языцех поляка, и тот де поляк говорил, что поляком и литве нынешней осени по первому зимнему пути под Новгородок-Северской <…> приходить войною» [10, с. 308]. Хоць «палякі і літва» збіраліся дзейнічаць супраць нежынскага палкоўніка на Севершчыне, але ж пасля гэтага выпадку ўжо з восені 1653 г. тэма «літоўскай пагрозы» пачынае ўсё часцей з'яўляцца ў дакументах прыказа.

22 верасня «брянский посадской человек» Міцька Сапронаў данасіў ваяводзе Рыгору Далгарукаму аб тым, што «как де твои государевы послы прошли Смоленск, и после де их, неделю спустя, пришли в Смоленск Сапежанок, а с ним литовские люди» [6, с. 345]. Дадзеную інфармацыю падцвердзілі мяцовыя прымежныя сяляне. Дзякуючы параўнанню шматлікіх крыніц, у Маскву прышлі даволі аб'ектыўныя звесткі. У кастрычніку 1653 г. таропецкі ваявода Сцяпан Вельямінаў атрымаў звесткі аб тым, што «от литовских людей будет с московскими людьми война <…> и листы де по городам и по местечкам везде поприбиты <…> и от нас де литовская война будет <…> чтоб де нам наперед войском своим наступать в Московскую землю <…> а люди де готовы наши в Орше » [11, с. 346–347]. У снежні 1653 г. бранскі ваявода Рыгор Далгарукі падцвердзіў звесткі аб падрыхтоўцы літоўцаў да вайны [5, с. 353]. Ужо ў студзені 1654 г. Далгарукі атрымаў звесткі аб месцы планаваных udaраў літоўскай арміі: «…хотят де приходить литовские люди на Брянской и на Серпейской уезд» [4, с. 357]. Гэтую ж інфармацыю ўдакладнілі і яблонаўскія ваяводы [13, с. 358]. Тэма «пагрозы» усё часцей прасочваецца ў далейшых адпісках за 1654 г. Становішча ўскладнялі і выпадкі затрымання «падазроных» на памежжы [14, с. 359].

Такім чынам, у пэўных адрэзках часу за 1652–1654 гг. мы назіраем засяроджанасць царскага кіраўніцтва на асобных мэтах збору інфармацыі («моровое поветрие», «літоўская пагроза», інфармацыя аб рухах паўстанцкіх войск і г.д.).

Рэкрутаванне і метады дзейнасці «лазутчыкаў». Тут мы маем справу з «лазутчыкамі» – людзьмі, якія спецыяльна пасылаліся з мэтай збору інфармацыі. Найбольш поўна апісаны метады адбору шпегаў у адпісцы яблонаўскага ваяводы Рыгора Куракіна за верасень 1652 г. Цар

патрабуе ўзяць «с Корочи, и с Белгорода, и с Царева, с Усерда по доброму человеку черкас, а велеть допрошать… чтоб их послать в Литовскую сторону» [12, с. 294], «добрых и знающих людей». Такім чынам, дзеля нагляду за ходам паўстання на Украіне бяруцца людзі з чатырох розных гарадоў, якія, відаць, маюць нейкія асабістыя якасці («добрые и знающие»). Гэта «черкасы» – што значыць людзі, якія будуць сваімі на гэтай тэрыторыі (па такім жа прынцыпе «сваіх» у «лазутчыкі» бралі праваслаўных манахаў і сялян). Шпегаў яшчэ трэба «допрошать» – г.зн. праверыць іх добранадзейнасць і даць пэўную задачу. Далей: «…а отпустили есте тех черкас в Литовскую сторону не в одно время, по одному, чтоб те черкасы меж себя, и сторонние черкасы, того отпуска не ведали» [12, с. 295]. Лазутчыкі пасылаюцца адасоблена, у выпадку ж правалу аднаго з іх шкода агульнай справе з’яўляецца мінімальнай (нават пад катаваннем шпег не можа выдаць іншых, бо ён іх наўпрост не ведае). «А велели бы есте им в Литовской стороне побыть не малое время, чтоб в Литовской стороне доведаться подлинных вестей…» Пэўны (не вельмі кароткі) адрэзак часу знаходжання за мяжой дазволіць лазутчыкам здабываць больш верагодныя і поўныя звесткі, карыстаючыся часовай перспектывай і магчымасцю ўдакладняць інфармацыю з розных крыніц. «Будет их в Литовской стороне узнают, что они приехали из нашей стороны проведывать вестей, и они бы сказывали, что они не хотя быть в нашей стороне, отъехали в Литовскую сторону, хотячи служити в Литовской стороне». Яскрава бачны своеасаблівы зародак «легенды» выведніка, якой ён будзе карыстацца ў выпадку правалу.

Забеспячэнне. «И вы б тем черкасом для тех посылок дали нашего денежнаго жалованья рублей по 6 и по 7 рублей, а самым добрым, от которых знаете всякаго добра и службы, и вы б тем дали нашего жалованья и по 8 рублей; а будет у каких лошади худы <…> дати по драгунской лошади». Бачым прынцып грашовага заахвочвання. Невядома дакладна, на які тэрмін лазутчыкам выдаткоўваліся такія грошы. Тым не менш, гэта была даволі вялікая сума. Параўнаем: радавы іншаземны дваранін палка новага ўзору атрымліваў 1,05 руб. у месяц, прапаршчык – 1,50 руб., капітан – 7 руб., звычайны стралец (не маскоўскі) атрымліваў каля 3,5 руб. штогод, ніжэйшы афіцэрскі чын (дзесятнік) – 3 руб. 75 кап., сярэдні (пяцідзесятнік) – 4 руб. адпаведна. Рубль тады складаў ля 100 кап., 100 кап. каштаваў добры конь. Лазутчык, як мяркуем, пасылаўся на нявызначаны тэрмін і мог вяртацца за новым акладам. Як бачым, гэтых грошай было дастаткова на доўгатэрміновую дзейнасць за мяжой. Ёсць спроба далейшага карыстання паслугамі «добрых лазутчыкаў» – крокі да прафесія-

налізацыі дадзенай справы. Існавала трывалая сістэма забеспячэння шпегаў усім неабходным рыштункам, што адзначалася дакументальна.

Заключэнне. У абставінах трывалай ваеннай небяспекі на межах у Рускай дзяржаве XVII ст. працягвае фарміравацца сістэма забеспячэння ваеннага кіраўніцтва інфармацыяй аб праціўніку. Своеасаблівае становішча на прымежных тэрыторыях з Польска-Літоўскай дзяржавай, дзе абсалютная большасць насельніцтва была праваслаўнай і лаяльнай да ўсходняга суседа, дазваляла ў яшчэ большых маштабах разгарнуць актыўнасць выведкі, удакладняць метады яе дзейнасці. Спецыяльнага інстытута для збору звестак яшчэ не існавала, таму галоўнымі крыніцамі па праблематыцы дзейнасці рускай выведкі таго часу з'яўляюцца дакументы Разраднага прыказа, «вестовые столбцы», якія можна групаваць у пэўныя тэматычныя часткі.

Неабходна было б звярнуць увагу на тое, як актывізацыя рускай выведкі ў перадваенны час (1652–1654 гг.) магла быць адным з чыннікаў паспяховасці ваенных кампаній рускіх войск 1654–1655 гг.

Літаратура

1. Государева грамота Брянскому воеводе Долгорукому о посылке в литовскую сторону торговых людей для собирания вестей // Акты Московского государства (далее – АМГ). – Спб., 1894. – Т. II.
2. Отписка Белгородскаго воеводы Бутурлина о моровом поветрии в черкасских городах и о крымских черкасских и польских вестях // АМГ. – Т. II.
3. Отписка боярина В.П. Шереметева с товарищами о получении вестей про моровое поветрие в черкасских городах, и об учреждении застав // АМГ. – Т. II.
4. Отписка Брянскаго воеводы Гр. Далгарукава с приложением расспросных речей о перемирии Б. Хмельницкаго с польским королем, и о намерении поляков идти на Русь // АМГ. – Т. II.
5. Отписка Брянскаго воеводы Гр. Долгорукова о вестях про прибылых людей в Смоленск // АМГ. – Т. II.
6. Отписка Брянскаго воеводы Гр. Долгорукова о вестях, что в Смоленск пришли прибылые люди // АМГ. – Т. II.
7. Отписка вольновскаго воеводы Дм. Плещеева о моровом поветрии в черкасских городах, и о черкасских вестях // АМГ. – Т. II.
8. Отписка Вяземскаго воеводы Ивана Хованскаго о посылке письма литовскаго выходца игумена Феодосия в Москву // АМГ. – Т. II.
9. Отписка Путивльскаго воеводы Ф. Хилкова о турских и польских вестях, полученных от греческих выходцев // АМГ. – Т. II.
10. Отписка Севскаго воеводы А. Бутурлина об отсылке в Москву расспросных речей старца Германа о черкасских и польских вестях // АМГ. – Т. II.

11. Отписка Торопецкаго воеводы Степана Вельяминова о получении вестей, что литовские люди намерены вторгнуться в Русь без объявления войны // АМГ. – Т. II.
12. Отписка яблоновскаго воеводы Куракина о литовских, черкасских и крымских вестях; государев указ, и по нему грамота в ответ на отписку // АМГ. – Т. II.
13. Отписка яблоновских воевод В. Шереметева с товарищами о мире черкас с поляками и о намерении польских людей идти в Брянский и Серпейский уезды войною // АМГ. – Т. II.
14. Отписка яблоновских воевод о присылке указа: отпустить ли могилевских торговых людей, оказавшихся подозрительными относительно сообщения вестей в Литву, в Могилев, или задержать в Яблонове // АМГ. – Т. II.

Ольга Цадко
(Вильнюс, Европейский гуманитарный университет)

ПРОБЛЕМА ПОЛЕССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

The article deals with the problems of historical conditions that contributed to the formation of today's East Slavic nations. The phenomenon of ethnic identity as an element of a sustainable conservation community is analyzed. It allows to understand the process of Poleshuks' identity transformation. The current situation of Poleshuks' ethnic background as sub-ethnic groups on the territories of Belarus, Ukraine, Poland and Russia is considered in connection with the processes of ethnic competitive activation in the last decades of the 20th century and its causes and as a result – the organization of the «Polissie» national movement at the end of the 1980s.

Распад Российской империи в начале XX в. позволил осуществиться многим национальным проектам, что, в свою очередь, оказало значительное воздействие на формирование национальных идентичностей во вновь образовавшихся государствах в течение прошлого столетия и предопределило особенности государственности сегодняшних постсоциалистических стран. Одни национальные проекты реализовались, другие нет. Эрнест Геллнер называет этот процесс «игрой на выбывание» [5, с. 149]. Так, например, полесский регион, несмотря на свою обширность, этнические, языковые и антропологические особенности, остается разделенным между четырьмя государствами. Как это отразилось на полесской идентичности? И почему вопрос о полесской нации остается актуальным в современном обществе? Для того чтобы понять процесс трансформации полесской идентичности, необходимо провести

анализ исторических предпосылок, способствовавших становлению государственности сегодняшних восточно-славянских наций.

Территория современного Полесья имеет древнюю историю. Этот момент особенно значим, так как история представляет собой один из важнейший компонентов в конструировании коллективной идентичности. «Самоидентификация происходит благодаря историям, определяющим нашу историческую индивидуальность» [7, с. 109].

После Первой мировой войны Полесье становится объектом и местом борьбы за территориальное владение между Беларусью и Украиной, а также между Польшей и Россией. В 1921 г. после подписания Рижского договора полесские земли были разделены: западная часть досталась Польше, восточная вошла в состав БССР.

В польской части Полесья было образовано Берестейское воеводство, которое подверглось активной аккультурации, главной целью которой было нивелирование белорусского и русского культурного воздействия. В результате это привело к обращению к местному уровню самосознания либо отсутствию самоидентификации, что проявилось в самоназвании «тутэйшыя», которым определяло себя местное население. То есть, возможно, причиной вытеснения понятия «самотождественного» в полесской памяти явилась экспансия соседних легитимных идентичностей. То, что полешуки не осознавали себя этносом, говорит не только о низком уровне самосознания. Существуя в «аграрном» [5, с. 150] обществе, б*о*льшая часть населения была безграмотной и потому имела весьма низкую необходимость в этническом самоопределении. Также следует отметить и крайне низкий уровень социальной мобильности в регионе.

Что касается политики БССР относительно Полесья, то вопросы территориальных границ союзных государств решался в Москве, где вопрос о самостоятельности региона не рассматривался.

После присоединения Западной Беларуси и Украины к Советскому Союзу в 1939 г. национальность «тутэйших» определялась в зависимости от места их проживания, в паспорта вписывалась титульная национальность: белорусы или украинцы.

Во время Второй мировой войны территории Полесья были включены в состав Рейхскомиссариата Украины, при этом немцы основывались на границах, установленных Брестским договором. В этот период на данных территориях началась активная украинизация, украинский язык был признал на Полесье официальным наряду с немецким [21, с. 326].

В послевоенное время велась пропаганда советской идентичности, которая использовала в своей основе русский язык и культуру. В результате политики русификации значительно снизилось количество граждан БССР, разговаривающих на родном языке и диалектах.

Однако, несмотря на исторические манипуляции памятью, не ассимилированные и не деэтнизированные полешуки никогда не отождествляли себя с этническими понятиями «белорус», «поляк», «украинец». Их называли полянами, бужанами, но не полешуками. На сегодняшний день они часто рассматривают себя с точки зрения узколокальных определений: «пинчуки», «волыняне», «берестюки». Присутствует также и самоназвание «полешуки», «полещуки». Однако длительно навязываемый чужеродной идеологией негативно окрашенный стереотип «полешука» как отсталого, темного человека также имел целью разрыв с идентичностью. Показателем успешной работы злоупотребления памятью является нередкое маловыразительное самоопределение полешуков как «местных», «тутошних».

Таким образом, социальные предпосылки, неоднозначность понятия «самотождественного» в полесской памяти, а также агрессивная политика соседних легитимных идентичностей явились причинами, которые не позволили сформировать более или менее устойчивое самосознание у населения Полесья.

Несмотря на все негативные предпосылки, не позволившие полешукам осознать себя единым этносом, на протяжении двух столетий возникали попытки популяризировать полесский язык и культуру. Об этом свидетельствуют различные литературные произведения, написанные на полесских диалектах. Среди них стихи поэтов Франца Савича и Миколы Янчука, комедия «Пинская шляхта»[1]. Центром возрождения полесской культуры в конце XIX – начале XX в. являлся город Пинск. Там работали гимназии и училища, Р. Скирмунтом был издан в 1907 г. полешуцкий букварь [21, с. 320].

Однако наличие отличных культурных особенностей, языковой специфики и исторического опыта само по себе не может сформировать ни устойчивую идентичность, ни нацию. Для активизации национальных процессов необходимо непосредственное участие интеллектуальных элит, которые не только создают культурную концепцию идентичности этноса, но и проводят мероприятия среди масс, способствующие поднятию национального самосознания. Полесское национальное дви-

[1] Ильин, А. Кто же является автором «Пинской шляхты»? // Гістарычная брама. – 2004. – № 1(22). – Режим доступа: http://brama.bereza.by.ru/nomer22/artic24.shtml.

жение стало явлением конца XX в. В результате развала СССР некоторые этнические меньшинства предпочли отличное от ранее установленного национального определения. В.А. Шнирельман отмечал, что необходимость в этногенетическом мифе возникает в условиях кризиса, «когда народ ведет борьбу за политическую самостоятельность, когда на развалинах империи возникают новые государства» [22].

Группа интеллектуалов под руководством филолога Н. Шеляговича создала в 1988 г. Общественно-культурное объединение «Полісьсе». Его целью являлась национальная и культурная автономия Западного Полесья, обусловленная правом «национального хозяина» [1, с. 1]. Свою деятельность участники общества характеризовали следующим образом: «Деятельность ОКО "Полісьсе"» основывается на серьезной научной базе, созданной работой ученых и западнополесской (ятвяжской) конференцией 1990 года, которые обоснованно доказывают тот, в общем-то, очевидный постулат о самостоятельности полешуцкого народа как этнической ценности, о беспричинности его отнесения то ли к белорусскому, то ли к украинскому, а уж тем более произвольного разделения» [6, с. 1].

Данная организация на этапе своего возникновения вызвала большой интерес в рядах минской и брестской интеллигенции. К своей деятельности «Полісьсе» привлекло многих известных ученых, исследователей, филологов и историков, писателей и поэтов.

Объединение способствовало активному развитию полесского литературного творчества, изданию книг на западно-полесских диалектах. В 1989–1995 гг. печаталась газета «Збудіння», проводились конференции, фестивали, были организованы политические партии. Н. Шелягович также баллотировался в президенты в 1994 г. Также следует отметить попытку создания обществом полесского литературного языка. В этом ключе соратники Н. Шеляговича рассматривали литературный язык как показатель «культурной зрелости» народа. В.А. Шнирельман говорит, что «из всего культурного наследия особую ценность в глазах этнонационалистов имеют письменность и государственность, которые, по мнению многих из них, и делают народ "культурным"» [22]. Полесский язык не имел исторически утвержденной лингвистической консолидации. Идеологи использовали исследования некоторых лингвистов, в том числе Христиана Станга, который утверждал, что официальные документы раннего Великого Княжества Литовского конца XIV – начала XV в. составлялись в соответствии с характерными особенностями диалектных форм Полесья [21, с. 323].

Несмотря на то, что Шелягович использовал теоретически верные принципы построения литературного языка: использование фонетического принципа, а также создание новых произведений, издание печатной периодики, язык оставался чуждым и непонятным для коренного населения, даже для тех регионов, чей диалект использовался в основе лингвистического конструирования. Причиной этого можно назвать приверженность идеологов движения «ятвяжской» теории, которая проявила себя и в выборе лексем, максимально удаляющих полесский язык от белорусского и украинского. Таким образом, создание литературного языка шло по принципу подбора и активного использования архаизмов и диалектизмов, которые отсутствовали в соседних языках. Естественно, некоторая искусственность полесского литературного языка вызвала резкую критику со стороны белорусских националистов.

Начало 90-х гг. было временем наибольшей активности полесского движения. В это время объединение приступило к следующему этапу создания нации: конструированию истории.

Полесская государственность не имела устойчивой исторической традиции, и потому местное население характеризовалось слабой этнической идентичностью, отсутствием связи с общим прошлым. Целью общества Шеляговича стало конструирование новой истории, которая позволила бы полешукам самоидентифицироваться и, что не менее важно, дистанцироваться от соседних славянских народов.

В поисках обозначения наибольших культурологических и этнических отличий от других восточно-славянских народов полесские активисты находили достаточно спорные решения. Ими была выдвинута теория балтославянского происхождения полешуков. Согласно данной теории в конструкт исторической интерпретации встраивались события, которые происходили на территории Полесья, начиная со времен раннего средневековья и до наших дней. При этом такая интерпретация истории являлась весьма оппозиционной по отношению к советской, белорусской или украинской версиям.

Несмотря на то, что некоторые историки придерживаются теории наличия балтского славянизированного этнического элемента на территории Полесья, данная концепция не являлась традиционной и вызвала оживленные споры. Однако на первоначальном этапе конструирования истории соратники Шеляговича отрицали всякую родственность ятвягов и славянских племен. Удаляясь от территориально близких и оказавших наибольшее культурное влияние украинского и белорусского этносов, полесские идеологи относили ятвягов к балтским и кельтским

племенам. Влияние славян изначально признавалось только в процессе лингвистической аккумуляции.

Следует отметить, что теория ятвягов не вписывалась в традиционное славянское самопонимание полесского населения и потому представляла сложность для быстрой аккумуляции. По очевидным причинам позднее полесские идеологи пришли к более традиционной теории ассимилированного славянами этнического субстрата, где ятвяги выступали его компонентом. Изменилась и историческая трактовка политики Киевской Руси, акцент сместился с экпансивно-агрессивной деятельности государства на ее федеративное устройство, которое объединило зарождающиеся славянские нации.

Несмотря на теоретически верно сконструированную концепцию полесского этноса, предлагаемые интеллектуальными кругами национальные концепции не нашли широкого одобрения. Сложности, которые встретило полесское движение, как мне кажется, заключаются в отсутствии устойчивой национальной традиции, исторически существовавших прототипов полесского этнического национализма. И потому объединение было вынуждено выстраивать собственную культурную концепцию данного этноса, используя теоретические знания и свое видение феномена полесской нации. Идеологической задачей полесского возрождения являлось конструирование новой исторической идентичности, которая могла бы заместить память о неопределенном и неосознаваемом прошлом. Основным и значимым отличием полесской этнической общности было избрано балтское происхождение, что существенно дистанцировало его культуру от соседних восточно-славянских народов. Однако следует отметить достаточную гибкость полесского национального конструкта: дальнейшую перестройку теории «ятвягов» в более славянизированный вариант этнической принадлежности полешуков.

С проведением референдума в 1995 г. и изменением политической обстановки в стране деятельность Н. Шеляговича и его соратников постепенно сворачивается. Последние годы полесское объединение поддерживало политику, направленную на сотрудничество с Россией в рамках общеславянского развития, но более противостоящее белорусскому национализму.

Согласно классификации Мирослава Гроха полесское националистическое движение преодолело фазу *А* и завершилось на фазе *Б* [6, с. 127]. То есть первоначальная ступень развития заключалась в создании кругом интеллектуалов под руководством Шеляговича теоретической основы национального проекта: конструирование исторического про-

шлого, унификация литературного полесского языка. Однако на этапе национальной агитации деятельность «Полісься» не получила массовой поддержки населения, и потому объединение постепенно снизило свою активность.

Но уже в 1999 г. было организовано Полесское молодежное згуртаванне, которое стремилось структурировать национальное движение Полесья, создать его программу. Однако его деятельность была запрещена государством. Тем не менее згуртаваннем в 2004 г. был проведен I съезд полесских националистов в Киеве, где была выработана дальнейшая программа в рамках деятельности создаваемой Полесской национальной ассамблеи. Однако к соглашению полесские националисты пришли лишь в 2007 г., когда были утверждены радикальная и умеренная программы.

С установлением независимой государственности посткоммунистических стран территория Полесья оказалась разделенной между Беларусью, Украиной, Польшей и Россией. Конечно, в контексте потсмодернити регион вряд ли сможет претендовать на политическую независимость. Несмотря на то, что целью полесских национальных движений являлось достижение признания прав этнического меньшинства, до сих пор в политике восточно-славянских государств не произошло видимых изменений в отношении полесского меньшинства.

Сегодня в мире перманентно трансформирующихся идентичностей «современные этнические процессы могут рассматриваться, как начальная стадия формирования потенциальных "новых народов", стремящихся консолидироваться в условиях современной Восточной Европы» [21, с. 322].

Эта тенденция затронула и полесскую общность, которая, обладая примордиальными культурными предпосылками, не смогла сформировать устойчивую этническую идентичность. Но следует отметить, что наличие языковых и культурных отличий, которые еще в XIX в. были признаны другими этносами, позволило создать национальное политическое движение в 80-х и 90-х гг. XX в. Созданный этнополитический миф представлял собой комплексный и теоретически разработанный конструкт, который кардинально противоречил ранее усвоенным мифологическим нарративам. Целью его создания было доказательство правомерности претензий националистов, обоснованности предпринимаемых ими действий. Несмотря на широкий инструментальный ряд (фестивали, печатные издания, научная конференция, политическая активность), миф не смог соответствовать статусу «истинного представления

о событиях прошлого, настоящего и будущего» [19, с. 41] и потому не был воспринят целевой аудиторией. Процесс этнической мифологизации должен учитывать социально-психологический настрой масс, межнациональных/межэтнических отношений, уровень самосознания, образованности и религиозности населения. Однако необходимо отметить, что усвоение мифа, как и его природа представляют собой иррациональные, стихийные явления и потому сложны в прогнозировании и определении каких-либо устойчивых признаков успешной аккумуляции.

В заключение следует сказать, что в полесской социальной среде уже возникла потребность в самоопределении. Сложность заключается в определении модели дальнейшего развития национальной идентичности. Учитывая разделенность региона между четырьмя славянскими государствами, возникает необходимость в создании консолидированного проекта, который сможет соответствовать не только самопониманию наиболее автохтонных групп Полесья, но и всех его более или менее ассимилированных областей.

Литература

1. Балесы Палісься. – 1989. – № 3/7.
2. Бауман, З. Идентичность в глобализирующемся мире // Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002.
3. Бурдье, П. Социальное пространство и символическая власть // Начала. – М.: Socio-Logos, 1994.
4. Гавритухин, И.О. Понятие пражской культуры // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. – СПб., 2009 – С. 31–39.
5. Геллнер, Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – С. 146–200.
6. Грох, М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм: сб. ст. / под ред. Б. Андерсона. – М., 2002. – С. 121–145.
7. Збудінне. – 1990. – № 10(15).
8. Ильин, А. Кто же является автором «Пинской шляхты»? [Электронный ресурс] // Гістарычная брама. – 2004. – № 1(22). – Режим доступа: http://brama.bereza.by.ru/nomer22/artic24.shtml.
9. Люббе, Г. Историческая идентичность // Вопросы философии. – 1994. – № 4. – С. 108–113.
10. Лысенко, П.Ф. Туровская земля IX–XIII вв. – Минск: Беларус. навука, 1999.

11. Миненков, Г.Я. Концепт идентичности: перспективы определения. Часть I [Электронный ресурс].– Режим доступа: http://moodle.ehu.lt/mod/resource/view.php?id=7209.
12. Миненков, Г.Я. Концепт идентичности: перспективы определения. Часть II [Электронный ресурс].– Режим доступа: http://moodle.ehu.lt/mod/resource/view.php?id=7212.
13. Нодия, Г. Национализм и демократия [Электронный ресурс] // Русский Журнал. – 1997. – Режим доступа: http://old.russ.ru/antolog/predely/4/dem1-1.htm.
14. Полесье. Материальная культура / В.К. Бондарчик, И.Н. Браим, Н.И. Бураковская. – Киев: Наукова думка, 1988.
15. Полное собрание русских летописей. – М., 1962. – Т. 2.
16. Савельева, И.М., Полетаев, А.В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. – М., 2004.
17. Смолич, А. Белорусская Советская Социалистическая Республика и ее округа (Статистико-экономический очерк) // Экономический очерк Советской Белоруссии и ее округов. – Минск, 1925. – С. 51–94.
18. Спицын, А.А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Историко-археологический сборник: А.В. Арциховскому к 60-летию со дня рождения и 30-летию научной, педагогической и общественной деятельности. – М., 1962. – С. 197–198.
19. Терешкович, П.В. Конструируя прошлое: исторические ресурсы современных национально-государственных идеологий (Украина и Молдова) // Перекрестки: журнал. – Вильнюс: ЕГУ, 2005. – № 1–2.
20. Тишков, В.А. Этнос или этничность? [Электронный ресурс] // Институт этнологии и антропологии РАН. – Режим доступа: http://valerytishkov.ru.
21. Флад, К. Политический миф. Теоретическое исследование. – М., 2004.
22. Шевченко, К.В. Кризис идентичности и возникновение альтернативных этнических идентичностей у восточных славян: полещуки в Белоруссии // Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник 2005/2006 / гл. ред. Б.Н. Флоря. – М.: Индрик, 2008. – С. 318–342.
23. Шнирельман, В.А. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика [Электронный ресурс] // Реальность этнических мифов. – М., 2000. – Режим доступа: http://nationalism.org/library/science/nationalism/reality/reality-of-ethnic-myths.pdf.

Яніна Карпенкіна
(Мінск, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт)

МЕМУАРЫ ЯЎРЭЙСКАГА ПАХОДЖАННЯ ЯК КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ XIX – ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ

The article examines Jewish memoirs as a historical source that can be used in the study of the history of Belarus. 12 memoirs are discussed and compared (the authors of the memoirs were associated with Belarus). Problems of Belarusian history that can be found in the memoirs written by Jews in the XIX – early XXth centuries are pointed out. Similarities are shown to display special features of Jewish memoirs as historical sources and to demonstrate the advantages and disadvantages a researcher can expect working with this group of historical sources.

Сярод мноства гістарычных крыніц асаблівае месца заўжды належыла мемуарам. Безумоўна, разнастайныя заканадаўчыя ці, напрыклад, статыстычныя крыніцы могуць паказаць аб'ектыўную гістарычную карціну. Але гэтая карціна не будзе поўнай без мемуарыстыкі. Бо мемуары ствараюць для нас жывыя гістарычныя карціны, поўныя самых розных фарбаў жыцця і падзей, у адрозненне ад юрыдычных чорнабелых аркушаў. Даследчык, вывучаючы ўспаміны, атрымоўвае цудоўную мажлівасць літаральна апынуцца ў той эпосе, сярод нібыта жывых людзей з іх клопатамі і радасцямі.

XIX ст. пакінула нам вялікую колькасць мемуараў. Значная іх доля прадстаўлена мемуарамі, што напісаны прадстаўнікамі адукаваных колаў яўрэйскай супольнасці на Беларусі. Але чамусьці ў беларускай гістарыяграфіі не прынята выкарыстоўваць яўрэйскія мемуары пры навуковым даследаванні. Разам з тым зразумела, што гэтыя гістарычныя крыніцы таксама маюць вялікую значнасць для вывучэння гісторыі нашай Радзімы, асабліва таго, што тычыцца сферы міжэтнічных і міжканфесіянальных адносін.

Справа ў тым, што калі ва ўспамінах, якія былі напісаны беларусамі, рускімі ці палякамі, інфармацыю па пытаннях міжэтнічных адносін у тагачаснай шматэтнічнай Беларусі і ўвогуле аб сутнасці так званага яўрэйскага пытання прыйдзецца вышукваць з вялікай цяжкасцю, то ў мемуарах яўрэйскіх аўтараў падобныя праблемы прадстаўлены даволі змястоўна і шырока. Усё таму, што асноўнымі клопатамі яўрэяў як раз і былі іх узаемазносіны з хрысціянамі і царскай уладай, – ад гэтага напрамую залежыла прававое становішча ашкеназаў у Расійскай імперыі.

Акрамя гэтага, яўрэйская супольнасць, як вядома, з'яўлялася адным з генератараў эканамічнага функцыянавання дзяржавы ў той час. І хоць крыніцы асабістага паходжання не з'яўляюцца дамінуючымі рэсурсамі пры аналізе эканамічнай сітуацыі, але ж могуць быць выдатнай падмогай для таго, каб прасачыць стан эканомікі «знутры» грамадства.

Са сказанага вышэй вынікае, што даследчыкі не могуць абмінуць яўрэйскія мемуарныя крыніцы пры даследаванні канфесіянальнай, сацыяльнай, грамадска-палітычнай і нават эканамічнай сітуацый ў Расійскай імперыі ў азначаны час.

Разглядаючы яўрэйскія мемуары як асобную групу крыніц асабістага паходжання, мы заўважаем шэраг асаблівасцей, у якіх праяўляюцца як адмоўныя, так і станоўчыя якасці дадзеных твораў як крыніц па гісторыі Беларусі.

Адной з асноўных асаблівасцей яўрэйскай мемуарыстыкі з'яўляецца яе адносна позняе з'яўленне. Адпаведна гэта звужае храналагічныя рамкі магчымага, праведзенага на падставе выкарыстння дадзеных крыніц, даследавання. Справа ў тым, што ў адрозненні ад рускай яўрэйская мемуарыстыка ў Расійскай імперыі пачынае афармляцца ў асобны жанр толькі з другой паловы XIX ст. І гэты працэс станаўлення яўрэйскай мемуарыстыкі адбываецца дзякуючы таму, што сталыя ўжо на той час, у трэццяй чвэрці XIX ст., «дзеці Гаскалы» (прадстаўнікі руска-яўрэйскай інтэлігенцыі, якія яшчэ дзецьмі пазнаёміліся з ідэямі яўрэйскай Асветы[1], часцей за ўсё пераняўшы яе ад прагрэсіўных бацькоў) на схіле гадоў пачынаюць прыгадваць і занатоўваць сваё жыццё. Праўда, у такіх успа-

[1] Гаскала – (іўр. «асвета») яўрэйскі асветны рух, які з'явіўся ў другой палове XVIII ст. першапачаткова сярод германскага яўрэйства. Прыхільнікі Гаскалы (іх называлі «маскілы» ці «маскілім») імкнуліся да дасягнення палітычнай і грамадскай эмансіпацыі яўрэяў і да іх грамадзянскага раўнапраўя з навакольным насельніцтвам. Шлях да гэтага маскілы бачылі ў свецкай адукацыі і набліжэнні знешніх формаў грамадскага і побытавага жыцця ашкеназаў да нормаў, прынятых у хрысціянскім грамадстве. У выніку Гаскала прывяла да значных змен у жыцці яўрэйскай супольнасці.

мінах і першая палова XIX ст. таксама ўзгадваецца, але выключна ў сувязі з апісаннем перыяду дзяцінства.

Не можа не кінуцца ў вочы шматмоўнасць яўрэйскай мемуарыстыкі, створанай, дарэчы, у межах адной дзяржавы. Яўрэйская мемуарыстыка ствараецца на нямецкай, іўрыце, рускай мовах, а крыху пазней і на ідыш. Безумоўна, гэта было абумоўлена традыцыямі яўрэйскага народа, яго прававым становішчам у Расійскай імперыі, а таксама накірункам яго культурнага развіцця на момант напісання твора.

Тым не меньш у канцы XIX – пачатку XX ст. пераважная большасць мемуарных твораў пісалася яўрэямі на рускай мове. Гэта не дзіва, бо ў гэты час руская мова становіцца другой (а для некаторых і першай) роднай мовай для так званай руска-яўрэйскай інтэлігенцыі Расійскай імперыі. Натуральна, што чалавеку, які думае і размаўляе па-руску, зручней ствараць свае мемуары менавіта на гэтай мове. Але, на маю думку, гэта не ёсць асноўная прычына для выбару мовы твора. Бо мемуары, як любы літаратурны твор, ствараюцца аўтарам з арыентацыяй на чытача. Таму, калі твор планавалася публікаваць у Расійскай імперыі, то ўспаміны хутчэй за ўсё будуць напісаны на рускай мове, калі ў ЗША – на англійскай і г.д. У пацвярджэнне сваіх слоў прывяду прыклад мемуараў Паўліны Венгеравай. Мемуарыстка нарадзілася ў 1833 г. у Бабруйску ў заможнай рэлігійнай сям'і; дзяцінства і юнацтва правяла ў Брэст-Літоўску. Пабралася шлюбам і пераехала да сям'і мужа ў Канатоп, пазней іх сям'я не раз мяняла месца жыхарства, у выніку асела ў Мінску. Там Паўліна на схіле гадоў і пачала пісаць свае «Успаміны бабулі». Але лёс склаўся так, што адзінокая на той момант удава Венгерава пераязджае да сваёй сястры ў Нямеччыну, дзе і заканчвае свае ўспаміны. Дык вось, хоць Паўліна Венгерава з'яўлялася вядомай прадстаўніцай яўрэйскіх інтэлігентных колаў, яе ўспаміны напісаны на нямецкай мове. Асноўная прычына – арыентацыя на тое, што мемуарны твор будзе выдадзены ў Нямеччыне (т.б. для размаўляючых па-нямецку чытачоў). Такім чынам, на падставе вышэй сказанага, можна зрабіць выснову, што на выбар мовы ўплывала даволі прагматычная прычына – арыентацыя на пэўнае кола чытачоў.

Аднак арыентацыя на чытача – гэта не адзіная магчымая прычына выбару мовы. Гэты выбар вельмі часта быў звязаны таксама і з мэтамі напісання ўспамінаў. Так, Е. Коцік, імкнучыся на старонках сваіх успамінаў «узнавіць» местачковы дух, які «необходимо вспомнить» [7, с. 20], стварае свае мемуары на ідыш. Прыкладам тут таксама можа быць Бэла Шагал, кніга якой прасякнута імкненнем выратаваць ад забыцця ашке-

назскую культуру праз жывое апісанне яе святочных традыцый. Мемуары Бэлы «Горящие огни» таксама напісаны на ідыш.

Наступная асаблівасць яўрэйскай мемуарыстыкі, якая адразу не кідаецца ў вочы, заключаецца ў тым, што выбар мовы напісання нярэдка ўплываў на ступень адкрытасці (ці шчырасці) аўтараў. Калі мемуары ствараліся на рускай мове, аўтар звычайна апісваў яўрэйскую рэчаіснасць больш стрымана, бо гэтыя мемуары былі даступны ўсім грамадзянам Расійскай імперыі. Мемуарыстыка на ідыш больш непасрэдная ў сваім змесце, бо прызначалася выключна яўрэям. Так, у Е. Коціка, мы можам сустрэць анекдоты пра не-яўрэяў, якіх ён не саромеючыся называе «гоямі» на працягу ўсяго твора, таксама аўтар між іншым нярэдка прызнаецца ў боязі перад хрысціянамі і г.д.

Праведзены мной крыніцазнаўчы аналіз некаторых мемуарных твораў, напісаных яўрэямі-ашкеназамі, якія жылі на тэрыторыі сучаснай Беларусі, дазволіў вылучыць яшчэ некалькі спецыфічных рыс яўрэйскіх успамінаў. Так, відавочна, што абсалютная большасць успамінаў пісалася яўрэямі-інтэлігентамі. Больш за тое, аўтары не толькі самі з'яўляліся прадстаўнікамі інтэлігентных колаў, але і іх бацькі таксама былі выбітнымі прадстаўнікамі свайго часу і грамадства. Карацей кажучы, пераважная большасць аўтараў яўрэйскай мемуарнай літаратуры таго часу былі асобамі высокага сацыяльнага паходжання. Гэта абмяжоўвае праўдзівую рэпрэзентатыўнасць яўрэйскай мемуарыстыкі.

Акрамя зазначанага вышэй, ёсць яшчэ адна вылучаная мной асаблівасць дадзеных гістарычных крыніц: сярод яўрэйскіх мемуараў XIX – пачатку XX ст. абсалютная большасць напісана мужчынамі. І гэта не дзіва, бо ў тыя часы сацыяльнае становішча і ролі абодвух палоў значна адрозніваліся і былі яшчэ даволі строга рэгламентаваны. Але, як бы там ні было, усё ж ёсць адрозненні паміж мемуарамі аўтараў-мужчын і мемуарамі аўтараў-жанчын. Гэтае адрозненне ў асноўным праяўляецца ў змесце твора: жанчыны нашмат больш увагі надаюць апісанню народных звычаяў і традыцый, а таксама пачуццяў і нашмат менш гістарычным падзеям. Ад гэтага жаночая мемуарыстыка набывае больш этнаграфічныя рысы. Мужчынская ж мемуарыстыка, як правіла, больш «сухая»: менш увагі надаецца пачуццям, перажываемым у той ці іншы перыяд жыцця, і значна больш фактычным звесткам. Але тут ёсць выключэнні: прафесійныя пісьменнікі ці проста мемуарысты з добрымі пісьменніцкімі здольнасцямі ў аднолькавай меры апісвалі як факты, так і эмацыянальную рэакцыю на іх. Прыклад такіх аўтараў з майго спісу крыніц: М. Мойхер-Сфарым, Е. Коцік, А.І. Паперна.

Асноўнымі рэсурсамі для пошуку дадзеных гістарычных крыніц з'яўляюцца бібліяграфічныя спісы, такія як «Системный указатель литературы о евреях» С.А. Бершадскага ці чатырохтомная «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях». Аднак у працы з падобнымі бібліяграфічнымі спісамі для беларускага даследчыка звычайна ўзнікае праблема: складана адшукаць у бібліятэках і архівах Беларусі мемуарную крыніцу, указаную ў бібліяграфіі. Гэта праблема тым актуальней, чым старажытней бібліяграфічны спіс.

Другая складанасць у тым, што ў XIX – першай палове XX ст. успаміны друкуюцца, як правіла, у перыядычных выданнях. Часам асабліва вялікія мемуарныя творы друкуюцца ў некалькіх выпусках пэўнага часопіса. На сённяшні дзень, на жаль, далёка не ўсе асабнікі тых перыядычных выданняў можна знайсці ў Беларусі. Такая сітуацыя вельмі ўскладняе пошук мемуарных крыніц у Беларусі.

Нарэшце, час перайсці ад знешняга аналізу мемуараў да ўнутранага. Для напісання дадзенага артыкула я прыцягвала адносна невялікую колькасць мемуарных крыніц – 12. Аднак, калі падсумоўваць асноўныя звесткі па беларускай гісторыі, якія можна знайсці нават у гэтых 12 мемуарных творах, то стане відавочна, што яўрэйскія мемуары таксама з'яўляюцца багатымі крыніцамі для гісторыка. Ніжэй пералік раздзелаў гістарычнай інфармацыі, вылучаных мной з мемуараў яўрэйскага паходжання падчас іх чытання:

1. Усе аўтары прыгадваюць свой родны горад, а большасць з іх нават прысвячае яму значнае месца ў мемуарах (у Паперны, Коціка, Дубнова – асобныя главы) з падрабязным апісаннем складу насельніцтва ўсіх канфесій, гарадской тапаграфіі і архітэктуры, паўсядзённага ладу жыцця гараджан і інш. Акрамя гэтага, асабліва цікавымі, на маю думку, з'яўляюцца яўрэйскія легенды і паданні, звязаныя з беларускімі гарадамі/мястэчкамі. Напрыклад, Е. Коцік пачынае свой твор «Мои воспоминания» з апісання вядомай Камянецкай вежы: «Местечко Каменец, где я родился, знаменито своей старинной исторической башней. Откуда она взялась, никто не знает. Полагают, что это остаток былой крепости. Еще во времена моего деда находили ядра весом фунтов в десять – знак, что через бойницы когда-то действительно стреляли. Кирпичи этой башни были такие крепкие, что нельзя было отколоть от них ни кусочка. В Каменце говорят, что кирпичи башни делали на яичном белке, поэтому она такая крепкая... Когда царь Александр II вместе с европейскими князьями охотился в Беловежской Пуще в семи верстах от Каменца, все министры и генералы приезжали в местечко посмотреть на эту историческую башню» [7, с. 3].

2. Літаральна ў кожнай мемуарнай крыніцы атрымліваюць адлюстраванне міжэтнічныя і міжканфесіянальныя адносіны. Таксама яўрэйскія мемуары шырока асвятляюць праблемы пагромаў і палітычнага антысемітызму. Што да пагромаў, то атмасфера панікі і эмацыянальная напружанасць падчас пагромаў у Мінску выдатна перададзена на старонках успамінаў П. Венгеравай: «В городе Минске царило угрюмое настроение. Торговля замерла. Евреи оставили свои дела. Они нервно, торопливо пробегали по улицам, бросая вокруг подозрительные взгляды. Они были настороже…» [2, с. 284]. А мемуарыст С. Гінзбург з болем зазначаў у сваіх успамінах: «Новизна самого явления <…> поведение власти <…> обнаружившаяся полная беззащитность евреев – все это действовало ошеломляюще, наполняло душу ужасом, болью и чувством глубокого унижения» [3, с. 389]. У цэлым яўрэйскія мемуарныя творы змяшчаюць у сябе шмат інфармацыі аб міжэтнічных стасунках на Беларусі. Таму яны з'яўляюцца багатай крыніцай для вывучэння дадзенай гістарычнай праблематыкі.

3. У кожнай крыніцы сустракаецца прыгадванне аб імператарах, з чаго мы можам зрабіць выснову, як у цэлым яўрэйства адносілася да таго ці іншага правіцеля. Так, А. Лесін, занатоўваючы аб забойстве Аляксандра II, дае апісанне перажыванняў яўрэйства ў сувязі з такой трагічнай падзеяй: «Теперь же господствовала печаль; евреи чувствовали, что снова наступают мрачные, николаевские времена. <…> Евреи искренне горевали, искренне плакали, и я тоже с ними плакал» [8, с. 391]. А вось падчас узгадвання іншага рускага імператара, Мікалая I, у таго ж мемуарыста сустракаем абсалютна іншыя прыгадванні аб асобе названага правіцеля: «Один из моих родных за трапезой рассказал: "Когда Николайка помер, то у евреев были радость, веселье; собирались тайком, поздравляли друг друга и радостно выпивали"» [8, с. 391].

4. Вельмі хвалявалі кагальную супольнасць рэкруцкія наборы. Доказ таму – амаль у кожным з прааналізаваных мемуараў ёсць значнага аб'ёма ўрывак ці нават цэлая глава, што асвятляе цяжкае становішча яўрэйскіх рэкрутаў і перажыванні, якія наганялі кагал пры новым рэкруцкім наборы. Прывяду прыклад з успамінаў С. Эфрона: «Кагалы организовали многочисленные банды "хаперов" (ловцов) и рассылали их в соседние города и местечки ловить взрослых и детей. Ловцы врывались в дома и, случалось, забирали целые семьи. Хотя закон предоставил им забирать только беспаспортных… Больше всего хватали детей, с ними было меньше возни. Разумеется, хаперам во многих случаях оказывали сопроти-

вление, от них отбивались, как от разбойников; в стычках с ними доходили иногда до увечий с той и другой стороны» [12].

5. У мемуарыстаў, што належаць да пакалення 40-х гг. XIX ст., шырокае распаўсюджанне атрымала прыгадванне фактаў аб паўстанні 1863–1864 гг.: прычынах, падзеях, удзелу ў ім яўрэйства, наступствах як для палякаў і беларусаў, так і для яўрэяў. Вось што можам прачытаць у Е. Коціка аб паўстанні: «И тут, в начале 1863 года, в Польше и Литве вспыхнуло восстание. Это для евреев уже было несчастье. Помещики и шляхта расположились с оружием лагерями в лесах и стали "захватывать" небольшие местечки, где не ступала нога русского солдата. Появившись в городе, они тут же снимали русского орла с учреждений волости, вешали польский герб и кричали, что "Россия взята"» [7, с. 218]. «Сначала, как говорилось, крестьяне испытывали страх перед помещиками. Боялись выходить из деревень, чтобы поляки их не захватили с собой насильно для участия в сражениях. Но под конец, когда воюющих поляков становилось все меньше, <…> стали тогда крестьяне мстить помещикам. Являлись к своим помещикам ночью, вытаскивали их из постели, связывали, секли, а потом отводили к воинскому начальнику, говоря, что нашли его в лесу» [7, с. 222].

6. Часта змяшчаюцца звесткі аб неаднаразовых эпідэміях халеры на нашых землях, з чаго можам рабіць высновы аб маштабнасці гэтай навалы. Падрабязнасці аб эпідэміі халеры часоў руска-турэцкай вайны і барацьбе з ёй знаходзім у творы Е. Коціка: «…из Бреста, точно живое существо, прибыла прямо в Каменец. Эпидемия распространилась страшно быстро. В Бриске[2] умерло с месяца элюль[3] до кислева[4] больше двух тысяч человек, и в Каменце было не менее ужасно. <…> Евреи даже стали применять такие проверенные средства, как устройство свадьбы на кладбище дурочки-калеки со слепым парнем. Ставили на кладбище хупу[5] с надеждой на появление здорового потомства. <…> Но никакие средства не помогали» [7, с. 248]. А мемуарыстка Венгерава апісвае ў сваім творы падзеі эпідэміі гэтай хваробы, што мела месца ўжо ў больш позні час: «Холера продвигалась из Севастополя… Ее жертвами пали ты-

---

[2] «Бриск» – назва г. Брэст-Літоўска ў мове ідыш.

[3] Элюль (Элул) – шосты месяц юдэйскага календара; складаецца з 29 дзён; выпадае на жнівень–верасень грыгарыянскага календара.

[4] Кіслеў – дзевяты месяц юдэйскага календара; налічвае 29 альбо 30 дзён; выпадае на лістапад–снежань грыгарыянскага календара.

[5] Хупа – шоўкавы ці атласны балдахін, які трымаюць над маладымі падчас шлюбнага абраду.

сячи людей… Какими же неблагоприятными должны были быть условия распространения холеры в пятидесятых годах прошлого века, если даже сейчас, в 1908 году, холера свирепствует все лето, всю осень и чуть ли не всю зиму…» [2, с. 239].

7. Сярод аўтараў пакалення 70–80-х гг. часта сустракаецца інфармацыя аб народніцкіх, сіянісцкіх і сацыялістычных рухах на Беларусі. Асабліва шмат пра гэта інфармацыі ў мемуарах А. Лесіна, С. Гінзбурга, Б. Шагал. Напрыклад, у С. Гінзбурга мы чытаем: «В кругу моих товарищей-евреев, увлеченных народовольческим движением, замечалось равнодушие, порой даже <…> недружелюбное отношение к своему народу. Объяснялось это <…> влиянием народнической идеологии, с точки зрения коей еврейское население, представленное, главным образом, мелкими торговцами и ремесленниками, не укладывалось в категорию “трудящихся”» [3, с. 387].

Пералічанае – толькі найбольш часта занатоўваемыя пытанні з беларускай гісторыі. На мой погляд, гэты прыклад яшчэ раз нагадвае нам, што да гісторыі беларускага краю маюць дачыненне не толькі карэнныя жыхары-беларусы, але і ўсе, хто тут пражываў і лічыў гэтыя землі Радзімаю, у тым ліку і яўрэі. Гісторыя Беларусі на пэўных сваіх этапах безумоўна з’яўляецца нашай агульнай гісторыяй.

Такім чынам, значэнне і месца мемуарных крыніц яўрэйскага паходжання сярод іншых гістарычных крыніц па гісторыі Беларусі XIX – першай паловы XX ст. досыць значнае. Іх выкарыстанне дае нам магчымасць стварыць больш багатую гістарычную панараму беларускай гісторыі.

На жаль, пераважная большасць з гэтых гістарычных крыніц не ўведзена ў навуковы абарот. Гэта значна ўскладняе пошук мемуарных крыніц яўрэйскага паходжання, якія ў большасці сваёй раскіданы па перыядычных выданнях пачатку XX ст., а частка наогул не апублікавана па сённяшні дзень.

Літаратура

1. Ан-ский, С. Под маской (рассказ старого «маскила») // Еврейский мир. – 1909. – Июнь.
2. Венгерова, П. Воспоминания бабушки. – М. – Иерусалим, 2003.
3. Гинзбург, С. Настроения еврейской молодежи в 80-х годах прошлого столетия (глава неопубликованных мемуаров) // Еврейский мир. – Минск, 2001. – (Урывак з мемуараў С. Гінзбурга «Из дневников прошлого»).
4. Гинзбург, С. Из дневников прошлого: отрывки из книги // Мишпоха. – 2002. – № 11(1).

5. Дубнов, С.М. Книга моей жизни: Воспоминания и размышления: Материалы по истории моего времени. – СПб., 1998.
6. Ковнер, А.Г. Из записок еврея // Евреи в России, XIX век. – М., 2000.
7. Котик, Е. Мои воспоминания. СПб-М-Иерусалим. Эпизоды из моей жизни // Еврейский мир. – Минск, 2001. – (Публікацыя ўрыўка няскончаных мемуараў А. Лесіна).
8. Мойхер-Сфорим, М. История одной жизни (воспоминания писателя) // Еврейский мир. – 1909–1910.
9. Паперна, А.И. Из Николаевской эпохи // Евреи в России, XIX век. – М., 2000.
10. Пахман, Л. Из дневника одного еврейского смотрителя училищ 1-го разряда // Вестник Западной России. – 1867. – Т. 1, кн. 3.
11. Шагал, Б. Горящие огни. – М., 2006.
12. Эфрон, С. Из моих воспоминаний о еврейском прошлом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://booknik.ru. – (Публікацыя ўрыўка з мемуараў).

Ольга Левчук
(Минск, Белорусский государственный университет)

СТЕРЕОТИП ЕВРЕЯ В ПОЛЬСКО-БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ (на материалах полевых исследований, проведенных в Браславском, Поставском и Свислочском районах)[1]

Based on the materials collected during the field studies in the Braslav, Postavy and Svisloch districts, the article describes the stereotype of the Jew that was formed in the borderland between Poland, Belarus and Lithuania. Special attention was paid to the external signs that distinguish the Jew from other groups: language, temperament, lifestyle and occupation, customs, religious traditions and ceremonies, and the attitude of other nationalities towards the Jew. An important category in interaction between representatives of different cultures is the opposition «Our – Foreign – Another». The author makes an attempt to determine a place of the Jew in relation to other national groups in this area.

Понятие «стереотип» обрело исследовательскую популярность благодаря работе У. Липпманна «Public Opinion» [3]. Стереотип основан на опыте, приобретенном какой-то группой. Это – обдуманное и закрепленное в нашем сознании мнение, которое формируется в процессе социализации. И хотя зачастую стереотипы не соответствуют реальности, тем не менее они весьма важны, помогая людям в категоризации мира, в определении места в нем для каждого явления или человека. Каждый из нас является частью группы, и, вероятно, поэтому для нас важно деление

---

1 Данная статья является доработанным вариантом статьи «Стэрэатып габрэя на польска-беларуска-літоўскім памежжы (паводле матэрыялаў палявых даследаванняў Браслаўскага, Пастаўскага і Свіслацкага раёнаў)», опубликованной в журнале «Acta Albaruthenica» (2012. – Том 12. – С. 251–260).

на группы всех явлений и предметов окружающего мира. Исследование стереотипов, существующих на пограничье культур, позволяет лучше понять культуру и историю своего народа.

В данной статье анализируются материалы, собранные во время полевых исследований в Поставском (2011 г. и 2012 г.), Свислочском (2010 г.) и Браславском районах (1997–2007 гг.). Данные районы находятся на польско-белорусско-литовском пограничье и представляют исключительный интерес для исследователей. Здесь проживают люди, принадлежащие к разным национальностям (белорусы, поляки, русские, литовцы, цыгане, татары, украинцы) и вероисповеданиям (католики, православные, староверы, мусульмане, баптисты). На материале этих исследований мною была предпринята попытка дать характеристику стереотипа еврея в польско-белорусско-литовском пограничье.

На территории Браславского района евреи жили в Добиново, в Плюсах, в Невярово, в Видзах, в Браславе, в Слободке, в Друе, в Свислочском районе – в Порозово, в Свислочи, а в Поставском районе – в Лынтупах, в Камаях, в Годутишках, в Даниловичах, в Свентянах, в Гадутишках, в Ольсе, в Поставах, в Попеликах, в Свире. Как отмечают информаторы, евреи обычно селились в крупных местечках.

На польско-белорусско-литовском пограничье евреев называли жидами (польский этноним), а также пархами [1, с. 319; 6] (по-польски слово «parch» – это давнее название грибкового заболевания кожи у людей и зверей [16]). Интересен тот факт, что некрещеных внебрачных детей католики нередко называли «жидувками» [7], что объясняется тем, что некоторые информанты считали евреев неверными, так как они не были крещены.

Евреи имели свой особенный «мешанный язык» [1, с. 385], который, со слов информантов, не был ни белорусским, ни польским. «По-еврейски» они говорили только между собой, а для информантов данный язык был непонятен («гыркали между собой» [6], как охарактеризовал речь евреев один из информантов). Однако информанты отмечают, что евреи владели разными языками. Так, если к ним обращались по-польски, то они отвечали тоже на польском языке. Выходит, что евреи – «чужие», так как имеют свой особенный непонятный язык, однако положительной чертой еврея является его образованность и практичность, что проявляется в знании многих языков.

На вопрос о том, чем занимались евреи, информанты с некоторой завистью и иронией говорили, что чаще всего евреи «тяжелую работу не делали» [4], их работа была лучше (так называемый легкий хлеб), чем у

других людей. Католики, православные и старообрядцы чаще всего занимались земледелием. Работа на земле была трудной и не всегда приносила плоды. Евреи же занимались торговлей (продавали хлеб, мясо, домашние принадлежности), держали магазины, иногда владели ремеслами, строили мельницы. Например, евреи стеклили окна, шили обувь и одежду, покупали рыбу, полотно, кудель, коней, одежду у людей на продажу, отвозили в Вильнюс, откуда после привозили и торговали разными товарами (например, мыло, иглы и др.). Им только было запрещено продавать водку, табак и спички. Также иногда они занимали руководящие посты: были владельцами фабрик и заводов. Землей евреи в отличие от поляков и белорусов не занимались, чем обусловлены осуждение и зависть. Однако евреи, по словам информаторов, умели договариваться с другими людьми для выполнения определенной работы. Так, например, евреи отдавали людям навоз со двора за то, чтобы им посадили картошку. И все результатом такого договора были довольны. Или в субботу, когда евреям было запрещено работать, просили кого-то из поляков, чтобы присмотрели за их хозяйством. Нередко, как, например, в Камаях, евреи брали к себе поляков для присмотра за своими детьми и за это неплохо платили.

Религиозные традиции и обряды евреев очень отличались от обрядов других вероисповеданий, поэтому в интервью информантов они занимают важное место. Как отмечают информанты, евреи ходили молиться в синагогу, которую нередко информанты называют школой, а также молились дома. Мужчины и женщины молились раздельно. Проповедником у евреев был раввин. Стоит отметить, что со слов информантов евреи были очень послушны и набожны.

Важным днем для евреев, согласно рассказам информантов, была суббота. В тот день они не ходили в школу и не работали. Даже дома евреи ничего не готовили и не занимались хозяйством. Если нужна была помощь, например, подоить корову, то они просили соседей. В субботу евреи ходили в синагогу молиться, где, как отмечают информаторы, «они пели и кричали» [1, с. 317]. Информанты обращают свое внимание на то, что в субботу в синагогу ходили только мужчины, женщины ее посещали только по важным праздникам.

Информаторы нередко рассказывали об осеннем празднике «Кучки». Около своих домов евреи делали шалаши, будки из дерева, покрывали их еловыми ветками, зажигали свечи и при них ели. В доме в тот день нельзя было есть. Этот праздник, как объясняют информанты, связан с освобождением Моисеем евреев от фараона.

Иногда информаторы праздник «Кучки» называли «Судным днем». Со слов информантов, евреи считали, что Бог в этот день определяет, что каждого человека ждет в следующем году: болезнь, смерть или какая-то беда. Всю ночь этого дня они усердно молятся, кричат, тем самым стараются попросить Бога быть к ним милосерднее. После молитвы все евреи идут к озеру и «вытрясают свои грехи» [1, с. 318]. Информанты уточняли, что со стороны это выглядело очень смешно: евреи снимали одежду и трясли ей над водой.

Перед Пасхой евреи убирали дом. Также всю неделю перед Пасхой им было запрещено есть все кислое, даже хлеб, поэтому они пекли так называемую мацу. Информанты вспоминают, что за неделю перед Пасхой евреи выносили из дома всю посуду, которую использовали на протяжении года, ходили ее мыть на речку, а дома использовали «новую», как объясняла информантка, чистую посуду, «без квасов» [1, с. 318].

Маца – это такие круглые тоненькие блинчики из муки и воды. Евреи всех угощали мацой. Однако, по мнению информантов, евреи часть мацы готовили для угощения, а другую половину – для себя и уже той мацой не делились. Она была вкусная, но к такому угощению относились настороженно. Среди людей ходила легенда о том, что для приготовления этой специальной мацы евреям нужна была католическая кровь (одна капля) ребенка или девушки-девственницы. Кровь стоила дорого, как и лекарства. Поэтому нередко среди людей ходили слухи о пропавших детях, которых крали евреи и забирали у них всю кровь. Для этого они, как утверждают информанты, использовали бочку с гвоздями, куда бросали маленьких детей, качали их в той бочке и так получали кровь. Однако информанты уточняли, что неуверенны в правдивости этих слухов. Может, поэтому малых детей нередко пугали тем, что «Жид заберет» [10].

Обряды и традиции. Информанты нередко описывают обряд еврейской свадьбы. Свадьба у евреев проходила на «свалке» [4] – на улице во дворе. Вначале молодая сидит дома в кресле, похожем на трон, вокруг нее стоит вся община. Жених входит в дом и закрывает глаза невесте тканью. Вокруг все начинают кричать, так как теперь уже молодая становится во всем зависимой от мужа. После молодые выходят на улицу, где на длинных палках растянута белая простыня. Под ней они молятся, а потом поют.

Информанты вспоминают стакан с водой, который раввин подает молодому после молитвы. Вначале из него пил молодой, а потом его невеста. Затем жених должен был разбить стакан, что предвещало радость и счастье в жизни. После самой свадьбы евреи организовывали пиршество.

Информантка из Лынтуп [11] принимала участие в свадебном обряде евреев. Она должна была поставить ведро с водой между молодым и молодой, куда они бросают кольца. После девочка доставала их кольца и помогала их им надеть. За это информантка получила злотый, а молодой семье описанный обряд должен был принести счастье.

Браки между представителями разных вероисповеданий были запрещены. Это был большой позор. Но если любовь была сильнее общественного мнения, то, чтобы жениться на еврейке, надо было ее спрятать, и если в течение суток ее не найдут, то только тогда можно было сыграть свадьбу.

Евреи хоронили своих покойников на отдельном кладбище. Перед тем, как отвезти умершего на кладбище, он лежал дома на полу на соломе. Одна из информанток из Лынтуп [11] была свидетельницей похорон. По ее словам, еврея в гробу привезли на кладбище, гроб разломали, а тело отнесли в яму. Сам обряд погребения был «закрытый» для посторонних, никого из представителей других вероисповеданий на погребение не пускали. «Чужим» для информантов было то, что евреев хоронили без гробов. Тело покойника, из воспоминаний информантки, было завернуто в «саван» (треугольный мешок, который одевали на голову умершего) [8]. После умершего посадили в яму, раввин откинул ему голову и положил камни на глаза и рот. Затем тело обложили досками и католики, которых специально для этого нанимали, закопали тело. Все это происходило в молчании, никто не плакал и не голосил. Только когда тело начинали закапывать, начинали плакать женщины. А после на ровную могилу клали камень.

Отношение к евреям других национальностей. Информанты высказывают разные мнения по поводу евреев. По воспоминаниям одной информантки, до войны евреев считали плохими людьми и поэтому нередко их преследовали. Считалось, что все зло на земле творят евреи. Однако, как отмечает сама информантка, возможно, это была только пропаганда. Интересен тот факт, что до войны в некоторых местечках проводилась антисемитская пропаганда под лозунгом «Не покупай у еврея» [9]. Так, например, в Камаях и в Лынтупах был организован польский магазин, где полякам и следовало покупать продукты, а в еврейские магазины ходить было запрещено. Нередко туда поляков просто не пускали, хотя сами поляки предпочитали покупать у евреев, так как у них было дешевле, большой выбор и возможность купить в долг без процентов, можно было поторговаться.

Многие информанты отзывались о евреях как о хороших соседях. С ними всегда можно было договориться, они всегда шли навстречу в тор-

говле, если кто-то просил скидку или купить в кредит. Вдобавок покупать у еврея было дешевле, чем у католика. Как рассказывал тесть одной из информанток: «Пока жили евреи, так жили и мы. Еврей всегда брал по копейке, а пришли советы, стали брать по рублю и все разокрали» [5].

По словам информантов, евреи нередко помогали соседям, они были приветливыми и добрыми. Представления о жадности евреев опровергает случай, описанный одной из информанток в Камаях [15]. В Камаи из соседней деревни привезли ребенка окрестить в костеле. Семья должна была заплатить ксендзу два злотых, но у семьи таких денег не было. Отец младенца пошел к одному еврею (звали его Хлауна), чтобы просить помощи. Еврей без промедления дал необходимую сумму и сказал: «Окрестите ребенка, окрестите, да скажите, что его не ксендз крестил, а Хлауна».

Другие же информанты негативно оценивали то, что только евреи занимались торговлей, так как они могли манипулировать людьми, сами назначали цену, нередко шли на обман.

Некоторые информанты вспоминают о шутках и match кознях, которые специально устраивали евреям. Так, например, в одни из «Кучек» в Лынтупах парни пустили в синагогу вор*о*н. Польские дети[2] подшучивали над еврейскими. Так, например, по воспоминаниям одной из информанток, они (польские дети) нередко [14] во время молитвы еврейских ребят в синагоге (в молитвенном доме) мешали им молиться, крича под окнами «А Юзь да Палястыны», раскидывали их «фигурки» в синагоге. Про эти выходки знали учителя, но никто польских детей за это не наказывал.

Холокост. Важное место в воспоминаниях наших информантов занимают война и Холокост. Стоит отметить, что после окончания войны на польско-белорусско-литовском пограничье осталось очень мало евреев. Много евреев погибло во время войны. Те же, кто выжил, после войны и прихода Советской армии бежали либо в Польшу, либо в Америку, либо в Латвию. Информанты рассказывают, что к евреям во время войны было разное отношение: кто-то помогал им прятаться, кормил их, давал им одежду, помогал им, когда их уже вывезли в гетто, а кто-то, наоборот, выдавал евреев немцам.

На вопрос, почему в войне так много потерпели именно евреи, информанты отвечали по-разному. Кто-то пытался это аргументировать

---

[2] Тут и далее автор использует выражение «польские дети», так как сами информанты на вопрос о своей национальной принадлежности относят себя к польскому народу и считают себя поляками. Это люди, родившиеся после 1921 г. на территории Западной Беларуси, которая в то время входила в состав Республики Польша.

тем, что евреи совершили что-то плохое. Ходили слухи о том, что они организовали масонство, которое хотело свергнуть костел. В такой позиции проявляется страх перед «чужими». Одна информантка видит причину несчастья евреев во время войны в том, что они «бязбожныя» [7].

Один информант поводом ненависти к евреям видит зависть. Евреи были зажиточными, им все завидовали. Эти люди были с характером, их взгляды было трудно изменить, как говорили, «еврея не купишь, еврея не переубедишь, он останется евреем» [6]. Их трудно было контролировать. Как точно подметил информант из села Роди, «они умные, хитрые, они такие… везде пролазят, в каждую щель» [13]. Разность менталитетов и поведения, а также успешность в жизни вызывали зависть у представителей других вероисповеданий, что также влияло на то, что евреи становились «чужими».

От многих информантов можно было услышать мнение, что евреи «проклятые» [12], так как именно их народ виноват в убийстве Христа. Может поэтому их в войну так не любили. Такой взгляд выявляет некоторую напряженность отношений между разными религиозными группами.

Выводы. В ситуации пограничья культур важное место занимает категориальная оппозиция «свой-чужой», которая основана на подсознательном анализе внешних признаков, отличающих одну группу от остальных (язык, темперамент, образ жизни и занятия, обычаи, религиозные традиции и обряды и др.). Однако в последнее время в науке была введена новая категория – «другой». Именно «другими» являются евреи в глазах жителей польско-белорусско-литовского пограничья. «Другой – это не один из Своих, он явно отличается от своих, принципиально иной, чем Свои; но при этом Другой не несет, в отличие от Чужого, уже самим фактом существования угрозу существования Своим. <…> Другой вызывает у субъекта не столько отчуждение и агрессию, как в случае с Чужим, сколько заинтересованное внимание» [2, с. 170–171]. Еврейская культура значительно отличалась от культур других национальностей, проживающих в пограничье. Евреи для коммуникации между собой использовали свой особый язык (идиш), непонятный для информантов. В основном они зарабатывали на жизнь торговлей, ремеслами, нередко занимали руководящие посты, что, по мнению наших информантов, было «легким хлебом» по сравнению с работой на земле. У евреев были «другие» религиозные традиции и обряды, нередко непонятные и смешные для наших информантов. Однако, как подчеркивали наши респонденты, евреи были неплохими соседями, с ними можно было договориться, они

были готовы помочь, проявляли гостеприимство и уважение по отношению к другим верам. По воспоминаниям информантов, среди людей не было религиозной ненависти и раздоров, все жили мирно. Особенно важным для информантов в культуре евреев была их набожность и строгое соблюдение своих традиций и обрядов. Важным фактором при определении места в оппозиции «свой-чужой» является чувство: представляет ли опасность представитель определенной группы. В данном случае евреи, хоть и отличались значительно от других групп, особой опасности не представляли, в отличие, например, от цыган либо людей «из-вне», «чужих».

Литература

1. Brasławszczyzna: pamięć i współczesność. T. 1: Historia regionu, charakterystyka socjolingwistyczna, świadectwo mieszkańców / red. nauk. E. Smułkowa; Instytut Badań Interyscyplinarnych «Artes Liberales» Uniwersytetu Warszawskiego. – Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2011.
2. Дубоссарская, М.Л. Свой-чужой-другой: к постановке проблемы // Вестник Ставропольского государственного университета: Филологические науки. – 2008. – № 54. – С. 167–174.
3. Липпман, У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчуновой; редакторы перевода: К.А. Левинсон, К.В. Петренко. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
4. Интервью 2010 г. в Порозова, Свислочский район, Беларусь, мужчина IK род. 1916 г., женщина MK род. 1926 г., запис.: Olga Guszczewa.
5. Интервью 2010 г. в Порозова, Свислочский район, Беларусь, мужчина JSz род. 1983 г., женщина ASz род. 1959 г., запис.: Olga Guszczewa.
6. Интервью 2011 г. в Величках, Поставский район, Беларусь, мужчина JJ род. 1925 г., запис.: Paulina Ibek, Anton Paulovich, Anna Koronta, Daria Shevko.
7. Интервью 2011 г. в Камаях, Поставский район, Беларусь, женщина WK род. 1931 г., запис.: Karolina Gendek, Volha Liauchuk.
8. Интервью 2011 г. в Камаях, Поставский район, Беларусь, женщина Wiktoria Korkoz род. 1928 г., запис.: Wolha Hloba,Wolha Szylak.
9. Интервью 2011 г. в Камаях, Поставский район, Беларусь, женщина AT род. 1925 г., запис.: Swiatlana Rohacz, Anna Siwirska.
10. Интервью 2011 г. в Лынтупах, Поставский район, Беларусь, женщина AM род. 1916 г., женщина SJ род. 1922 г., запис.: Ewa Gołachowska, Wolha Traciak.
11. Интервью 2011 г. в Лынтупах, Поставский район, Беларусь, женщина IG род. 1928 г., запис.: Agnieszka Kulisz, Daria Abrasim.
12. Интервью 2011 г. в Пешковцах, Поставский район, Беларусь, женщина J род. 1920 г., женщина J род. 1930 г., запис.: Monika Łaszkiewicz, Nadzieja Naważyława.

13. Интервью 2011 г. в Роди, Поставский район, Беларусь, мужчина CzA род. 1945 г., запис.: Karolina Gendek, Volha Liauchuk.
14. Интервью 2012 г. в Гвоздовичи, Поставский район, Беларусь, женщина Olimpia Lowkis род. 1928 г., запис.: Volha Liauchuk.
15. Интервью 2012 г. в Камаи, Поставский район, Беларусь, женщина Weronika Greśka род. 1923 г., запис.: Volha Liauchuk.
16. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sjp.pwn.pl/szukaj/parch.

Дмитрий Левчук
(Вильнюс, Европейский гуманитарный университет)

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ХОЛОКОСТЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

The Holocaust in Belarus refers to the Nazi crimes on the territory of contemporary Belarus during the Nazi occupation. The Minsk ghetto (one of the largest ghettos in the region) also lasted much longer than most other ghettos in the Soviet Union. Ninety percent of the Jews in Belarus were murdered. The Jews of Belarus have been made to keep silence for many decades. Many admit to never having recorded (in any form) their personal histories during the Holocaust. After the war, many feared reprisals from Stalin's government and kept silent about their experiences. The main reason for the paucity of historical work has been the difficulty of working in the former Soviet Union and now in the Republic of Belarus.

Геноцид евреев в Европе, проводившийся нацистской Германией во время Второй мировой войны, называют греческим словом «Холокост». В начале 1960-х гг. писатель Е. Визель впервые использовал этот термин как метафору, символизирующую сожжение целого народа в крематориях нацистских лагерей смерти.

На территории Беларуси нацистами было уничтожено свыше 800 тыс. евреев, не только местных, но и тех, что бежали сюда из Польши [26, с. 49–52]. В последнее десятилетие в Беларуси, как это было и в советский период, стала прослеживаться политика замалчивания подлинного масштаба трагедии еврейского народа в годы Второй мировой войны. Особенно отчетливо это видно при анализе энциклопедической, справочной и учебной литературы.

В большинстве специальных изданий по истории Беларуси ни разу не использован термин «Холокост», не дается представлений о геноциде

евреев как о целенаправленном уничтожении нацистами одного отдельно взятого народа. Лишь в одном из школьных учебников присутствует фраза, что евреев и цыган «ожидало полное уничтожение» [45, с. 82]. Большинство же изданий умудряются информацию о созданных в ряде городов республики гетто, их общем количестве (в разных изданиях число варьируется от 70 до 163), о числе согнанных в Минское гетто евреев и о их массовой гибели втиснуть в один абзац [1; 8; 14; 21; 24; 27; 36; 53]. В некоторых изданиях нет даже и этих данных [20; 28], а в книге «Беларусь на мяжы тысячагоддзяў» названо лишь количество гетто и через абзац вскользь брошена фраза: «Паўсюдна ў гарадах і мястэчках утвараліся яўрэйскія гета» [6].

В статье «Яўрэі» в «Беларускай энцыклапедыі» теме Холокоста посвящена лишь одна фраза: «У Вял. Айч. вайну яўр. насельніцтва панесла вялікія страты з боку ням.-фашысцкіх захопнікаў» [5, с. 316]. Не раскрывает темы и не называет цифр и аналогичная статья в «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі», где по поводу уничтожения евреев в годы оккупации также помещена одна, ничего не говорящая фраза: «У час Вял. Айч. вайны на акупіраванай тэр. Беларусі яўрэі падвергліся генацыду з боку ням.-фаш. захопнікаў» [53, с. 310].

Сегодня проблема изучения и официальной историографии Холокоста в Беларуси – это, в первую очередь, проблема признания властями его уникальности как исторического явления всемирного масштаба. Отсутствие достоверных данных о числе жертв гитлеровского геноцида позволяет сегодня многим историкам свободно манипулировать общественным сознанием и идти на искажение исторической правды. Способствуют этому и неисправленные ошибки и злоупотребления в прошлом большинства пропагандистов стран Восточной Европы во главе с бывшим Советским Союзом.

Достаточно детальную информацию об изучении истории Холокоста на территории Беларуси представляет библиографический справочник, составленный И. Герасимовой и С. Паперной [25]. Работы, написанные в Беларуси, включают как вполне обоснованные научные исследования [2; 3; 7; 11; 13; 16; 17; 22; 23; 25; 33; 37; 38; 40; 49; 50; 54], так и большое количество воспоминаний, писем и дневников жертв Холокоста, которые, составляя важную часть историографической базы по проблеме Холокоста, далеко не всегда подтверждены документально. Проблема спасения евреев на оккупированной территории Беларуси исследуется Леонидом Смиловицким в его книге «Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг.» [45].

Проблема преподавания. Тема Холокоста в Республике Беларусь включена в учебный курс всемирной истории и истории Беларуси 9–11 классов средней школы. В школьных учебных пособиях Холокост рассматривается как часть политики геноцида, направленной на полное или частичное уничтожение групп населения по тем или иным признакам. Понятие «Холокост» определяется как «уничтожение еврейского населения Европы нацистами во время Второй мировой войны». В некоторых учебниках вкратце упоминается также об уничтожении и других национальных меньшинств. Определенное число часов на изучение этой темы не установлено. Расширять знания о Холокосте школьники могут на внеклассных занятиях, но их проведение зависит только от инициативы самих учителей.

Из всех учебников истории для средних общеобразовательных школ только в одном – «Всемирная история XIX–XX вв.» [9] вскользь упоминается об уничтожении евреев: «В Германии национализм сблизился с откровенным расизмом… К высшей расе они относили в первую очередь германцев, к низшей – евреев, цыган, славян. В конечном счете, эти идеи, лишенные всякого разумного обоснования, вылились в массовое истребление людей так называемой низшей расы» [9, с. 196]. Понятие «Холокост» в учебнике не используется.

Тема Холокоста включена в курсы подготовки учителей в центре и на местах. В учреждении образования «Академия последипломного образования», областных государственных институтах повышения квалификации и переподготовки руководящих работников и специалистов образования проводятся курсы повышения квалификации учителей истории, в рамках которых участники курсовой подготовки частично изучают и вопросы Холокоста.

Практические инициативы. Государственный День памяти жертв Холокоста в Республике Беларусь не определен. Предложение ежегодно отмечать в Беларуси на общегосударственном уровне «День Холокоста» было отвергнуто Советом Министров Беларуси в июле 2001 г. Государственного музея Холокоста в Беларуси нет. В 2002 г. в Минске Союзом белорусских еврейских общественных организаций и общин и другими еврейскими общественными организациями открыт Музей истории и культуры евреев Беларуси. В музее работает постоянная экспозиция «Холокост в Беларуси. 1941–1944». В экспозиции представлены материалы и документы из истории гетто, антинацистского сопротивления и о праведниках мира. Музей проводит регулярные тематические выставки, связанные с Холокостом. Наиболее важными (из 15 программ научно-

исследовательского, просветительского и образовательного характера) являются программы, связанные с увековечением памяти белорусских евреев, погибших в Холокосте. Среди главных мероприятий можно назвать следующие: четыре образовательных семинара с учителями общеобразовательных школ, в которых участвовало около 200 человек; Первый Республиканский конкурс «Холокост. История и современность», в котором приняли участие свыше 150 человек из различных школ и вузов страны. Музей издает немалое количество книг по Холокосту в Беларуси. Прошли выставки, посвященные истории гетто Могилева и Минска. К 60-летию Победы была открыта выставка «Еврейское сопротивление в Беларуси. 1941–1944 гг.».

Несмотря на финансовые трудности, Белорусский республиканский фонд «Холокост» проводит семинары для учителей средних школ. Регулярно организует участие учителей и учеников общеобразовательных школ нашей республики в международных конференциях по Холокосту для школьников в Бресте. Учителя, прошедшие подготовку на семинарах в Беларуси, принимают участие в семинарах в Украине (Днепропетровске, Киеве), Молдове, Израиле. Фонд организует ежегодные национальные конкурсы для учителей и учеников под названием «Холокост: Прошлое и современность».

Группы школьников также занимаются созданием собственных школьных музеев, отражающих тему Холокоста. Часть учеников во внеурочное время поддерживают в порядке места трагедии, проводят памятные церемонии и читают лекции своим соученикам. Студенты из Пинска приняли участие в восстановлении братских могил и совместно с еврейской общиной и местной администрацией провели конкурс произведений художников на тему трагедии Холокоста. Исследования и экспозиции Холокоста проводятся в новогрудском историко-краеведческом музее.

К 9 Мая регулярно проводятся реконструкции памятников, в том числе памятника «Жертвы фашизма» (расположен у дороги Борисов – Зембин), где похоронены 9,5 тыс. расстрелянных в годы войны евреев-узников гетто Борисова. В Бресте, Пинске, Столине, станции Бронная гора Березовского района, других населенных пунктах постоянно проводятся мероприятия, посвященные Холокосту. Средства на эти цели выделяются из местного бюджета, а также из благотворительных сборов граждан. Учащиеся школы-интерната «Бейс-Агарон» Пинска проводят экскурсии и походы по местам Холокоста, ухаживают за памятником на месте расстрела узников пинского гетто.

Тема массового уничтожения фашистами мирных граждан в концлагерях и гетто на территории Беларуси отражена в постоянных экспозициях Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны, мемориального комплекса «Хатынь», других музеев страны, а также на страницах историко-документальной хроники городов и районов Беларуси «Память» в 145 томах.

Увековечение памяти (мемориализация) жертв Катастрофы. Советская пропаганда, в силу царившего в течение нескольких десятилетий государственного антисемитизма, замалчивала особый антиеврейский характер нацистского геноцида. Стандартные памятники на братских могилах, установленные местной администрацией, не включали слово «еврей», заменяя его на абстрактное «мирные жители» или «советские граждане». Когда же родственники погибших евреев проявляли инициативу увековечить эту память, местные власти отказывались устаналивать над ними государственную опеку и предпринимали энергичные попытки для того, чтобы заставить инициаторов отказаться от слов «еврей» и «гетто», надписей на идиш, не говоря уже об иврите. С 1967 г., после Шестидневной войны на Ближнем Востоке, на местах массовых уничтожений еврейского населения в 1941–1944 гг. установленные ранее обелиски подвергались переделке: с них исчезали таблички с указанием национальности убитых, а шестиконечные звезды Давида заменялись пятиконечными звездами. Основная масса населения Беларуси незнакома с тем систематическим характером преследований, которым подвергалось еврейское население в годы оккупации, и с тем, что такое вообще Холокост.

Ситуация в определенной степени изменилась после падения коммунистического режима. В Минске создан Мемориал Памяти «Яма» в честь 100 тыс. погибших узников гетто. В 2005 г. был проведен конкурс проектов создания мемориальной зоны «Тростенец», где в годы оккупации находился один из самых крупных в Европе «комбинатов смерти». 22–23 июля 2007 г. были открыты мемориальные знаки в память о жертвах войны в деревнях Бобыничи Полоцкого и Мстиж Борисовского районов, поселке Езерище Городокского района. 16 сентября 2007 г. в г. Слуцке открыт мемориальный знак жертвам Слуцкого гетто. Мемориал на месте концлагеря в Молодечно – «Шталаг» – представляет собой огромный стилизованный лагерный барак, выполненный в брутальном монолитном железобетоне. В 2008 г. были открыты памятники на местах уничтожения евреев в Минске. Один из них – на месте гибели 5 тыс. узников гетто, на бывшем еврейском кладбище. Удивительно простое, философ-

ское решение темы: на черном квадрате, символизирующем пепелище от сгоревшего дома, стоят сломанный стол и стул. Все, что осталось от того места, где когда-то жила семья… Все, что осталось… Простой и потрясающе лаконичный символ Катастрофы. Мемориализировано и другое место – в районе Кальварийского кладбища, где было уничтожено почти 15 тыс. узников Минского гетто. Два каменных блока сжали массу человеческих тел. Выход один – небо. Всего за последнее время еврейская община установила около 40 памятников на местах гибели еврейского населения в годы немецко-фашистской оккупации, где до этого их не было.

И все же до сих пор большинство беларусов индифферентно к Катастрофе европейского еврейства, и их не смущают пробелы по этой тематике в тех же школьных программах. Думается, причина такого отношения лежит в нежелании принять на себя долю вины народов Восточной Европы и СССР за непредотвращение Катастрофы еврейства в Европе.

Литература

1. Абацедарская, А.Л., Брыгадзін, П.І., Жылуновіч, Л.А. [і інш.]. Дапаможнік па гісторыі Беларусі для паступаючых у ВНУ. – Мінск: ВП «Экаперспектыва», 1997.
2. Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации: сб. науч. работ / сост. и ред. Я.З. Басин. – Минск: Историческая мастерская, 2005.
3. Архив Хаси Пруслиной: Минское гетто, антифашистское подполье, репатриация детей из Германии / сост. З.Д. Никодимова; под ред. К.И. Козака. – Минск: И.П. Логвинов, 2010.
4. Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. / Г.П. Пашкоў. – Мінск: Беларус. Энцыкл., 2003. – Т. 16 (Трыпалі – Хвіліна).
5. Беларуская энцыклапедыя. – Мінск, 2004. – Т. 18, кн. І.
6. Беларусь на мяжы тысячагоддзяў. – Мінск, 2000.
7. Беларусь у выпрабаваннях Вяликай Айчыннай вайны: масавыя забойствы нацыстаў: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., 2 ліпеня 2004 г., Мінск / адк. рэд.: В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак. – Мінск: Гістарычная майстэрня, 2005.
8. Брыгадзін, П.І., Ладысеў, У.Ф., Зялінскі, П.І. [і інш.]. Гісторыя Беларусі. Ч. 2: XIX–XX стагоддзі: курс лекцый. – Мінск: РІВШ БДУ, 2002. – (Для студэнтаў гістарычных факультэтаў).
9. Всемирная история XIX–XX вв.: учебник для 11 класса общеобразоват. школы / ред. В.С. Кошелев. – Минск, 2002.
10. Выжить – подвиг: воспоминания и документы о Минском гетто / сост., предисл.: И.П. Герасимова, В.Д. Селеменев. – Минск: Беларус. навука, 2000.
11. Выжить – подвиг: воспоминания и документы о Минском гетто / сост., предисл.: И.П. Герасимова, В.Д. Селеменев. – Минск: НАРБ, 2008.

12. Гальперина, Р. Как это было… Выживание. Жизнь. Надежда / отв. ред. К.И. Козак. – Минск: Историческая мастерская, 2006. – Вып. третий.
13. Генацыд у Другой сусветнай вайне: праблемы даследавання (у памяць ахвяр Трасцянца): матэрыялы Міжнар. навук. канф., 25–27 крас. 2002 г., Мінск / адк. рэд.: К.І. Козак, А.М. Літвін, У.Н. Сідарцоў. – Мінск: БДУ, 2003.
14. Гісторыя Беларусі. Ч. 2: Люты 1917–1997 / пад рэд.: праф. Я.К. Новіка, Г.С. Марцуля. – Мінск: Універсітэцкае, 1998.
15. Давыдова, Г.Р. От Минска до Ла-Манша, или Дорогами Холокоста: док. повесть. – Минск: Четыре четверти, 2000.
16. Другая сусветная вайна: новыя аспекты даследаванняў: матэрыялы Міжнар. навук. сем., 1 вер. 2003 г., Мінск / адк. рэд.: В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак. – Мінск: Гістарычная майстэрня, 2004.
17. Жанчыны ў Другой сусветнай вайне: гісторыя барацьбы і выжывання: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., 4 сак. 2005 г., Мінск / адк. рэд.: В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак. – Мінск: Гістарычная майстэрня, 2006.
18. Жива… Да, я жива! Минское гетто в воспоминаниях Майи Крапиной и Фриды Рейзман: материалы и док. / сост.: М.И. Крапинина, Ф.В. Рейзман; отв. ред. К.И. Козак. – Минск: Историческая мастерская, 2005. – Вып. второй.
19. Завольнер, Г., Гальперина, Р. Спасенные из ада. Жизнь и судьба / отв. ред. К.И. Козак. – Минск: Историческая мастерская, 2004. – Вып. первый.
20. Загорульский, Э.М. История Беларуси в кратком изложении. – Минск: ООО «Юнипресс», 2002.
21. Зелинский, П. История Беларуси: пособие для учащихся Интерлицея. – Минск: БГУ, 2001.
22. Идти по грани… Архитектура как мост между прошлым и настоящим в творчестве Леонида Левина / под ред. А. Зам. – Минск, 2008.
23. Известная «Неизвестная»: сб. материалов / сост. и ред. Я.З. Басин. – Минск: Историческая мастерская, 2007.
24. История Беларуси: учеб.-информационное пособие для студентов и учащихся / под ред.: А.Г. Кохановского, О.А. Янковского. – Минск: Ист. фак. БГУ, 2001.
25. История Холокоста на территории Беларуси: библиографический указ / сост.: И.П. Герасимова, С.М. Паперная. – Витебск: Витебская областная типография, 2001.
26. Іофе, Э.Г. Колькі ж яўрэяў загінула на беларускай зямлі ў 1941–1945 гг. (белор.) // Беларускі гістарычны часопіс. – Мінск, 1997.
27. Касцюк, М.П., Ігнаценка, І.М., Вышынскі, У.І. [і інш]. Нарысы гісторыі Беларусі. Інстытут гісторыі АНБ. – Мінск: Беларусь, 1995. – Ч. 2.
28. Ковкель, И.И., Ярмусик, Я.С. История Беларуси. С древнейших времен до нашего времени. – Минск, 2003.
29. Когда слова кричат и плачут: Дневники Ляли и Берты Брук / вступ. ст. Л.М. Левин; подг. к публ., коммент., предисл. И.П. Герасимова. – Минск: Асобны дах, 2004.

30. Козак, К.И. Иностранные евреи в Беларуси: историографические формы и представления // Уроки Холокоста: история и современность: сб. науч. работ / сост. Я.З. Басин. – Минск: Ковчег, 2010.
31. Костелянц, Г. От Украины до Белоруссии. История одной еврейской семьи. – Днепропетровск: Центр «Ткума», Общественное объединение «Республиканский фонд «Холокост», «Лира», 2009.
32. Кроз, В., Чаусская-Ильяшова, З. Навечно в памяти: Минское гетто – и жизнь, и слезы, и любовь… / отв. ред. К.И. Козак. – Минск: Историческая мастерская, 2007. – Вып. шестой.
33. Лагер смерці Трасцянец 1941–1944 гг.: памяці ахвяр нацызму ў Беларусі: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., 10 ліст. 2004 г., Мінск / адк. рэд.: В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак. – Мінск: Гістарычная майстэрня, 2005.
34. Левина-Крапина, М.И. Трижды рожденная. Воспоминания бывшей узницы Минского гетто. – Минск: Змицер Колас, 2008.
35. Маргалина, С.М. Остаться жить. – Минск: И.П. Логвинов, 2010.
36. Матэрыялы па гісторыі Беларусі / пад рэд. Ю.Л. Казакова. – Мінск: УП «Экаперспектыва», 2001.
37. Мінскае гета 1941–1943 гг.: Трагедыя. Гераізм. Памяць: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., 24 кастр. 2003 г., Мінск / адк. рэд.: В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак. – Мінск: Гістарычная майстэрня, 2004.
38. «Нацистское золото» из Беларуси: док. и материалы / сост.: В.И. Адамушко, Г.Д. Кнатько [и др.]. – Минск: НАРБ, 1998.
39. Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): справочник. – Минск, 2007.
40. Памятники геноцида евреев Белоруссии. – Минск: Беларус. навука, 2000.
41. Праведники народов мира: живые свидетельства Беларуси / сост.: М.И. Крапива, К.И. Козак [и др.]; под ред.: В.Ф. Балакирева, К.И. Козака. – Минск: И.П. Логинов, 2009.
42. Самович, В. Расстрелянные, замученные и повешенные. Фашистский геноцид в Бресте. – Брест, 1994.
43. Саракавік, І.А. Гісторыя Беларусі ў кантэксце сусветнай гісторыі. – Мінск, 2006.
44. Сідарцоў, У.Н., Фамін, В.М., Паноў, С.В. Гісторыя Беларусі 1917–1996 гг.: 9 клас. – Мінск: Нар. асвета, 1999.
45. Смиловицкий, Л. Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг. – Тель-Авив, 2000.
46. Смоляр, Г. Менскае гета: барацьба савецкіх габрэяў-партызан супраць нацыстаў. – Мінск: ААТ «Паліграфкамбінат імя Я. Коласа», 2002.
47. Смоляр, Г. Мстители гетто / пер. М. Шамбадал. – М.: Госиздательство «Дер Эмес», 1947.
48. Трейстер, М. Проблески памяти. Воспоминания, размышления, публикации = Schimmer vom Gedächtnis… Erinnerungen, Überlegungen und Publikationen / отв. ред. К.И. Козак. – Минск: Историческая мастерская, 2007.

49. Хеккер, К. Немецкие евреи в Минском гетто / отв. ред. К.И. Козак; пер. с нем. Г.А. Скакун. – Минск: Историческая мастерская, 2007.
50. Холокост в Беларуси. 1941–1944: док. и материалы / сост.: Э.Г. Иоффе, Г.Д. Кнатько, В.Д. Селеменев. – Минск: НАРБ, 2002.
51. Шымуковіч, С.Ф. Гісторыя Беларусі. – Мінск, 2009.
52. Экзамены. Гісторыя Беларусі ад старажытнасці да сучаснасці ў пытаннях і адказах: 11 клас / аўт.-склад. С.В. Паноў; пад нав. рэд.: І.М. Міхнюка, В.М. Фаміна. – Мінск: Аверсэв, 2002.
53. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск, 2003. – Т. 6, кн. II.
54. Judenfrei! Свободно от евреев!: История мин. гетто в док. / авт.-сост. Р.А. Черноглазова. – Минск: Асобны дах, 1999.

Дар'я Шаткова
(Мінск, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт)

ПРАЕКТ ВІРТУАЛЬНАГА МУЗЕЯ НА БАЗЕ ЛАБАРАТОРЫІ МУЗЕЙНАЙ СПРАВЫ ГІСТАРЫЧНАГА ФАКУЛЬТЭТА БДУ ЯК НОВАЯ ФОРМА ПРЭЗЕНТАЦЫІ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ

The Virtual museum is considered to be a successful form of representation of the historical and cultural heritage of Belarus. One more significant effort on the way can be the project of the Virtual Museum of Museology Laboratory of BSU Department of History. The first step of the project is the Virtual museum of ethnography department that will help solve such problems as lack of exposition area and staff. It will allow to show all the museum objects in virtual space, to hold alternative forms of relations with the audience, to organize the basis for students' scientific activities, etc. The main structural part of the future site will be a catalog of museum objects with illustrations and articles about groups of exhibits united by one topic. The Virtual museum will also include such sections as a photo gallery, a library (glossary, bibliography and scientific publications), etc.

У новым стагоддзі музейная сфера не стаіць у баку ад новых праблем і новых магчымасцей, звязаных з развіццём сучасных сродкаў сувязі і мультымедыя, выпрацоўкай новых падыходаў да музейнай канцэпцыі, формаў узаемадзеяння з наведвальнікамі і г.д. Змены закранулі і беларускія музеі, асабліва на працягу апошніх дваццаці гадоў, што можна разглядаць і як крыніцу праблем, і як стымул удасканальваць і ўздымаць музейную справу ў краіне на якасна новы ўзровень.

На сённяшні дзень актуальным пытаннем з'яўляецца пашырэнне прадстаўніцтва гісторыка-культурнай спадчыны ў інтэрнэце. Прыемна,

што большасць музеяў, падпарадкаваных Міністэрству культуры, ужо прадстаўлены ў глабальнай сетцы, галоўным чынам у межах інтэрнэт-партала «Музеі Беларусі» (www.museum.by), створанага на базе Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага запаведніка. Акрамя таго, вось ужо некалькі гадоў запар вядзецца рэалізацыя такога маштабнага праекта, як Дзяржаўны каталог музейнага фонду Рэспублікі Беларусь, стварэнне якога падтрымана і аформлена заканадаўча [3]. Але для поўнай і яскравай прэзентацыі гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі ў сусветнай інфармацыйнай прасторы гэтага недастаткова.

Адной з самых сучасных і прывабных формаў прадстаўлення музейных збораў, асобных калекцый і тэматычных комплексаў у глабальнай сетцы з'яўляецца віртуальны музей [2, с. 49]. Існуе мноства азначэнняў паняцця «віртуальны музей». На аснове аналізу падыходаў розных музейных спецыялістаў можна вылучыць наступныя палажэнні, якія дазваляць усебакова ахарактарызаваць сутнасць дадзенага феномена.

Па-першае, віртуальны музей з'яўляецца аб'ектам, які адсутнічае ў матэрыяльным свеце. Ён змадэліраваны ў віртуальнай прасторы, дзе выключна і існуе [4, с. 49; 7].

Па-другое, віртуальны музей можа выконваць тыя ж функцыі (дакументацыі, адукацыі і выхавання, арганізацыі вольнага часу) [6, с. 48–49], што і сапраўдны музей, толькі карыстаючыся іншымі спосабамі: публікацыяй фота-, відэа- і гукадакументаў, архіваў і баз дадзеных, 3D-мадэліраваннем, распрацоўкай камп'ютарных праграм, віртуальных тураў, панарам і г.д. [1].

Па-трэцяе, віртуальны музей можа быць заснаваны як на базе сапраўднага музея, так і па-за яго межамі. Аналаг віртуальнага музея можа не існаваць у рэальным свеце, а алічбаваныя прататыпы яго экспанатаў могуць знаходзіцца ў розных музейных калекцыях ці ўвогуле не існаваць у рэальнасці, то бок быць створанымі адмыслова для віртуальнай прасторы [5, с. 49; 8].

Па-чацвёртае, віртуальны музей павінен ствараецца спецыялістамі, якія кіруюцца тэорыяй і практыкай музейнай справы [7].

У параўнанні з рэальна існуючым музеем віртуальны музей мае шэраг пераваг. Сярод іх – неабмежаванасць плошчы, усеагульная даступнасць, разнастайнасць формаў падачы матэрыялу і зваротнай сувязі з наведвальнікамі, а таксама такія шырокія магчымасці, як рэканструкцыя страчаных экспазіцый, мадэліраванне працэсаў, распрацоўка віртуальных тураў, наяўнасць дакладнай статыстыкі наведвання, атрыманне прыбытку ад дзейнасці online-крамаў, рэпрэзентацыя турыстычнага

патэнцыялу Беларусі і г.д. Немалаважна, што інфармацыйныя тэхналогіі арганізуюць і спрашчаюць вядзенне ўліковай дакументацыі, даюць магчымасць прадставіць самую поўную інфармацыю аб музейным прадмеце, яго выявы з розных ракурсаў, што стымулюе інтарэс не толькі навукоўцаў і студэнтаў, але і самай разнастайнай публікі. Віртуальны музей выдатна падыходзіць для публікацыі не толькі выяўленчага матэрыялу, але і адпаведных навуковых тэкстаў. Прадстаўленне доступу да лічбавых аналагаў музейных прадметаў і інфармацыі аб іх дазволіць на высокім узроўні ўзняць пытанні захавання, кансервацыі і рэстаўрацыі гісторыка-культурных каштоўнасцей.

Безумоўна, віртуальны музей – гэта цудоўны сродак для актуалізацыі гісторыка-культурнай спадчыны, прыцягнення новай аўдыторыі і інш. Аднак вопыт стварэння падобных рэсурсаў у нашай краіне пакуль што нязначны. Бракуе і адпаведных музейных кадраў, недастаткова наладжана супрацоўніцтва са спецыялістамі ў сферы IT.

Праект віртуальнага музея на базе Лабараторыі музейнай справы гістарычнага факультэта БДУ ў беларускіх рэаліях з'яўляецца аптымальнай базай для напрацоўкі тэарэтычнага і практычнага вопыту ў азначаным накірунку. Лабараторыя музейнай справы (раней – Вучэбны музей) ужо больш як за 30 гадоў займае важнае месца ў падрыхтоўцы спецыялістаў у розных галінах гуманітарных ведаў. На дадзены момант Лабараторыя ўключае ў сябе аддзелы археалогіі, этнаграфіі, культуры Антычнасці і Старажытнага Усходу, а таксама нумізматычны кабінет [5]. Менавіта зборы Лабараторыі бяруцца ў якасці асновы для будучага віртуальнага музея. Так ці інакш дадзены праект мусіць паспрыяць развіццю і папулярызацыі аднаго з вядучых навучальна-адукацыйных і навукова-даследчыцкіх музеяў БДУ.

Ідэя аб стварэнні віртуальнага музея на базе Лабараторыі музейнай справы БДУ была ўпершыню выказана ў верасні 2011 г. на пасяджэнні гуртка «Museum», які працуе на базе кафедры этналогіі, музеялогіі і гісторыі мастацтваў гістарычнага факультэта. Рэальнае ўвасабленне было вырашана пачаць з аддзела этнаграфіі ў межах асобнага студэнцкага праекта. Справа ў тым, што ў параўнанні з аддзеламі архелогіі ці нумізматыкі этнаграфічны аддзел, з аднаго боку, апынуўся ў горшых умовах, бо не мае пакуль паўнацэннай экспазіцыі, з іншага боку, яго зборы не такія шматлікія (каля 450 адз. захавання) і таму лягчэй падлягаюць навуковай апрацоўцы.

У адносінах да этнаграфічнай калекцыі віртуальны музей дазволіць вырашыць такія праблемы, як недахоп фондавых і экспазіцыйных плош-

чаў, неабходнасць мадэрнізацыі ўліковай дакументацыі, пашырэнне спектра музейнай дзейнасці і г.д. Алічбоўка калекцыі і размяшчэнне яе ў глабальнай сетцы паспрыяе папулярызацыі як уласна аддзела этнаграфіі, так і этнаграфічных ведаў увогуле. Падобныя праекты, несумненна, здольны значна павысіць прэстыж ВНУ, зрабіць яе максімальна прывабнай для абітурыентаў. Акрамя таго, віртуальны аналаг аддзела этнаграфіі можа шырока выкарыстоўвацца ў фондавай, выставачна-экспазіцыйнай, навукова-даследчыцкай і навучальна-асветніцкай працы.

Удзельнікі студэнцкага праекта паставілі перад сабой сур’ёзныя задачы:

1) распрацоўка канцэпцыі віртуальнага музея і структуры будучага сайта;

2) фарміраванне і арганізацыя дзейнасці рабочых праектных груп;

3) падрыхтоўка тэкставага напаўнення для віртуальнага музея;

4) алічбоўка калекцый; падрыхтоўка мультымедыя-кантэнту віртуальнага музея;

5) мастацкае афармленне і тэхнічная рэалізацыя сайта;

6) публікацыя і прасоўванне віртуальнага музея.

Структура будучага віртуальнага музея будзе ўключаць у сябе чатыры раздзелы: «Галоўная старонка», «Аб праекце», «Форум», «Віртуальныя музеі аддзелаў».

«Галоўная старонка» – раздзел, які павінен ўтрымліваць прывітальнае слова і артыкул, прысвечаны гісторыі стварэння і дзейнасці Вучэбнай лабараторыі музейнай справы гістарычнага факультэта БДУ.

У раздзел «Аб праекце» ўвойдуць тры падраздзелы:

1. «Гісторыя стварэння»: тэксты, фотаздымкі, якія распавядаюць аб працэсе рэалізацыі ідэі віртуальнага музея.

2. «Працоўная група»: рэзюмэ і фотаздымкі ўдзельнікаў праекта.

3. «Нашы кантакты»: адрас электроннай скрыні віртуальнага музея (virtualmuseum-hist@mail.ru), кантактныя дадзеныя ўдзельнікаў праекта.

Раздзел «Форум» будзе ўтрымліваць старонку форума інтэрнэт-партала museum.by, адведзенага пад віртуальны музей.

Галоўны раздзел сайта «Віртуальныя музеі аддзелаў» у перспектыве мусіць змяшчаць віртуальныя аналагі адпаведных аддзелаў Лабараторыі музейнай справы гістарычнага факультэта БДУ.

Як ужо адзначалася, на дадзеным этапе вядзецца праца па стварэнні віртуальнага музея аддзела этнаграфіі, які складаецца з трох раздзелаў: «Калекцыя», «Бібліятэка» і «Фотагалерэя».

Раздзел «Калекцыя» будзе змяшчаць ілюстраваныя артыкулы, прысвечаныя як асобным тэмам па матэрыяльнай культуры беларусаў, так і, вядома, уласна прадметам са збору этнаграфічнага аддзела Лабараторыі. У аснову дадзенага раздзела сайта пакладзены ілюстраваны электронны каталог музейных прадметаў, пабудаваны ў адпаведнасці з прынятымі ў этналогіі і музейнай справе класіфікацыямі: 1) паводле функцыянальнага прызначэння; 2) паводле матэрыялу і тэхнікі выканання. Раздзел уключае тры адпаведныя падраздзелы:

1. «Класіфікацыя па функцыянальным прызначэнні», дзе прадстаўлены артыкулы наступнай тэматыкі:

1.1. Прылады працы: 1) сельскагаспадарчыя; 2) для апрацоўкі льна і для ткацтва.

1.2. Посуд і кухоннае начынне: 1) кераміка; 2) шкляны посуд; 3) драўляны посуд; 4) плецены посуд; 5) металічны посуд.

1.3. Народны касцюм: 1) мужчынскі; 2) жаночы; 3) верхняе адзенне; 4) абутак.

1.4. Народныя тканіны для аздаблення жылля: 1) ручнікі; 2) посцілкі; 3) абрусы; 4) сурвэткі.

1.5. Прадметы інтэр’еру сялянскай хаты: 1) мэбля; 2) асвятляльныя прыборы; 3) цацкі.

2. «Класіфікацыя паводле матэрыялу і тэхнікі выканання», дзе прадстаўлены артыкулы наступнай тэматыкі:

2.1. Дрэваапрацоўка.
2.2. Ганчарства.
2.3. Пляценне.
2.4. Кавальства.
2.5. Ткацтва.
2.6. Вышыўка.
2.7. Карункі.
2.8. Рыбалоўства.
2.9. Кушнерства.
2.10. Бортніцтва.

3. «Каталог» – самы важны падраздзел вялікага раздзела «Калекцыі» і ўсяго віртуальнага музея аддзела этнаграфіі. Электронны каталог складаецца з падрабязнага апісання кожнага музейнага прадмета; у аснову адпаведных артыкулаў пакладзены звесткі з уліковай дакументацыі. Што не менш істотна, на старонках каталога будуць змешчаны фотаздымкі прадметаў у розных ракурсах і дэталях.

Раздзел «Бібліятэка» таксама ўключае ў сябе тры падраздзелы:

1. «Слоўнік» – падраздзел, які змяшчае тэрміны па ўсіх тэмах, ахопленых у раздзеле «Калекцыя». У межах кожнай групы тэрмінаў іх азначэнні будуць падавацца ў алфавітным парадку.

2. «Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры», які будзе арганізаваны па тым жа прынцыпе, што і слоўнік. Варта адзначыць, што ўсе змешчаныя на сайце артыкулы будуць абавязкова суправаджацца спасылкамі на адпаведныя дакументальныя крыніцы, навуковыя публікацыі і г.д.

3. «Навуковыя працы»: у гэты падраздзел плануецца дадаваць файлы .pdf, .doc з навуковымі працамі, прысвечанымі збору этнаграфічнага аддзела Лабараторыі музейнай справы.

Раздзел «Фотагалерэя» будзе ўключаць у сябе папкі з фотаздымкамі, якія не ўвайшлі непасрэдна ў каталог. Гэтыя фотаматэрыялы будуць падзелены па тэмах «Кансервацыя і рэстаўрацыя», «Ансамблі прадметаў» і г.д. На аснове фотаздымкаў з падраздзелу надалей плануецца ствараць віртуальныя выставы.

Усе структурныя адзінкі віртуальнага музея аддзела этнаграфіі будуць звязаны паміж сабой сістэмай гіперспасылак праз ключавыя словы. Віртуальны музей будзе апублікаваны на інтэрнэт-партале museum.by. Вёрстка матэрыялаў сайта будзе адбывацца ў межах мастацка-тэхнічнай мадэлі, распрацаванай спецыялістамі партала. Пасля публікацыі віртуальны музей аддзела этнаграфіі будзе актыўна развівацца шляхам распрацоўкі дадатковых модуляў, правядзення вірутальных выстаў, тураў, экскурсій, інтэрактыўных праграм і г.д. У перспектыве ў віртуальны музей паслядоўна будуць уключаны калекцыі аддзелаў археалогіі, нумізматыкі і культуры Антычнасці і Старажытнага Усходу. Несумненна, тэкставы матэрыял сайта плануецца прадставіць на некалькіх мовах (беларуская, руская, англійская).

У працэсе рэалізацыі праекта па стварэнні віртуальнага музея аддзела этнаграфіі сфарміраваны рабочыя групы са студэнтаў і магістрантаў гістарычнага факультэта БДУ, якія і займаюцца напісаннем артыкулаў па асобных тэмах і музейных прадметах. Працэс падрыхтоўкі грунтоўнага артыкула – працаёмкі і складаны, таму для ўдзельнікаў студэнцкага праекта была распрацавана адмысловая памятка, а існуючыя пытанні абмяркоўваліся online, у межах пасяджэнняў гуртка «Museum» і г.д. Усе артыкулы аналізаваліся рэдактарамі з ліку студэнтаў старэйшых курсаў, пры неабходнасці адпраўляліся на дапрацоўку.

Не меншай сумленнасці патрабуе напісанне артыкулаў па асобных музейных прадметах: дадзеныя бяруцца непасрэдна з навуковых пашпартоў прадметаў і палявой дакументацыі, таксама правяраюцца і

ўдакладняюцца. Аб'ём працы ў дадзеным кірунку настолькі значны, што дадзены этап рэалізацыі праекта яшчэ цалкам не скончаны.

У электронны варыянт пераводзіцца не толькі ўліковая дакументацыя, але і непасрэдна музейныя прадметы. Фатаграфаванне прадметаў з аддзела этнаграфіі ажыццяўлялася ў Лабараторыі на працягу многіх тыдняў, па 3–4 гадзіны на дзень. Гэта творчая і сур'ёзная задача, ад якой залежыць, якім чынам будуць рэпрэзентаваныя музейныя прадметы на сайце. У гэтай справе вялікае значэнне маюць розныя моманты: правільна абсталяванае месца фотаздымкі, належны фізічны стан прадметаў, прадуманыя кампазіцыя і асвятленне і, вядома, талент фатографа. На дадзены момант алічбавана абсалютная большасць прадметаў этнаграфіі. Значная частка фотаматэрыялаў падрыхтавана да публікацыі ў сетцы, а рэшта праходзіць адпаведную апрацоўку. Дадзеныя выявы будуць апублікаваны на сайце ў сярэдняй якасці для паскарэння загрузкі старонак. Але зыходныя файлы больш высокай якасці пры пэўных умовах таксама могуць быць выкарыстаны ў навуковых і навучальна-асветніцкіх мэтах.

Такім чынам, на сённяшні дзень увесь наяўны матэрыял патрабуе дапрацоўкі і сістэматызацыі, перш чым будзе прадстаўлены грамадскасці ў выглядзе віртуальнага музея. Важным вынікам праведзенай працы можна лічыць і тое, што пад кіраўніцтвам супрацоўнікаў гістарычнага факультэта над рэалізацыяй праекта віртуальнага музея атрымалася аб'яднаць лепшыя творчыя сілы студэнтаў, якія займаюцца напісаннем навуковых артыкулаў, алічбоўкай калекцый і г.д. Такая праца, несумненна, узбагачае тэарэтычны і практычны вопыт будучых спецыялістаў. Удзельнікі праекта абменьваюцца ведамі і ідэямі на розных канферэнцыях і конкурсах. Вядзецца актыўны дыялог з музейнымі спецыялістамі Беларусі, супрацоўнікамі партала museum.by і інш. Дадзены праект здолеў зацікавіць кіраўніцтва ўніверсітэта, якое і вылучыла першыя сродкі на яго ажыццяўленне. Надалей плануецца выпрацоўваць стратэгіі па пошуку і прыцягненні спонсараў.

Так ці інакш праца па стварэнні віртуальнага музея Лабараторыі музейнай справы гістарычнага факультэта БДУ толькі пачалася і надалей мусіць стаць трывалай асновай для фарміравання новых тэндэнцый у музейнай справе Беларусі. Наведвальнікамі віртуальнага музея могуць быць не толькі студэнты, выкладчыкі, даследчыкі, музейныя спецыялісты, але і ўсе жадаючыя і зацікаўленыя. Далейшае развіццё і пашырэнне ідэі віртуальнага музея паспрыяе больш эфектыўнай прэзентацыі і ахове гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі.

Літаратура

1. Артамонов, А. Для того, чтобы представить, что такое виртуальный музей, нужно разобраться как с понятием «виртуальный», так и с понятием «музей» // Мир музея. – 2010. – № 10(278). – С. 51.
2. Будко, А. Модернизация. Схематизация опыта // Мир музея. –2010. – № 4(272). – С. 34–35.
3. Палажэнне аб Музейным фондзе Рэспублікі Беларусь: пастанова Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 10.06.2006 № 730 (у рэдакцыі пастановы Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 07.10.2011 № 1339) / Нацыянальны рэестр прававых актаў Рэспублікі Беларусь.
4. Словарь актуальных музейных терминов / под ред.: Л.С. Глебова, М.Н. Тимофейчук // Музей. – 2009. – № 5. – С. 47–68.
5. Сяркина, А. Канадские сети // Мир музея. – 2010. – № 10(278). – С. 52–55.
6. Шляхтина, Л.М. Основы музейного дела: теория и практика: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2005. – 183 с.
7. Онлайн-версія энцыклапедыі «Britannica» [Электронны рэсурс] / Encyclopædia Britannica. – Рэжым доступу: http://britannica.com/EBchecked/topic/630177/virtual-museum. – Дата доступу: 05.04.2012.
8. Музей исторического факультета [Электронный ресурс] / Сайт Белорусского государственного университета. – Режим доступа: http://bsu.by/ru/main.aspx?guid=137331. – Дата доступа: 03.04.2012.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Артур Кухарэнка
(Мінск, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт)

ПРАЦЭС ЛІКВІДАЦЫІ ЎНІЯЦКАЙ ЦАРКВЫ Ў РАСІЙСКАЙ ІМПЕРЫІ: НАСТУПСТВЫ І ВЫНІКІ ДЛЯ БЕЛАРУСІ

Liquidation of the Uniate Church is a difficult process, which includes political, social, economical and cultural problems. The actions that took place in 1827–1839 represented the unique process that was controlled by the authorities. The process can be divided into stages with their own characteristics. Liquidation methods became more and more uncompromising, especially after the suppression of the uprising of 1830–1831. The population of Belarus was divided between two Christian confessions – the Eastern Orthodox and the Catholic Church. This problem hampered the development of Belarusian nationalism in the XIXth – XXth centuries. Its consequences are still perceived in the XXIst century.

Падчас перабудовы ў Савецкім Саюзе можна было назіраць паступовае пераасэнсаванне значэння рэлігіі ў жыцці грамадства і пошук новых падыходаў да яе вывучэння. Даследчыкі пачалі раскрываць яе ўплыў на развіццё палітыкі і эканомікі, сацыяльных працэсаў і культуры, не гаворачы ўжо пра маральны аспект. Як вынік, зараз кожны навуковец ведае аб тым месцы, якое займала рэлігія раней, прынамсі ў XIX ст. У адпаведнасці з гэтым падыходам разгледзім працэс ліквідацыі ўніяцкай царквы ў Расійскай імперыі для вызначэння яго наступстваў і вынікаў у адносінах да Беларусі.

Ліквідацыя ўніяцкай царквы прадстаўляе сабой мэтанакіраваны і паслядоўны працэс, які цягнуўся з 1827 г. па 1839 г. і скончыўся скасаваннем уніі. Адпаведна выбраных крытэрыяў (даследаванне планаў па «воссоединению» ўніятаў з праваслаўнымі і рэлігійнай палітыкі ў Расійскай імперыі) працэс ліквідацыі ўніяцкай царквы быў падзелены на тры

этапы. Аналіз гэтых этапаў паказаў іх неразрыўнасць і ўзаемасувязь паміж сабой: кожны наступны этап дапаўняў папярэдні і абапіраўся на яго дасягненні. Гэта было звязана з агульнай мэтай этапаў, якая заключалася ў ліквідацыі ўніяцкай царквы.

Пераарыентацыя ўніятаў з каталіцкай царквы на праваслаўную (1827–1830 гг.). На пачатковым этапе (1827–1830 гг.) усе мерапрыемствы ажыццяўляліся адносна прынятага ў канцы 1827 г. плана. Ён быў падпісаны міністрам народнай асветы і галоўным кіраўніком Дэпартамента замежных веравызнанняў А. Шышковым, а ўдзел у падрыхтоўцы прыняў яго намеснік Р.І. Карташэўскі.

Праект складаўся з дзвюх частак. У першай даваўся гістарыяграфічны агляд тых мер, якія прымаў урад, пачынаючы з Кацярыны ІІ, па далучэнні ўніятаў да праваслаўя; у другой выказваліся думкі аб тым, што неабходна зрабіць у гэтым накірунку. Асноўная ідэя дакумента заключалася ў тым, каб адарваць уніятаў ад каталіцтва шляхам скасавання часткі базыльянскіх кляштараў, стварэння асобнай ад каталіцкай грэка-ўніяцкай калегіі, адкрыцця новых навучальных устаноў для падрыхтоўкі юнакоў у традыцыях праваслаўнай веры. Прадугледжвалася таксама ліквідаваць залежнасць уніяцкага духавенства ад памешчыкаў-каталікоў, якія, будучы кцітарамі, не толькі аказвалі матэрыяльную дапамогу царкве, але і ўплывалі на выбар кандыдатур святарнаслужыцеляў у сваіх маёнтках [1, с. 12]. Атрымоўваецца, што на першым этапе ставіліся задачы паступовага рэфармавання ўніяцкай царквы для максімальнага збліжэння яе з праваслаўнай і адначасова ліквідацыі ўплыву каталіцкага касцёла.

Першыя мерапрыемствы, звязаныя з ажыццяўленнем гэтага плана, пачалі праводзіцца згодна з указам ад 9 кастрычніка 1827 г. З гэтага часу ў грэка-ўніяцкай царкве зацвярджаюцца праваслаўныя абрады богаслужэння з пэўнымі патрабаваннямі: не дапушчаць у манаства людзей другога абраду, а з самога грэка-ўніяцкага духавенства дапушчаць да манаскіх абетаў толькі такіх, якія маюць дастатковыя веды ў рускай мове. Акрамя гэтага, былі заснаваны вучылішчы для навучання грэка-ўніяцкага юнацтва як правілам веры, так і абрадам богаслужэння на рускай мове. Вядомым вынікам гэтага ўказа стала ліквідацыя намечаных да гэтага базыльянскіх манастыроў і перадача іх свецкаму кліру для размяшчэння там семінарый і духоўных вучылішч.

Наступным крокам у ліквідацыі ўніяцкай царквы стаў указ ад 22 красавіка 1828 г., па якому стваралася асобная ад каталіцкай Грэка-ўніяцкая духоўная калегія, а замест ранейшых чатырох уніяцкіх епархій уводзіліся толькі дзве. Гэта вядомыя Літоўская і Беларуская епархіі. Як пісаў

у 1834 г. епіскап Сямашка: «Ныне обе сии епархии упразднены, чем не только униаты в половину ослаблены, но и доставлена удобность заместить благонадежными людьми важнейшие должности по управлению остальными двумя епархиями» [5, с. 2].

Адпаведныя змены закранулі і сістэму падрыхтоўкі кадраў уніяцкай царквы. У 20-я гг. XIX ст. кадры вышэйшага ўніяцкага духавенства рыхтаваліся ў Галоўнай семінарыі ў Вільні (да 50 чал.), у Калегіі распаўсюджвання веры ў Рыме (4 чал.); ніжэйшага духавенства – пры Лаўрышоўскім кляштары; свяшчэннікі – у семінарыях Полацка і Жыровіч. Урад пачаў пераўтварэнні ў сферы адукацыі. Забаранялася накіроўваць юнакоў у Рым і Вільню, навучэнцы з іх былі адазваны. Нягледзячы на рашэнне адчыніць Грэка-ўніяцкую акадэмію ў Полацку, 25 лютага 1830 г. Грэка-ўніяцкая калегія прызнала, што адкрыццё яе немагчыма з-за адсутнасці сродкаў, памяшканняў і навучэнцаў. Калегія хадайнічала перад Св. Сінодам, і ёй дазволілі накіраваць некалькіх юнакоў у Пецярбургскую праваслаўную духоўную акадэмію [1, с. 13].

Такім чынам, першы этап стаў у многім вызначальным. Уладам неабходна было выбраць, па якому шляху пайсці ў рэлігійным пытанні. На адказ непасрэдным чынам паўплывала шматканфесіянальнае становішча на далучаных землях і рост уплыву каталіцызму. Гэта і прадвызначыла курс паступовага рэфармавання ўніяцкай царквы з мэтай яе ліквідацыі ў будучыні. Такія мерапрыемствы павінны былі зблізіць яе з праваслаўнай царквой і канчаткова разарваць сувязі з каталіцкай.

Радыкалізацыя пераўтварэнняў ва ўніяцкай царкве (1831–1837 гг.). Новы этап у працэсе ліквідацыі ўніяцкай царквы пачаўся пасля падаўлення паўстання 1830–1831 гг. Яго адметнасцю сталі ўнутраная барацьба па пытанню ліквідацыі царквы і адносна доўгая працяглась. У 1833 г. з’явіўся новы план ліквідацыі ўніяцкай царквы, які быў падрыхтаваны епіскапам Смарагдам. Ён выступаў за тое, каб перайсці ад частковых далучэнняў уніяцкіх вернікаў да поўнага з’яднання абедзвюх цэркваў.

Адпаведна з гэтым планам ужо надышоў час скасавання ўніі, што было аргументавана наступным чынам: «Присоединение одного прихода дает надежду и располагает к присоединению другого, чем больше присоединено, тем больше может присоединиться» [5, с. 76]. Апошнім крокам да аб’яднання павінен быў стаць прызыў Сінода, які і паклаў бы канец існаванню ўніяцкай царквы. Нягледзячы на тое, што гэты план не быў прыняты, ён выклікаў шырокія дыскусіі наконт працэсу ліквідацыі ўніяцкай царквы. Праціўнікі прадстаўленага падыходу лічылі, што

скасаванне ўніі немагчыма ажыццявіць на дадзены момант, таму што яшчэ не быў закладзены неабходны фундамент для такога важнага рашэння. Яны прапаноўвалі трымацца выбранага на першым этапе курсу і ажыццяўляць ранейшую палітыку.

Паўстанне 1830–1831 гг. істотным чынам паўплывала на працэс ліквідацыі ўніяцкай царквы. Яно канчаткова вызначыла патрэбу ліквідацыі ўніяцкага веравызнання шляхам далучэння да праваслаўнай царквы. Пасля паўстання ўсе мерапрыемствы пачалі насіць больш радыкальны характар і сталі рэалізавацца за менш працяглы тэрмін. Тым самым відавочна прасочваецца частковы адыход ад першапачатковага накірунку ў працэсе ліквідацыі ўніяцкай царквы.

Пасля падаўлення паўстання была накладзена забарона на прызначэнне ўніяцкіх святароў у рымска-каталіцкія касцёлы для арганізацыі богаслужэння. Загад меў на мэце размежаваць дзейнасць уніятаў і католікаў. Першых планавалася «воссоединить» з праваслаўнымі, а супраць другіх прыняць шэраг абмежавальных законаў, якія б рэгламентавалі іх існаванне.

30 красавіка 1833 г. былі адноўлены самастойныя Полацкая і Віленская праваслаўныя епархіі, што спрыяла далучэнню да праваслаўя не толькі ўніятаў, але і католікаў. Гэта пастанова адыграла немалую ролю ў працэсе ліквідацыі ўніяцкай царквы, таму што былі створаны два новыя цэнтры, якія ўзялі пад свой кантроль палітыку адносна ўніяцкіх вернікаў.

7 лютага 1834 г. на саборы ўніяцкіх епіскапаў было вырашана ўвесці ў Беларускай і Літоўскай епархіях у карыстанне служэбнікі маскоўскага выдання 1831 г., малебныя спевы, евангелле, апосталы, а таксама выдзеліць 5 тыс. руб. на ўсталяванне ў цэрквах іканастасаў. Архірэям было прадпісана, каб яны ўсімі сіламі клапаціліся аб аднаўленні праваслаўных абрадаў [5, с. 118–119].

Непасрэднымі выканаўцамі гэтага рашэння сталі вікарыі: Васілій па Беларускай і Антоній па Літоўскай епархіі. Ухваляючы выкарыстанне праваслаўных абрадаў і звычаяў, вікарыі накіроўвалі ўніятаў да аб’яднання з праваслаўнай царквой. Разам з тым ад уніяцкага духавенства браліся падпіскі аб жаданні ўдзельнічаць у агульным «воссоединении» дзвюх цэркваў. Як адзначыў Г. Шавельскі, «с приведением этого постановления в исполнение для простого народа, из которого главным образом состояла униатская паства и который особенность религии сводил к внешности, к обряду, должна была порваться всякая связь с римской церковью, должен был наступить конец унии» [5, с. 119].

У маі 1835 г. быў заснаваны Сакрэтны камітэт, у склад якога ўвайшлі наўгародскі мітрапаліт Серафім, маскоўскі мітрапаліт Філарэт, цвярскі архіепіскап Рыгор, уніяцкі мітрапаліт І. Булгак, генерал граф Талстой, князь Галіцын, обер-пракурор Св. Сінода С. Нячаеў і статс-сакратар С. Танееў. Міністр унутраных спраў Д. Блудаў, дакладваючы 8 снежня 1836 г. аб працы гэтага камітэта, адзначыў, што адносна ўніятаў яго мэтай было «пераўтварыць іх з паўпалякаў, рымскіх каталікаў у адданых сыноў нашай царквы і Расіі» [1, с. 14].

1 студзеня 1837 г. Грэка-ўніяцкая калегія была знята з нагляду міністра ўнутраных спраў і падпарадкавана обер-пракурору Св. Сінода. Гэты крок высока ацаніў Д. Блудаў: «И сближение, осмелюсь сказать, и соединение сей церкви с нашей совершится почти неприметно, нечувствительно, но в довольно скором времени» [5, с. 233].

Літоўскаму ўніяцкаму епіскапу Іосіфу было загадана правесці рэвізію Беларускай епархіі. Аб'ехаўшы многія прыходы епархіі, ён 31 мая 1837 г. даў Беларускай кансісторыі прадпісанне, каб у шасцімесячны тэрмін іканастасы і прастолы былі ўсталяваны ва ўсіх беларускіх цэрквах, а святароў, якія не выканаюць гэта, было загадана аддаваць пад суд і пазбаўляць прыходаў [1, с. 16].

Праваслаўнаму епіскапу Ісідору (Нікольскі), які быў прызначаны ў Полацкую праваслаўную епархію замест архіепіскапа Смарагда, і ўніяцкаму архіепіскапу Васілію (Лужынскі) былі дадзены распараджэнні, каб уніяцкія і праваслаўныя свяшчэннікі ў святочныя дні сустракаліся ў цэрквах для сумеснай службы. Праваслаўным свяшчэннікам было дазволена праводзіць ва ўніяцкіх цэрквах богаслужэнні для сваіх прыхаджан.

Такім чынам, на другім этапе змяніліся ход і характар працэса ліквідацыі ўніяцкай царквы. Мерапрыемствы пачалі праводзіцца больш хуткімі тэмпамі пад моцным кантролем «зверху». З кожным годам крокі ў гэтым накірунку насілі ўсё больш рашучы характар. Пры іх вывучэнні становіцца відавочным, што шлях такіх пераўтварэнняў з цягам часу прывёў бы да скасавання ўніі. І тут паўстае толькі пытанне, колькі часу на ўсё гэта спатрэбіцца.

Юрыдычнае афармленне ліквідацыі ўніяцкай царквы (1838–1839 гг.). На заключным этапе (1838–1839 гг.) быў прыняты апошні план, які вызначыў комплекс мерапрыемстваў, неабходных для хуткага скасавання ўніі, юрыдычнага замацавання ліквідацыі ўніяцкай царквы. 22 і 26 снежня 1838 г. адбыліся пасяджэнні Сакрэтнага камітэта, на якіх прысутнічалі шэф жандармаў А.Х. Бенкендорф, міністр дзяржаўнай маё-

масці граф П.Д. Кісялёў, міністр унутраных спраў Д. Блудаў і обер-пракурор Св. Сінода М.А. Пратасаў. На першым пасяджэнні камітэт зацвердзіў наступныя прапановы:

1. Грэка-ўніяцкія епіскапы са старэйшым духавенствам складуць царкоўны саборны акт, у якім прызнаюць зноў сваё пачатковае адзінства з усходняй праваслаўнай царквой.

2. Акт будзе падпісаны ўсімі, хто прысутнічаў пры яго складанні, а астатнія дадуць сваю пісьмовую згоду.

3. Акт і водгукі будуць накіраваны імператару разам з прашэннем.

4. Будзе выдадзены найвышэйшы указ аб падпарадкаванні грэка-ўніяцкай калегіі не Сенату, а Св. Сіноду.

5. Св. Сінод атрымае прашэнне і акт для абмеркавання.

6. Св. Сінодам будзе складзены даклад імператару.

7. Толькі пасля падпісання будзе аб'яўлены ўказ [5, с. 298].

Як бачна, колькасць удзельнікаў Сакрэтнага камітэта была мінімальнай, нават без мітрапалітаў, таму што ён імкнуўся захаваць у тайне да апошняга сваё імкненне адносна ўніятаў. Нават саборны акт планавалася скласці і падпісаць паўтаемна: без шырокай агалоскі і пры мінімальным складзе сабора. Гэты план быў дапоўнены інструкцыямі да генерал-губернатараў, якія павінны былі забяспечыць спакойную рэалізацыю мерапрыемстваў на месцы. Гэтыя інструкцыі сталі неад'емнай часткай агульнага плана, які прывёў да скасавання ўніі 12 лютага 1839 г.

На другім пасяджэнні Сакрэтнага камітэта было вырашана наступнае:

1. Стварэнне аднолькавых інструкцый і наданне асобых паўнамоцтваў генерал-губернатарам.

2. Аказанне генерал-губернатарам ваеннай падтрымкі праз іх сувязь з ваенным міністрам.

3. Прызначэнне губернатарам Віцебскай губерні Лушкарова.

4. Права імператара на прыняцце канчатковага рашэння пытанняў месца складання акта і часа састаўлення ўказа.

5. Лагоднае стаўленне да ранейшых абяцанняў захаваць абрады.

6. Перавод манаства ва ўніяцкія манастыры паўднёвых губерняў або ў праваслаўныя манастыры вялікарускіх губерняў.

7. Аказанне ім часовай дапамогі ў памеры да 360 тыс. руб.

8. Утрыманне духавенства клалася на плечы міністэрства дзяржаўнай маёмасці і обер-пракурора Св. Сінода [4, с. 479–483].

4 студзеня 1839 г. адбылося чарговае пасяджэнне Сакрэтнага камітэта, у якім прынялі ўдзел генерал-ад'ютант Дзякаў і князь Даўгарукі

са сваімі праектамі інструкцый генерал-губернатарам. Інструкцыі да генерал-губернатараў сталі неад’емнай часткай плана скасавання ўніі. Яны ўяўлялі сабой права і абавязкі тых асоб, якія адказвалі за непасрэдную рэалізацыю заключнага этапа ліквідацыі ўніяцкай царквы. Тым самым Сакрэтны камітэт прыступіў да выпрацоўкі распараджэнняў, якія датычыліся мясцовага ўзроўню.

Урад чакаў супрацьдзеяння з боку паноў, уніяцкіх і каталіцкіх святароў і нават земскай паліцыі. Таму генерал-губернатараў Дзякава і Даўгарукага надзялілі надзвычайнымі паўнамоцтвамі, а свяшчэннікам загадалі даносіць аб чакаемых змовах, што маглі быць выяўлены праз споведзі прыхаджан.

16 сакавіка 1839 г. генерал-губернатар Дзякаў даў наказ віцебскаму і магілёўскаму грамадзянскім губернатарам аб прыняцці мер адносна далучэння ўніятаў. Прадугледжвалася зрабіць сакрэтныя прадпісанні ваенна-павятовым кіраўнікам, каб яны «не смели колебать расположение униатов к воссоединению с православной церковью»; увесці адказнасць памешчыкаў за «замешательства в их губерниях и за неуважение прихожан к духовным своим пастырям»; аб’явіць, што толькі грэка-ўніяты «подпадали под распоряжения» [5, с. 340].

Каб убачыць рэакцыю на дадзеныя меры, ва ўніяцкія епархіі ў маі 1838 г. па найвысачэйшым загадзе быў накіраваны камергер надворны саветнік В. Скрыпіцын. Ён наведваў цэрквы, сачыў за настроем духавенства, памешчыкаў і прыхаджан. Вярнуўшыся ў Пецярбург, у сваім дакладзе, які быў прадстаўлены обер-пракурору Св. Сінода, В. Скрыпіцын адзначыў, што ў Літоўскай і Беларускай уніяцкіх епархіях у 575 цэрквах зроблены іканастасы; богаслужэнне вялося даволі правільна; меліся маскоўскія служэбнікі амаль ва ўсіх цэрквах [1, с. 17].

З мэтай пазбегнуць хваляванняў у заходніх губернях прымаліся адпаведныя меры. У лістападзе 1838 г. у пісьме з міністэрства ўнутраных спраў да віленскага ваеннага губернатара адзначалася неабходнасць захоўваць асцярожнасць пры пераўтварэнні грэка-ўніяцкай царквы і збліжэнні яе з праваслаўнай [1, с. 18].

Такое ж указанне атрымаў ад обер-пракурора Св. Сінода М.А. Пратасава віцебскі, смаленскі і магілёўскі генерал-губернатар Дзякаў. Асабліва ўважліва было загадана наглядаць за Себежскім, Полацкім, Лепельскім, Дрысенскім, Мсціслаўскім і Сенненскім паветамі, бо яны заставаліся пад моцным уплывам каталіцкага духавенства і памешчыкаў-каталікоў [1, с. 18].

У студзені 1839 г. у Віцебскую губерню быў накіраваны 29-ы казачы полк палкоўніка Карнеева. Акрамя гэтага, з Пецярбурга выехаў у Полацк камергер В. Скрыпіцын, які павінен быў наглядаць за станам уніяцкага духавенства.

3 лютага епіскап Іосіф прадпісаў Беларускай кансісторыі, каб святароў, якія не падпісалі прашэнне, высылалі ў кляштары. Гэтыя меры пазбавілі неабходнасці шукаць кампрамісы з супернікамі ліквідацыі ўніяцкай царквы. Епіскап Іосіф строга прытрымліваўся плана скасавання ўніі. Галоўнымі крытэрыямі яго дзейнасці былі паслядоўнасць, тайнасць і сакрэтнасць усіх прадпрымаемых мерапрыемстваў [2, с. 7].

12 лютага 1839 г. у Полацку ў прысутнасці падабранага загадзя ўніяцкага духавенства быў аднадушна прыняты і падпісаны саборны акт з просьбай аб далучэнні ўніяцкай царквы да праваслаўнай. Гэта адбылося якраз у нядзелю праваслаўя, каб склалася ўражанне свята. Сабор прайшоў ціха, калі не сказаць паўтаемна, пасля чаго епіскап Іосіф забраў акт і паехаў у Пецярбург. А ўжо 1 сакавіка акт паднеслі Мікалаю І, які перадаў яго на разгляд Св. Сінода.

Пастанова Св. Сінода «О принятии греко-униатской церкви в полное и совершенное общение святых православно-католических Восточныя церкви и в нераздельный состав церкви Всероссийской» была зацверджана Мікалаем І, які напісаў на ёй: «Благодарю Бога и принимаю» [3, с. 349]. Гэта адбылося 25 сакавіка 1839 г., у дзень Дабравешчання. Другая па значнасці падзея пасля Полацкага сабора ў скасаванні ўніі таксама прыпадае на свята, што пацвярджае значнасць гэтай падзеі ў гісторыі.

Трэці этап стаў самым кароткім, бо ён уключаў у сябе толькі мерапрыемствы, звязаныя са скасаваннем уніі. Асаблівасцю гэтага этапу стала павышаная таемнасць прымаемых рашэнняў і адпаведных мерапрыемстваў. У дадатак была выпрацавана тактыка барацьбы са святарамі і вернікамі, якія былі супраць скасавання ўніі. Апошні этап таксама праходзіў па выпрацаванаму плану, што сведчыць пра зацікаўленасць Расійскай імперыі юрыдычна замацаваць «воссоединение» ўніятаў з праваслаўнымі без выкарыстання зброі і стварыць сабе апору сярод мясцовага насельніцтва.

Такім чынам, вымалёўваецца агульная карціна працэсу ліквідацыі ўніяцкай царквы. Гэта быў комплекс мерапрыемстваў, што праводзіліся з 1827 г. па 1839 г. і прадстаўлялі сабой адзіны працэс, які кантраляваўся ўладай «зверху». Сярод гэтага працэсу можна вылучыць свае этапы са сваімі характэрнымі рысамі. Пры гэтым існавала адна тэндэнцыя, якая датычылася ўсіх этапаў – метады ліквідацыі з кожным годам насілі ўсё

больш бескампрамісны характар, асабліва пасля падаўлення паўстання 1830–1831 гг.

З ліквідацыяй уніяцкай царквы насельніцтва Беларусі на доўгія гады аказалася падзеленым у асноўным паміж дзвюма хрысціянскімі канфесіямі – праваслаўнай і каталіцкай царквой. Гэта праблема моцна тармазіла развіццё беларускага нацыянальнага руху ў канцы XIX – пачатку XX ст. Цалкам магчыма, што яе наступствы адчуваюцца і ў XXI ст.

Літаратура

1. Грыгор'ева, В.В. [і інш.]. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.) / пад рэд. У.І. Навіцкага. – Мінск: ВП «Экаперспектыва», 1998.
2. Лужинский, В. Записки Василия Лужинского, архиепископа Полоцкого. – Казань: Издание Казанской духовной академии, 1885.
3. Петров, Н.И. [и др.]. Белоруссия и Литва: Ист. судьбы Северо-Зап. края / изд. при М-ве внутр. дел П.Н. Батюшковым. – СПб.: Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1890.
4. Положение Секретного комитета о мероприятиях при ликвидации унии № 164 от 26 января 1839 г. // Уния в документах / В.А. Теплова, З.И. Зуева. – Минск: Лучи Софии, 1997. – С. 479–483.
5. Шавельский, Г. Последнее воссоединение с православной церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839). – СПб.: Тип. «Сельского вестника», 1910.

Нина Митяева
(Одесса, Одесский национальный университет)

ПРОЦЕСС РЕЛИГОЗНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
(на примере Украины)

The article deals with the analysis of the phenomenon of religious renaissance in post-Soviet states. It shows that this process, which began 20 years ago, continues today. Moreover, it has an undulating character and is tightly related to the socio-political situation in the state. With the help of sociological analysis it is concluded that religion still remains an important socializing institution in post-Soviet states, herewith the very phenomenon of «religious renaissance» is stimulated by domestic political processes.

После распада СССР на территории постсоветских стран начался стремительный процесс, который можно обозначить термином «религиозное возрождение». За первые 10 лет независимости России, Беларуси и Украины количество людей, называющих себя верующими, возросло в два раза. Большинство исследователей связывают это, в первую очередь, с фактом распада СССР (и последовавшими за этим экономическими, политическими и социальными трансформациями), что привело к культурному и идеологическому вакууму и стремлению граждан найти новые источники идентичности. Однако, согласно данным современных социологических исследований, процесс религиозного возрождения в странах Восточной Европы продолжается до сих пор – уже более 20 лет, несмотря на относительную стабилизацию общественных отношений и политической жизни. Изучение причин и последствий этого явления сегодня представляет значительный интерес для исследователей, особенно в контексте взаимоотношений религии и политики.

На сегодняшний день многие ученые и исследователи занимаются изучением вопроса религиозного возрождения в постсоветском пространстве. В частности, можно отметить работы С. Филатова, В. Гараджи, Д. Безнюка, А. Соловья [5], В. Еленского [4]. Тем не менее проблемой является то, что ученые, фокусируя внимание на социологии религии, мало внимания уделяют вопросу зависимости уровня религиозности от политических процессов, протекающих в государствах Восточной Европы на современном этапе. Большинство исследований в этой сфере носят сугубо социологический характер и не объясняют возможные политико-экономические причины и последствия продолжительного процесса религиозного возрождения в постсоветских странах.

Цель данной работы состоит в изучении процесса религиозного возрождения в странах Восточной Европы на примере современной Украины.

В 90-е гг. на фоне распада Советского Союза в странах Восточной Европы произошел целый ряд социально-экономических и политических трансформаций, которые спровоцировали глубинные изменения во всех сферах общественной жизни. На этом фоне, вызванный как внешними, так и внутренними факторами, начался стремительный процесс религиозного возрождения, обращения общества «к традиционным ценностям, исторически заложенным в религии» [4]. Как выразился американский ученый С. Хантингтон, в данном случае религия выступила как «главная сила, которая мотивирует и мобилизует людей» [3, с. 91]. В соответствии с концепцией американского ученого жители светских государств ищут убежища в религии, как только сталкиваются с глубинными изменениями во всех сферах жизни общества, оказываясь перед лицом новых ценностных и мировоззренческих ориентиров.

Данный тезис подтверждает и теория американского исследователя Родни Старка, который утверждает, что религиозные институты предлагают верующим «вознаграждения» и «компенсаторы». Так, членство в Церкви придает статус и подтверждает нахождение в сообществе, а участие в религиозных организациях является для верующего социально значимой деятельностью. В качестве компенсаторов при этом выступают религиозные доктрины, предлагающие советы и помощь, обещающие лучшую жизнь после смерти, молитва, религиозный опыт, а также даруемое принадлежностью к религиозной общине чувство избранности [1, с. 16].

Таким образом, активизация процесса обращения населения к Церкви как к основному источнику традиционной морали, культурных ценностей, идентичности и, кроме прочего, важному социализирующему

институту, выглядит вполне обоснованной на фоне обострения фундаментальных, сущностных проблем, связанных с крахом Советского Союза. Тем не менее данного объяснения недостаточно для понимания того, почему спустя 20 лет после распада СССР, несмотря на отсутствие серьезных потрясений в сфере общественной жизни, в странах Восточной Европы продолжается процесс религиозного возрождения.

Так, на сегодняшний день, согласно данным социологических исследований, в Украине к верующим себя причисляет 71% населения. Только с 2000 г. этот показатель увеличился на 13% [2, с. 31]. При этом на протяжении последнего десятилетия среди всех общественных институтов именно Церковь занимает первую позицию по уровню доверия граждан. Этот показатель стабильно составляет около 65–70%. В то время как уровень доверия к президенту, парламенту, судам, милиции в последнее время падает и не превышает, в частности, к президенту, 30%; а к милиции и судам – 14–17%.

Что касается числа религиозных организаций, то по состоянию на 2011 г. в Украине действовала 35 861 организация, в то время, как в 1992 г. их было 13 217. Особенно высокие темпы роста демонстрируют сети общин протестантских и харизматических направлений. С 2000 г. число последних возросло в 2,6 раза [2, с. 4–5].

При этом необходимо подчеркнуть, что, согласно данным социологических исследований, рост уровня религиозности жителей Украины (то есть увеличение числа людей, номинально причисляющих себя к верующим) происходит не постепенно, а волнообразно. Так, по данным украинского Центра экономических и политических исследований имени А. Разумкова, значительный скачок в процессе религиозного возрождения в Украине произошел с 2007 г. по 2010 г. За 3 года количество украинцев, называющих себя верующими, возросло на 12,4% и достигло отметки в 71,4% (для сравнения в период с 2000–2007 гг. данный показатель вырос лишь на 1,2%).

Рассматривая причины данного явления, необходимо обратить внимание на то, что в тот же период в Украине был зафиксирован существенный рост числа граждан, не удовлетворенных уровнем жизни в стране, – количество последних увеличилось на 22% и достигло показателя в 73%. Этому предшествовали серьезный политический кризис (2006 г.) и обострение экономических проблем на фоне «газовой войны» с Россией. В последующие годы политическая ситуация в стране продолжала оставаться нестабильной, кроме того, в 2008–2009 гг. Украина столкнулась с падением уровня производства и экономической рецессией,

вызванными мировым финансовым кризисом. Таким образом, на фоне постепенного разочарования граждан политикой государства, происходил рост числа украинцев, называющих себя верующими. По мнению А.А. Соловья, сегодня это связано с тем, что «являясь социально детерминированной, религия своеобразно отображает противоречия культурно-исторического процесса и одновременно активно влияет на развитие общества» [5]. То есть подобную статистику можно рассматривать как одно из частных подтверждений тезиса о существовании взаимовлияния и взаимозависимости между уровнем религиозной идентификации населения и общественно-политической ситуацией в стране. Кроме того, на существование связи между фактором удовлетворенности или неудовлетворенности населения государственной политикой и процессом «религиозного ренессанса» указывает и то, что наиболее многочисленный прирост среди верующих был зафиксирован в наименее «религиозных» областях Украины – на Юге и Востоке [2, с. 31]. Там же за указанный период времени наблюдался наиболее интенсивный рост числа украинцев, заявивших о своей неудовлетворенности уровнем жизни в стране (этот показатель составил 80%).

Таким образом, говоря о феномене религиозного возрождения в постсоветских странах, важно отметить, что религия сегодня не только продолжает оставаться важным социализирующим институтом, но и вознаграждения и компенсации, которые она предлагает, обретают все более важное значение в политически дестабилизированном обществе. Процесс «религиозного ренессанса», стимулируемый, в первую очередь, внутриполитическими процессами, превращает религиозность в индикатор отношения общества к политическим переменам или их отсутствию. В данном случае уместно ввести понятие «социальный амортизатор», когда религиозность, возмещающая человеку то, что он недополучил в результате осуществления государством неэффективной политики, становится ответом на ряд внутренних проблем. Исследователь Г.Т. Телебаев, говоря о процессе «религиозного ренессанса» в Казахстане, в частности, отмечает, что религиозность в странах постсоветского пространства «выполняет функции культурно-ценностного идентификатора и социально-психологического компенсатора в транзитный период развития общества» [6, с. 104]. Кроме того, вера, предлагающая, в первую очередь, морально-этическую трактовку мира, а кроме того, обещающая те или иные блага, апеллирующая к духовной, а не материальной стороне бытия, становится для человека новым гарантом безопасности и благополучия. Как отмечает С. Хантингтон, «…для людей, которые сталкива-

ются с необходимостью ответить на вопросы "Кто я?" и "Где мое место?", религия предоставляет убедительные ответы, а религиозные группы становятся небольшими социальными общностями, где человек может реализовать себя и свои духовные потребности. Все религии, по выражению Хассана аль-Тураби, дают "людям чувство идентичности и направление в жизни…"» [3, с. 142].

На основании вышесказанного, учитывая высокий уровень доверия и моральный авторитет Церкви в Украине, уместно было бы предположить, что это может способствовать появлению мощной политической партии, апеллирующей к религиозным ценностям. Например, Михаель Дриссен, говоря о процессе религиозного возрождения в Италии, происходящего на фоне социально-экономических и институциональных проблем, отмечает: «В разгар политического и экономического кризиса, нависшего над Италией сегодня, все чаще слышны голоса, призывающие к возврату Католической политической партии» [7]. То есть подобные силы на политической арене рассматриваются как способные:

а) консолидировать общество;

б) вернуть политике «моральный» облик, пропагандируя общечеловеческие ценности.

Однако ситуацию в Украине на современном этапе невозможно сравнивать с ситуацией в Италии, в первую очередь, по причине различного исторического опыта в области развития религии и роста религиозности. Кроме того, следствием принудительного атеизма, многие годы насаждаемого в СССР, стало появление качественно «новых» верующих в странах Восточной Европы – тех, которые считают себя верующими, но при этом не участвуют активно в религиозной жизни. В Европе подобный феномен не приобрел широко распространения. Таким образом, в Украине сложилась двоякая ситуация, когда формально перспектива появления религиозных партий как логического продолжения процесса «религиозного возрождения» есть, однако устойчивого основания для начала этого процесса пока не существует. То есть «верующее» население пока не готово поддержать политические партии религиозной направленности. Так, по состоянию на август 2012 г. в Верховной раде Украины была представлена лишь одна подобная политическая сила – Христианско-демократический союз, 8 депутатов которого прошли в парламент в составе блока «Наша Украина-Народная самооборона» в 2007 г. Всего в Украине зарегистрировано 6 политических партий религиозной направленности, все они обладают сходными политическими программами, однако, как отмечают исследователи, демонстрируют неспособность к

объединению. Такое положение вещей, в первую очередь, связано с партийной конкуренцией, когда каждая из политических сил, финансируемых разными общинами, стремиться обрести наибольшее количество сторонников и таким образом обеспечить себе господствующее положение в государстве. Согласно публикациям в СМИ подобная ситуация наблюдается и в соседней с Украиной Беларусью.

Подытожив все вышесказанное, стоит отметить, что после распада СССР на территории постсоветских стран начался стремительный процесс религиозного возрождения, обусловленный в первую очередь крахом коммунистической идеологии. Однако характерной чертой сегодняшней религиозной ситуации в этих странах на примере Украины является то, что возрождение религии стимулируется внутренними политическими процессами. Кризис доверия к институтам власти и снижение уровня жизни заставляют население обращаться к традиционным ценностям, которые предлагает религия. На сегодняшний день в Украине продолжает расти как число людей, причисляющих себя к верующим, так и количество религиозных организаций. Данные процессы развиваются волнообразно, актуализируясь на фоне внутригосударственных проблем. Подобная ситуация свойственна и Беларуси, где именно на фоне внутреннего политического кризиса в последние годы наблюдается наибольший прирост среди «верующего» населения [8]. Однако на фоне «религиозного возрождения» политические партии религиозной направленности не пользуются поддержкой населения, что на данном этапе является яркой особенностью политической жизни Украины и Беларуси. Таким образом, в происходящих процессах «религиозного ренессанса» заложена лишь возможность потенциального успеха политических сил, выдвигающих соответствующие ценности.

Литература

1. Бреская, О.Ю. Проблема концептуализации религиозности в светской и церковной социологии религии // Религиозность населения Владимирской области (введение в социологию религии на материалах региональных исследований) / под ред. проф. Е.И. Аринина. – Владимир: Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2010. – С. 64–91.
2. Релігія і влада в Україні: проблеми взаємовідносин. – Київ: Изд. Центра А. Разумкова, 2011. – 82 с.
3. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – 603 с.
4. Еленский, В.Е. Религия в глобальной политике: конец XX – начало XXI веков [Электронный ресурс] // Международная научно-практическая конферен-

ция «Религия как социальный феномен». – М., 2011. – Режим доступа: http://religiopolis.org/documents/3292-ve-elenskij-religija-v-globalnoj-politike-konets-hh-nachalo-hhi-vekov.html.

5. Соловей, А.А. Проблемы религиозности общества [Электронный ресурс] // Наука. Религия. Общество. – 2005. – № 2. – Режим доступа: http://iai.donetsk.ua/_u/iai/dtp/CONF/2_2005/articles/stat24.html.
6. Телебаев, Г.Т. Религиозная идентификация населения и религиозная ситуация в республике Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/214/801/1219/014-TELEBAEV_Gx2cT.pdf.
7. Driessen, M. A Christian Democratic Revival? [Electronic resource]. – Mode of access: http://michaeldriessen.com/2011/07/30/a-christian-democratic-revival.
8. Общественное мнение в национальной сфере [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. – 2011. – Режим доступа: http://iac.gov.by/ru/sociology/research/Obschestvennoe-mnenie-o--situatsii-v-natsionalnoj-sfere_i_0000000214.html.

Полина Урбан
(Вильнюс, Европейский гуманитарный университет)

СТРАТЕГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЛЮБВИ В АФФЕКТИВНЫХ РЕЖИМАХ КАТОЛИЧЕСТВА

The paper explores religious emotions at macro and micro levels. The theory of emotional regimes is applied not to the emotional community but to emotional experience of a single individual. Discourse-analysis in the tradition of Michel Foucault has been used. The analyses of qualitative data allowed to conclude that the emotional experience of an individual Catholic respondent is controlled by the affective orders of Catholicism through the set of discursive practices. It causes the merging of religious and romantic affects in the believer's mind. The reinterpretations of the Emotional regime of Catholicism are caused by the adaptation of emotional orders to fit the specifics of the believer's romantic and sexual life. Inability to harmonize the emotions caused by love and erotic experience leads to the break up with emotional community and creating an emotional refuge in the form of psychotherapy sessions.

Являясь не только эротико-романтической эмоцией, но и главным христианским аффектом, любовь становится областью переплетения романтических и религиозных порядков в жизни верующих. Эта связь до сих пор подвергалась теоретическому осмыслению лишь на глобальном уровне, в то время как исследование эмоций в целом характеризовалось переходом на микроуровень анализа аффекта. Появление работы, описывающей механизмы конструирования, артикуляции и реинтерпретации любви в опыте одного верующего человека, стало логичным шагом на пути развития эмоциологии религии. Подобная работа, однако, должна была преодолеть не только трудности, связанные с получением доступа к данным и обнаружением релевантных аналитических инструментов, но и методологические проблемы, возникающие при объединении данных микросоциологии и теоретических моделей больших обще-

ственных структур в единую модель социальной реальности. Попытка решения этих проблем была предпринята в исследовании, проведенном мной под научным руководством доцента Г.А. Орловой. Анализ корпуса биографических документов одной верующей, утверждающей свою принадлежность к католицизму, позволил мне обнаружить в ее индивидуальном эмоциональном опыте черты, характерные для католического дискурса в целом, и стратегии гармонизации личного опыта и католических аффективных порядков. В свою очередь, исследование фоновых практик, поддерживающих эмоции верующей, обеспечило установление связи между микро- и макроуровнями функционирования аффективного режима католичества.

Изучение эмоций в гуманитарных науках в последнее столетие характеризовалось отдалением от психофизиологического понимания аффектов и постановкой вопроса об исторической специфичности и контекстуальной грамматике выражения эмоций и эмоционального поведения [20; 26; 28]. Особый академический резонанс новый подход получил в 70-е гг. XX в. Это было обусловлено укреплением представлений о более высокой и сложной степени взаимосвязи между ментальным и экономическим, поведенческим и историческим, культурным и политическим измерениями. Культурный поворот в исследовании эмоций определил появление посвященных аффективности научных работ в областях социологии [49; 51, 52; 54; 69], когнитивной лингвистики [1; 57; 60], этнографии [58; 65], культурной антропологии [82], истории ментальностей [11], культурно-исторической психологии, культурной истории [20; 24] и истории эмоций [79]. Следствием проведенных исследований стало утверждение представления об эмоциях как о социокультурных конструктах.

Любовь традиционно находилась в фокусе научного интереса исследователей. Попытки осмысления этого сложного чувства предпринимались в областях философии [16], психоанализа [21; 30], этологии [18], неврологии [44] и социальной психологии [31; 32; 49; 56; 62; 80]. Новый подход определил появление социокультурных теорий изобретения романтической любви [43]. Так, Михаил Гаспаров, Октавио Пас, Жорж Дюби и Энтони Гидденс объясняли становление романтических идеалов через специфику общественных систем, характерных для определенных исторических эпох [5; 9; 46; 68]. Механизмы конструирования и поддержания аффектов в общественных системах были подробно исследованы Барбарой Розенвейн и Вильямом Рэдди. Историк Барбара Розенвейн считает, что причины проявления тех или иных эмоций заключаются в

существовании «эмоциональных сообществ» – сообществ людей, которые наделяют эмоции одинаковой ценностью и следуют единым нормам их выражения, создавая определенный «эмоциональный кодекс», или, используя терминологию Вильяма Рэдди, «эмоциональный режим» [73].

Исследователь культурной истории эмоций Вильям Рэдди пишет, что контроль над аффектами всегда связан со стремлением достичь нормативную в определенном обществе цель. Если две цели, обладающие высоким приоритетом, вступают в конфликт, индивид испытывает эмоциональное страдание. Эмоциональное страдание, в свою очередь, может привести к созданию эмоциональных укрытий – областей, где ненормативные эмоции могут быть выражены. Со временем аффекты, вытесненные в эмоциональные укрытия, могут быть организованы в новую систему эмоциональных правил. Это ведет к смене эмоционального режима общества [70].

Идея В. Рэдди и Б. Розенвейн о том, что общественные системы являются условиями появления порядков артикуляции эмоций, получила развитие в исследованиях различных социальных феноменов – от искусства до медицинского дискурса [14; 34; 39; 50; 53; 61; 78; 83] – и не обошла стороной исследования религиозных эмоций, определив новое понимание христианского аффекта. Ряд исследователей начинают рассматривать христианские эмоции из перспективы аффективных режимов и устанавливают связь между эмоциями верующих и социокультурными условиями их производства [4; 8; 12; 13; 37; 41; 67; 72].

Согласно существующим теоретическим работам эмоциональный режим католичества – это свод аффективных порядков, регулирующих эмоции, которые имеют связь с идеологией, представляющей католичество на конкретном историческом отрезке. Исследуя историю развития католических эмоциональных порядков, французские историки ментальностей Жан Делюмо, Жак Ле Гофф и Эмиль Маль отмечают, что нормативный католический аффект прошел путь от преобладания чувств вины, страха [6], страдания, скорби [20] и отвращения к сексуальности [13] до любви к ближнему и доверию к возлюбившему человечество Создателю [7].

Современный эмоциональный режим католичества определяет любовь как созидательную и движущую силу мироздания и наделяет ее статусом высшего чувства. При этом любовь должна быть в равной степени адресована Богу и другим людям. Идея единства природы любви к Богу и людям стала условием сравнения отношений между людьми с отношениями между людьми и Богом. Так, в Новом Завете мы не раз встречаем

сравнение любви мужчины и женщины с отношениями между Христом и Церковью.

Это положение было воспринято католицизмом настолько буквально, что стало распространяться не только на духовную любовь, но и на сексуальную сферу. Специфической чертой католического любовного дискурса стало смешение религиозной и любовно-эротической сфер в произведениях искусства, духовной и художественной литературы и, как следствие, в сознании верующих [15; 27; 35; 55; 66].

Существует немало современных исследований, посвященных проникновению любовно-эротических мотивов в католический дискурс. Особое место среди них занимают работы, анализирующие мистический опыт и молитвы мистиков, воплощенные в эротизированной форме [3; 55; 64; 66 и др.]. Исследователи приходят к выводу, что аффективный режим католичества допускает обращение к любовно-эротическим образам, если они сопровождают религиозную практику. Монахини предстают Христовыми невестами, монахи – возлюбленными Христа, да и сам Бог – это любовь. Дуэт религиозного экстаза и сексуальности не нарушает порядки эмоционального режима католичества, так как подвергается переосмысливанию. Отношения между мужчиной и женщиной интерпретируются как аллегория отношений Бога и людей, а сексуальные образы, используемые для описания молитвы, – как метафоры безграничного благоговения [2; 3; 76].

На сегодняшний день среди исследователей не существует единого мнения о причинах наличия в католическом эмоциональном режиме лояльного отношения к проникновению любовных и эротических мотивов в религиозные практики и тексты. Предполагается, что этот феномен может быть обязан своим существованием религиозным интерпретациям любовно-эротических мотивов Песни Песней [13; 55], традициям иудаизма, унаследованным христианством, эротическому потенциалу сюжета о непорочном зачатии [55], распространению в искусстве Средневековой Европы идеи пляски смерти, которая трактовалась, как призыв насладиться скоротечной жизнью [6].

Помимо единства любви к Богу и ближнему, эмоциональный режим католичества устанавливает два других эмоциональных порядка. Во-первых, вера в добрую Божью волю предполагает недопустимость уныния, которое понимается как результат лености в молитве и демонстрации недоверия к Богу. Во-вторых, в отличие от православия, в котором примером переживаний во время молитв может быть только опыт святых, католицизм приветствует распространение эмоциональных приме-

ров, поддерживая групповые молитвы, которые сопровождаются измененными состояниями сознания верующих, и обсуждение верующими пережитого опыта общения с Богом.

Взаимообогащение эмоциональным опытом открывает католикам доступ к богатой палитре эмоциональных оттенков. Это увеличивает эмоциональную свободу и, согласно логике Вильяма Рэдди и историческим исследованиям Жана Делюмо, укрепляет позиции Католической Церкви. Однако, считает Жан Делюмо, католицизм вынужден будет претерпеть еще множество изменений, адаптируясь к современной жизни, поскольку в любовно-сексуальной сфере он по-прежнему устанавливает порядки, слишком жесткие для соблюдения верующими [7]. Эмоциональная несвобода создает предпосылки для создания верующими эмоциональных укрытий, что может привести к смене режима.

Сложность этой области эмоциональных порядков заключается в том, что любовь, с одной стороны, является аффективным ядром современного католичества, но с другой – не может быть отделена от сексуальных переживаний. В то же время сексуальная сфера жестко регламентируется католицизмом. Неотделимая от сексуальности, любовь становится площадкой для экспериментов как со стороны Церкви, стремящейся установить аффективные порядки с необходимым уровнем эмоциональной свободы, так и со стороны верующих, нуждающихся в гармонизации своего любовно-эротического опыта с аффективным режимом католичества.

Стратегии адаптации аффективных порядков к противоречивому индивидуальному опыту были описаны мной на основе результатов проведенного исследования. В качестве данных для анализа был использован корпус биографических документов одной верующей: двухчасовое нарративное биографическое интервью, записи в личном дневнике, переписка информантки с молодым человеком в чате, 9 стихотворений о любви и 5 индивидуальных молитв, написанных верующей. Используя методы нарративного анализа в редакции нарративных психологов Джерома Брунера и Кэтрин Риссман [36; 71] и дискурсивного анализа по моделям, предложенным английскими дискурсивными психологами Дж. Поттером, Д. Эдвардсом, Р. Харре [17; 48], я исследовала биографические документы и выявила в нарративах информантки смешение религиозного и романтического сюжетов и тенденцию к отрицанию страдания – феномены, характерные для эмоционального режима католичества.

Так, применив в качестве аналитического инструмента инвариантную схему грамматики нарратива, разработанную Вильямом Лабовым

и Джошуа Валетски [59], я обнаружила, что в историях, рассказанных информанткой, один и тот же эпизод может являться центральным структурным элементом одновременно двух сюжетов: религиозного и романтического, обеспечивая неразрывность нарративов, репрезентирующих разные области эмоциональной жизни верующей. Это позволило мне заключить, что вера и любовь тесно переплетены в сознании информантки. Романтические истории представлялись ею как проявление Божьей воли, вера выступала инструментом создания гармоничных отношений, а цель союза с возлюбленным определялась как выражение Божественной любви.

Специфика любовного и религиозного тезауруса также указывала на близость веры и любви в картине мира верующей. Исследуя словари, артикулируемые респонденткой, я использовала категории тезауруса и биограммы, предложенные Михаилом Эпштейном. Согласно Эпштейну, биограмма – это обобщенная надвременная и надсобытийная жизнеописательная категория, объединяющая связанный с языковой единицей значимый жизненный опыт. В сознании индивида биограммы ассоциативно и концептуально связываются, образуя тезаурус индивида [29].

Понятие биограммы соотносится с понятием артикуляции, используемым Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф. Выявление значения артикуляций, согласно Лакло и Муфф, становится возможным благодаря исследованию цепочек эквивалентности, в которые они включаются [10]. Понятия, объединяющиеся в цепочки эквивалентности, являются в каком-либо смысле одноплановыми.

Я проанализировала цепочки эквивалентности, которые конструировала информантка, делая записи в личном дневнике, сочиняя стихи и рассказывая о своей жизни в интервью, и пришла к выводу, что среди характеристик биограммы «любовь» присутствовали обобщения романтического и религиозного опыта, а биограммы «женская привлекательность» и «праведность» обладали рядом общих черт. Отождествление любовных переживаний с религиозными аффективными категориями и понимание праведности как условия привлекательности указало мне на специфику локального производства значений, отражающую следование порядкам эмоционального режима католичества.

Об артикуляции католических аффективных порядков свидетельствовали также данные, полученные при определении локуса контроля – психопоэтического элемента, исследованного Джулианом Роттером [74], и выявлении средств создания прогрессивности и регрессивности нар-

ративов по методике Кеннета Джерджена [45]. Так, ответственность за события жизни – или локус контроля – в счастливых историях возлагалась информанткой на Бога, в то время как в регрессивных нарративах она обнаруживала причины несчастий в себе самой. Верующая была также склонна обращаться к идее Божьей воли и предназначенности для нее испытаний, рассказывая печальные истории, и таким образом, приводить сюжеты к счастливому финалу.

В то время как описанные аналитические инструменты позволили мне обнаружить свидетельства действия аффективного режима католичества в жизни информантки, анализ смен точек зрения, разработанный Борисом Успенским [19], указал мне на области нарушения эмоциональных порядков. Рассказывая прогрессивные романтические истории, респондентка иногда меняла пространственно-временную точку зрения, возвращаясь из контекста прошедших событий к моменту рассказывания. Это вынуждало ее вспомнить о печальном завершении романа, добавить регрессивный финал к рассказанному сюжету и констатировать свою обиду на Бога и отсутствие доверия к нему. Об отчаянии и унынии информантки, недопустимых в рамках аффективного режима католичества, свидетельствовало также обилие ненарративных элементов в прогрессивных историях. Утверждая свое доверие и оптимистический настрой, верующая не могла сдержать слез и прерывала рассказ. Это указывало на ее стремление замаскировать печальные истории под радостные эпизоды и на неуспешность этой попытки, влекущей за собой нарушение аффективных порядков.

Область, в которой эмоциональные правила, оказывались под угрозой нарушения, была, как и предсказывал Жан Делюмо, связана с любовно-эротическим опытом. Для гармонизации отношений с аффективным режимом информантка выработала две стратегии. С одной стороны, она подвергала сами эмоциональные порядки реинтерпретациям, с другой – наделяла свой любовно-эротический опыт значением, адаптирующим его к аффективным правилам.

Среди реинтерпретаций аффективных порядков можно отметить конструирование воли Бога и понижение статуса возлюбленного. Меняя внешнюю точку зрения на внутреннюю, информантка рассказывала истории, свидетельствующие о нарушении эмоциональных порядков, таким образом, будто ей была заведомо известна воля Бога. При этом конструируемые намерения Бога оправдывали ее ненормативный с точки зрения эмоционального режима опыт. Анализ персонажной системы указывал на то, что в эпизодах, касающихся противоречивого

эмоционального опыта, возлюбленный-герой представал антигероем. Это позволяло верующей оправдывать перемены своей позиции от «покорной евангельской жены» к «наставнице» необходимостью воспитания и евангелизации возлюбленного.

Привлекая отдельные цитаты из Священного Писания и Катехизиса, а также знания, полученные ей в харизматической школе евангелизации, верующая смогла сделать свою веру инструментом упорядочения романтического опыта и легализации опыта сексуального. Биографические документы свидетельствовали о том, что возлюбленные отбирались информанткой по принципу полезности для развития веры, а отношения наделялись значимостью, если создавали условия возможности образцовой католической семьи. Сексуальный опыт также подвергался информанткой католическому опосредованию. В случае интимной близости с мужчиной он интерпретировался как мистический опыт единения с Богом, а в случае с мастурбацией – как грех, ведущий к покаянию и еще большей любви к Богу. Таким образом, информантка смогла установить связь между романтическим, сексуальным и религиозным опытом и, следовательно, адаптировать свои любовно-эротические переживания к порядкам эмоционального режима католичества.

Однако в жизни верующей произошло событие, которое ей не удалось гармонизировать с аффективным режимом. Интерпретируя романтические отношения как подарок Бога и способ служения ему, информантка не смогла примириться с трагическим завершением романа. Она испытывала безнадежность, которая привела к кризису веры и полной потере доверия к Богу. Разрушение религиозного фундамента, в свою очередь, повлекло за собой еще большее страдание и отчаяние по поводу утраты и любви, и веры.

Согласно Вильяму Рэдди разрыв с эмоциональным режимом ведет к отдалению от эмоционального сообщества [70]. Действительно, в связи с невозможностью следовать аффективным порядкам верующая перестала посещать костел и создала эмоциональное укрытие в виде сеансов психотерапии. Любопытным, однако, является тот факт, что терапевт, с которым работала информантка, специализировался на работе с католиками и решении специфических для них психологических проблем. В то время как Вильям Рэдди указывает, что создание эмоционального укрытия сопряжено с окончательным разрывом с эмоциональным режимом, в исследованном кейсе эмоциональное укрытие стало этапом на пути реинкорпорирования аффективных порядков и возвращения верующей в лоно эмоционального режима католичества.

Таким образом, мне удалось обнаружить в биографических документах свидетельства артикуляции верующей католических аффективных порядков, их реинтерпретации и стратегии адаптации индивидуального опыта к эмоциональному режиму. Этого, однако, было недостаточно для раскрытия механизмов артикуляции частей глобальной структуры.

Попытки ответить на вопрос о том, в какой степени возможно объяснение индивидуального случая через порядки системы и генерализация выводов, полученных в результате работы с биографическими данными, предпринимались социологами с различных методологических позиций. Предложенные модели, однако, либо упускали из виду зависимость позиций акторов от обстоятельств интеракции «здесь-и-сейчас», либо не способны были связать закономерности, обнаруженные во фрагментах интеракции, с глобальными структурами. Существовала необходимость вписать элементы анализа на микроуровне в методологические стратегии анализа больших дискурсов [81].

В этой работе объяснение индивидуальных действий и позиций, занимаемых респонденткой «здесь-и-сейчас», в глобальных дискурсивных контекстах было осуществлено посредством анализа «локальных практик». Под локальными практиками понимаются части глобальных дискурсов, артикулируемые и реинтерпретируемые информанткой в конкретных пространственно-временных координатах. Локальные практики одновременно являются и формой проявления макропорядков в жизни информантки и продуктом ее индивидуальных действий. Они являются переходным уровнем между микро- и макроизмерениями: с одной стороны, они обеспечивают проведение макропорядков в жизненные стратегии респондентки и их трансформацию в ее индивидуальном опыте, с другой, оформляясь под влиянием индивидуальных действий, они способны воздействовать на части дискурсов и потенциально трансформировать их.

В мои задачи входило установление связи между эмоциональным режимом и его редакцией в жизни одного человека. Поэтому мною были отобраны 10 дискурсивных практик, которые позволяли наблюдать процессы перевода эмоциональных правил из глобального измерения в измерение индивидуальное. Так, я обнаружила в биографических документах прямые цитаты и идейное сходство с текстами Священного Писания, теологической и житийной литературы, положениями католического Катехизиса, посланиями Папы Римского и католическими песнями. Это позволило мне заключить, что эмоциональные категории аффективного режима католичества, касающиеся близости любовно-эротического и ре-

лигиозного и недопустимости отчаяния, наследовались информанткой посредством знакомства с этими текстами. Сравнительное исследование дневниковых записей разных периодов и теологической литературы позволило мне описать, как под действием локальных практик взгляды информантки изменялись с течением времени. Анализ индивидуального прочтения моей информанткой романа «Идиот» обнаружил стратегии распространения респонденткой католических аффективных правил на светский культурный контекст. Ознакомление с книгой, интервью и радиолекциями французских харизматов позволило реконструировать дискурс религиозной общины, к которой принадлежала информантка, и описать, как отношения с духовными лицами и лектором-харизматом обеспечивали реинтерпретации традиционных католических эмоциональных правил на микроуровне.

Реконструкция локальных контекстов сделала возможным использование генеалогического метода Мишеля Фуко и различных методов анализа дискурса для работы с данными микросоциологии и, следовательно, обеспечила преодоление микроскопичности конверсационного анализа и обобщенности постструктуралистского подхода. Свидетельства следования верующей аффективному режиму католичества были усилены выводами, полученными при исследовании контекстов. Это позволило мне описать весь социокультурный цикл функционирования католического аффекта: раскрыть причины появления эмоций, обнаружить изменения в порядках чувствования и описать стратегии адаптации аффектов к неартикулированным эмоциональным правилам, устанавливаемым аффективным режимом.

Литература

1. Апресян, В. Эмоции: современные американские исследования. – Семиотика и информатика, 1995.
2. Бердяев, Н. Философия свободного духа. – АСТ, 2006.
3. Бицилли, П.М. Элементы средневековой культуры. – Мифрил, 1995.
4. Воробьева, С. Социальное поведение как этотическая аргументация: духовные метауровни когнитивных и эмоциональных структур сознания // XII Междунар. Кирилло-Мефодиевские чт. – Минск, 2006.
5. Гаспаров, М. Катулл или изобретатель чувства // Избранные статьи. – Новое литературное обозрение, 1995.
6. Делюмо, Ж. Грех и страх. Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII века). – Екатеринбург, 2003.
7. Делюмо, Ж. Историк и его религия // Французский ежегодник. – 2004.

8. Дефурно, М. Повседневная жизнь в эпоху Жанны д'Арк. – Евразия, 2002.
9. Дюби, Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. – Личность и общество, 1990.
10. Йоргенсен, М.В., Филлипс, Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Гуманитарный центр, 2008.
11. Лазарев, А. Робер Мандру и судьба исторической психологии Люсьена Февра. – М., 2010.
12. Лакан, Ж. Семинары. Книга 7: Этика психоанализа (1959/60). – Гнозис/Логос, 2006.
13. Ле Гофф, Ж. Средневековый мир воображаемого. – Прогресс, 2001.
14. Лернер, Ю. Теле-терапия без психологии, или как адаптируют Self1 на постсоветском телеэкране // Laboratorium. – 2011. – № 1. – P. 116–137.
15. Луков, В. Черубина де Габриак – русско-французская поэтесса-миф в свете мистификации как актуальной модели прошлого // Электронная энциклопедия «Современная французская литература». – 2011.
16. Отраднова, О. Антиномичность понимания любви в контексте западноевропейской и отечественной культуры: автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Астрахань, 2010.
17. Поттер, Дж. Дискурс-анализ как метод исследования естественно протекающей речи // Иностранная психология. – 1998. – № 10.
18. Протопопов, А. Трактат о любви, как ее понимает жуткий зануда. – КСП+, 2002.
19. Успенский, Б.А. Поэтика Композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы. – Искусство, 1970.
20. Февр, Л. Чувствительность и история // Бои за историю. – Наука, 1991.
21. Фрейд, З. Психоаналитические этюды. – Минск, 1996.
22. Фуко, М. Археология знания. – Университетская книга, 2004.
23. Фуко, М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. – Магистериум-Касталь, 1996.
24. Фуко, М. Забота о себе. История сексуальности. Т. 3. – Дух и Литера, 1998.
25. Хархордин, О. Фуко и исследование фоновых практик // Мишель Фуко и Россия / под ред. О. Хархордина. – Летнийсад, 2001.
26. Хейзинга, Й. Осень Средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. – Прогресс-Культура, 1995.
27. Эко, У. Имя розы. – Астрель, 2011.
28. Элиас, Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. – М.; – СПб., 2001.
29. Эпштейн, М. Таня, Пушкин и деньги: Жизнь как нарратив и тезаурус. – НГ Ex Libris, 2007.
30. Юнг, К. Либидо, его метаморфозы и символы. – СПб., 1994.
31. Aron, A., Aron, E.N. Love and the expansion of self: Understanding attraction and satisfaction. – Harper & Row, 1986.

32. Bartholomew, K. Avoidance of intimacy: An attachment perspective // Journal of Social and Personal Relationships. – 1990. – № 7. – P. 147–178.
33. Bernard of Clairvaux. On the Song of Songs. – Spencer, Mass., 1969.
34. Biess, F. Everybody has a Chance: Nuclear Angst, Civil Defence, and the History of Emotions in Postwar West Germany // German History; Oxford University Press. – 2009. – Vol. 27(2).
35. Brestin, D, Troccoli, K. Falling in Love With Jesus: Abandoning Yourself to the Greatest Romance of Your Life. – Thomas Nelson, Inc, 2002.
36. Bruner, J.S. Life as narrative // The need for story: Cultural diversity in classroom and community / A.H. Dyson, H. Genishi. – Urbana, IL: National Council of Teachers of English, 1994.
37. Corrigan, J. Introduction: Emotions Research and the Academic Study of Religion. – Oxford University Press, 2004.
38. Corrigan, J. Religion and emotion: Approaches and interpretations. – Oxford University Press, 2004.
39. Cushman, P. Constructing the Self, Constructing America: A Cultural History of Psychotherapy. – Addison-Wesley Publishing Company, 1995.
40. Cushman, P. Why the Self is Empty. Toward a Historically situated Psychology // American Psychologist. – 1990. – 45(5). – P. 599–611.
41. Eccles, J. Changing «emotional regimes»: their impact on beliefs and values in some older women // Journal of Beliefs & Values: Studies in Religion & Education. – 2012. – Issue 1. – Vol. 33.
42. Elias, N. The Court Society. Oxford: Blackwell. – Edmund Jephcott, 1983.
43. Featherstone, M. Love and Eroticism. – SAGE, 1999.
44. Fisher, H., Aron, A., Brown, L.L. Romantic love: An fMRI study of a neural mechanism for mate choice // The Journal of Comparative Neurology. – 2005. – Issue 1. – Vol. 493. – P. 58–62.
45. Gergen, K.J. Realities and relationships: soundings in social construction. – Cambridge, 1994.
46. Giddens, A. The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern societies. – Cambridge: Polity Press, 1992.
47. Gordon, S. Social structural effects on emotions // Research agendas in sociology of Emotions. – New York, 1987.
48. Harre, R. Positioning theory. New ideas in psychology. – Oxford, 2005.
49. Hendrick, C., Hendrick, S.S. A theory and method of love // Journal of Personality and Social Psychology. – 1986. – Vol. 50. – P. 392–402.
50. Hitzer, B. Cancerous Emotions. Federal Germany after 1945. – Max Planck Institute for Human Development, 2011.
51. Hochschild, A.R. Emotion work, feeling rules, and social structure // J. Sociol. – 1979. – Vol. 85. – P. 551–75.
52. Hochschild, A.R. The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. – University of California Press, 2003.

53. Illouz, E. Consuming the Romantic Utopia: Love and the Cultural Contradictions of Capitalism. – Berkeley: The University of California Press, 1997.
54. Illouz, E. Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism. – Oxford and Malden, MA: Polity Press, 2007.
55. Keller, H.E. My secret is mine: studies on religion and Eros in the German Middle Ages. – Peeters Publishers, 2000.
56. Kemper,T.D. A Social Interactional Theory of Emotions. – New York: Wiley, 1978.
57. Kövecses, Z. Emotion Concepts. – Springer Verlag, 1989.
58. Labarre, W. The cultural basis of emotions and gestures // Journal of Personality. – 1947.
59. Labov, W., Waletzky, J. Narrative analysis // Essays on the Verbal and Visual Arts / J. Helm (ed.). – Washington Press, 1967.
60. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors we live by. – University of Chicago Press, 1980.
61. Lasch, C. The Culture of Narcissism: American Life in an Age of Diminishing Expectations. – Warner Books, 1979.
62. Lee, J.A. Colours of love: an exploration of the ways of loving. – New Press, 1973.
63. Le Goff, J. Saint Louis. – Gallimard, 1996.
64. Leuba, J. Psychology of Religious Mysticism. – MPH, 2003.
65. Lutz, K. Unnatural Emotions: Everyday Sentiments on a Micronesian Atoll & Their Challenge to Western Theory. – University of Chicago Press, 1988.
66. McGinn, B. The language of love in Christian and Jewish Mysticism. – Crossroad, 1991.
67. Mellor, P.H. Embodiment, emotion and religious experience: religion, culture and the charismatic body // The SAGE handbook of the sociology of religion. – SAGE, 2007.
68. Paz, O. The Double Flame: Essays on Love & Eroticism. – Random House, 2011.
69. Plutchik, R. Emotion: Theory, research, and experience. Vol. 1: Theories of emotion. – New York, 1980.
70. Reddy, W. The navigation of feeling: A framework for the history of emotions. – Cambridge University Press, 2004.
71. Reissman, C. Illness Narrative: Positioned Identities. Invited annual lecture. Health Communicational Research Center. – Cardiff University. Walls. U.K., 2002.
72. Riis, O., Woodhead, L. Asociologyofreligiousemotion. – Oxford University Press, 2010.
73. Rosenwein, B.H. Emotional Communities in the Early Middle Ages. – Cornell University Press, 2006.
74. Rotter, J.B. Social learning and clinical psychology. – New York: Prentice-Hall, 1954.
75. Shaver, P.R., Hazan, C. Romantic love conceptualized as an attachment process // Journal of personality and social psychology. – 1987.
76. Singer, I. The nature of love: Plato to Luther. – MIT Press, 2009.
77. Shott, S. Emotions and Social Life: A Symbolic Interactionist Analysis // American Journal of Sociology. – 1979.

78. Singh, J.G. «Th'expense of spirit in a waste of shame»: Mapping the «Emotional Regime» of Shakespeare's Sonnets // A Companion to Shakespeare's Sonnets. – John Wiley & Sons, 2006.
79. Stearns, P.N. Emotionology: Clarifying the history of emotions and emotional standards // The American Historical Review. – 1985.
80. Sternberg, R.J. A triangular theory of love // Psychological Review. – 1986. – № 93.
81. Wetherell, M. Positioning and interpretative repertoires: Conversation analysis and post-structuralism in dialogue // Discourse and Society. – 1998. – Vol. 9(3). – P. 387–412, 1998.
82. Wierzbicka, A. Cross-Cultural Pragmatics: the Semantics of Social Interaction. – Mouton de Gruyter, 1991.
83. Zembylas, M. Discursive practices, genealogies and emotional rules: A poststructuralist view on emotion and identity in teaching. – Intercollege, Cyprus and Michigan State University, 2005.

Список источников, использованных для реконструкции локальных контекстов

1. Достоевский, Ф.М. Идиот. – Эксмо, 2008.
2. Катехизис Католической Церкви. – Режим доступа: http://vatican.va/archive/compendium_ccc/documents/archive_compendium-ccc_ru.pdf.
3. Кемпийский, Ф. О подражании Христу. – Гродненская Римско-Католическая Епархия, 2004.
4. Мартен, Т. История одной души. – Истина и Жизнь, 1994.
5. Новый Завет. – Гедеоновы братья, год не указан.
6. Песенник школы евангелизации. – Режим доступа: http://scribd.com/oc/80982299/carnet-chant-jeunesse-lumiere.
7. Песенник Taizé. – Режим доступа: http://taize.fr/ru_ article10331.html.
8. Lauriot-Prevost, A., Lauriot-Prevost, M. l'Evangile du mariage, de la famille, de la sexualité, de l'amour. – Режим доступа: http://evangilepourlecouple.fr/spip.php?rubrique2.
9. Lauriot-Prevost, A., Lauriot-Prevost, M. Mariage, mistère trinitaire. – Sarment, 2005.
10. Merlot, A. Consolée dans sa souffrance. – Режим доступа: http://labonnenouvelle.fr/Consolee-dans-sa-souffrance.html.
11. Pope John Paul II. A Theology of the Body, 1984.
12. Pope John Paul II. Familiaris consortio, 1981. – Режим доступа: http://family-center.ru/church-docs/familiaris-consortio.
13. Pope John Paul II. Dilecti amici, 1985. – Режим доступа: http://binetti.ru/collectio/theologia/john-paulii_1.shtml.

СОВРЕМЕННОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: АКАДЕМИЧЕСКИЕ СВОБОДЫ, МОБИЛЬНОСТЬ, КАЧЕСТВО

Александра Денисова
(Москва, Высшая школа экономики)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Globalization and contemporary information technology resulted in the formation of a new model of education that would meet the new «challenges» in the socio-economic sphere. Globalization has a radical impact not only on institutions such as the nation-state and the market, but also on universities.

Глобализация и современные информационные технологии обусловили формирование новой модели образования, которая отвечала бы на новые вызовы в социально-экономической сфере. Глобализация оказывает радикальное воздействие не только на такие институты, как национальное государство и рынок, но и на университеты.

Проблема влияния глобализации на систему образования является как многоуровневой, так и многоаспектной. Следует, прежде всего, выделять универсальный (общемировой) и региональный (европейский) уровень глобализации образования. Что касается аспектов глобализации образования, то они могут быть самыми различными: политическими, экономическими, институциональными, юридическими, культурными и т.д.

Глобализация влияет на все уровни системы образования, но, безусловно, сильнее всего ее воздействие на высшую школу. При этом главным фактором, воздействующим на университеты, является экономическая идеология глобализации, подчеркивающая первостепенное значение рынка, приватизации и уменьшения государственного сектора.

«Европеизация» образования ведет к тому, что государство (прежде всего исполнительная власть) должно будет передать ряд властных полномочий в сфере управления образованием и регламентации об-

разовательных отношений в пользу наднационального органа. Другим серьезным опасением, часто упоминаемым при обсуждении проблемы создания европейского образовательного пространства, является угроза утраты «культурного лица нации», поскольку национальная система образования – результат многовековой эволюции образовательных институтов, учитывающей многочисленные аспекты (исторические, политические, психологические, экологические, юридические, культурологические и др.), в совокупности составляющие «национальный портрет» любого государства.

Конечно же, уклоняться от процесса европеизации образования бессмысленно и ненужно. Этот процесс объективно обусловлен продолжающей набирать темпы научно-технической революцией, а также тенденцией интернационализации хозяйственной жизни, следствием которой является свободное движение рабочей силы, перемещение товаров и услуг. Отказаться от приглашения в европейское образовательное сообщество – значит добровольно загнать себя в резервацию, проводить крайне опасную политику изоляционизма и автаркии.

Преимущества для России от вхождения в европейское образовательное сообщество просматриваются в следующих основных пунктах Болонской декларации:

- Принятие более удобной в плане сопоставимости системы уровней образования с целью содействовать трудоустройству граждан европейских стран, а также обеспечить конкурентоспособность европейского образования на мировом рынке.
- Создание системы, базирующейся на двух образовательных уровнях, первый из которых должен иметь продолжительность не менее трех лет (при этом первый уровень образования безоговорочно признается на европейском рынке труда).
- Создание системы зачетных единиц, способствующей большей мобильности студентов.
- Устранение любых препятствий для доступа студентов к услугам, имеющим отношение к образованию.
- Развитие критериев и методологии оценки качества преподавания.

Подключение России к Болонскому процессу должно сопровождаться усилением протекционистских мер в отношении государственного регулирования международного обмена образовательными услугами.

В настоящий момент нормативно-правовая база, регулирующая отношения в сфере образования в Российской Федерации, включает

сотни правовых актов различной юридической силы. Несмотря на наличие двух системообразующих законов – Закона РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» и Федерального закона от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», действующее законодательство Российской Федерации продолжает оставаться, по существу, несистематизированным. Это объясняется рядом обстоятельств.

Во-первых, наличием среди нормативных правовых актов большого количества актов, принятых еще в «советский» период и продолжающих действовать до настоящего времени.

Во-вторых, отнесением общих вопросов образования и воспитания к сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (п. «е» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ).

В-третьих, комплексным характером самого законодательства об образовании, которое регулирует не только собственно образовательные отношения, но и гражданские, трудовые, административные и другие отношения, возникающие в сфере образования.

В-четвертых, активным нормотворчеством на международном уровне. На сегодняшний день так называемое международное образовательное право объединяет свыше 150 разного рода международных правовых актов, принятых ООН, Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Международной организацией труда (МОТ), Советом Европы и другими международными организациями. Кроме того, нынешнее состояние нормативно-правовой базы образования в Российской Федерации напрямую связано с несовершенством юридической техники – системы средств, правил и приемов подготовки и упорядочения правовых актов.

Изменения в российском законодательстве об образовании, закрепившие переход на двухуровневое высшее образование (бакалавриат и магистратура), подводят к необходимости пересмотра концепции и системы высшего образования в целом и переосмысления подходов к преподаванию отдельных дисциплин. Благодаря переходу на двухуровневое высшее образование и присоединению России к Болонскому процессу на каждом этапе получения высшего образования студент (аспирант) сам выбирает, где он будет учиться – в России или за рубежом. Возможность комбинированных «трансграничных» схем получения высшего профессионального образования представляет собой одно из наиболее существенных преимуществ перехода на двухуровневое высшее образование в Российской Федерации.

Кроме академической мобильности, другим преимуществом магистратуры является более гибкая образовательная траектория. Магистерская программа обеспечивает быстрое и эффективное срабатывание механизма «переключения»: лицо, имеющее высшее образование (бакалавр или специалист), поступая в магистратуру, за два года получает второе высшее образование по вновь им избранному направлению. При этом студентам, до поступления в магистратуру изучавшим науки, далекие от нового направления, помочь в осуществлении такого «переключения» должны адаптационные курсы, которые призваны в самом начале обучения в магистратуре компенсировать отсутствие базовых знаний в новой для него области знаний.

Гибкая образовательная траектория, являющаяся по существу визитной карточкой магистерского образования, гарантируется наличием в учебных планах магистратуры большого числа элективных курсов (курсов по выбору), выбираемых студентами самостоятельно в зависимости от собственных научно-исследовательских интересов и потребностей будущей профессиональной деятельности.

Преимуществами кредитно-модульной системы построения образовательного процесса являются: обеспечение большей гибкости вузовских образовательных программ и мобильности в зависимости от динамики общественных отношений, создание внутренне согласованной структуры образовательных программ через группирование курсов, предоставление студентам максимальной возможности самостоятельно выбирать траекторию своего обучения, способствование работе студентов в течение всего года и др.

Литература

1. Артемьева, И., Трошкина, Т. Модульный принцип организации образовательного процесса в зарубежных странах // Реформы и право. – 2011. – № 3.
2. Гребенникова, И.Д. Инновационные аспекты современного образовательного процесса в контексте присоединения России к Болонской конвенции (правовой анализ) // Юридическое образование и наука. – 2007. – № 1.
3. Козырин, А.Н. Нормативно-правовое регулировние высшего образования в России (в свете вхождения России в Болонский процесс) // Юридическое образование и наука. – 2006. – № 4.
4. Трошкина, Т.Н., Чхиквадзе, В.В. Организационно-правовые аспекты европейской системы накопления и перевода кредитов (на примере современного образовательного права Испании) // Ежегодник российского образовательного законодательства. – 2009. – Том 5.

Екатерина Судник
(Москва, Российский университет дружбы народов)

АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

The aim of the article is to examine the countries' most important tasks of in the sphere of higher education focusing on the reasons for academic mobility. The first task is to give an opportunity to every person to get a higher education. The second is to improve the quality of education. Equal conditions have to be created for students from both well-to-do and poor families. The purpose of the programs is to strengthen European cooperation and international relations in the sphere of higher education with the help of high-quality European master courses and doctor's programs.

В условиях глобализации трансформируются задачи высшего образования.

Во-первых, важно открыть двери университетов всем желающим. В современном мире с каждым годом все больше повышаются спрос и возможность получения высшего образования. В настоящий момент образование становится доступным независимо от социального положения и роли в обществе. Количество поступающих в вузы во всем мире увеличивается примерно на 10–15% в год.

С другой стороны, важной задачей является улучшение качества высшего образования. В течение последних лет высшее образование претерпело множество изменений, что поспособствовало значительному повышению уровня знаний выпускаемых специалистов. Современное высшее образование нельзя представить без наличия современной техники в аудиториях, общежитиях, библиотеках, научных лабораториях. Сегодня преподаватели используют актуальную информацию из печатных и электронных источников. Информация для студентов скани-

руется и размещается на сайте вуза в интернете. Студенты, независимо от того, где они находятся, всегда имеют доступ к учебной информации, размещенной на портале университета.

Третья задача университетов заключается в создании равных условий для доступа к образованию как студентам из обеспеченных семей, так и студентам из бедных семей путем распределения стипендий и грантов, что способствует академической мобильности студентов.

Академическая мобильность – одна из важнейших сторон процесса интеграции вузов и науки в международное образовательное пространство. Существенным фактором развития академической мобильности студентов является поддержка со стороны различных программ (ERASMUS, COMMETT, LINGUA, TEMPUS). Целью этих программ является укрепление европейского сотрудничества и международных связей в сфере высшего образования за счет поддержки высококачественных европейских магистерских курсов и докторских программ.

В Российском университете дружбы народов (РУДН) успешно развивается программа магистратуры с выдачей двойных дипломов. Занятия проводятся на различных факультетах: экономическом, юридическом, аграрном, на факультете гуманитарных и социальных наук и т.д. В первую очередь, это дает возможность получить более обширные знания по выбранной специальности и впоследствии направить их для дальнейших научных исследований, а также вести профессиональную преподавательскую деятельность в ведущих вузах страны и за ее пределами. Для отечественных специалистов магистратура означает прекрасную возможность найти высокооплачиваемую работу в ведущих зарубежных компаниях, поскольку в странах Европы диплом магистра не требует подтверждения и принимается работодателями в приоритетном порядке. Магистратура РУДН подразумевает возможность обучения в различных европейских вузах, что позволяет нашим магистрантам получить бесценный опыт и существенно расширить свои представления о различных системах преподавания. Таким образом, выпускники имеют возможность получения двух дипломов: Российского университета дружбы народов и различных зарубежных вузов. В их числе: Международный институт менеджмента Национального университета наук, технологий и менеджмента (Париж) и Университет Ниццы София Антиполис, Университет Мехилина (Бельгия), Университет Зальцбурга (Австрия), Болонский университет (Италия, Болонья). Это существенно увеличивает шансы выпускников на профессиональную самореализацию как в России, так и за ее пределами.

Кроме того, в РУДН организованы программы магистратуры на английском языке. Так, в 2010 г. на аграрном факультете открылась программа «Real Estate Economics in Agrarian and Industrial Complex». Все предметы студенты проходят на английском языке. Основные изучаемые дисциплины: экономика недвижимости, оценка недвижимости, бизнеса, земли, макро- и микроэкономика и др. Магистерская диссертация также пишется на английском языке. В связи с глобализацией образования такие программы получают все большее распространение.

Академическая мобильность студентов является важным элементом формирования личностных и профессиональных навыков. Студенты знакомятся с культурой различных стран, формируют и открывают в себе такие новые качества, как умение выбирать пути взаимодействия с окружающим миром; способность к межкультурной коммуникации; способность признавать недостаточность знания; способность изменять самовосприятие; способность рассматривать свою страну в кросскультурном аспекте; знание о других культурах, изученных изнутри, и др.

Литература

1. Сайт Российского университета дружбы народов [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – New Master Program Real Estate Economics / Agrarian Faculty. – Режим доступа: http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/index.php?id=3071&p=1724:, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., англ.
2. Educational Servicies [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Высшее образование за рубежом. – Режим доступа: http://h-edu.ru/universiteti/evropa-besplatnoe-obrazovanie/, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
3. NT-Inform [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Гранты, стипендии, конкурсы для студентов. – Режим доступа: http://rsci.ru/innovations/grants_for_students/, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
4. Erasmus Mundus Master Course [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – European Master in Sustainable Animal Nutrition & Feeding / Agrarian Faculty. – Режим доступа: http://emsanf.eu/UK/, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ.

Дарья Беженар
(Львов, Национальный университет «Львовская политехника»)

СОВРЕМЕННОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИЛИ ФОРМАЛЬНОСТЬ

In spite of tendencies for European integration, internalization and globalization European higher education develops mainly in a national format. The paper discusses its influence on the quality and efficiency of education in view of the priorities and tasks of national systems of education focusing on two key factors: the structure and conditions of the country's political and economic systems and the nation's mentality.

Как известно, европейское высшее образование развивается в основном в национальном формате, несмотря на активные тенденции к европейской интеграции, интернационализации и глобализации в целом. И было бы интересно посмотреть, как это влияет на качество и эффективность образования. Иными словами, речь идет о приоритетах и задачах той или иной национальной системы образования.

Исследования позволяют выделить два ключевых фактора (и фактора глобальных), влияющих на то, насколько продуктивной и эффективной является система образования в нынешнем мире, а именно:

1. Структура и состояние экономической и политической систем страны.
2. Менталитет нации.

В случае первого фактора очевидно, что когда политическая система страны достаточно демократична, а уровень ее экономического развития выявляет прогрессирующие результативные показатели, то социальная политика и инфраструктура страны позволяют населению чувствовать свою социальную и экономическую защищенность. Речь идет также о том, что такая ситуация предлагает расширенные возможности

для проведения различных научных исследований, семинаров, конференций, акций, программ и т.п., то есть содействует интеллектуальному развитию.

Если сравнить такие две страны, как Украина и Германия, то вполне очевидно, что в последней экономика находится на совершенно другом уровне, нежели в Украине; отсюда вытекает дифференциация спектров выборов и возможностей. От этого зависят даже такие, казалось бы, совершенно банальные вещи, как обновляемость литературы в библиотеках, усовершенствование программ, по которым обучают студентов, и т.п.

Другим важным фактором, влияющим на развитие общества, является так называемый менталитет нации. Менталитет – это образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе, это своеобразное умонастроение группы. Можно сделать выводы, что национальный менталитет будет влиять на подход студента к процессу образования как такового, к выбору профессии, к осознанному пониманию важности и релевантности учебы, а от этого зависят уровень, качество и глубина подготовки.

Снова сравним Украину и Германию. Когда мы слышим о менталитете немецкого народа, то, конечно, первое, что приходит на ум, это всем известные точность, пунктуальность, дисциплинированность немцев. Каждый немецкий студент четко осознает, что «без труда не выловишь и рыбку из пруда». С раннего детства молодых немцев учат учиться. Учиться, чтобы потом обеспечить себя, сделать какой-либо вклад в свою страну.

Если же вести речь о менталитете славянских народов, то можно заметить некую простоту и несерьезность в подходе к обучению, что отображается, например, в известном принципе «сдать и забыть». Такая позиция возникает из-за неверия в эффективность образования, из-за несоответствия вузовской теории и практики реальной жизни. И ныне мы можем четко проследить тесную взаимосвязь двух названных факторов, влияющих на уровень и качество системы образования страны. Ведь получение образования можно сравнить с рациональным процессом зарабатывания денег, а именно – оно нужно для того, чтобы развиваться и жить, а не просто выживать. А когда не хватает средств, вкладываемых в развитие, меняются образ мыслей, подход, умонастроение народа, то есть менталитет.

Мной был проведен опрос в социальной сети «В Контакте» среди студентов России и Украины на тему высшего образования. Спрашивалось

их мнение о состоянии национального образования и о возможных путях его корректировки. Вот некоторые из ответов:

1. Само образование – разве что «осовременить» немного – обновить учебники, добавить новые примеры, применимые к жизни (особенно актуально для изучения иностранных языков). Думаю, уровень падает не в преподавании, а в обучении студентов. Надо менять отношение к высшему образованию в обществе. Сейчас нужны корочки, мол, без них никуда. А лучше два или три образования. В результате, многие учатся для галочки, потому что так надо, а на выходе результаты минимальные.

2. Не надо было рушить систему образования СССР – ведь у нас были замечательные профессора и доктора (точнее их подготовка)... Не рушьте систему советского образования – я как аспирант знаю, о чем говорю – очень много материала, который изучается сейчас, был уже изучен в СССР... А то, что многие ссылаются на рейтинг университетов – где МГУ непонятно на каком месте, то все это ерунда: рейтинги – это инструменты манипуляций.

3 . Я считаю, что уровень образования падает по нескольким причинам: 1) Многие после школы не до конца определились, чем же они хотят заниматься по жизни. И как только начинается университет, интерес к выбранной специальности падает. 2) Кто-то идет в университет, потому что «надо» или чтобы спрятаться от армии. Тут людям важно не стать специалистом, а выполнить свою социальную программу. 3) Падение нравов – отучиться лишь бы как. Особенно страшно, когда в медвузах с такими установками учатся. Как сказал один профессор: «Я к своим студентам лечиться ни за что не пойду».

4 . Достаточно много предметов одинаковых, только названия разные. Как по мне, нужно давать право выбора для студента или ученика, что именно, кроме основных профильных предметов, ему хотелось бы учить.

5. Нет мотивации. Все знают, что высшее образование не гарантия хорошего трудоустройства.

6. Пропала «избранность» высшего образования. Все стало доступно на платной основе. Теперь практически каждый человек или имеет диплом, или является студентом вуза.

На мой взгляд, первое, что нужно сделать, это заложить надежный фундамент, основу. В моем понимании это означает прежде всего придерживаться позиции, что высшее образование должно быть ответственным перед обществом. Второе: чтобы избегать формализма в обучении (учеба для «галочки»), нужно больше теорию соотносить с практикой. Вузы должны заключать контракты с передовыми компаниями, пред-

приятиями, организациями и отправлять туда студентов. Например, на прохождение практики, а после, возможно, для трудоустройства. Третье: как уже говорилось ранее, нужно постоянно менять и совершенствовать образовательные программы, по которым учатся студенты. Четвертое: нужно менять отношение общества к процессу образования в целом. Отношение студентов, преподавателей. Нужна хорошая мотивация, причем как материальная, так и моральная. А для эффективной мотивации нужны гарантии. Гарантия достойного и обязательного трудоустройства, гарантия серьезной трудовой мотивации. Также нужно по-настоящему добиться того, чтобы стал реальностью один из пунктов, мотивирующих студентов Гарварда: «Твоя зарплата прямо пропорциональна твоему уровню образования». Ничто не мотивирует так сильно, как осознание того, что все на самом деле зависит от тебя!

Вероника Бардюкова (Машинист)
(Минск, Белорусский государственный университет)

РОЛЬ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ИННОВАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА

The papers deals with the problem of innovation culture formation of students through the higher education system. Two paradigms of education (a subject-subject and subject-object) and their ability to solve this problem are considered. The article describes qualities of a specialist with a developed innovation culture. It discloses the notion of innovative higher education institutions, determines their main goals and highlights key functions of innovation education.

Реалии XXI в. – ускоряющиеся процессы модернизации, глобализации, повсеместной информатизации, а также интенсификация социальной жизни в целом – требуют в качестве действующего субъекта личность, способную быстро реагировать на происходящие изменения и находить нестандартные решения в возникающих перед ней ситуациях, а также стремящуюся постоянно повышать свой интеллектуальный и культурный уровень, саморазвиваться. Все эти качества зависят, в первую очередь, от наличия и развитости у личности ***инновационной культуры***, которая «становится залогом быстрых изменений в самом обществе» [7, с. 81]. Рабочим определением понятия инновационной культуры может стать понимание ее как *готовности и способности воспринимать, генерировать и реализовывать инновации*. Являя собой совокупность определенных знаний, умений, навыков, а также качеств, черт личности и особенностей ее мышления, она предполагает создание принципиально нового, что, однако, не отрицает наличие в ней компонента преемственности. Известно, что именно наука и образование в значительной степени обуславливают динамику культуры, становятся

источником возникновения и распространения передового опыта, обеспечивая таким образом развитие общества. Именно поэтому в данной статье мы обращаемся к проблеме формирования инновационной культуры личности в системе высшего образования.

Современная парадигма образования требует ***субъект-субъектного*** подхода в обучении, который характеризуется *совместной* деятельностью учителя и ученика (преподавателя и студента), направленной на получение знаний, приобретение навыков и умений и характеризующейся *диалогичностью*. Основной целью здесь является формирование социальных компетенций, включающих в себя интеллектуальные, личностные, поведенческие качества, знания и умения, которые бы позволили выпускникам в дальнейшем, помимо прочего, осознанно осуществлять профессиональную и научную деятельность, основываясь на рациональности и ответственности. Такая образовательная модель характеризуется автономией университетов, преподавательской инициативой, академической мобильностью студентов и индивидуализацией их учебной деятельности, а также вариативностью методов и форм обучения [2, с. 58].

Однако это идет вразрез с традиционной, ***субъект-объектной*** парадигмой, предполагающей в своей цели простую *трансляцию* знаний, умений и навыков от учителя к ученику (в данном случае – от преподавателя к студенту). Такая образовательная модель характеризуется ограничением преподавательской инициативы, небольшой вариативностью возможных форм и методов обучения, организацией учебного процесса преимущественно в масштабах потоков и больших групп, «давлением» имеющихся в стране образовательных стандартов, авторитарностью подходов в обучении [2, с. 58].

В то же время предрасположенность к осуществлению инновационной деятельности (как проявление развитой инновационной культуры) в значительной степени достигается и развивается за счет реализации творческого начала личности, критичности мышления и ценностного отношения к сфере эвристического, а также наличия опыта самостоятельно осуществляемой преобразующей и результативной деятельности, уверенной, но адекватной оценки своих реальных возможностей [7, с. 81].

Иными словами, к основным чертам *специалиста* с *развитой инновационной культурой* можно отнести: стремление к личностному развитию; потребность в самореализации и самоактуализации, выражающуюся в стремлении изучать себя, свои чувства, а также ставить

перед собой сложные цели, следовать им, стремясь к их достижению; позитивную оценку своих способностей и веру в собственный потенциал; мотивированное отношение к своей профессиональной деятельности и стремление к ее развитию; ощущение потребности в интересной общественной работе; понимание современных социальных, культурных, политических и экономических реалий, умение выделять в них приоритетное; умения выделять цельные образы в массе случайного и хаотичного, а также глобального видения проблемы; потребность быть анализирующим, думающим специалистом; инновационность, креативность и открытость мышления; способность взглянуть по-новому на традиционное и общепринятое, а также способность преодолевать стереотипы; обладание развитым воображением и научной интуицией; способность переносить представления и образы из одной научной сферы или сферы функционирования общества в другую; умение осмысливать и оценивать риски, стоящие на пути достижения новых целей [1, с. 223–224; 8, с. 327].

Однако «классическая», устоявшаяся на постсоветском пространстве система образования до сих пор в большей мере реализовывала и реализует свою основную социально-экономическую функцию – «пополнение» общества высококвалифицированными специалистами – через призму субъект-объектной парадигмы, которая не позволяет должным образом «привить» и «развить» те ключевые черты и качества, которые стали особенно необходимыми специалистам из самых различных предметных и профессиональных областей. А тенденции современной жизни требуют не только трансформации вышеназванной функции (а точнее, форм ее реализации), но и интенсификации процессов, связывающих науку и практику, поскольку и само общество начинает «производить» необходимые для этого механизмы и технологии. Кроме того, «традиционным» для подавляющего большинства вузов продолжает оставаться преобладание жестко централизованного, командно-административного характера управления образовательным процессом, что обусловливает значительную ограниченность, а порой и отстраненность профессорско-преподавательского состава от решения вопросов, связанных с этим процессом.

Это означает, что формировать инновационную культуру у обучающихся может только ***инновационный вуз***, в качестве которого можно понимать современный учебный, научный, образовательный, инновативный и производственный комплекс, который генерирует и транслирует новые знания и технологии в общество. Его основной характеристикой

является тесная *взаимосвязь образовательного процесса с научно-исследовательской деятельностью*, включающая в себя также *коммерческую компоненту*. Поэтому такой комплекс предполагает гармоничное сочетание фундаментального образования, академической науки, высокотехнологичных и инновационных предприятий, осуществляющий трансфер знаний и технологий [5, с. 9].

Таким образом, современность требует от специалиста не только соответствующих специальных знаний, профессиональных навыков и умений, но и широкого спектра личностных качеств, особого мышления, прогностических и творческих способностей, междисциплинарных знаний и др. Для достижения вышеобозначенной цели (подготовки специалиста с высокоразвитой инновационной культурой) приоритетами в образовательной деятельности вуза должны стать:

- разработка методик и техник проведения занятий, обеспечивающих диалогичность и интерактивность во взаимодействии обучающего и обучающегося в образовательном процессе, а также формирующих навыки самостоятельной постановки задач и такого же самостоятельного поиска их решений и позволяющих развить логичность мышления и преодолеть его стереотипизированность. В качестве примера можно привести так называемый метод «синектетики», представляющий собой интеллектуальную деятельность, связанную со «сравнением несравнимого» [7, с. 81];
- повышение инновационной культуры преподавательского состава и включение преподавателей в активную исследовательскую и инновационную деятельность на постоянной основе;
- создание технологий обучения инновационной деятельности и формирование системы представлений об инновационных процессах у обучающихся;
- разработка методик и технологий, позволяющих выявлять индивидуальные особенности обучающихся, связанные с их готовностью и способностью участвовать в инновационной деятельности. Они должны отвечать требованиям научности, доступности, наглядности, системности и последовательности; обеспечивать прочность и надежность получаемых знаний и связь теории с практикой; формировать сознательный и самостоятельный подход к деятельности; развивать умение продуктивно работать в коллективе при общей тенденции к индивидуализации обучения;
- разработка методологии постановки и решения инновационных задач;

- создание такой инфраструктуры вуза, которая бы позволила характеризовать образовательную среду внутри него как инновационную. Такая инфраструктура, в числе прочего, будет предполагать:
  – развитие центров трансфера технологий, которые создаются на его (высшего учебного заведения) базе;
  – реализацию многоуровневой системы подготовки и переподготовки, а также повышения квалификации и консультирования специалистов для инновационной деятельности в сферах образования, науки и производства [4];
- преодоление существующего разрыва между академической наукой и исследовательской и инновационной деятельностью;
- интеграция образования, науки и инновационной предпринимательской деятельности. Так, привычным является восприятие образовательных институтов как таких социальных структур, которые «производят на свет» готового ученого, в то время как наука предоставляет материал для содержательного наполнения учебных курсов, однако на данный момент ощутима необходимость в разработке таких интеграционных стратегий, которые бы позволили им сотрудничать на постоянной основе, при этом сохраняя автономное существование (то есть особых научно-образовательных комплексов). Для внедрения в производство научных разработок вузов необходимо, прежде всего, отработать механизмы доведения интеллектуальных продуктов до уровня технологий;
- приглашение в вузы представителей бизнеса, работников академических и отраслевых институтов в целях установления связей с реальной экономикой, разработки модели функционирования образовательной системы, адекватной современной системе рыночной экономики, основанной на знаниях; а также включение студентов в реальную практику в качестве одного из элементов повышения ими профессиональной квалификации;
- проведение тренингов и помощь экономическим субъектам, осуществляющим инновационную предпринимательскую деятельность, в виде профессиональных обсуждений деловых идей и поддержки при разработке и внедрении новых продуктов и технологий, что позволило бы повысить информационную и инновационную грамотность специалистов, уже задействованных в реальном экономическом поле;
- проведение исследований как фундаментального, так и прикладного характера по приоритетным научным направлениям, что помогло бы внести положительные изменения в жизнь как регионов, так и страны в целом и улучшить взаимодействие между ними;

- повышение роли участия студентов в прикладных исследованиях, что позволило бы им, в первую очередь, получить опыт практической исследовательской работы на производстве; освоить отраслевые и производственные технологии, а также способы их обновления; лучше понять направление своей профессиональной деятельности; впоследствии более осмысленно, целенаправленно и мотивированно работать с информацией [1, с. 223; 3, с. 67; 5, с.13–16, 26–28; 6, с. 83–84].

Иначе говоря, функциями инновационного образования являются:

- *методическая*, которая состоит в разработке институтом высшего образования таких методик проведения занятий, которые бы обеспечивали диалогичность взаимодействия субъектов образовательного процесса;
- *научно-исследовательская*, которая предполагает обеспечение активного включения в НИОКР различных субъектов образовательного процесса;
- *познавательная*, которая заключается в обеспечении институтом высшего образования получения обучающимися знаний, необходимых для осуществления инновационной деятельности;
- *культурная*, которая направлена на формирование таких «инновационных» качеств, как креативность, открытость новому, развитость воображения, целеустремленность, а также формирование соответствующих ценностей и установок на инновационную деятельность;
- *стимулирующая*, заключающаяся в стимулировании институтом высшего образования у обучающихся потребности в постоянном поиске новых проблем и путей их решения наиболее эффективными способами;
- *интегративная*, которая предполагает обеспечение тесной связи между академической и исследовательской науками, а также инновационной сферой;
- *организационная*, состоящая в создании особой инфраструктуры, соответствующей потребностям инновационного вуза;
- *посредническая*, направленная на создание системы сотрудничества между представителями различных отраслей деятельности общества (исследователи, предприниматели, ученые) с дальнейшей целью обеспечения надежного и эффективного функционирования механизма, состоящего из элементов «наука–образование–производство–бизнес».

Реализация данных задач и функций, естественно, не может быть осуществлена в том случае, если в данном процессе не примут участие все действующие в системе образования субъекты: преподаватели (как непосредственные «источники знаний», координаторы действий для

обучающихся), студенты (как полноправные и активные субъекты процесса обучения) и субъекты управления образовательным процессом (различного уровня: от руководств кафедр, факультетов и университетов до Министерства образования). Иначе говоря, деятельность по усовершенствованию образовательной системы должна осуществляться по различным направлениям и исходить от разных сторон. Таким образом, в результате реализации всех вышеобозначенных задач будет обеспечено единство образовательного процесса с научно-исследовательской, научно-технической и инновационной деятельностью на всех этапах подготовки будущих специалистов, что, в свою очередь, обусловит формирование и дальнейшее развитие у них инновационной культуры.

Литература

1. Ващенко, В.П. Инновационное образование: обусловленность и сущность // Альманах «Наука. Инновации. Образование». – 2006. – С. 219–226.
2. Кошевая, О.Н., Романова, О.Б. Проблемы формирования общекультурных компетенций при обучении в вузе (на материалах Приморского края) // Ойкумена. Регионоведческие исследования [Электронный ресурс]. – 2010. – № 2. – С. 57–71. – Режим доступа: http://ojkum.ru/arc/lib/2010_02_08.pdf. – Дата доступа: 17.03.2012.
3. Сердюкова, Л.О. Роль вузов в управлении интеллектуальным капиталом в региональных инновационных системах // Инновационная деятельность. – 2011. – № 2. – С. 65–71.
4. Терещенко, Т.А. Инновационное образование в высшей школе // Подготовка научных кадров высшей квалификации в условиях инновационного развития общества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск: ГУ «БелИСА» [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://belisa.org.by/ru/izd/other/Kadr2009/kadr09_135.html. – Дата доступа: 17.03.2012.
5. Университетское образование в условиях инновационного развития экономики: трансформация целей и содержания: аналитический обзор / Центр проблем развития образования БГУ; под общ. ред. А.М. Алтайцева [Электронный ресурс]. – 2007. – № 14. – 35 с. – Режим доступа: http://bsu.by/Cache/pdf/129563.pdf. – Дата доступа: 17.03.2012.
6. Холодкова, Л.А. Инновационная культура субъектов высшего профессионального образования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2006. – № 14. – С. 78–84.
7. Челнокова, Т.А. Культура инновационной деятельности и ее формирование в процессе обучения // Педагогическое образование и наука. – 2009. – № 5. – С. 80–85.
8. Шумакова, О.А. Освоение профессионального опыта как подструктуры инновационной культуры личности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 62. – С. 326–332.

Аляксандр Герасіменка
(Вільнюс, Еўрапейскі гуманітарны ўніверсітэт)

ПРАКТЫКІ ПРЫМУСОВАГА РАЗМЕРКАВАННЯ ВЫПУСКНІКОЎ ВНУ БЕЛАРУСІ: ГАРАНТАВАННЕ ПЕРШАГА ПРАЦОЎНАГА МЕСЦА ЦІ КАНСТРУЯВАННЕ НОВАЙ ІДЭНТЫЧНАСЦІ?

The object of study is the institute of compulsory distribution of Belarusian university graduates. It is a widespread practice which has been retained in Belarus since the Soviet times and affects every other full-time graduate. In spite of declarations of Belarusian authorities, compulsory distribution is connected with the official identity policy in Belarus and ensures paternalism in society. At the same time, compulsory distribution does not comply with the spirit of the law.

Прымусовае размеркаванне выпускнікоў пасля сканчэння беларускіх сярэдніх спецыяльных і вышэйшых навучальных установаў стала звычайнай практыкай за апошнія гады. Нягледзячы на тое, што пераважная большасць выпускнікоў альбо не трапляюць пад дзеянне заканадаўства аб размеркаванні праз іх статус, альбо з той ці іншай нагоды сыходзяць ад яго (пад размеркаванне трапляе менш за палову выпускнікоў беларускіх ВНУ [6]), гэта практыка стала адной з цэментуючых асноў беларускай эканомікі. Афіцыйныя ўлады абгрунтоўваюць неабходнасць існавання інстытута размеркавання магчымасцю прадставіць выпускнікам ВНУ першае працоўнае месца. Аднак роля гэтага інстытута ў справе фарміравання ідэнтычнасці маладых беларусаў застаецца не да канца выяўленай. Найчасцей незалежныя медыя звяртаюцца да пытання прымусовага размеркавання выпускнікоў у сувязі з спробай падкрэсліць рэпрэсіўны характар гэтай практыкі, звяртаючы ўвагу на штрафныя санкцыі і судовы праслед, што могуць паўстаць праз адмову выпускніка працаваць па месцы размеркавання. Таму ў маёй працы я разглядаю практыкі

прымусовага размеркавання найперш як адзін з метадаў канструявання пэўнага тыпу ідэнтычнасці.

Афіцыйныя асобы пастаянна адзначаюць, што прымусовае размеркаванне – гэта практыка, якая існуе «на блага» саміх студэнтаў (тут можна прыгадаць выказванне з гэтай нагоды Прэзідэнта Лукашэнкі, вельмі цікава разгледжанае В. Фурсам [5, с. 127–128]), бо дазваляе студэнтам атрымаць першае працоўнае месца. Але адваротным бокам размеркавання з'яўляецца яго прымусовы характар: з 1997 г., калі яно ўпершыню было ўведзенае ў незалежнай Беларусі (а, фактычна, часткова вернутая традыцыя яшчэ савецкіх часоў, якая існавала ад 30-х гг. мінулага стагоддзя), практыка прыцягнення выпускнікоў да адказнасці за адмову ехаць па размеркаванні толькі замацоўвалася, а сама гэта адказнасць усё ў большай ступені мела прымусовы характар.

Гэтак, у кастрычніку 2002 г. была прынятая першая рэдакцыя пастановы Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь «Аб зацвярджэнні Палажэння аб размеркаванні выпускнікоў, якія навучаюцца за кошт сродкаў рэспубліканскага і (або) мясцовых бюджэтаў ва ўстановах адукацыі, якія забяспечваюць атрыманне прафесійна-тэхнічнай, сярэдняй спецыяльнай і вышэйшай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь». Менавіта ад гэтага моманту ў грамадстве пачалася сапраўдная «дыскусія аб размеркаванні» [9].

Цяпер размеркаванне рэгулюецца шэрагам заканадаўчых актаў, сярод якіх варта вылучыць найперш Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб адукацыі, што пачаў дзейнічаць у 2011 г. Паводле яго маладыя спецыялісты абавязаныя адпрацаваць па размеркаванні адзін год пасля атрымання прафесійна-тэхнічнай адукацыі і два гады пасля атрымання сярэдняй спецыяльнай або вышэйшай адукацыі ў месцах, вызначаных камісіямі па размеркаванні выпускнікоў [10].

Якое меркаванне маюць аб размеркаванні зацікаўленыя асобы: улады і студэнты? Прэзідэнт Лукашэнка, вядомы сваімі часам эпатажнымі выказваннямі, часта абгрунтоўвае размеркаванне не жаданнем дапамагчы выпускніку замацавацца на працоўным рынку, а забяспечыць вяртанне сродкаў, што выдаткаваў бюджэт дзеля яго навучання. «Мы цябе навучылі – ідзі, адпрацоўвай на дзяржаву, і не год-два, 10–15 гадоў», – казаў, да прыкладу, А. Лукашэнка ў 2008 г., звяртаючыся да выпускнікоў медыцынскіх ВНУ [9].

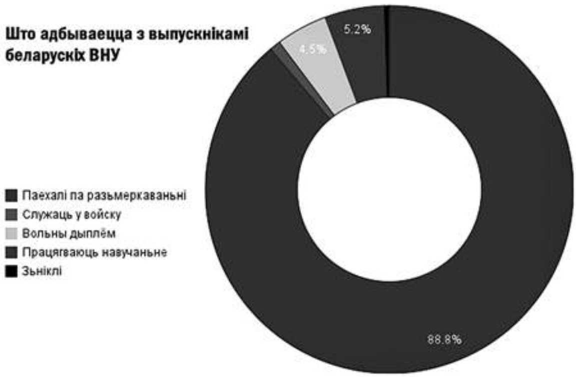
Іншае выказванне Лукашэнкі ўвогуле дазваляе разгледзіць не эканамічныя чыннікі ўвядзення размеркавання, а найперш ідэалагічныя: «Усе хацелі, можа быць, працаваць у Мінску, асабліва тыя, хто скон-

чыў ВНУ ў Мінску. Столькі працоўных месцаў няма! Што, яны на стометроўцы, прабачце мяне, будуць стаяць, дзяўчаты, а мужыкі будуць співацца, хадзіць з бутэлькамі на апазіцыйныя мітынгі або чаравікі ім чысціць?» Паводле В. Фурса, «такая рэпрэзентацыя падзей з'яўляецца вельмі слабай, паколькі робіць магчымым наступнае заключэнне: вышэйшая адукацыя ў Беларусі знаходзіцца на гэтакім нізкім узроўні, што выпускнікі ВНУ прыдатныя толькі для таго, каб займацца прастытуцыяй, піць піва і чысціць чаравікі прадстаўнікам апазіцыі» [5, с. 127–128]. Як бы дзіўна не гучалі выказванні ўлад адносна практыкі размеркавання, відавочным з'яўляецца той факт, што прымусовае накіраванне выпускнікоў на першае месца працы мае на мэце не толькі эканамічныя, але і палітычныя задачы. Інакш улады б даўно адаптавалі прапановы па пазбаўленні ад неабходнасці размеркавання для студэнтаў, што атрымалі дыпломы некаторых спецыяльнасцей, уладкавацца па якіх не так проста. Да прыкладу, Міністр адукацыі Беларусі Сяргей Маскевіч некалькі разоў выказваўся ў падтрымку падобнай ідэі: «На сённяшні дзень я бачу, што ў нас ёсць асобныя галіны, дзе ўжо дзейнічае канкурэнтны асяродак, які рэгулюе рынак працы, і дзе можна было б адмовіцца ад размеркавання. Напрыклад, адмова ад абавязковага размеркавання юрыстаў, быццам бы, ніякай шкоды не прынясе» [7]. Аднак юрысты дагэтуль абавязаныя быць размеркаванымі. Некаторыя паведамленні сведчаць аб тым, што працэс застаецца фармальным, бо накіраванняў для выпускнікоў юрыдычных спецыяльнасцей часта проста няма. Верагодна, адмова ад размеркавання ў гэтым выпадку ўсё ж можа прынесці «шкоду» дзяржаве, толькі не ў эканамічнай палітыцы, а ў палітыцы ідэнтычнасці.

Студэнцкія арганізацыі да таго моманту, пакуль іх існаванне было яшчэ магчымым у Беларусі, выступілі супраць практыкі прымусовага размеркавання. Гэтак, Задзіночанне беларускіх студэнтаў з 2002 г. пастаянна выступала з крытыкай гэтай практыкі. Гэтая арганізацыя, а таксама пазней Беларускі хельсінскі камітэт спрабавалі ініцыяваць разгляд пытання аб канстытуцыйнасці нормы Канстытуцыйным судом Беларусі. Аднак станоўчага рашэння атрымана не было.

Як самі выпускнікі рэагуюць на размеркаванне? Варта адзначыць высокія лічбы тых выпускнікоў, што сыходзяць ад размеркавання з тых ці іншых прычын. Яны значна зменшыліся з моманту ўвядзення размеркавання ў 1997 г. Аднак штогод нават з існымі рэпрэсіўнымі правіламі ад размеркавання ўхіляюцца без паважлівай прычыны 200–150 чалавек (у 2010 г. такіх было 182, а ў 2004 г. – 2221 (гл. графік 1)). Сітуацыя супра-

ваджаецца абсалютнай няздатнасцю дзяржавы замацаваць выпускнікоў на працоўных месцах пасля сканчэння адпрацоўкі ў 2 гады (толькі з сельскіх раёнаў пасля адпрацоўкі размеркавання з'язджаюць 56% выпускнікоў) [11]. Пры гэтым кожнага шостага выпускніка ВНУ размяркоўваюць звычайна ў вёску. Сітуацыя ўскладняецца тым, што «вольны дыплом» атрымаць амаль немагчыма – права ўладкавацца на працу самастойна атрымалі ў 2011 г. толькі 917 чалавек з выпускнікоў бюджэтных аддзяленняў ВНУ [8].



Графік 1

Суадносіны выпуску з бюджэтных і платных аддзяленняў ВНУ могуць паказаць стаўленне выпускнікоў да практыкі размеркавання. Да 2011 г. сысці ад яго можна было праз перавод на выпускных курсах на платныя аддзяленні. Гэтым карысталася дастаткова вялікая колькасць навучэнцаў. Дакладных лічбаў у адкрытым доступе няма, аднак вядома, што ў 2009 г. наступае пераломны момант: колькасць выпускнікоў бюджэтных і платных аддзяленняў ВНУ выроўніваецца, а ў наступныя гады з платных аддзяленняў выпускаецца большая колькасць выпускнікоў, чым з бюджэтных. Пры гэтым набор на бясплатнае ў папярэднія гады значна не скарачаўся, хаця набор на платныя аддзяленні рос (хаця і не раўнамерна, з перыядамі падзення (гл. графік 2)). Аднак штогод (прынамсі да 2011 г.) колькасць выпускнікоў бясплатных аддзяленняў значна скарачалася. Верагодна, пэўная частка скарачэння выпуску з бюджэтных аддзяленняў была забяспечаная імкненнем выпускнікоў пазбегнуць размеркавання.



Графік 2

Пры гэтым дастаткова грунтоўных сацыялагічных даследаванняў стаўлення розных груп насельніцтва да практыкі размеркавання ў апошнія гады не праводзілася, нягледзячы на яшчэ большае замацаванне практыкі новым Кодэксам аб адукацыі. У сітуацыі, калі студэнты ў Беларусі не маюць магчымасці публічна агучыць сваю пазіцыю адносна практыкаў размеркавання, у публічную прастору час ад часу трапляюць сведчанні існавання вялікай праблемы: рэгіструюцца не толькі выпадкі «гучных» размеркаванняў, калі студэнты, напрыклад, становяцца ахвярамі, як яны лічаць, палітыкі помсты за іх пазіцыю з боку кіраўніцтва ўніверсітэтаў, але і выпадкі дэвіянтных паводзін (вядомыя мінімум два выпадкі самагубства, што адбыліся ў сувязі з прымусовым размеркаваннем). Дзяржава рэагуе паводле прынятай мадэлі грубай прапагандысцкай «апрацоўкі». Да прыкладу, можна прывесці выхад у 2011 г. у пракат фільма студыі «Беларусьфільм» «На ростанях», які быў накіраваны ў тым ліку на паляпшэнне іміджу інстытута прымусовага размеркавання выпускнікоў у вясковыя раёны.

У такой сітуацыі ўзнікае лагічнае пытанне: якія мэты пераследуе беларуская дзяржава ў справе замацавання практыкі прымусовага размеркавання (напрыклад, з 2012 г. адпрацоўваць па размеркаванні абавязаныя нават тыя выпускнікі, што пасля сканчэння бясплатных аддзяленняў універсітэтаў адпраўляюцца дзеля працягу навучання за мяжу [4]). Абапіраючыся на ўжо існыя даследаванні практык адбудавання беларускай ідэнтычнасці на аснове створанай уладамі беларускай ідэалогіі [3], можна прасачыць уплыў прымусовага размеркавання як інструмента кантролю

за лепшымі выпускнікамі з мэтай адбудавання ў іх лаяльнага стаўлення да існай сацыяльна-палітычнай сістэмы. У гэтым сэнсе станаўленне сістэмы прымусовага размеркавання адпавядае шляху развіцця феномена беларускай ідэалогіі: атрымліваючы ў першым класе падручнікі з выявай Прэзідэнта («падарунак Прэзідэнта дзецям»), навучэнцы праходзяць праз Беларускую піянерскую арганізацыю і Беларускі рэспубліканскі саюз моладзі з тым, каб пасля паступлення ва ўніверсітэт і надалей заставацца аб'ектамі канструявання новай ідэнтычнасці, вымеранай па лякалах афіцыйнай ідэалогіі. І нават дыплом аб вышэйшай адукацыі не вызваляе ад пільнага дагляду дзяржавы: яна ўласнымі рукамі штогод вырашае лёс больш чым за 20 000 выпускнікоў, вызначаючы, дзе ім лепш атрымліваць першы вопыт працы (а, значыць, і вывучаць практыкі працоўных адносін, узаемадзеяння ў калектыве і г.д.). У гэтай сувязі цікавым ёсць факт імкнення ўлад адправіць выпускнікоў найперш у дзяржаўныя структуры (дзе тыя могуць лепей кантралявацца), канешне, з улікам і патрэб мадэлі беларускай эканомікі [12]. Акрамя гэтага, размеркаванне можна назваць першым вопытам выпускнікоў ВНУ ў справе сыходу ад закону і ўдзелу ў карупцыйных схемах з мэтай атрымаць пэўнае месца працы альбо пазбегнуць размеркавання.

Замацаванне выпускніка на працоўным месцы ёсць практыкай, якая паўстала ў часы індустрыялізацыі і з'яўляецца прадуктам мадэрновай эпохі (хаця і захоўвае дамадэрныя рысы – некаторыя называюць размеркаванне працягам інстытута «прыгоннага права»). Сітуацыя ўскладняецца тым, што не прыдбаўшы асноўныя каштоўнасці, такія як аўтаномія, беларусы апынуліся ў сітуацыі постмадэрну. Мінулае Беларусі дэканструюецца, але поўнай адмовы ад сацыяльных практык савецкіх часоў не адбываецца. Наадварот, дзяржава выкарыстоўвае некаторыя з іх, каб зацвердзіць сябе ў ролі, якую Дж. Уры, ўслед за З. Бауманам, акрэслівае як «дзяржава-садоўнік». Такая дзяржава заклапочаная найперш у навядзенні парадку, рэгуляванні і ўпарадкаванні, а не ў забеспячэнні мабільнасці, якая б гарантавала знаходжанне на пэўных пазіцыях патрэбнай колькасці актараў.

У гэтым сэнсе практыка размеркавання цалкам адпавядае існай мадэлі беларускай ідэнтычнасці, якая базіруецца на партыкулярным рацыяналізме. Яна спрыяе распаўсюду ў беларускім грамадстве партыкулярызму, супрацьстаіць таму, каб беларускае грамадства стала поўнагадовым ў кантыянскім сэнсе. Патрыярхальная свядомасць замацоўвае ідэал найвышэйшай улады, чыя мудрасць атрымліваецца набліжанай да боскай: дзяржава ведае лепей за цябе, чым табе займацца, дзе працаваць і якім чынам прасоўвацца да ўласнай мэты (пры гэтым мэту дзяржава таксама гатовая пра-

панаваць, калі не навязаць). Беларуская моладзь, шмат у чым найбольш таленавітая яе частка (тая, што заканчвае бюджэтныя аддзяленні ВНУ), ад самага пачатку працоўнай кар’еры вымушаная рэпрэзентаваць сябе ў якасці кантраляванага аб’екта. Пры гэтым кантроль не спыняецца і на першым працоўным месцы, бо на вялікай частцы з іх працаваць даводзіцца ў калектывах пад кантролем ідэалагічных супрацоўнікаў.

Бясспрэчна, інстытут размеркавання, як і іншыя інструменты палітыкі ідэнтычнасці беларускай улады, грунтуецца на пэўнай аснове, сацыяльных габітусах, выпрацаваных у беларускім грамадстве цягам стагоддзяў. Аднак дамадэрныя сацыяльныя практыкі перамяшаліся з мадэрнымі, і ў сітуацыі постмадэрну, у якім апынулася беларускае грамадства, мы бачым гэткі дзіўны прэцэдэнт, адзіны ў Еўропе: прымусовае размеркаванне выпускнікоў існуе на фоне выключанасці беларускай вышэйшай адукацыі з працэсаў інтэграцыі вышэйшай адукацыі праз Балонскую прастору. Выглядае, што існая мадэль беларускай вышэйшай адукацыі ўсё меней падлягае рэфармаванню.

Высновы

Найчасцей інстытут прымусовага размеркавання выпускнікоў бясплатных аддзяленняў беларускіх ВНУ прадстаўляецца ўладамі як механізм сацыяльнай абароны: выпускнікі атрымліваюць першае працоўнае месца на два гады. Аднак супрацьлеглыя заявы і дзеянні прадстаўнікоў улады, а таксама шматлікія факты кажуць аб іншых матывах існавання практыкі размеркавання. У некаторых выпадках размеркаванне застаецца фармальнай працэдурай, у іншых, наадварот, можа выступаць як інструмент ціску і кантролю за студэнтамі. На першы план выходзіць жаданне дзяржавы дамагчыся «адпрацоўкі» – вяртання – сродкаў, якія яна нібыта патраціла на падрыхтоўку маладога спецыяліста.

У той час, пакуль атрымаць права на самастойнае працаўладкаванне пасля сканчэння бюджэтных аддзяленняў ВНУ амаль немагчыма, вялікі адсотак студэнтаў імкнецца сысці ад размеркавання праз напаўлегальныя схемы. Некаторыя ідуць на наўпроставае парушэнне закону, што цягне за сабой судовы пераслед. Адзначаюцца нават трагічныя выпадкі, якія былі звязаныя ў тым ліку і з прымусовым размеркаваннем. Пры гэтым дзяржава дагэтуль няздольная замацаваць выпускніка на першым працоўным месцы: праз два гады больш за палову выпускнікоў, размеркаваных ў сельскія раёны, мяняюць месца працы і звычайна пераязджаюць у горад.

Такім чынам, варта казаць не толькі аб эканамічных аспектах выкарыстання дзяржавай практыкі прымусовага размеркавання, але і аб ўплыве гэтага інструмента кантролю на ідэнтычнасць маладых беларусаў. З гэтага пункта гледжання практыка размеркавання з'яўляецца рэпрэсіўнай і спрэчнай, што адпавядае посткаланіяльнаму дыскурсу беларускай ідэнтычнасці. Размеркаванне замацоўвае патэрналізм у беларускім грамадстве і супрацьстаіць таму, каб яно стала поўнагадовым ў кантыянскім сэнсе. Гэта хутчэй рудымент мінулых часоў, пазбаўленне ад якога стала б найлепшым вырашэннем усіх праблем, звязаных з размеркаваннем.

Літаратура

1. Urry, J. Sociology beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century. – London and New York: Routledge, 2000.
2. Акудовіч, В. Разбурыць Парыж // Фрагмэнты. – 2000. – № 3–4.
3. Казакевіч, В., Казакевіч, А. Да праблемы генэзісу беларускай ідэнтычнасці // Палітычная сфера. – 2000. – № 6.
4. Нікалаева, Н. Размеркаванне – самы адказны момант у жыцці выпускніка // Звязда. – 2012. – 10 крас. – № 69(27184).
5. Фурс, В. Публичное и приватное в белорусском социально-политическом медиа-дискрусе // Постсоветская публичность: Беларусь и Украина. – Вильнюс, 2008.
6. Галоўны інфармацыйна-аналітычны цэнтр Міністэрства адукацыі [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://giac.unibel.by/ru/sm.aspx?guid=11873.
7. Герасіменка, А. Мінадукацыі думае над адменай разьмеркаваньня «ў асобных галінах» [Электронны рэсурс] // Generation.by. – Рэжым доступу: http://generation.by/news4854.html.
8. Герасіменка, А. Што здараецца са студэнтамі, якіх адпраўляюць па разьмеркаваньні [Электронны рэсурс] // Generation.by. – Рэжым доступу: http://generation.by/news5241.html.
9. Граблевский, О. Удавка принудительного труда для выпускника [Электронны рэсурс] // Агенцтва палітычнай экспертызы. – Рэжым доступу: http://nmnby.eu/news/analytics/3586.html.
10. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=hk1100243&p2={NRPA}.
11. Пасля размеркавання з вёскі бягуць 56% выпускнікоў // Generation.by [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://generation.by/news4748.html.
12. Студентов БГУ будут распределять, в первую очередь, в государственные организации // naviny.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/society/2011/03/14/ic_news_116_363150.

Анна Рыжкова
(Харьков, Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды)

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ ТАЙМ-МЕНЕДЖМЕНТУ КАК УСЛОВИЕ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

The article considers the problem of intensification of teaching in higher educational establishments. The examples of tasks for teaching time-management and the results of training sessions for 1st, 3rd and 5th-year students are described.

В мае 2005 г. Украина присоединилась к Болонскому процессу. Согласно подписанной декларации Украина перешла на двухуровневую систему образования, ввела кредитно-модульную систему обучения и сократила количество аудиторных занятий, расширив место для самостоятельной работы студентов. В результате актуализировался вопрос об интенсификации учебного процесса в высших учебных заведениях.

Под интенсификацией обучения мы понимаем такую его организацию, при которой повышение качества обучения достигается при ускоренном темпе усвоения и уменьшении количества аудиторной нагрузки. Дидактическим условием реализации принципа интенсификации может выступать обучение студентов тайм-менеджменту.

В современном мире при увеличении количества информации уменьшается количество времени, которое мы можем разумно уделять действительно важным срочным делам. Для студентов такими делами (задачами) является вообще весь процесс обучения в высшем учебном заведении. Именно знание тайм-менеджмента может помочь студентам больше успевать, организуя себя и свое время рационально; ставить цели и достигать их, расставляя приоритеты; планировать свою деятельность, используя жесткое и гибкое планирование; и др.

Исходя из этого в Харьковском педагогическом университете имени Г.С. Сковороды были проведены тренинговые занятия по изучению тайм-менеджмента со студентами экономического факультета первого, третьего, пятого курсов во внеаудиторное время. Студенты этих курсов были выбраны не случайно. Первокурсникам, которые только что расстались с классно-урочной формы обучения, еще сложно адаптироваться к новой форме обучения. У третьекурсников уже есть опыт обучения в вузе, опыт обучения по кредитно-модульной системе, таким образом, они могут выявить как преимущества, так и недостатки обучения и предложить свои способы усовершенствования системы обучения. Студенты пятого курса как выпускники могут уже выявить плюсы и минусы кредитно-модульной системы.

Следует обратить внимание на восприятие студентами изучаемых вопросов. Внутренним фактором восприятия является опыт. Именно основываясь на опыте обучения в вузе, на занятиях были изучены следующие вопросы: обучение расстановке жизненных приоритетов; методика постановки целей; использование биоритмов; методика ведения хронометража; жесткое и гибкое планирование; развитие навыка пунктуальности; использование технологии Mind Map; задачи «Лягушки», «Слоны», «Бифштексы»; ведение мемуарника; построение Пирамиды Франклина; составление стратегической картонки; организация эффективного отдыха и др.

Основой для рационального выбора в достижении целей является расстановка приоритетов. Студентами было отмечено, что никогда ранее их не обучали расставлять приоритеты для того, чтобы выполнять поставленные перед ними учебные задачи. Студентам было предложено использовать матрицу Эйзенхауэра [1–3] с целью деления дел по степени важности/срочности и соответственно выделять среди них четыре группы, на которые уходит ценное время (A, B, C, D).

A. Важные и срочные задачи (действительно неотложные дела, критические ситуации, проекты с «горящим» сроком). Задачи такого типа необходимо выполнять без промедления. Появление таких задач необходимо предвидеть и по возможности предотвращать. Примером таких дел в студенческой деятельности является ситуация, которая знакома многим студентам: завтра экзамен, а 10 билетов еще не выучены, и приходится в спешном порядке доучивать то, что откладывалось в течение долгого времени на потом.

B. Важные и несрочные задачи (долгосрочные цели, мечты и т.д.). Эйзенхауэр советовал каждый день напоминать себе, что у вас есть жиз-

ненный проект и дневные дела должны быть, в первую очередь, подчинены ему. В студенческой деятельности такими задачами являются: написание реферата, диплома, которые сдавать еще не скоро; подготовка к экзамену; планирование долгосрочных целей. Пример: «Сдача ИНИЗ так далеко, целый семестр впереди, можно пока не думать о подготовке… Ну, до экзамена еще целый месяц, успею еще выучить… Еще целая неделя впереди, время есть…». И постепенно из-за пренебрежения делами категории B они превращаются в дела категории A. И вот уже последняя ночь перед экзаменом, и студент лихорадочно пытается запомнить хоть что-то, в голове крутится «Эх! Надо было раньше готовиться!». Чтобы избежать подобного сценария, необходимо к делам категории B относиться как к инвестициям, которые необходимо делать, чтобы получить прибыль.

C. Неважные и срочные (всякие якобы неотложные дела, в действительности таковыми не являющиеся). Например, спонтанные просьбы или поручения «сделать что-то сейчас и быстро», не относящиеся к непосредственным студенческим обязанностям и т.п. Такие просьбы следует перепоручать другим или отказываться от них вовсе. Примером таких дел в студенческой деятельности является просьба одногруппника помочь во время написания теста. Иногда хороший студент не успевает все правильно сделать в своей работе, но при этом сделает задачу другому.

D. Неважные и несрочные (поглотители времени). Задачи этой категории часто приятны и интересны, поэтому предпочитается тратить на них лучшие часы, а потом время уходит бесследно. «Финансировать» такие дела нужно по остаточному принципу, иначе они съедят весь бюджет нашего времени. Если следовать этому принципу, из поглотителей нашего времени они могут превратиться в помощников. Решая дела, необходимо взять за правило: «Напишу реферат по экономике, сделаю задание по английскому и, если останется свободное время, посижу в Facebook». Тогда и важные дела будут сделаны, и на развлечение останется время.

Преимущества матрицы Эйзенхауэра:

- простота в использовании;
- позволяет уменьшить количество неважных дел;
- помогает быстро определить приоритетные задачи и дела.

К сожалению, в наших вузах практически не учат расставлять приоритеты, не учат определять, что главное, а что – не очень. Есть обязательная учебная программа, из которой необходимо знать «все». А что

из этого нужно? Что не очень нужно? А что вообще не пригодится в профессиональной деятельности?

В нашей жизни, к счастью или к сожалению, нет такой обязательной программы. Каждому из нас хочется многого: и успехов в работе, и счастья в личной жизни, и сходить погулять с друзьями, и почитать любимую книгу и т.д. Но все-все-все не успеешь, приходится выбирать. Вся наша жизнь – непрерывный выбор. И лучше, если этот выбор делается осознанно, а не по принципу «так получилось».

Обычно считают, что управление временем – это планирование, причем планирование жесткое. Например: «В 8 утра – завтрак, в 9 – спасение мира». И не понимают: «Зачем планировать, если все вокруг так быстро меняется?»

Действительно, мы можем назначить точное время выполнения очень немногим задачам. Как правило, это только встречи, презентации, семинары и тому подобные мероприятия с заранее известным точным временем начала. Остальные задачи, как правило, имеют более «гибкий» характер – время их исполнения мы назначаем самостоятельно, как говорится, «по ситуации». Эти задачи также можно и нужно планировать, важно делать это грамотно.

Говоря о гибком и жестком планировании, стоит вспомнить, что у древних греков было два разных слова для обозначения времени, два имени богов-близнецов, отвечавших за время. «Хронос» – линейное, астрономическое, измеримое время, привычное нам время ежедневников и органайзеров, время жесткого планирования. И «кайрос» – удобный момент, удобные обстоятельства для совершения какого-то дела, время гибкого планирования. Именно с такими «кайросами» очень часто приходится иметь дело простому человеку. Например: «Если встречу преподавателя, спросить, когда экзамен?», «На паре спросить у преподавателя тему реферата».

Встречи дают удобный обзор «жесткой» части вашего плана дня или недели, связанной с линейным временем, «хроносом».

Задачи – обзор всех «гибких», привязанных к «кайросу» дел. При этом задачи можно группировать, сортировать и раскрашивать самыми разнообразными способами, что позволяет легко контролировать все множество дел, а также выделять приоритеты по матрице Эйзенхауэра.

В обычном ежедневнике предлагают записывать гибкие задачи в верхнем правом углу. А на жесткие задачи бюджетировать время (то есть предположить, сколько времени вы потратите на выполнение этой задачи). Также гибким задачам вы можете определять приоритет согласно

матрице Эйзенхауэра (A, B, C, D). В тайм-менеджменте существует такое понятие, как «хронометраж» – метод изучения затрат времени с помощью фиксации и замеров продолжительности выполняемых действий. Хронометраж позволяет провести «аудит» и «инвентаризацию» времени, выявить хронофагов, то есть «поглотителей времени».

Хронометраж необходим для того, чтобы:

- работать более осознанно, меньше отвлекаться на неважные дела, понимать, чем и сколько я занимаюсь;
- анализировать потраченное время: сколько времени занимался, какими проектами, какова была моя личная эффективность в данный рабочий день, от каких активностей стоит избавляться, какими заниматься больше;
- увидеть, сколько времени я занимался конкретным делом. Очень полезные данные для последующего планирования;
- вырабатывать «чувство времени». С этим чувством удается довольно точно прогнозировать, сколько времени у меня займет какая-либо активность, даже без каких-либо данных под рукой;
- гармонизировать свою жизнь – установить баланс и гармонию между работой, личной жизнью, личным развитием, различными направлениями деятельности;
- работать с большим интересом – повысить мотивацию;
- больше узнать о себе.

Для того, чтобы провести хронометраж, раз в час необходимо записывать, сколько времени и на что вы потратили. При этом также можно провести анализ того, «что вы при этом чувствовали?», «довольны ли вы своею продуктивностью?».

Следующая технология, которая является достаточно простой в использовании, это технология Mind Map.

Mind Map, или Карты Ума, Карты Сознания (не путать с когнитивными картами) – это кустообразные картинки, изобретенные Тони Бьюзеном в качестве способа представления и связывания мыслей [5, с. 128]. Их удобно использовать для того, чтобы разобраться, какие шаги необходимо сделать для выполнения задачи или осуществления поставленной цели. Делаются они очень просто.

Берется лист бумаги и в центре картинкой или одним-двумя словами обозначается основное понятие, или концепция, либо анализируемая проблема. Обычно используют формат А4 «стоя», но также рекомендуют брать лист бумаги формата А3 «лежа». Рассмотрим построение Mind Map на примере такой цели, как «поступление в аспирантуру».

Обводим эту цель кружком – из нее будут произрастать задачи, которые необходимо выполнить для достижения цели.

Рисуем ветки – основные связанные понятия, свойства, задачи, которые необходимо выполнить, и т.п. Подписываем одним-двумя словами каждую. Например: получить диплом магистра; узнать, какие документы необходимо подготовить для поступления в аспирантуру; подготовить документы; сдать документы вовремя; выбрать специальность, по которой вы планируете поступать; узнать, какие вступительные экзамены необходимо сдавать; взять вопросы на кафедрах; готовиться к экзамену; делать шпаргалки; спросить у знакомых аспирантов готовые шпаргалки; и др.

Дальше – больше. Каждая ветка при необходимости делится на несколько более тонких веточек – развитие этих понятий, детализация свойств, направлений работы. Например: получить диплом магистра; узнать, какие документы необходимо подготовить (список публикаций, автобиография, медсправка и т.д.); выбрать специальность, по которой вы планируете поступать (если это педагогическая специальность, то узнать различия между специальностями 13.00.09, 13.00.01, 13.00.04, 13.00.07); узнать перечень вступительных экзаменов (философия, английский язык, педагогика); взять вопросы на кафедрах (философии, английского языка, педагогики); готовиться к экзамену; делать шпаргалки (по философии, английскому языку, педагогике); спросить у знакомых аспирантов готовые шпаргалки (список лиц).

Лист постепенно заполняется, и проблема из страшной и непонятной становится вполне «ручной» – пришпилена тоненькими веточками, как булавками, к листу бумаги, уже, так сказать, не лает, не кусает, а тихо поскуливает.

Теперь, если картинка получилась красивой и достаточно запутанной, повесьте ее на стену. И проблема вся как на ладони. Если карта изображает некий проект (план действий), как у нас, то цветом можно обводить выполненные/приоритетные задачи.

Преимущества Mind Map.

Наглядность:

а) Mind Map позволяет окинуть взглядом все сразу, все дерево. Линейный список этого не дает;

б) линейный список психологически не завершен, он может быть продолжен. Ничто не мешает дописать что-то в конец (да и в середину тоже – естественных рамок нет). Mind Map как рисунок ограничен размерами листа. Приходится выбирать существенное и не делить на слишком много частей.

В построении Mind Map очень хорошо проявляется известный психологический закон 7±2, который описывает число понятий, которыми может одновременно оперировать мозг человека. На картинке это совпадает с естественными ограничениями листа, больше ветвей просто трудно разместить.

Эстетичность.

Mind Map – это рисунок, который имеет свою эстетику. Вернее, должен иметь, то есть если Mind Map как рисунок неприятен, то бесполезен и даже вреден. Создатель техники Mind Map Тони Бьюзен специально подчеркивал, что при рисовании существенно включается в работу правое полушарие мозга, отвечающее за эстетику и холистический подход. То есть, рисуя Mind Map по какой-то проблеме, мы обдумываем ее под другим углом зрения. Другим примером однородной карты является несложный проект (план дел) – в принципе, тут Mind Map заменяет Check List, выигрыш получается за счет лучшей обозримости дел.

Можно сделать вывод, что студентами первого курса было отмечено, что занятие и пройденный материал были интересны и полезны для них, но они считают, что им рано еще изучать тайм-менеждмент. Они полагают, что эту информацию следует изучать на третьем курсе. А вот студенты третьего и пятого курса отметили, что им уже поздно изучать тайм-менеджмент и, что его необходимо было изучать еще на первом курсе для того, чтобы они могли сразу себя правильно организовать. При этом студенты всех курсов подчеркнули, что в будущем они будут использовать эту технологию для себя в студенческой деятельности и в своей жизни.

Литература

1. Архангельский, Г.А. Тайм-менеджмент: Как успевать жить и работать. – 15-е изд. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2011.
2. Дункан, К. Ваш личный тайм-менеджмент / пер. с англ. С.Э. Борич. – Минск: Попурри, 2009.
3. Калинин, С.И. Тайм-менеджмент, Практикум по управлению временем. – СПб.: Речь, 2006.
4. Моргенстерн, Дж. Тайм-менеджмент. Искусство планирования и управления своим временем и своей жизнью. – М.: ООО «Добрая книга», 2002.
5. Прентис, С. Интегрированный тайм-менеджмент / пер. с англ. – М.: Изд. «Добрая книга», 2007.
6. Тайм-менеджмент: учеб. пособие / Г.А. Архангельский, М.А. Лукашенко, Т.В. Телегина, С.В. Бехтерев; под. ред. Г.А. Архангельского. – М.: Московская финансово-промышленная академия, 2011.

Олег Цепелев
(Минск, Белорусский государственный технологический университет)

ДОСТИЖЕНИЕ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА ПРИ ПАРТНЕРСТВЕ НАУКИ И БИЗНЕСА

The article states that partnership between business and science provides a synergy effect for the whole country. It is suggested that industry intellectual centers be created to provide consulting services, develop intellectual products for business and create a knowledge basis for benchmarking. The paper offers a possible scheme of cooperation of business and science and describes potential effects of the partnership.

В данной работе рассматривается потенциал партнерства науки и бизнеса на примере взаимодействия Белорусского государственного технологического университета (БГТУ – ведущий вуз Республики Беларусь по подготовке кадров для лесного комплекса) и предприятий мебельной промышленности.

На долю мебельной промышленности приходится 30–34% общего объема всего экспорта лесного комплекса Беларуси. Около 50% продукции продается на зарубежные рынки. Объем производства и производственные мощности предприятий существенно перекрывают внутренний спрос в Республики Беларусь (РБ), тем более в ситуации нынешнего резкого сокращения платежеспособного спроса населения. Белорусская мебель сегодня поставляется в 50 стран мира, однако основным импортером является Российская Федерация (РФ), куда поставляется около 72% всего экспорта. Для мебельной промышленности РБ существуют две основные проблемы:

1) низкая диверсификация поставок продукции – чрезмерная зависимость от российского рынка;

2) нарастание конкуренции на основных экспортных рынках, и на рынке РФ в частности, со стороны китайских и турецких производи-

телей – в дешевом сегменте, со стороны немецких, итальянских, испанских – в дорогом сегменте, а также со стороны российских производителей.

Формирование партнерских отношений с основными контрагентами является одним из путей повышения конкурентоспособности, который может быть использован предприятиями мебельной промышленности РБ. Под бизнес-партнерством понимается взаимовыгодное сотрудничество субъектов бизнеса, которое строится на вкладе каждого в совместную деятельность. В роли вклада могут выступать: деловые связи, деловая репутация, деньги, имущество, профессиональные знания, навыки и умения, которые вносятся в общее дело и любые другие материальные и нематериальные активы, формирующие компетенции фирмы.

Целью бизнес-партнерства выступает получение эффекта синергии, то есть получения такого положительного эффекта от взаимодействия друг с другом, который превосходил бы суммарный эффект их деятельности по отдельности.

В данной работе рассматривается партнерство науки и бизнеса. Идея неновая, однако в РБ ее потенциал используется в незначительной степени. В качестве субъектов партнерских отношений в отрасли рассматриваются, с одной стороны, белорусские производители мебели, а с другой – вузы и НИИ, специализирующиеся на лесном комплексе. В качестве субъекта науки рассмотрим специализированный вуз – БГТУ, поскольку он является ведущим вузом страны в отрасли.

Как известно, развитие науки дотируется государством – и это нормальная международная практика, однако в развитых странах размеры государственного финансирования существенно превышают финансирование в развивающихся странах и странах с переходными экономиками, к которым относится РБ. В то время как результаты научной деятельности корелллируются с объемами инвестиций в науку.

Так, на финансирование научной сферы в РБ на 2012 г. выделено из государственного бюджета 1,39 трлн бел. руб. Для сравнения в 2011 г. – 865 млрд бел. руб. Таким образом, номинально финансирование научной сферы увеличилось, а реально, с учетом трехкратной девальвации и годовой инфляции 108,7%, произошло фактическое сокращение финансирования науки [1]. Результатом является относительно низкая оплата труда научных работников, что снижает интерес к научной деятельности и вызывает отток квалифицированных кадров за границу. Также недостаток финансирования сказывается на качестве материально-ресурсной базы для проведения научных исследований.

Наряду со снижением популярности профессии ученого усложнение процедуры защиты диссертаций приводит к девальвации ценности научной степени, которая не обеспечивает серьезного увеличения оплаты труда и не защищает от увольнения. Ниже приведено количество защитившихся докторов наук за последние несколько лет:

Таблица 1 – Количество ученых, ставших докторами наук в разные годы [2]

Год	Количество присужденных степеней докторов наук
2007	53
2008	23
2009	51
2010	45
2011	28

Данная тенденция в сфере науки не предвещает ничего хорошего в целом для экономики страны и для благосостояния нации. Если сейчас основная проблема взаимодействия бизнеса и науки в том, что между этими сферами наблюдается разрыв, то есть наука не обеспечивает в полной мере решения проблем реального сектора, то в будущем просто не будет ни квалифицированных кадров в науке для решения таких проблем, ни ресурсной базы.

По мнению автора, в рамках партнерства между наукой и бизнесом отраслевые вузы РБ должны стать интеллектуальными центрами для субъектов хозяйствования, оказывать консалтинговые услуги и разрабатывать интеллектуальные продукты. Взаимодействие должно происходить на коммерческой основе.

Так, на примере БГТУ рассмотрим, какие услуги могут быть предложены вузом производителям мебели.

Консалтинговые услуги:

а) анализ рынков;

б) аудит маркетинга предприятия;

в) анализ продуктового портфеля и управление им;

г) брендинг, разработка торгового знака, корпоративного стиля;

д) разработка рекламной компании;

е) разработка маркетинговой стратегии;

ж) аудит логистики предприятия;

з) внедрение логистического подхода на предприятии;

и) бизнес-планирование и анализ эффективности инвестиций.

Разработка интеллектуальных продуктов:

а) разработка различных технологий (производства мебели);

б) разработка и внедрение программного обеспечения по управлению ресурсами предприятия (элементы ERP, MRP систем);

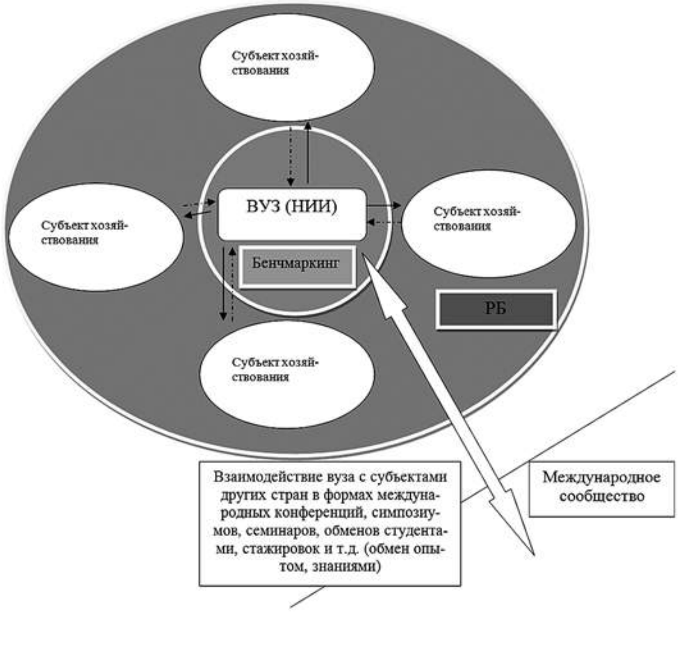
в) разработка ноу-хау и т.д.

Организация работы внутри БГТУ должна базироваться на двух уровнях:

1) организация постоянно действующих проектных групп на базе кафедры экономической теории и маркетинга во взаимодействии с другими кафедрами: экономики и управления предприятием, технология деревообработки, информационные технологии, кафедра бухгалтерского учета и аудита и т.д.;

2) организация «Клиник» – студенческих групп, работающих над определенными проектами под руководством преподавателей университета.

Схема взаимодействия субъектов хозяйствования отрасли и интеллектуального центра (вуза) представлена на рисунке:



Стрелками на рисунке обозначены финансово-информационные потоки. Потоки со стороны вуза – это оказание консалтинговых услуг, разработка интеллектуальных продуктов для предприятий отрасли и другие информационные потоки.

Со стороны мебельных предприятий – денежные потоки (оплата за оказание услуг, разработку интеллектуальных продуктов) и информационные потоки.

В свою очередь сотрудники вуза накапливают знания о применяемых практиках на рынке субъектами хозяйствования – резидентами и нерезидентами РБ, а также анализируют эффективность применения тех или иных инструментов и стратегий на конкретных рынках. Таким образом, формируется база для применения бенчмаркинга для последующей разработки эффективных маркетинговых стратегий завоевания международных рынков.

Синергетический эффект от такой формы партнерства будет достигаться как для самих партнеров (вузов и субъектов бизнеса, таблица 2), так и для экономики страны в целом за счет повышения эффективности функционирования предприятий на внешних рынках, а соответственно поступления валютной выручки в страну, а также в выведении науки на коммерческую основу.

Таблица 2 – Эффект партнерства и бизнеса

Эффект для вуза	**Эффект для субъектов бизнеса**
1) Обеспечение эффективного выполнения вузом его основной социально-экономической функции – генерирование знаний для обеспечения развития экономики страны, а соответственно и благосостояния нации	1) Обеспечение доступа к качественным профессиональным (специализированным) консалтинговым услугам
2) Выведение науки на самофинансирование (в то время как в большинстве случаев она функционирует на дотациях – и зачастую не самым эффективным образом), а значит, и возможность повышения оплаты труда ученым и своевременного обновления ресурсной базы университетов	2) Обеспечение доступа к интеллектуальным инновационным продуктам

3) Получение молодыми учеными/студентами реального практического опыта в сфере деятельности: теория подкрепляется актуальной практикой, что формирует новый качественный уровень науки и образования	3) Увеличение конкурентоспособности за счет более четкого понимания рынка и разработки профессионалами, на базе полученных знаний, эффективных маркетинговых и логистических программ

Литература

1. Государство потратит на науку в 2012 году 1,390 трлн рублей, или 1,5% от госбюджета [Электронный ресурс] // tut.by – новостной сайт. – 2012. – Режим доступа: http://news.elteh.ru/arh/2006/40/19.php. – Дата доступа: 24.03.2012.
2. Беларусь может остаться без докторов наук? [Электронный ресурс] // tut.by – новостной сайт. – 2012. – Режим доступа: http://news.elteh.ru/arh/2006/40/19.php. – Дата доступа: 24.03.2012.

ТУРИЗМ В XXI в.: НАСЛЕДИЕ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Ирина Луневич
(Вильнюс, Европейский гуманитарный университет)

ФЕНОМЕН АУТЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ИНДИВИДУАЛЬНОМ ТУРИЗМЕ (на примере проекта «Couchsurfing»)

The study introduces the Couchsurfing project, the most popular Internet-based hospitality network. The aim of this work is to explore how information and communication technologies (ICT) such as Couchsurfing.com could reshape the tourist experience. The paper addresses the problem of visual consumption of culture and space in contemporary tourism. It also compares the experience of traditional mass tourists and users of Couchsurfing. The empirical examples show that Couchsurfing gives travellers a possibility to explore destinations off the beaten track, to establish close contacts with local people and to take part in their daily activities. All these facts illustrate that unlike mass tourists the users of CouchSurfing could get a real impression of authenticity.

Одной из основных характеристик современного туризма является визуальное потребление культуры и пространства. Для того чтобы объяснить, каким образом происходит потребление пространства в контексте массового туризма, Дж. Урри вводит понятие «туристского взгляда» [4].

Прежде всего Дж. Урри замечает, что не существует унифицированного туристского взгляда. Способ визуального восприятия пространства зависит от различных факторов, таких как общество, принадлежность к определенной социальной группе и историческому периоду. Туристский взгляд конструируется в противоположность повседневному контексту туриста. Отправляясь в путешествие, туристы ожидают увидеть что-либо отличное от их повседневного окружения и ежедневных практик, в первую очередь связанных с домом и работой.

С другой стороны, важно заметить, что туристский взгляд не является чем-то автономным и что он формируется исходя лишь из повседневного опыта туриста. Туристский взгляд является социальным конструктом и задается множеством нарративов. В конструировании туристского взгляда участвуют туроператоры, турагенты, фотографы, экскурсоводы и т.д.

Индустрия туризма выработала целую систему образов и знаков, которые определяют не только то, на какие объекты необходимо смотреть туристам, но и каким образом на них нужно смотреть. Более того, зачастую объекты туристского взгляда искусственно конструируются профессионалами в сфере туризма. Во-первых, необходимо выделить создание так называемых туристских пузырей («tourist bubbles»). Под «пузырями» подразумеваются специальные места, созданные для удовлетворения нужд туристов, в которых они (туристы) изолированы от местных жителей. В результате этого, создание подобных зон приводит и к трансформации отношения «туристы – местные жители». Местные жители не только оказывают услуги по приему туристов, но и сами становятся объектами туристского взгляда.

Наряду с созданием «туристских пузырей», можно выделить создание и показ «скрытых зон», которые зачастую создают у туристов лишь видимость доступа к внутренней жизни той или иной местности. В подобную логику конструирования «более реальной» реальности вписывается и создание различных тематических зон. Согласно Дж. Урри, в последнее время наблюдается тенденция к созданию отдельных зон, исходя из соответствия их конкретной теме, но, как замечает автор, данные темы не обязательно связаны с конкретными историческими либо географическими процессами, которые имели место на данной территории [3].

В связи с многочисленными фактами возникновения искусственно созданных туристских зонах, манипуляцией историческими фактами при репрезентации различных туристских объектов индустрию туризма зачастую обвиняют в том, что она не может обеспечить туристам получение аутентичного опыта. Как пишет Д. МакКанелл, «термин “турист” все чаще употребляется как ироничный лэйбл по отношению к тому, кто удовлетворен своим явно неаутентичным опытом» [1, с. 592]. Но стоит заметить, что существуют несколько подходов к пониманию аутентичности – постановочная аутентичность Д. МакКанелла, конструктивистский и постмодернистский подходы. Кроме того, необходимо разделять аутентичность показываемых объектов и аутентичность туристского опыта [2].

Одним из первых, кто поднял вопрос об аутентичности в туризме, был Д. МакКанелл. Концептуальной основой для его теории «постановочной аутентичности» стала концепция социолога И. Гофмана о разделении социального пространства на «сцену» и «закулисье». «Сцена» представляет собой «место встречи хозяев и гостей, клиентов и служащих», к таким местам можно отнести приемные. К «закулисью» И. Гофман относит такие пространства, как кухни или котельные. То, что происходит на «сцене», считается фальшивым, в то же время «закулисье» скрыто от глаз зрителей, и поэтому то, что в нем происходит, считается более реальным и аутентичным.

Д. МакКанелл замечает, что туристский опыт ограничен теми же структурными тенденциями. Туристы постоянно стараются проникнуть в «закулисье», но проблема заключается в том, что чаще всего то, что туристам кажется «закулисьем», на самом деле является «сценой», которая декорирована таким образом, что выглядит как «закулисье». Декорации служат для создания особой атмосферы правдивости и подлинности. Таким образом, в результате коммодификации пространства и культуры туристы становятся жертвами «постановочной аутентичности».

Конструктивистский подход предполагает, что «объективной реальности» не существует, так же как не существует и изначально заданного «реального мира». Мир, в котором мы живем, рассматривается конструктивистами как социальный конструкт, а реальность является продуктом познавательной деятельности человека. Из этого можно сделать вывод о том, что абсолютно подлинных оригиналов не существует. Таким образом, аутентичность, согласно конструктивистам, является результатом восприятия и интерпретации туристами каких-либо объектов. Следовательно, переживание аутентичности зависит от того, каким образом тот или иной человек интерпретирует и понимает аутентичность. Согласно конструктивистам, если турист считает тот или иной объект аутентичным, то он таковым и является.

В свою очередь постмодернисты утверждают, что граница между копией и оригиналом стирается, так как «…не существует оригинала, на который было бы можно ссылаться» [5, с. 356]. Современные технологии позволяют придать более или менее аутентичный вид неаутентичным объектам. Благодаря этому степень аутентичности объектов культурного наследия «…зависит от того, насколько убедительной является их репрезентация и насколько хорошо работает "постановочная аутентичность"» [5, с. 357].

Необходимо заметить, что, по мнению некоторых постмодернистов, мотивацией современных туристов в отличие от путешественников эпохи модерна не является поиск аутентичности, «…постмодернисткие туристы стали меньше интересоваться аутентичностью оригиналов» [5, с. 357]. Цель туриста эпохи постмодерна, как отмечает Н. Вонг, это «игривый поиск наслаждений» и получение «эстетического удовольствия от созерцания пейзажей». В связи с этим выделяют такой вид аутентичности, как экзистенциальная аутентичность. Данный вид аутентичности можно определить как туристское впечатление, полученное от занятия какой-либо туристской деятельностью, в результате чего турист приближается, так сказать, к экзистенциальному состоянию Бытия.

Необходимо заметить, что если мы говорим об аутентичности туристского опыта и имеем в виду объективную аутентичность, то получение такого опыта действительно невозможно. Но современным туристам зачастую намного важнее получить опыт экзистенциальной аутентичности. В данном случае аутентичность туристских объектов отходит на второй план: они оказываются лишь средством, благодаря которому возможно получение опыта экзистенциальной аутентичности.

В современном мире возникают новые формы туристских практик, изменяются способы путешествия и формы пребывания в чужой стране. Одним из таких новых феноменов стали виртуальные гостевые сети. Их возникновение и рост их популярности стали возможными благодаря изменениям в туризме, которые связаны с развитием современных технологий – возникновением интернета, изменениями в сфере транспорта, а с другой стороны – с изменениями в характере туризма и поведении туристов.

Одной из самых популярных и быстрорастущих виртуальных гостевых сетей является проект «Couchsurfing». Данный сервис представляет собой веб-сайт, на котором зарегистрированы люди из разных стран, которые готовы предоставить жилье друг другу во время путешествий.

Система «Couchsurfing» работает следующим образом: каждый участник имеет на сайте свой собственный профиль, в котором указывает основную информацию о себе (пол, возраст, уровень владения языками, город и страну, в которой проживает). На личной странице пользователи могут разместить свою фотографию, а также дополнительную информацию (интересы и увлечения, опыт путешествий и т.д.). При помощи системы поиска на сайте зарегистрированные участники могут найти человека, у которого они смогут остановиться во время посещения того или иного места. Поиск можно задавать при помощи различных

параметров: географическое положение, возможность принять гостей, информация об участнике и т.д. Таким образом, путешественники самостоятельно выбирают человека, у которого они могут остановиться.

Важно заметить, что сервис является бесплатным – участники не платят друг другу за ночлег. В этом заключается радикальное отличие данного сервиса от того, что предлагают путешественникам агенты массового туризма. Проект «Couchsurfing» представляет собой декоммерционализированную форму туризма. Более того, бесплатное проживание у местных жителей изменяет саму природу гостеприимства. В данном случае можно провести параллель с гостеприимством в докапиталистических обществах. Как пишет Дж. Урри, «…открытое гостеприимство практикуется в тех обществах, которые характеризуются естественными отношениями "хозяин – гость", а также верят в то, что гость заслуживает особого отношения…» [3, с. 147].

Сервис «Couchsurfing» представляет собой не просто бесплатную альтернативу проживанию в отеле или хостеле. Обычно путешественники не только ночуют у местных жителей, но и проводят с ними значительную часть времени, участвуют в их повседневных делах. Это позволяет им установить более тесный контакт с местными жителями, а также дает возможность ближе познакомиться с культурой и бытом местного населения. Зачастую контакт с местными жителями не ограничивается только общением с людьми, у которых останавливается участник проекта «Couchsurfing». Путешественники также встречаются и с другими пользователями данного сервиса, которые проживают в той же местности, а также посещают встречи членов «Couchsurfing», которые проходят в данном городе. Это еще раз подтверждает тот факт, что зачастую мотивация туриста заключается не столько в осмотре достопримечательностей, сколько в знакомстве и общении с жителями другой страны или города.

Но, несмотря на то, что основной мотивацией пользователей данной виртуальной гостевой сети является знакомство с новыми людьми, это не исключает и основной туристкой практики – осмотра достопримечательностей. Обычно в роли гида выступают местные жители. Хозяева стараются показать гостям не только туристские достопримечательности, но и «скрытые зоны», которые не отмечены ни в одном туристском путеводителе. Таким образом, туристский опыт в этом случае оказывается достаточно непредсказуемым, то, что увидит путешественник и какой опыт он получит при этом, чаще всего зависит от людей, у которых он остановился переночевать. Иногда путешественники предпочитают

самостоятельно знакомиться с городом, хозяева лишь дают советы, что лучше посмотреть.

Останавливаясь у местных жителей, путешественники получают доступ к тем местам, которые И. Гофман называет «закулисьем» – в данном случае к ним относится дом или квартира местных жителей. С другой стороны, мы не можем утверждать, что турист – пользователь системы получает полный и беспрепятственный доступ к «закулисью». Понятия «сцена» и «закулисье» приобретают другое понимание – в данном случае к «закулисью» можно отнести различные предприятия и государственные учреждения, куда посторонние не допускаются.

Таким образом, можно сделать вывод, что опыт участников проекта «Couchsurfing» существенно отличается от опыта массовых туристов. Во-первых, данный опыт включает в себя общение с местными жителями. Кроме того, пользователи данного сервиса более «свободны», чем массовые туристы – они получают доступ к тем местам, которые массовым туристам обычно не показывают, а также их «взгляд» выходит за рамки туристской репрезентации. В связи с этим можно утверждать, что в данном случае возможно получение аутентичного туристского опыта.

Для того чтобы проверить, действительно ли отличается опыт пользователей сервиса «Couchsurfing» от опыта массового туризма, было проведено эмпирическое исследование. Исследование проводилось в мае 2011 г., оно состояло из двух частей. Целью первой части исследования было узнать, какие места в Вильнюсе посещают туристы – участники проекта «Couchsurfing», а также проанализировать, каким образом они знакомятся с городским пространством Вильнюса. Для интервью было отобрано 5 участников проекта «Couchsurfing», которые посетили Вильнюс. Целью второй части исследования было выяснить, как жители Вильнюса, пользователи сервиса «Couchsurfing», репрезентируют город своим гостям. В опросе участвовали 22 жителя Вильнюса, которые являются пользователями сервиса «Couchsurfing». Опрос был проведен по телефону в мае–июне 2011 г.

В первую очередь нас интересовало, почему опрошенные участники проекта «Couchsurfing» приехали в Вильнюс. Трое из опрошенных сказали, что приехали в Вильнюс по личным делам: «муж получает литовский вид на жительство», «встретиться с друзьями» или «потому что я скоро переезжаю жить в Вильнюс». Еще два человека приехали в Вильнюс потому, что «это недалеко от Варшавы», или «потому, что перелет из Праги до Вильнюса дешево стоил». Из этого можно сделать вывод, что мотивацией для посещения Вильнюса в данном случае был не столько

осмотр конкретных достопримечательностей, сколько желание сменить привычную обстановку на что-то новое, что отличается от повседневного контекста путешественника.

Несмотря на то, что осмотр туристских достопримечательностей не был основной мотивацией для посещения Вильнюса, анализ показал, что все 5 информантов посетили Старый город Вильнюса, который является главной туристской аттракцией в столице Литвы. В то же время заметим, что знакомство с Вильнюсом не ограничивалось лишь посещением исторической части города. Информанты также посещали места, которые пользуются меньшей популярностью у массовых туристов. Кроме того, они стремились попасть и в «скрытые зоны» – один из участников интервью даже употребляет данный термин. Туристические достопримечательности рассматривались им как что-то неаутентичное, созданное специально для туристского потребления. В то время как «скрытые зоны» являются чем-то более аутентичным и настоящим.

Рассмотрим наглядный пример: «Один день мы катались на автобусах. Садишься в первый автобус, проезжаешь несколько остановок, бродишь по району и садишься в следующий автобус». Данный способ знакомства с городом в значительной степени отличается от опыта в массовом туризме. Во-первых, путешественник сам выбирает, на какие объекты ему смотреть. Во-вторых, это позволяет ему покинуть пространство, которое называют «туристскими пузырями», и попасть в то пространство, которое И. Гофман определяет как «закулисье». И, как замечает Якуб, «это позволяет мне посмотреть на город глазами местных жителей».

Кроме того, обратим внимание и на то, как интервьюируемые описывают свой опыт знакомства с пространством Вильнюса. Трое из них употребляют следующую фразу: «Я просто бродил и смотрел, что происходит вокруг». Такой опыт переживания пространства можно сравнить с опытом фланера. Кроме того, из этого можно сделать вывод, что в данном случае, туристский взгляд выходит за рамки туристкой репрезентации – турист сам решает, что ему смотреть и как ему смотреть.

Только один из пяти информантов осматривал город самостоятельно, в остальных же случаях гидами по городу выступали местные жители. Поэтому далее мы рассмотрим, как местные жители репрезентируют городское пространство туристам.

Согласно проведенному опросу среди жителей Вильнюса 22 (100%) человека ответили, что показывают Старый город Вильнюса. Кроме того, достаточно популярными местами являются Ужупис – 13 (59%) из

22 опрошенных показывают своим гостям этот район, 7 (32%) человек показывают район Жверинас и музей КГБ, 5 (22%) человек из 22 возят своих гостей в студенческий городок на Саулетекио. Кроме того, все опрашиваемые отметили, что показывают своим гостям различные кафе и рестораны в зависимости от собственных предпочтений. Как отметила одна девушка: «Я показываю самую лучшую чайную в Вильнюсе – кафе "Три слона", по крайней мере, для меня она лучшая». Также опрашиваемые говорили, что показывают старые советские здания (2 человека), заброшенные здания и сквоты (3 человека). Среди показываемых объектов также присутствуют секонд-хенды, кладбища и т.д.

Что касается организованных форм туризма, то интересным является тот факт, что в вильнюсском туристском информационном центре туристам выдается карта не всего Вильнюса, а лишь Старого города. Обычно массовые туристы знакомятся с Вильнюсом на обзорной экскурсии. В нее входят следующие объекты: Кафедральный собор, памятник Гедимину, башня Гедимина, Дворец Великих Правителей, Президентский дворец, Вильнюсский университет, музей янтаря, костел Св. Анны и Бернардинский костел, Ратуша, костел Св. Казимира, церковь Св. Духа, костел Св. Терезы и Ворота Зари. Существуют также и тематические экскурсии по Вильнюсу, такие как «Польское наследие в Вильнюсе», «Еврейское наследие в Вильнюсе» и т.д., но они еще больше ограничивают туристский взгляд. Таким образом, можно отметить, что путешественники, участники проекта «Couchsurfing», имеют возможность увидеть гораздо больше пространств и объектов в Вильнюсе по сравнению с тем, что предлагают агенты массового туризма.

Более того, у участников данной гостевой сети есть возможность поучаствовать в повседневных практиках тех людей, которые их принимают. Одна девушка отметила, что по четвергам берет своих гостей с собой в танцевальный клуб, в котором она занимается. Еще одна девушка берет своих гостей с собой на лекции в Вильнюсский университет. Это дает возможность туристу пережить аутентичный туристский опыт и почувствовать «…себя в контакте "реальным" миром и реальными самими собой» [5, с. 351].

На основе проведенного исследования можно выделить ряд черт, которые отличают путешествие и пребывание в стране при помощи сервиса «Couchsurfing» от массовых форм туризма. В первую очередь это возможность устанавливать прямой контакт с местными жителями. Также пользователи данного сервиса получают доступ к «скрытым зонам», а также к тем зонам, которые И. Гофман определяет как «закулисье».

Кроме того, участники проекта «Couchsurfing» являются не просто пассивными потребителями туристских услуг, они сами участвуют в создании своего туристского опыта. Их туристский взгляд более субъективен, они сами выбирают, на что смотреть и как смотреть. В отличие от массовых туристов участники данной гостевой сети не изолированы от принимающего общества. Более того, они могут не только наблюдать за жизнью принимающего сообщества, но и принимать участие в повседневных практиках местных жителей. В результате этого пользователи сервиса «Couchsurfing» могут пережить аутентичность туристского опыта.

Литература

1. McCanell, D. Staged Authenticity: Arrangements of Social Space in Tourist Settings [Electronic resource] // The American Journal of Sociology. – 1973. – Vol. 79(3). – P. 589–603. – Mode of access: http://travel-studies.com/sites/default/files/MacCannel%20Staged%20Authenticity.pdf. – Date of access: 14.04.2011.
2. McCanell, D. Tourist Agency [Electronic resource] // Tourist Studies. – 2001. – Vol. 1. – P. 366–379. – Mode of acceas: http://moodle.ehu.lt/file.php/352/Seminar_4/MacCannell_Tourist_agency_s366-379.pdf. – Date of access: 18.05.2011.
3. Urry, J. Consuming Places. – London: Routledge, 1995.
4. Urry, J. The Tourist Gaze. 2nd ed. – London: Sage, 2002.
5. Wang, N. Rethinking Authenticity in Tourism Experience [Electronic resource] // Annals of Tourist Research. – 1999. – Vol. 26(2). – P. 349–370. – Mode of access: http://depts.ttu.edu/museumttu/CFASWebsite/H7000%20folder/Readings%20Heritage%20Tourism%202010/Heritage%20Authenticity_Wang%201999.pdf. – Date of access: 14.04.2011.
6. Официальный сайт проекта «Couchsurfing» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// couchsurfing.org. – Дата доступа: 7.06.2011.

Екатерина Соколова
(Вильнюс, Европейский гуманитарный университет)

ФЕНОМЕН АУТЕНТИЧНОСТИ В ИНТЕРПРЕТАЦИОННОМ ПРОЕКТЕ БИТВЫ И ПЕРЕПРАВЫ НА РЕКЕ БЕРЕЗИНА 1812 г.

The core of the project is the reconstruction of the battle (this is a play with appropriate visual effects and sound accompaniment in French and Russian). In any interpretation project the question of authenticity arises. Authenticity is rather a complicated concept. It cannot be described as either black or white. It is constantly transformed according to the requirements of the time. Thus, the purpose of the paper is to show possible approaches to authenticity framed by Wang. As a result, three types of reconstruction will be offered: constructivist, postmodern and existentialist.

Данный доклад связан с интерпретационным проектом такого исторического события, как битва и переправа через реку Березину 1812 г. Это событие стало одной из трагедий в истории европейских народов начала XIX в. Во французском языке даже присутствует выражение «passé la Bérézina» («переправа через Березину»), что означает катастрофу или серьезное происшествие. Интерес к данному событию актуализировался в связи с 200-летием со дня сражения.

Основой предлагаемого проекта является реконструкция битвы и переправы – это театральная постановка с соответствующими визуальными эффектами и звуковым сопровождением, проходящая параллельно на двух языках, французском и русском.

В любых интерпретационных проектах возникает вопрос об аутентичности. Как профессионалы, так и посетители интересуются правдоподобностью реконструкций. Необходимо отметить, что аутентичность достаточно многогранное понятие. Она постоянно трансформируется,

отвечая требованиям времени. Соответственно, я буду обрисовывать подходы к аутентичности, а не просто ее возможные однозначные определения. Эти подходы к аутентичности будут применены к реконструкции, что позволит предложить последнюю в трех вариантах: конструктивистском, постмодерном и экзистенциальном.

Конструктивистский подход. В фундаменте конструктивизма отсутствует представление о мире как о чем-то заданном изначально. Реальность не может восприниматься всегда одинаково, так как она представляет собой разнообразие наших интерпретаций и конструкций. Это очень гибкая реальность.

Если нет мира заданного, нет ничего изначально в нем существующего. Все знания, таким образом, сконструированы людьми. Взгляды конструктивистов на аутентичность в туризме совпадают в том, что нет в основе аутентичности абсолюта или оригинала. Традиции изобретаются для нужд настоящего. Например, по одной из теорий, килт считается надуманной традицией XIX в. как элемент, способный подчеркнуть отличие шотландцев от остальных британцев.

Каждый турист имеет свое собственное представление о том, что аутентично, а что нет. Мнение экспертов не является решающим, потому что каждый смотрит на мир с собственной перспективы. Конструктивистская аутентичность – это проекция ожиданий туриста. В ней уместен маркетинговый подход: создать то, что потребителю нужно, то есть предугадать его желания.

Если на данный момент что-то не является аутентичным, то с течением времени оно может поменять свой статус. Конструктивисты не оперируют понятием «объективной аутентичности». Все вышеописанное есть «символическая аутентичность»: суть не в том, что объекты оригинальны, главное, что туристы их таковыми воспринимают.

Постмодерный подход не рассуждает о неаутентичности как о проблеме. Для этого подхода абсолютно естественно, что границы между копией и оригиналом, знаком и реальностью упраздняются. Умберто Эко называет это «гиперреальностью». В качестве примера можно привести мир Диснея, который является миром, порожденным фантазией. Он реальный, но в то же время он воображаемый. Нам не на что ссылаться в попытках определить его подлинность.

Бодрийяр утверждает, что с эпохи Возрождения в права вступает концепция «simulacrum», когда симуляции интегрируются в культуру. Уже во времена Ренессанса возникает «подделка» как форма репрезентации. Далее индустриальная эра порождает массовое производство одних

и тех же предметов, иными словами, их репродукцию. В современном мире реальность становится симуляцией или, наоборот, симуляция реальностью. Такой легкий переход одного в другое подтверждает размытость границ между ними.

Постмодерный турист уже не беспокоится об аутентичности, он ищет наслаждение. Нормой становится «постановочная аутентичность», которая реализуется с помощью техники. Презентация должна быть убедительной, и тогда она будет воспринята как реальность.

Экзистенциальная аутентичность связана с поиском аутентичного себя, а не подлинных туристских объектов. Ежедневно люди примеряют те или иные публичные роли, вследствие чего теряют свою подлинность. Туризм, благодаря спонтанности и легкости, дает возможность освободиться от этих ролей. Идеал такой аутентичности может быть описан на языке ностальгии или романтизма, которые взывают к чувствам и натуральности. Они противостоят повседневной жизни. В поисках себя турист перестает быть простым зрителем и становится участником туристских действ. Неважно, насколько действо соответствует традиции. Креативность здесь становится необходимым элементом. Быть аутентичным – значит создать равновесие рациональности и эмоциональности, когда ничто из двоих не подавляет другое.

Реконструкция в контексте конструктивистской аутентичности. Информация как таковая не является интерпретацией, а только ее неотъемлемой частью. Последняя должна опираться на внутренний мир, чувства и опыт как посетителя, так и самого интерпретатора. Конструктивистское представление о множественности интерпретаций соответствует принципам, разработанным Тилденом (приведены выше).

Каждый имеет право не согласиться с интерпретацией гида реконструкции сражения на Березине, если иначе воспринимает произошедшее. Никто не может претендовать в данном случае на знание некой истины, которая ляжет в основу аутентичности реконструкции. Безусловно, определенная информация, скажем расстановка войск во время битвы, подтверждается источниками. Этого было бы достаточно, если бы для интерпретации хватало только зафиксированных исторических сведений. Интерпретация культурного наследия предполагает различное восприятие одного и того же.

В такой реконструкции можно использовать традиции, изобретенные недавно для нужд настоящего. Конструктивистская аутентичность стремится удовлетворить ожидания туриста. Современный массовый турист настроен на зрелищность. Таким образом, разработанная новая

традиция только повысила бы интерес к туристскому событию. Традицией может быть миф о полководце, будоражащий воображение туриста, или ритуал чистки кивера, представленный как повсеместный в русской армии и преследующий какие-то особенные цели.

Реконструкция в контексте конструктивистской аутентичности – это достаточно вольная процедура, связанная с разнообразием интерпретаций и возможностью сконструированных традиций, ставящая себе цель удовлетворить потребность туриста. Множественность интерпретаций должна поощряться, так как это свидетельствует об увлеченности туриста событием и развитием мышления, а не только о получении им предложенной информации. Однако изобретение традиций и следование желаниям туристов может, в конце концов, привести к полной потере ценности оригинала.

Реконструкция в контексте постмодерной аутентичности будет постановочной. То есть реконструкция в данном случае это симуляция, подмена оригинала. Постановка может проходить даже не на настоящем поле битвы. В ней будет использовано как можно больше технических средств для визуального эффекта и звукового сопровождения. Например, оружие стреляет вхолостую, раздаются звуки взрывов, пускается дым, слышны голоса командиров, отдающих распоряжения на французском и русском языках, рушатся мосты для переправы. Армия же состоит из заранее обученных людей, одетых в специально пошитые мундиры, не отличимые от мундиров начала XIX в. Это подделка настоящей одежды и ее множественное воспроизводство. Более значимых фигур сражения должны играть профессиональные актеры. Обязательно присутствие разного рода войск. Реконструкция – на самом деле подделка от начала и до конца, но организованная на высоком уровне. Чем выше уровень, тем реалистичней битва. У зрителя должна пропасть грань между копией и оригиналом. Он должен поверить в то, что видит, воспринять это как «гиперреальность».

Реконструкция в контексте постмодерной аутентичности – единственный выход для такого типа культурного наследия, как, например, поле битвы. В данном случае аутентичным может быть только само место (несмотря на то, что оно подвергалось влиянию времени и природных катаклизмов) и предметы, собранные в коллекциях музеев, имеющие непосредственное отношение к событию. В реконструкции использовать второе практически невозможно, так как музейная функция сохранения наследия будет нарушена. Реконструкция – в любом случае симуляция. Единственное, чего мы можем добиться, это реалистичности подделки.

Когда пространство, люди и эффекты создадут полноценную картину сражения и захватят туриста эмоционально, то на какое-то время он действительно потеряет ощущение, что видит всего лишь постановку, заранее запланированную.

Реконструкция в контексте экзистенциальной аутентичности меняет поведение туриста. Он становится полноправным участником битвы: получает свой костюм и свою роль. Он делает это не ради поиска аутентичности и не ради получения наслаждения от происходящего. Во-первых, цель туриста – это реализация себя, во-вторых, желание участвовать во всем вместе с группой других посетителей или семьей. В-третьих, возможность стать членом туристской коммуны, например рыцарского клуба. Реконструкции битв часто проходят именно с их участием. Не так важно насколько подлинны костюмы и все остальное. Не важно, что женщины не могли быть солдатами ни той, ни другой армии. Имеет значение только то, что человек освобождается от повседневных обязанностей.

Впечатление, что в туризме нет ограничений, это заблуждение. Человеку только кажется, что он сам планирует свой маршрут и свой отдых. Он всего лишь выбирает из списка, предложенного туристскими фирмами. И в этой реконструкции он получит роль и будет играть по сценарию. Несмотря на иллюзорность спонтанности туризма, количество желающих участвовать, а не наблюдать растет. Участвуя в туристских программах, люди разрушают рамки своей повседневной жизни и не замечают, что они просто действуют в рамках другого рода.

Нельзя утверждать, что аутентичность конструктивистского подхода была кардинально заменена аутентичностью постмодерного периода, а та в свою очередь – экзистенциальным подходом. Она меняла свои формы, что-то оставляя, что-то исключая, а в основном иначе расставляя акценты. Невозможно не заметить, что ни в одном из подходов не прослеживается ценность аутентичности культурного наследия (сохранность объекта в своем первоначальном виде на протяжении веков).

Современный массовый турист тоже мыслит в иных категориях. Он ищет зрелищ. Многие предпочли бы аутентичному предмету мебели XVIII в. современную подделку, потому что ее можно использовать. Туристы стремятся задействовать все органы чувств, изучать все опытным путем.

Интерпретационный проект скажем битвы на Березине, не будет представлен какой-то конкретной аутентичностью. На мой взгляд, части аутентичности разных подходов не исключают друг друга. Более

того, они хорошо друг друга дополняют. В самой интерпретации заключен конструктивистский подход, реконструкция не может состояться иначе как с помощью постановочной аутентичности постмодернизма. И все это не мешает туристу поиску аутентичного себя. В реконструкции могут быть действительно оригинальным только место, где состоялась битва, и восстановление оригинального ведения боя и переправы.

Использовать все возможные подходы к аутентичности – это компромиссное решение. В таком проекте можно учесть желание как людей, ищущих аутентичность, так и людей, предпочитающих зрелище. Здесь уместно множество интерпретаций, исходя из собственного восприятия мира. Турист также может быть как зрителем, так и участником исторической реконструкции.

Тем не менее противоречия неизбежны. Например, участие женщин в реконструкции битвы неправдоподобно. Здесь придется либо жертвовать аутентичностью, либо разрешать участие по половому признаку и, кроме того, возрасту. И здесь все-таки я бы акцентировала аутентичность. Потому что реалистичность – залог успеха этого проекта. Как только разрушается правдоподобие либо местности, либо персонажей, становится очевидной симуляция. Миф разоблачается, и его границы с реальностью становятся четко различимыми.

Литература

1. Tilden, F. Interpreting Our Heritage. – University of North Carolina Press, North Carolina, 2007. – P. 25–36.
2. Wang, N. Rethinking Authenticity and Tourist Experience // Annals of Tourism Research. – Vol. 26(2). – P. 214–229.

Кирилл Атаманчик
(Вильнюс, Европейский гуманитарный университет)

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ТУРИЗМЕ БЕЛАРУСИ

The issue of Belarus's Soviet past is painful for some people and nostalgic for others. The specificity of this period in the history of Belarus includes ambiguity, traumas, issues of perception and nostalgia in the memory of several generations of Belarusians. Although Belarus became independent, it still remains a «Soviet» enclave in the post-Soviet space. Despite the fact that Belarus has been independent for more than 20 years, the «Soviet» problem remains topical to this day. The paper considers the problems of using Soviet historical and cultural heritage in Belarus.

Вопрос советского прошлого в Беларуси является для кого-то болезненным, а для кого-то ностальгическим. Специфика этого периода истории Беларуси заключается в связанных с ним оценочной неоднозначности, проблемности восприятия, чувствах ностальгии в памяти нескольких поколений беларусов. Хотя Беларусь и получила независимость, она все еще остается анклавом «советского» на постсоветском пространстве. Несмотря на то, что Беларусь независима уже более 20 лет, проблематика «советскости» остается актуальной и по сегодняшний день, что проявляется на разных уровнях беларуского общества: в государственной политике, в образовании и культуре, в городских ландшафтах и, конечно же, в советском историко-культурном наследии. Недаром в некоторых текстах и заметках посещающих нашу страну туристов Беларусь называют «советским заповедником». И этот феномен «заповедника» нуждается в серьезном рассмотрении и анализе.

Перед тем как перейти к непосредственному анализу предмета данной работы, мне хотелось бы остановиться на ее объекте. Многие из нас говорят о «советском наследии», но каждый понимает это наследие по-разному, причем в основе этих различий лежит «принцип умолчания», предполагающий использование определенных терминов в контексте такого их понимания, которое якобы не требует пояснений. С моей точки зрения, «советское наследие» следует понимать как совокупность различных объектов движимого и недвижимого наследия, а также исторических, культурных, моральных и духовных ценностей (или установок), которые происходят с территории Советского Союза и стран – участниц Организации Варшавского договора с момента их появления и до конца существования или имеют непосредственное и прямое отношение к советскому периоду на определенной территории. Очевидно, что данное наследие не ограничивается территорией бывшего Советского Союза, а имеет куда более широкие границы. Следовательно, объектом данной работы является советское наследие, а предметом – советское историко-культурное наследие. Целью работы является рассмотрение проблематики использования советского историко-культурного наследия в туризме Беларуси.

Если анализировать практики использования советского историко-культурного наследия в странах Центральной и Восточной Европы, а также Балтии, то можно отметить ряд интересных особенностей. Например, в Литве (Музей жертв геноцида), Латвии (Музей оккупации), Эстонии (Музей оккупации), Польше (Музей Солидарности), Чехии (Музей коммунизма и Музей КГБ), а также Венгрии (Музей террора) мы сможем найти отдельные музеи, в экспозицию которых заложены осуждение советского тоталитарного режима и информация о репрессиях советской власти и ее местных пособников по отношению к конкретно взятому народу (литовскому, латышскому, чешскому и т.д.). Такие музеи являются весьма популярными местами посещения для туристов. Так, вильнюсский Музей жертв геноцида ежегодно посещают более 40 тыс. человек [4]. Создание подобных музеев является важным аспектом государственной политики и процесса трансформации общества. Так, например, здания музеев в Вильнюсе (Музей жертв геноцида) и в Будапеште (Музей террора) находятся в бывших зданиях комитетов государственной безопасности. В этих музеях для посетителей открыты и подвальные помещения с камерами бывших следственных изоляторов вплоть до помещений, где проводились экзекуции.

Однако созданием музеев использование советского историко-культурного наследия не ограничивается. Общество не может в одночасье трансформироваться, и его преобразование может занять поколения, а значит, создание подобных музеев лишь очень небольшая часть нового, постсоветского конструкта общества, который мы и наблюдаем в странах бывшего социалистического блока в Европе. Литовская исследовательница Раса Чепайтене приводит пример ряда концептов формирования коллективной идентичности и доминирования в исторической сознательности общества:

– концепт «политической легитимности», разработанный Ю. Хабермасом, говорит о том, что правительства и влиятельные люди имеют склонность к поддержанию и укреплению своей личной политической власти с помощью определенных аспектов и составляющих прошлого;

– концепт «доминирующей идеологии», описанный Н. Аберкромби и другими, обращает внимание на то, что доминирующие социальные группы пытаются навязать менее доминантным группам свои ценности и взгляды, а те, в свою очередь, выражают символическое сопротивление, создавая альтернативные ценности;

– концепт «культурного капитала», предложенный П. Бурдье, говорит нам о том, что кроме экономического и политического капитала, существует еще и культурный, который влияет на искусство и стандарты эстетического вкуса [8, с. 14–15].

Все эти концепты мы можем тесно связать, получив, таким образом, с помощью трансформации и адаптации конкретные идеологии и их «политики памяти». Безусловно, такими концептами пользовались политические и интеллектуальные элиты стран бывшего советского блока в Европе, и в ходе этих процессов создание музеев с определенной интерпретацией выступило лишь небольшой частью общего процесса.

Помимо этого, нельзя не отметить и так называемую войну памятников, которая происходила и происходит на европейском посткоммунистическом пространстве. Эта «война» обусловлена острой политизацией вопроса о советском прошлом, а различные объекты советского историко-культурного наследия оказываются инструментами политических противоречий внутри практически всех стран бывшего социалистического блока. Можно привести достаточно большое количество тому примеров, однако, наверно, самыми известными являются: перенос памятника советскому солдату в Таллинне (Эстония), борьба за Куропаты в Беларуси, формирование «советских заповедников» в Грутасе (Литва) и Будапеште (Венгрия).

Помимо этого, нужно отметить еще один ключевой момент в трансформации постсоветского пространства – образование. Конструирование образовательного процесса в школах, где интерпретация советского периода подается под нужным углом, приводит к нужному конструкту, который программируют действующие политические элиты. Вспоминая разговор с директором мемориального Парка покоя в Тускуленай (место захоронения останков массовых советских репрессий в Вильнюсе, Литва. – *К.А.*) Довилей Лауратиене, можно привести описание ею той ситуации, когда в литовском обществе имел место переломный момент [3]:

*– Я жила, росла и видела две стороны (советской и независимой Литвы. – **К.А.**)… Когда я была в последних классах и когда пришел переворот, появился «Саюдис», так получилось, что в 10 классе мы еще должны были учить, что такое Советский Союз, а в 11 и 12 классах мы узнали, как трактовалась история, и мы начали учить ее на 180 градусов в противоположном направлении. И уже в 11 классе учителя самостоятельно сняли портреты Ленина, в то время как в 10 классе их все еще чистили, чтобы они блестели…*

Иными словами, речь идет о формировании нового поколения, отношение которого к советскому историко-культурному наследию определит будущее последнего. Заметим, что речь идет о трех основных дискурсах использования советского историко-культурного наследия, а именно «сохранения» (преимущественно Беларусь, Россия, Украина), «уничтожения» (во всех странах распространен примерно одинаково, однако все же в большей степени в странах Восточной Европы и Балтии) и «трансформации» (преимущественно страны Восточной Европы и Балтии). Наиболее распространенный из них – дискурс трансформации. Его основное свойство – дискуссия и конструктивный подход к эксплуатации объектов советского историко-культурного наследия, монетизация наследия. Дискурсы «уничтожения» и «сохранения» характеризуются полярностью в использовании советского историко-культурного наследия, а также высокой степенью политической идеологизации. Наиболее деструктивным дискурсом, с моей точки зрения, является дискурс «уничтожения», поскольку он не оставляет места для дискуссии о будущем данного наследия.

Что касается Беларуси, то здесь преобладает дискурс «сохранения» советского наследия. Безусловно, в первую очередь это связано с сильным влиянием идеологии и политики власти, которая проводит параллель «БССР – Республика Беларусь». Здесь важно подчеркнуть, что хотя упомянутый дискурс и является доминантным, однако у экспертов, а

также граждан Беларуси есть различные мнения касательно советского прошлого, а значит, и того наследия, которое осталось после распада СССР. Потому можно сказать, что внутри нашей страны мы также можем наблюдать три дискурса. Такая ситуация не является чем-то удивительным, поскольку в Беларуси все еще не закончено формирование «национального проекта». Несмотря на то, что государственная белорусская идеология при помощи социокультурных каналов подогревает память о советском прошлом, связывая его с «золотым и стабильным веком» и формируя тем самым «проект утопии стабильности и счастья», этот феномен скорее можно рассматривать как попытку бегства от реальности. Р. Чепайтене отмечает, что «ностальгия бывших стран социалистического лагеря по недавнему прошлому является парадоксальной, потому как это понятие, как правило, похоже на скорбь об утраченном доме, своеобразном "золотом веке". В таком случае нужно говорить об определенной социокультурной разновидности "стокгольмского синдрома"» [7, с. 256]. Трудно не согласиться с таким утверждением, поскольку современная ситуация в Беларуси, с моей точки зрения, довольна близка к этому синдрому. Возвращаясь к вопросу о социокультурных каналах трансляции советского в публичном пространстве Беларуси, можно привести пример социолога А. Ластовского, который говорит о четырех из них: риторика действующей власти, реинкарнация советской культуры, советская топонимика в городском ландшафте, трансформация образовательного процесса [5, с. 82]. Безусловно, противостоять такому активному конструированию беларуской идентичности на базе советской системы ценностей достаточно сложно. Именно поэтому для Беларуси так интересен европейский опыт деконструкции советской системы ценностей.

Исходя из опыта стран Восточной и Центральной Европы и Балтии, можно говорить о различных моделях выстраивания проекта трансформации советского историко-культурного наследия в плане его дальнейшего использования. Если мы посмотрим на наиболее посещаемые туристические объекты в Беларуси, то в первой десятке мы можем увидеть три объекта советского историко-культурного наследия: Брестскую крепость, Хатынь, Музей Великой Отечественной войны [6, с. 27]. Сегодня сюда можно добавить еще и комплекс «Линия Сталина». Помимо этого, в Беларуси существует еще целый ряд мест, которые, с моей точки зрения, при правильной политике продвижения на рынок, получили бы большое количество туристов, поскольку уже сейчас они имеют мировую известность. В первую очередь нужно отметить мемориальный комплекс

в Куропатах. Это место массовых репрессий сталинского режима хотя и имеет статус объекта историко-культурного наследия 1 категории [1, с. 548], однако его состояние плачевно и непрезентабельно. Для сравнения, на создание Парка покоя в Вильнюсе (Литва) – по тематике место, схожее с Куропатами, но по масштабности репрессий примерно в десяток раз уступает им – было выделено 2 млн 200 тыс. лит [9, с. 258], что в пересчете на сегодняшний курс равняется примерно 800 тыс. долларов. В то время как литовское государство полностью обеспечивает функционирование Парка в Тускуленай, белорусское не может достойным образом охранять Куропаты от вандализма, а ранее пыталось еще и ликвидировать это место памяти.

Еще одним приоритетным, с моей точки зрения, местом памяти является Чернобыльская зона отчуждения. Техногенная трагедия, которая случилась в 1986 г., принесла много утрат и лишений, а последствия этой катастрофы будут испытывать поколения беларусов. При этом Чернобыльская зона известна теперь во всем мире, и нам необходимо использовать эту местность в качестве туристической аттракции с целью осмысления способов преодоления подобной культурной травмы и содействия такому преодолению. В частности, процесс монетизации территории зоны позволит помочь этому региону в развитии инфраструктуры, рабочих мест, а также сможет пополнить фонды помощи пострадавших от аварии на ЧАЭС.

Другим важным, но пока не используемым объектом советского историко-культурного наследия на территории Беларуси является усадьба в Вискулях. Легендарное Беловежское соглашение, которое положило конец СССР, может стать одним из брендов Беларуси. Большим плюсом является то, что Вискули находятся на территории памятника природы ЮНЕСКО – Беловежской пущи. Однако сегодняшняя ситуация, когда Беловежская пуща известна лишь зубрами и резиденцией Деда Мороза, вызывает большой вопрос о целесообразности такого ее позиционирования. К перспективным направлениям можно отнести и сохранение аутентичности сталинского ампира города Минска, а также создания в Беларуси «Парка советского периода» и Музея КГБ. На место «Парка советского периода» вполне может подойти иначе интерпретированная и дополненная версия «Линии Сталина». Данный парк по своим масштабам превзойдет подобные объекты в Грутасе (Литва) и Будапеште (Венгрия). Удобное расположение рядом с Минском позволит достаточно быстро наладить поток туристов. Что касается Музея КГБ, то было бы разумно создать его в здании современного Комитета государственной

безопасности на проспекте Независимости в Минске, обязательно дополнив экспозицию внутренней тюрьмой КГБ.

Подводя итог, можно сказать, что рассмотренные выше примеры – лишь малая часть того советского историко-культурного наследия, которое может помочь в создании уникального бренда Беларуси. Очевидно, что советское историко-культурное наследие является достаточно весомым фактором для привлечения иностранных туристов в страну. Более того, «изюминка с привкусом тоталитаризма» видится весьма привлекательной не только для западных туристов (опыт Литвы, Чехии, Венгрии и т.д. тому доказательство), но и для туристов из России, которые едут в Беларусь не столько за «тоталитаризмом», сколько за удовлетворением ностальгии по прошлому.

Литература

1. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь / склад.: В.Я. Абламскі, І.М. Чарняўскі, Ю.А. Барысюк. – Мінск: БЕЛТА, 2009.
2. Норман, Д. История Европы / пер. с англ. Т.Б. Менской. – М.: АСТ Москва: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
3. Интервью с Довилей Лауратиене. 29.06.2012. Личный архив автора.
4. Интервью с Эугениусом Пейкштянисом. 28.06.2012. Личный архив автора.
5. О десоветизации. Беларусь, начало XXI века: материалы семинара-конф. – Шилуте (Литва), 20–24 августа 2007 г. – Минск, 2008.
6. Туристские регионы Беларуси: справочное издание / под ред. И.И. Пирожника. Минск: Изд-во «Беларуская Энцыклапедыя імя Пятруся Броўкі», 2008.
7. Чепайтене, Р. Культурное наследие в глобальном мире. – Вильнюс: ЕГУ, 2010.
8. Чепайтене, Р. Місто як ідеологічний текст: теоретичні й інтерпретаційні аспекти // Схід/Захід. – 2011. – № 15. – С. 11–27.
9. Severinas Vaitiekus. Tuskulenai: egzekuciju aukos ir budeliai (1944–1947). – LGGRTC, 2006.

Владислав Андросов
(Вильнюс, Европейский гуманитарный университет)

РАЗРАБОТКА ЗЕЛЕНОГО МАРШРУТА НА ТЕРРИТОРИИ БРАСЛАВСКОГО РАЙОНА

The aim of the project is the development of Greenways on the territory of the Braslav Lake District. Its territory is one of the most attractive tourist centers in Belarus. The rich natural heritage incorporated into the National Park «Braslav Lakes» is the basis for designing Greenways in the Braslav district. An extensive network of farm-type settlements underlines the area's individuality, while fish cuisine can be positioned as a Braslav brand. The planned Greenway will promote green features forming a unique touristic product, which will help to protect, use and promote Braslav's heritage in a complex way.

В последние годы в Беларуси начал активно развиваться сельский туризм. В нашей стране отсутствуют такие традиционные составляющие факторы развития туризма, как море и горы. Беларусь не располагает сохранившимся богатым культурным наследием, которое бы могло привлекать туристские потоки из-за рубежа. Но белорусская земля обладает огромным природным потенциалом – девственные леса, болота, большое количество рек и озер. И сельский туризм как часть зеленого туризма – перспективное направление развития туризма для нашей страны. Для развития данного вида туризма была разработана законодательная база, привлечены иностранные эксперты, создано Общественное Объединение «Отдых в деревне». Туристские предприятия начали активно продавать сельский туристский продукт.

Зеленые маршруты (тропы) – инновационный инструмент развития сельского и экотуризма, основанного на принципах устойчивого развития. Он позволяет создавать привлекательные, информативные, доступные и безопасные туристические маршруты на основе использования

местных ресурсов, потенциала природного и историко-культурного наследия, привлечения местных инициатив, пропаганды здорового образа жизни и сохранения окружающей среды, что способствует устойчивому социально-экономическому и экологически безопасному развитию региона и росту благосостояния местного сообщества.

Развитие зеленых маршрутов получило широкую поддержку во многих странах мира. В соответствии с Лилльской декларацией, принятой Европейской ассоциацией зеленых маршрутов 12 сентября 2000 г., под зеленым маршрутом понимается маршрут, предназначенный для передвижения туристов исключительно немоторизованными транспортными средствами, созданный и развивающийся таким образом, чтобы объединять и сохранять баланс между состоянием окружающей среды и жизненным уровнем населения в регионе [3]. Эти маршруты должны отвечать определенным стандартам для того, чтобы соответствовать экологическим факторам и обеспечивать безопасность передвижения для туристов.

Концепция зеленых маршрутов сегодня является важным инструментом воплощения идей устойчивого развития, способствует социально-экономическому развитию сельской местности и малых городов, предоставляет экономическую основу сохранения природного и историко-культурного наследия, традиционных ремесел и обрядов, акцентирует внимание местных сообществ и туристов на вопросах охраны природы и здорового образа жизни.

Зеленые маршруты пропагандируют эколого-безопасные и полезные для здоровья безмоторные средства передвижения (пеший, водный, конный, лыжный туризм). Общественный транспорт используется исключительно для прибытия на начальный пункт маршрута и возвращения после окончания путешествия. Зеленые маршруты также акцентируют внимание на вопросах безопасности на дорогах, в том числе участников движения с ограниченными физическими возможностями, семей с малолетними детьми, людей пожилого возраста [5].

Зеленые тропы являются привлекательной формой развития экологического и сельского туризма, познания ландшафтного и биологического разнообразия, а также аутентичных элементов традиционной материальной и духовной культуры населения посещаемых регионов. В рамках функционирования зеленых маршрутов развиваются многочисленные локальные и региональные общественные инициативы, направленные на сохранение и устойчивое использование природного и историко-культурного наследия.

Зеленые маршруты выступают в качестве мощного стимула активизации социально-экономического развития региона, формирования рыночного сектора малого предпринимательства в сфере агроэкотуризма, ориентированного на производство и реализацию широкого перечня товаров и услуг для удовлетворения туристского спроса (размещение, питание, экскурсионное обслуживание, прокат снаряжения, сувенирная продукция местного производства и др.) [2]. Развитие зеленых маршрутов создает экономическую основу для сохранения регионального природного и культурного наследия, возрождения традиционных ремесел, создания рабочих мест, закрепления молодежи в сельской местности и малых городах, включая периферийные районы.

Рассматриваемые маршруты также служат важным средством пропаганды здорового образа жизни, активных форм туризма и отдыха в сочетании с познанием, физическим, интеллектуальным и нравственным развитием личности, предоставляют широкие возможности восстановления сил и оздоровительно-спортивных занятий на свежем воздухе.

Общая идея и тематика зеленого маршрута является первой и очень важной составляющей, которая должна объединять в единое целое разнообразные и разнородные элементы маршрута. Общая идея выражается в разработанных и принятых всеми партнерами создаваемого маршрута названии, логотипе, схеме. Название и логотип маршрута в дальнейшем размещаются на всей туристической продукции, имеющий отношение к маршруту. Для главной оси маршрута и сети тематических троп и локальных петель должны быть выбраны или специально подготовлены безопасные для немоторизованного передвижения трассы. Такие трассы соединяют рекомендованные для посещения на зеленом маршруте и его тематических петлях объекты, интересные и ценные с точки зрения природного, культурно-исторического и духовного наследия памятники, местные достопримечательности, эстетически привлекательные ландшафтные виды.

В основе создания проекта лежит партнерство всех заинтересованных сторон и координация этапов создания, функционирования и развития зеленого маршрута. Каждый зеленый маршрут реализуется группой партнеров, которая состоит из общественных организаций, представителей местных органов самоуправления, владельцев агроусадеб, фирм. Партнеры подписывают декларацию партнерства, согласно которой ее участники, действуя автономно, совместно реализуют практические и многоплановые акции для развития зеленого маршрута, объявляя о них, рекламируя и деля между собой расходы, ответственность, риски

и прибыль. Обязанности каждого из партнеров принимаются ими добровольно, согласно соответствующим формальностям и уполномоченными на то лицами. Партнеры выбирают главного координатора маршрута и, при необходимости, локальных координаторов, помощников.

Малая инфраструктура вдоль маршрута должна включать оборудованные места для отдыха, установленные информационные аншлаги единого образца с картосхемой и логотипом маршрута, информационные экологические знаки и информационные аншлаги местных достопримечательностей, пункты питания и ночлега, оказания медицинской помощи, информационные центры.

Отдельное внимание уделяется туристическому продукту, который должен соответствовать принципам устойчивого туризма. Следовательно, включать все, что туристы приобретают, а также услуги, инвентарь, снаряжение, которыми они пользуются на маршруте. Важной составляющей туристического продукта являются буклеты, справочники, схемы, изданные в печатном виде или на электронных носителях – CD, DVD.

Насыщенность локальными инициативами, осуществляемыми местными сообществами, является одной из главных особенностей зеленых маршрутов. Наиболее популярными местными инициативами на зеленых маршрутах являются культурные и художественные праздники, ярмарки, фестивали, мастер-классы ремесленников и умельцев, галереи и магазины изделий народного творчества, агроусадьбы, экомузеи, музеи в школах, центры экологического обучения.

Таким образом, функции зеленых маршрутов включают в себя ряд обоснованных принципов, которые, в частности, способствуют развитию сельского и экотуризма и основываются на принципах устойчивого развития. Комплексный подход к разработке маршрута осуществляется с учетом использования немоторизированных средств транспорта, подбором или созданием специальных трасс для данных видов транспортных средств, а также контролем за безопасностью и функционированием этих трасс.

Если классифицировать зеленые маршруты по их протяженности, то актуальным представляется выделение трех видов маршрутов: маршруты большой протяженности, локальные и городские маршруты. Для каждого вида маршрутов имеются свои стандарты разработки, утвержденные мировым сообществом и успешно применяемые в Беларуси.

Территория Браславщины является одним из наиболее привлекательных туристских центров Беларуси. Богатое природное наследие,

объединенное в Национальный парк «Браславские озера», является фундаментальной основой для проектирования зеленого маршрута. Обширная сеть селений хуторского типа подчеркивает индивидуальность региона, а рыбная кухня может позиционироваться как бренд Браславщины. Проектируемый зеленый маршрут будет способствовать взаимосвязи данных особенностей и формированию единого, уникального туристского продукта, способствующего охране, использованию и популяризации наследия Браславщины.

Проектирование и разработка полноценного зеленого маршрута базируется на ряде принятых в международном масштабе принципов. Однако, учитывая культурные и природные особенности региона Браславщины, традиции и обычаи местного населения, а также менталитет основных потребителей разрабатываемого зеленого маршрута, некоторые концептуальные основы, разработанные в мире в сфере проектирования зеленых маршрутов, были видоизменены и вписаны в контекст.

При создании зеленого маршрута важно четко понимать, как трактуются основные понятия и формы собственности вовлеченных в зеленый маршрут субъектов. Процессы проектирования, инфраструктурного обустройства и эксплуатации необходимо проводить в соответствии с действующим законодательством Республики Беларусь, учитывая, что трасса маршрута проходит по территориям различных категорий землепользователей и землевладельцев.

На данный момент законодательством закреплены некоторые распоряжения Президента РБ по обустройству и развитию социальной инфраструктуры в сельской местности, например «Государственная программа возрождения и развития села», поэтому местные власти напрямую заинтересованы в том, чтобы развивать в Браславском районе проект зеленого маршрута посредствам содействия инициативной группе. Динамичное развитие сети агроусадеб и зеленого маршрута при поддержке органов государственной власти будет способствовать упрощению процедур согласования всех вопросов, связанных с обустройством зеленых маршрутов

Понимание трактовок основных понятий и форм собственности, субъектов, вовлеченных в зеленый маршрут, позволит более основательно подойти к процессу переговоров с различными категориями землепользователей и землевладельцев о перспективах совместной разработки маршрута.

Исследование концептуальных основ организации зеленых маршрутов, основанное на изучении фундаментальных принципов, разработан-

ных отечественными и зарубежными экспертами в сфере сельского туризма, экотуризма и непосредственно инициаторами и разработчиками зеленых маршрутов, позволило нам подойти комплексно к проекту создания зеленого маршрута в уникальном природном заповеднике Беларуси – Браславщине. Изучение нормативно-правовой базы Республики Беларусь, прямо и косвенно касающейся организационных моментов создания зеленого маршрута, позволило уяснить ключевые механизмы взаимодействия предполагаемых субъектов, вовлеченных в разработку, создание и функционирование зеленого маршрута «Озерный рай Браславщины».

Оценка основного ядра природного и историко-культурного наследия региона, включая самобытные обрядовые праздники, традиционный наряд жителей Браславщины, специфические геологические и гидрологические памятники и т.п., расширила спектр объектов, имеющих потенциал для включения в проектируемый зеленый маршрут.

Заключительный этап исследования, на котором был представлен проект зеленого маршрута «Озерный рай Браславщины», включил в себя ряд последовательных теоретических этапов разработки: организационный и оценочный этапы, аналитический этап, этап создания инфраструктуры, интерпретационный этап и заключительный этап, касающийся проблемы представления зеленого маршрута как туристического продукта и его последующего продвижения на внешние и внутренние туристические рынки [1].

Итоговый проект разработки зеленого маршрута «Озерный рай Браславщины» представлен в виде паспорта зеленого маршрута, разработанного с учетом всех предъявляемых требований БОО «Отдых в деревне» [4]. Также в виде приложения представлено «Соглашение о партнерстве по созданию и развитию зеленого маршрута “Озерный рай Браславщины”».

Проведенное исследование дает ясное понимание той роли, которую зеленые маршруты играют в контексте охраны, использования и интерпретации природного, историко-культурного материального и нематериального наследия. Интеграция объектов наследия в зеленый маршрут позволяет обеспечить данные объекты постоянным контролем, уходом и новыми интерпретациями со стороны участников, подписавших соглашение о вступлении в зеленый маршрут.

Использование представленных материалов и реализация рекомендаций позволят инициативным группам создать в рамках зеленых маршрутов привлекательный региональный туристический продукт и разработать его информационное обеспечение.

Литература

1. Рекомендации по открытию и эксплуатации зеленых маршрутов: производственно-практическое издание / В.А. Клицунова, Н.В. Гагина, Д.Л. Решетников, А.Е. Яротов [и др.]. – Минск: Ковчег, 2010.
2. Экотуризм в Беларуси: брошюра / сост. Обществ. Объед. «Агро- и экотуризм». – Минск, 2005.
3. AEVV: Association European Greenways [Electronic resource]. – Mode of access: http://aevv-egwa.org/site/1Template1.asp?DocID=145&v1ID=&RevID=&namePage=&pageParent=.
4. Агротуризм в устойчивом развитии [Электронный ресурс] // Бюллетень Организации Объединенных Наций. – 2005. – Режим доступа: http://un.by/ru/bulletin/2005-3/development.
5. Official web-site of European Greenways Association EGWA [Electronic resource]. – 2008. – Mode of access: http://aevv-egwa.org.

Елена Чернякевич
(Петрозаводск, Петрозаводский государственный университет)

ПРОЕКТ «ЭКО-ЭФФЕКТИВНЫЙ ТУРИЗМ»: УЧАСТИЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ (РОССИЯ) В РЕАЛИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО ИНСТРУМЕНТА СОСЕДСТВА И ПАРТНЕРСТВА

The paper deals with major trends in the development of contemporary tourism and related Europeanization in Russia. The author reviews not only the main features of contemporary tourist industry development but also its impact on the environment. These issues are considered on the example of a specific project – «Eco-efficient tourism» that has been recently launched in the Republic of Karelia (Russia) in the framework of the Karelia ENPI CBC Programme (The European Neighbourhood and Partnership Instrument, cross-border cooperation). The author highlights that the project contributes to sustainable development of pilot territories, creating conditions for further development of tourism and Russia-EU fruitful partnership.

Международный туризм давно стал неотъемлемой частью мировой экономической системы. Ежегодно огромное число туристов пересекают государственные границы, делая этот вид экономической деятельности по-настоящему глобальным. Для многих стран индустрия туризма является одной из ключевых отраслей национальной экономики. Современный туризм напрямую способствует преодолению бедности населения путем создания новых рабочих мест. Рабочие места создаются как непосредственно в сфере туризма (турагенства, туроператоры, гиды и т.д.), так и в смежных с туризмом отраслях народного хозяйства (транспорт, средства размещения, предприятия общественного питания и т.д.). По данным неправительственной международной организации – Всемирного совета туризма и путешествий (WTTC), в сфере туризма и госте-

приимства в 2010 г. было занято 231,2 млн рабочих, что составляет 8,3% от общего числа работающих в мире.

Наиболее привлекательным туристским регионом является Европа. На страны европейского континента приходится 54% всех международных туристских прибытий. В 2010 г. было зафиксировано 489 млн туристских прибытий в этот регион. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что на Европу приходится основная доля мирового туристского рынка.

Индустрия туризма стран – членов ЕС представляет собой межотраслевой сектор национальных экономик, объединяющий деятельность многих контрагентов и туристских посредников, прямо или косвенно связанных с предоставлением туристских услуг. Европейская индустрия туризма, без учета смежных с туризмом отраслей народного хозяйства (торговля, транспорт, общественное питание и т.д.), создает более 4% общего ВВП ЕС. Кроме всего прочего, туризм способствует развитию многочисленных регионов Европейского союза. Инфраструктура, создаваемая в этих регионах для туристских целей, способствует появлению новых рабочих мест, что естественным образом сказывается на уровне жизни местного населения.

Туризм – это в первую очередь люди и их общение между собой. Таким образом, туризм способствует налаживанию межкультурного диалога между странами – членами ЕС, что способствует процессу европейской идентификации как единого культурно-исторического образования.

Особое внимание в этом контексте стоит уделить вопросу влияния такого активного развития туризма на экологию. Сегодня, особенно в странах Европы, вопросы защиты окружающей среды выдвигаются на первый план. Осознание того, что сохранение и оздоровление среды обитания являются неотъемлемыми условиями устойчивого развития, качества жизни людей в целом, будущего нашей цивилизации, прочно утвердилось в международной повестке дня.

Сегодня никто не будет отрицать, что чрезмерное использование пресной воды, энергетических ресурсов, бездумное преобразование природных ландшафтов, замусоривание природы отходами, а также прочее бескультурье и потребительский образ жизни и деятельности человека оказывают разрушительное воздействие на природную среду, приводя к сокращению биологического разнообразия и необратимому разрушению биосферы.

Российская Федерация – крупнейшая страна мира с территорией более 17 млн кв. км, которая простирается от Балтийского моря до Тихого океана, от Северного Ледовитого океана до Черного и Каспийского морей. И в то же время все доступные данные свидетельствуют о том, что экологическая обстановка в России на начало XXI в. едва ли не самая неблагополучная на земном шаре. Так, например, в 90-х гг. по меньшей мере 200 городов России были признаны экологически опасными для здоровья населения вследствие загрязнения воздуха и вод. По программе «грязные города» около 30 городов были отобраны для очистки от загрязняющих отходов производства, но эффект оказался минимальным.

Именно поэтому, после того как с 2007 г. начала действовать Политика Европейского соседства и партнерства, которая заменила различные инструменты помощи Европейской комиссии, ТАСИС и другие программы, Республика Карелия как регион РФ, имеющий самую протяженную границу с ЕС (с Финляндией – 723 км), активно включилась в реализацию этой политики на своей территории.

Действующая сейчас Программа приграничного сотрудничества в рамках вышеупомянутого Европейского инструмента соседства и партнерства «Карелия» (ППС ЕИСП «Карелия»), реализуемая на территории Финляндии (Регион Кайну, Северная Карелия, Регион Оулу) и России (Республика Карелия), является лишь продолжением сотрудничества этих регионов: ранее сотрудничество осуществлялось в рамках программ Интеррег II и III, а также программы Добрососедство, Еврорегион, Карелия.

Проект, на котором бы хотелось заострить особое внимание, называется «Эко-эффективный туризм». На сегодняшний день этот проект, представленный на рассмотрение Центром по проблемам Севера, Арктики и приграничного сотрудничества, прошел все отборочные туры, получил финансирование и находится в стадии запуска. Суть проекта состоит в оборудовании в Карелии специальных зон отдыха для путешественников, занимающихся автотуризмом и кемпингом. Каждая из таких зон будет оснащаться всем необходимым для пребывания – от информационных стендов до биотуалетов, мусорных контейнеров и системы водоснабжения.

Этот проект полностью соответствует главной цели ППС ЕИСП «Карелия», которая заключается в улучшении условий жизни на территориях действия Программы посредством приграничного сотрудничества, способствующего устойчивому развитию этих территорий, создавая предпосылки для развития международного туризма, который не только

не поставит под угрозу состояние окружающей среды, но и улучшит его. Данный проект использует абсолютно новый подход к реализации целей Программы – для развития территорий применяются самые современные принципы и технологии устойчивого и сбалансированного развития. В соответствии с программным документом реализация экологически сбалансированных решений для развития туризма, предусмотренных в проекте, поможет осуществить цели приоритета № 2 «Качество жизни», который гласит «...экономическое развитие – это лишь одна из предпосылок создания устойчивой основы для улучшения благополучия. Такие аспекты как... приятная и чистая окружающая среда... не менее важны».

Проект нацелен на улучшение качества и эко-эффективности туристических услуг как в России (районы, прилегающие к озерам Ладога и Сямозеро в Карелии), так и в Финляндии (районы Рунаа и Иломантси в Северной Карелии). Эти районы станут пилотными зонами, которые будут оснащаться всем необходимым. Проект «Эко-эффективный туризм» стремится соответствовать самым актуальным тенденциям XXI ст., таким как развитие экологической культуры и природного туризма, масштабы которого увеличиваются с каждым годом на 30%. Ключевыми факторами успеха проекта являются перенимание европейского опыта менеджмента подобных зон отдыха, применение самых современных экотехнологий (разработанных как в Финляндии, так и в России), широкая реклама, а также сотрудничество с опытными региональными и местными партнерами.

Трансграничный проектный консорциум объединяет в себе компании с многолетним опытом в этой сфере – с финской стороны, а также заинтересованных партнеров и планирующих органов – с российской. Этот консорциум вырабатывает совместные решения, основанные на опыте обеих сторон, для обеспечения баланса возможностей как организаций различного уровня, так и местных жителей в сфере введения современных энергосберегающих технологий и технологий по переработке мусора.

Информация о пилотных зонах и разработанных для них технических решениях распространяется не только каждой из участвующих сторон, но и другим странам. Делается это для того, чтобы подобная уникальная комбинация увеличения потока туристов, с одной стороны, и снижение экологической нагрузки – с другой, помогли сделать эти зоны более популярными и привлечь новых гостей. Позитивно на популяризации данного проекта скажется и уже существующий Международный

туристский проект «Голубая Дорога» – маршрут, пролегающий по территории пилотных зон и заканчивающийся в г. Мо-и-Рана (Норвегия).

Литература

1. Progress and Priorities 2011/2012: World Travel & Tourism Council. – London: WTTC, 2010.
2. Гайдукевич, Л. Туристская политика в расширенном Европейском союзе [текст] // Журнал международного права и международных отношений. – 2011. – № 4.
3. Дорожная сеть Карелии [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://ticrk.ru/ru/section_5229.html.
4. Забота об экологии начинается с каждого конкретного человека (анализ состояния экологической сферы в странах СНГ) [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://cis.minsk.by/page.php?id=18424.
5. НП «Север-Центр» (Некоммерческое партнерство «Центр по проблемам Севера, Арктики и приграничного сотрудничества») [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://northcentre.ru.

МЕДИА-КУЛЬТУРА: АНАЛИЗ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, КРИТИКА

Максим Жук
(Вильнюс, Европейский гуманитарный университет)

ПОПУЛЯРНАЯ НАУКА И ВИЗУАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ

In contemporary Western world, there is a disjunction between different discourses. An especially high degree of separation can be observed between natural sciences like Math and Physics and common culture as well as between natural science and humanities. On the other hand, science ideas penetrate pop culture and influence it greatly. They are used in sci-fi films, comic strips and cartoons, a variety of TV-shows as well as in the media and publications. The paper discusses specific ways by which scientific concepts infiltrate culture. We show that ideas incarnated in a visual form easily become part of mass culture or art – at the cost of losing their original scientific meaning.

Введение

Для современной западной цивилизации характерно разобщение между различными сферами культуры. Это разделение имеет зачастую такую силу, что гуманитарная сфера и искусство представляются как воплощение всей человеческой культуры, а естественная наука рассматривается лишь как набор инструментальных практик, призванных обслуживать общество, внешний по отношению к «настоящей» культуре [7; 10]. Знание известных произведений искусства, значительных философов, литературных произведений является обязательным для «культурного» человека, наука же, особенно естественная, зачастую рассматривается как исключительно специальное, профессиональное знание. Таким образом, утрачиваются связи науки с общекультурным дискурсом. Подробно это разделение анализируется Успенским [10], а также Сноу [9].

Техническая сторона данного разделения состоит в применении стратегий невежества, где под невежеством понимается социально кон-

струируемый отказ от получения определенных знаний. В нашу эпоху эти стратегии связаны с представлением о профессионализме, о том, что возросшее количество знаний более не позволяет отдельному индивиду иметь даже общее представление о целокупности человеческого научного опыта. Подробно этот вопрос изложен в «Социологии невежества» Штейнзальца и Функенштейна [13]. Эти естественные (для данной эпохи) соображения означают, что для достижения профессионализма в некоторой области необходим сознательный отказ от части доступных знаний. Этот тезис весьма популярен, однако, возможно, не так бесспорен, как может показаться. Подробную его критику приводит Дойч в своей книге «Структура реальности» [4].

Несмотря на то, что связь дискурсов нарушается, наука, очевидно, сохраняет значительное влияние на культуру и общество. Влияние это, однако, осуществляется косвенным образом, не через осмысление науки (здесь и далее для краткости под термином наука будет пониматься только естественная наука, в частности математика и физика), а через ее результаты и формальные проявления.

Так, например, Чарльз Сноу отмечает случаи, когда в искусстве используются образы, заимствованные из физики [8]. Также хорошо известны используемые в фантастических фильмах образы и идеи, которые заимствуются из научного дискурса. Важно отметить, что научные идеи в результате такого заимствования предстают часто в искаженном и малоосмысленном виде. Таким образом, связь науки и культуры весьма специфична. Интересно изучить пути, связывающие науку и остальную культуру. Далее в целях удобства мы будем использовать термин «культура» в специфическом смысле для обозначения только гуманитарной науки и искусства, всего, что не составляет естественную науку и рассматривается как ее противоположность.

В эпоху развитых медиа-технологий интерес представляет та ситуация, когда научные идеи преобразуются в визуальную форму [21]. Возможность визуализации когнитивных процессов и изложения научных идей с помощью визуальных образов исследовалась Рудольфом Арнхеймом [1] и Маркусом Джаквинто [16]. Некоторые любопытные свойства визуализации научных знаний описал искусствовед Джеймс Элкинс [14, с. 149–168]. В данной работе будем говорить о том, как визуализация научных знаний связана с их популяризацией. Под популяризацией будет пониматься проникновение знаний, произведенных внутри научного дискурса, в другие дискурсы, и в первую очередь – в массовую культуру. Такое знание или идеи мы будем называть популярной наукой.

Наука и культура

Понимание смысла научных идей важно по нескольким причинам. Основная из них состоит в том, что инкорпорация науки в гуманитарный и общекультурный дискурс делает ее предсказуемой и контролируемой. Это важно потому, что таким образом и действия, которые опираются на силы науки, станут ясными и более предсказуемыми. В противном же случае общество рискует отдать контроль за наиболее значимыми инструментами преобразования социального пространства в руки небольшой группы людей [9]. Сноу высказался по этому поводу, утверждая, что для всего европейского пространства и в меньшей степени для США актуально состояние, которое он назвал утратой чувства будущего [9]. Умение «видеть» будущее он метафорически сравнивал с магическим даром предвидения из древней северной литературы: «*Снорри был мудрейшим человеком в Исландии, но ему не хватало дара предвидения*» («Saga of Burnt Njal», ch. 113. 279). Можно понять эту метафору следующим образом: общество, утратившее способность анализировать результаты своих действий, окажется в проигрышном положении, несмотря на то, что оно обладает несомненными достоинствами на данный момент. В истории существовали сообщества, которые, достигнув значительных успехов в организации социального пространства, оказались потом не способны побороть заложенные в самих себе противоречия. Данный тезис защищает Джеральд Холтон, приводя в пример анализ древнегреческой культуры, проведенный Доддсом [12].

Дисфункция способности понимать научные практики и делать из них верные выводы достаточно заметна. Приведу следующий известный пример. Открытие деления атомного ядра не вызвало никаких опасений общественности, в то время как ученым довольно скоро стало ясно, что этот эффект может быть использован для создания оружия. С другой стороны, сравнительно безобидный адронный коллайдер стал объектом многочисленных обсуждений и тревог.

В действительности вокруг нас слишком много плодов науки, чтобы мы вообще могли ее игнорировать. Но научные идеи и концепции, проникающие в культуру, не используются рациональным образом. Здесь я процитирую Сноу: «…величественное здание современной физики устремляется ввысь, а для большей части проницательных людей западного мира оно так же непостижимо, как и для их предков эпохи неолита» [8]. Особенно ярко это проявилось в начале прошлого века, когда были открыты теории относительности и квантовая физика. Попытка донести

важные с их точки зрения идеи и концепции хотя бы для представителей гуманитарных наук предпринимались неоднократно. Достаточно вспомнить только [3] и [11].

Вероятно, проблема непонимания существует на обеих сторонах. Вайцзеккер, исследуя этот вопрос, пишет следующее: «Одна из основных трудностей, с которой я столкнулся, изучая физику, состояла в том, что слова и понятия, используемые людьми весьма эффективно при решении проблем, мне показались чрезвычайно сложными для понимания их значений, того, что в этих понятиях действительно стремились выразить. <…> С другой стороны, сначала я думал, что физики очень хорошо понимали их смысл, поскольку могли хорошо использовать эти понятия. Но вскоре я обнаружил – во многих случаях знание физиков о способах приложения этих понятий объясняется просто тем, что они узнали об этом от своих учителей. Я обнаружил, что существовало общепринятое использование этих понятий без размышления об их смысле» [2, с. 115–116]. Однако вместе со Сноу [8] и Успенским [10] мы можем полагать, что проблема на стороне естественников все же не так значительна.

С другой стороны, кое-какие общие знания о науке существуют в культуре. Многие знают о теории относительности и об ее авторе, «чудаковатом, но гениальном» физике Эйнштейне. Существует множество популярных изложений теории относительности как для обычных людей, так и для представителей гуманитарной науки. Замечательным примером последнего является книга знаменитого советского математика Фридмана, которая первоначально предполагалась как статья для философского журнала «Мысль». Фридман писал следующее: «Грандиозный и смелый размах мысли, характеризующий общие концепции и идеи принципа относительности, затрагивающие такие объекты, как пространство и время (правда, измеримое), несомненно, должен произвести известное впечатление, если даже не влияние, на развитие идей современных философов, часто стоящих слишком выше “измеримой” вселенной естествоиспытателя» [11, с. 6]. При этом теория относительности, которая является важным элементом на пути познания реальности, так и не стала ни элементом обыденного сознания, ни частью философского знания.

Наука, усвоенная некритично и фрагментарно в виде отдельных элементов идей или фактов, часто является средством легитимации сомнительных утверждений и верховным судьей по многим вопросам, в которых она судьей быть не может. Кроме того, она поставляет в культуру «чудеса». Это последняя функция столь ярка, что Латуру приходится

специально доказывать тезис о том, что в лаборатории не происходит ничего «чудесного» [5]. Такой «чудотворческий» характер науки и ее недоступность «непосвященным» позволяют метафорически сравнить ее с магией. С той лишь разницей, что наука в отличие от магии, по меткому замечанию Льюиса, более эффективна [6]. Следует поставить закономерный вопрос: какие же идеи наиболее успешно диффундируют в общую культуру, а какие нет? Некоторые возможные варианты ответа мы рассмотрим далее.

Визуальные изображения в науке

Как кажется, одним из важных путей проникновения научных знаний в культуру, является использование визуальных образов или моделей, которым можно придать визуальное содержание.

Этой стороне функционирования науки традиционно придается мало внимания, что связано с общим пренебрежением к идее визуального мышления [1, с. 153–155]. Но именно этот путь наиболее интересен для нас, потому что он, по-видимому, самый эффективный и именно он в наибольшей степени способен порождать ощущение чуда. Важно учитывать и возросшую роль визуальных изображений в связи с появлением компьютеров [7; 19].

Картинка не только способна передавать научные идеи, она также может обладать эстетической стороной, независимой от этого содержания. Математическая формула, описывающая, например, фрактал, не способна вызвать такого же яркого впечатления, как созданный с помощью компьютера его же график (по крайней мере, у неспециалиста). Неудивительно, что темы, для которых легко подобрать визуальную интерпретацию, становятся известными и популярными. Те идеи, которые обладают ясной визуальной формой, или те, которым такая форма может быть легко придана, особенно легко поддаются подобной диффузии. Например, черные дыры или модели атома, для которых существуют хорошие коннотации, хорошо известны. Они без конца воспроизводятся в научно-популярных книгах или фильмах, хотя и необязательно отражают что-то реальное.

Научные проекты, как, например, телескоп «Хаббл», убедительно могут продемонстрировать свою культурную значимость с помощью множества «волшебных» фотографий, им создаваемых. Аналогичным образом американский марсоход «доказывает» свою полезность научного инструмента, поставляя привлекательные фотографии с Красной планеты.

Другие проекты, вроде нейтринных обсерваторий, никогда не способны привлечь подобного внимания к себе и своим задачам. Исключением может служить редкая ситуация, когда научный объект переосмысливается в качестве художественного. Пример тому – нейтринный детектор *Kamiokande,* сфотографированный известным фотографом Андреасом Гурски. В качестве эстетического объекта эта нейтринная обсерватория проникает в культуру. Но детектор, запечатленный на фотографии, уже не имеет осмысленного научного содержания. Он приобретает культурную значимость.

Эти образы различными способами используются в культуре. Они могут поставлять идеи для фильмов или комиксов и других объектов искусства. Другая ситуация, когда они используются для создания некоторой картины мира – не научной, но привлекательной или необходимой для той или иной цели. Популярный на телевидении разговор о детях индиго, экстрасенсах, инопланетянах или биополе – яркий пример подобных явлений. В подобных случаях используются научная терминология, различные отсылки к научному дискурсу, изображения биополя «синего» цвета на экране компьютера, научные приборы (или устройства, которые имеют такую коннотацию), мультипликационные вставки, диаграммы и т.д. Все это является инструментами для создания альтернативной картины мира, более простой и привлекательной, чем научная. Подробно этот вопрос рассмотрен Холтоном [12].

Это связано с тем, что визуальные образы обладают способностью убеждать в истинности сопоставленных ими суждений, притягивая внимание зрителей [14]. Примеры такого их использования существуют и в научном дискурсе, а не только в массовой культуре. Элкинс приводит пример визуализации физических структур физиком Линде, которые, не имея никакого инструментального приложения, служат цели убеждать в идеях физика [14, с. 153–154]. Внутри научного поля, где все обладают набором необходимых знаний, вред подобных конструкций не может быть значительным. За его пределами, где верная трактовка таких изображений затруднена, они становятся эмоциональным или псевдорациональным доводом в поддержку некоторой позиции. Как пример первой ситуации можно вспомнить использование фотографии телескопа «Хаббл» «Столпы творенья» на обложке одной из публикаций Свидетелей Иеговы «Существует ли заботливый Творец?».

Можно привести следующий пример того, как работают визуальные образы. Примерно 100 лет назад в физике произошли значительные изменения, связанные с появлением двух теорий, описывающих реальный

мир весьма не похоже на обычные о нем представления. Наиболее известной из них является теория относительности. Существует, видимо, несколько причин для этого. Одна из значимых, как кажется, это то, что теория относительности связана с множеством ярких образов, таких как образы поездов, ракет и искривленных пространств и множества парадоксов, которым легко придается визуальная форма. Среди них – парадокс подводной лодки, парадокс диска, парадокс близнецов и множество других, которые можно нарисовать в виде комикса или карикатуры, снять в виде видеоролика. Легкая доступность таких визуализаций вместе с узнаваемым образом самого Эйнштейна, который стал коннотантом гениального ученого, приводит к тому, что теория относительности стала популярной в массовой культуре. Так же, как и сама теория, популярны и многочисленные ее опровержения. Легкая доступность презентационных материалов и наглядность сопроводительных образов приводят к ощущению, что теорию легко освоить.

Другой теорией, о которой я упомянул выше, была квантовая механика – в ней гораздо меньше образов, поддающихся визуальной интерпретации или имеющих отношение к нашему визуальному опыту. Стоит вспомнить научно-популярный ролик «Физика в половине десятого» (реж. Райтбург, 1971), где обсуждается возможность визуализировать и таким образом популярно разъяснить квантовую механику. Из множества мысленных экспериментов и парадоксов, связанных с этой темой, очень мало таких, которым можно сопоставить эстетические образы. В наше время ситуация несколько меняется в связи с развитием технологий визуализации. Один из примечательных примеров – книга «Визуальная квантовая механика» Бернда Таллера [18] и [15].

Приведенные примеры приводят к двум следствиям. Во-первых, наличие ясных визуальных образов способствует популярности дискурса. Во-вторых, научный дискурс часто поставляет в обыденное сознание не знание о реальности, а лишенные содержания, но привлекательные образы.

Мы можем распределить производимые наукой образы по следующим категориям (под образами имеются в виду также и мысленные модели). Во-первых, это изображения, производимые учеными непосредственно для внутридисциплинарных задач: графики, диаграммы, схемы, фотографии каких-либо процессов или явлений. Они обеспечивают коммуникацию внутри научного дискурса и требуют определенных знаний для своей интерпретации. Как правило, они не могут служить целям популяризации.

Другой тип изображений – это изображения, находящиеся на границе научного дискурса. В частности, это изображения, которые служат целям презентации научного знания широкой публике, их иллюстрации или разъяснения.

Выходя за пределы научного дискурса, научные идеи становятся субстратом для разного рода культурных феноменов. Это третий тип изображений. Он не имеет отношения к науке и функционирует не в научном дискурсе, но за его пределами. Именно через такой тип формируются представления о важности и значимости отдельных областей науки и их содержании. В этом смысле физика способна производить немыслимое количество привлекательных изображений (включая и презентационные фотографии научных установок или быта лаборатории), обретая значительные преимущества перед математикой. Данная ситуация, возможно, претерпит определенные изменения в будущем, благодаря развитию техник визуализации.

Когда Гастон Жюлиа (1893–1978) занимался изучением фрактального множества, названного теперь его именем, он вряд ли мог предвидеть, какая блистательная судьба будет им уготована благодаря тому, что, изображенные с помощью компьютера, они будут выглядеть как сложные и визуально привлекательные узоры. Хотя роль множества Жюлиа и других подобных структур в математике и физике кажется не слишком значительной, тем не менее их визуальная привлекательность определила их значимость в культуре [7].

С другой стороны, более важные, но с трудом визуализируемые функции комплексной переменной вряд ли известны за пределами математики и физик вообще. Нидхем описал текущее положение в области обучения и изучения теории функции комплексной переменной через метафору страны, где музыка изучается по нотам, но играть ее запрещено [17]. Еще более категорично высказались по этому вопросу Элиас Уэгерт и Гюнтер Землер, призывая перевести с помощью компьютерных технологий преподавание теории функции комплексной переменной на визуальную основу [22, с. 768–769]. Уже сейчас в Интернете существует множество галерей изображений названых функций с чисто эстетическими целями.

Заключение

Таков в общих чертах один из путей взаимодействия между дискурсами. Это, как мы видим, заключает в себе следующую проблему.

С одной стороны, наука, даже и не передовая, малодоступна. Мы окружены множеством достижений науки, но только их внешние проявления доступны для нашего критического осмысления. В этом смысле метафора магии, если под магией понимать тайное знание, недоступное непосвященным, кажется мне весьма удачной. Современное общество вполне может утратить возможность контролировать и предсказывать результаты своих действий. Достаточно привести как пример историю Интернета. Разработанный в военных и научных целях Интернет затем представлялся чем-то вроде пространства абсолютной свободы, но, может быть, появление социальных сетей сделало его местом производства самых подробных знаний об индивиде, тонкого контроля и мониторинга. Подобные явления трудно анализировать, но в случае, когда наука становится синонимом магии, это невозможно в принципе. Когда научное знание представляет собой не цельную ткань, а разрозненный набор медиа-лоскутков, картинок, не связанных ни друг с другом, ни с теми идеями, которые их породили, всегда существует опасность того, что наука в какой-то момент может оказаться деструктивной силой. Следует надеяться, что изучение того, как научные знания взаимодействую с культурой, поможет решить эту проблему.

Литература

1. Арнхейм, Р. Новые очерки по психологии искусства / пер. с англ. – М.: Прометей, 1994.
2. Вайцзеккер, К.Ф. Физика и философия // Вопросы философии. – 1993. – № 1. – С. 115–125.
3. Гейзенберг, В. Физика и философия. Часть и целое. – М.: Наука, 1989.
4. Дойч, Д. Структура реальности / пер. с англ. Н.А. Зубченко. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001.
5. Латур, Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. – 2002. – № 5–6(35).
6. Льюис, К.С. Человек отменяется [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gumer.info/bibliotek_Buks/Fiction/lyuis/chel.php. – Дата доступа: 4.09.2012.
7. Пайтген, Х.-О., Рихтер, П.Х. Красота фракталов. Образы комплексных динамических систем. – М.: Мир, 1993.
8. Сноу, Ч.П. Две культуры и научная революция // Портреты и размышления. – М.: Прогресс, 1985. – С. 195–226.
9. Сноу, Ч.П. Наука и государственная власть // Две культуры. – М.: Прогресс, 1973.
10. Успенский, В.А. Математическое и гуманитарное: Преодоление барьера. – М.: МЦНМО, 2011.
11. Фридман, А.А. Мир как пространство и время. – М.: Наука,1965.

12. Холтон, Д. Что такое «антинаука»? // Вопросы философии. – 1992. – № 2.
13. Штейнзальц, А., Функенштейн, А. Социология невежества / пер. М. Кравцов. – М.: Институт изучения иудаизма в СНГ, 1997.
14. Элкинс, Дж. Исследуя визуальный мир / пер. с англ. – Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2010.
15. Brandt, S., Dahmen, H.D. The Picture Book of Quantum Mechanics. 3rd ed. – New York: Springer-Verlag, 2001.
16. Ciaquinto, M. Visual Thinking in Mathematics. An epistemological study. – New York: Oxford University Press, 2007.
17. Needham, T. Visual Complex Analysis. – Oxford: Clarendon Press, 2000.
18. Thaller, B. Visual Quantum Mechanics: Selected Topics with Computer-Generated Animations of Quantum-Mechanical Phenomena. – Springer, 2000.
19. Thaller, B. Visual Quantum Mechanics // 8th International Mathematica Symposium, Avignon, June, 2006.
20. Hanson, A.J., Ji-Ping, S. Exploring Visualization Methods for Complex Variables // Computer Science Department and Mathematics Department Indiana University Bloomington, IN47405 USA. – P. 90–109.
21. Hanson, A.J., Munzner, T., Francis, G. Interactive Methods for Visualizable Geometry [Electronic resource]. – Mode of access: http://geom.uiuc.edu/docs/research/ieee94/node2.html. – Date of access: 01.09.2012.
22. Wegert, E., Semmler, G. Phase Plots of Complex Functions:A Journey in Illustration // Notices of the American Mathematic Society [Electronic resource]. – Mode of access: http://ams.org/notices/201106/index.html. – Date of access: 04.09.2012.

Ольга Сосновская
(Вильнюс, Европейский гуманитарный университет)

ОСОБЕННОСТИ ХОРЕОГРАФИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ 2000-х: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕЛА И МЕСТО В СТРУКТУРЕ НАРРАТИВА

The paper explores the uses of choreography and its specificity in the European musical film of the 2000s on the example of the films «The Other Side of the Bed» (directed by Emilio Martinez-Lazaro, Spain, 2002), «Mods» (directed by Serge Bozon, France, 2002) and «Dancer in the Dark» (directed by Lars von Trier, Denmark, 2000). It analyzes the specifics of choreography in the given films, in particular how it affects the representation of the body trying to put these peculiarities in a broader socio-cultural context. Referring to the theory of the classical Hollywood film musical the paper discusses how the contemporary auteur cinema uses and transforms classical canons of the genre and what effects it produces.

Данная работа обозначает и исследует направления использования хореографии и ее специфику в европейских музыкальных фильмах 2000-х на примере фильмов **«Другая сторона постели»** (реж. Эмилио Мартинес-Ласаро, Испания, 2002), **«Моды»** (реж. Серж Бозон, Франция, 2002) и **«Танцующая в темноте»** (реж. Ларс фон Триер, Дания, 2000).

Специфика хореографии и репрезентации тела

Танец в рассматриваемых в работе фильмах главным образом конструируется с использованием возможностей экранного медиума, при этом монтаж разбивает тело, время, пространство и саму энергию танца, которая передается уже скорее не движением тела, а ритмом монтажа [5, с. 30].

Танец становится фрагментированным, его отличает более-менее равная степень зрелищности каждого фрагмента (что особенно характерно для фильма **«Танцующая в темноте»**). Такое свойство отвечает требованиям современных медиа с их стремлением удерживать внимание зрителя каждую минуту. Разрушается фиксированная позиция зрителя: танец изображается с различных углов, перспектив и расстояний. В то же время разрушение линеарности и классической пространственной организации с центральным фокусом и использование множества независимых планов – тенденции, характерные для современного танца вообще [9], а не только для кинорепрезентации танца. Но зритель сценической хореографии активен в выборе направления своего взгляда, кинозритель же скорее пассивен, ведом заданной организацией кадров.

Временная и пространственная целостность танца, его спонтанность и непосредственность, а также энергия, его течение разрушаются, и опыт танца становится фрагментированным как для зрителя, так и для танцора. Кроме того, тот факт, что живые тела танцоров не присутствуют в одном пространстве со зрителем, лишает танец кинетической эмпатии – физического отклика тела зрителя, наблюдающего за другим двигающимся телом [5, с. 33]. Тело танцора становится практически невесомым с отсутствием звука дыхания, шагов и шорохов одежды, исчезает ощущение усилий, которые оно совершает [7, с. 724].

Тела представляют зрителю в их целостности только в групповых сценах, когда они являются элементами общей композиции. В других случаях тело, как правило, разбивается крупными планами. Использование крупного и сверхкрупного плана позволяет создать намного более интимное пространство, а также сделать значимыми самые легкие движения [10]. Телесность танцора и совершаемое им усилие может стать материалом и участником танца, причем в перспективе, которая остается недоступна сценическому танцу [5, с. 73]. Хотя разбитое на кадры тело как бы приближается к зрителю через крупные планы и непривычные углы зрения, феминистские критики, например Лаура Малви, обычно связывают потерю телом своей целостности, его фрагментацию с приданием ему статуса анонимного, абстрактного, сведением его к фактуре, отсылая к порнографическим изображениям [2, с. 289]. Это характерно, например, для презентации тел танцоров в фильме **«Другая сторона постели».** Здесь телесность также становится объектом и участником танца. Такая особенность репрезентации тел также наследует специфику видеоклипа [3, с. 82]. Однако Шерил Доддс, напротив, утверждает, что за счет крупных планов «танцующее тело из общего тела

становится конкретным, индивидуальным» [5, с. 72], его раздробленность приближает его, обнаруживает его специфичность. То есть имеет место стремление как можно ближе подступить к материалу танца – к телу, видеть его как можно более подробно, в различных перспективах, дать ему самодостаточность как субъекту и объекту танца. Но проблема здесь может состоять в том, что зритель не знает, принадлежат ли части целому, возможно, представлены фрагменты разных тел, и здесь зритель испытывает «новое ощущение танцевальной кинестезии – относительную кинестезию» [8, с. 24]. Танцоры скорее являются флюидными и номадическими телами, что сближает их с постмодернистским концептом мобильной и фрагментированной идентичности в противовес буржуазному понятию уникальной и стабильной идентичности [5, с. 199]. И хотя экранная хореография может быть прочитана как попытка приблизить тело и вернуть себе пространство, слиться с ним, почувствовать его, перед зрителем предстает скорее гиперболизированность тела или его гиперреальность.

В случае **«Танцующей в темноте»,** на мой взгляд, можно скорее говорить не о сексуальности тел, а об их обезличивании, унификации. Главные герои в фильме не демонстрируют выдающихся танцевальных способностей. Зрелищность танцевальных сцен обеспечивают работа камеры, монтаж и массовка, участники которой незнакомы зрителю. Их лица не только незнакомы нам, они также не выражают эмоций, это тела, которые демонстрируют себя, свою силу и энергию достаточно отстраненно и безучастно в эмоциональном плане, что приравнивает их скорее к декорации, чем к активным участникам действия. Главные герои также часто помещаются в танцевальную массовку, где их поначалу трудно узнать. На мой взгляд, такое помещение их в группу анонимных танцующих воспроизводит миф общности, типичный для классических американских мюзиклов, но представляет его в ином ракурсе: герои как бы тоже становятся анонимными, частью декорации, а фрагментация тел ведет к тому, что трудно определить обладателя изображенного тела. Таким образом, обнажается искусственность, пустота образа общности, от которой остается только зрелищность.

Для танца также характерна эстетизация и инкорпорирование повседневной телесной активности. Так, в фильме **«Моды»** повседневный опыт тела и присутствие героев в пространстве используются как материал для танца, эстетизируется и остраняется. Здесь танцующие тела расслаблены и их движения не отличаются идеальной синхронностью, однако это в большей степени раскрывает индивидуальность танцоров.

За счет технических средств (монтажа) или характера движений грань между профессиональным и непрофессиональным танцорами стирается. Способность любого тела, вне зависимости от физических способностей и возраста, стать зрелищным является характерной чертой современных видео- и кинорепрезентаций танца. Другая особенность в том, что танцем могут стать и неподвижные тела, поза, неподвижные герои образуют практически скульптуры, композиции из тел. Таким образом, хотя монтаж разрывает телесную целостность, здесь мы можем наблюдать образование иной целостности, состоящей в композиционном единстве тела и среды, формального сцепления поз и пространства. Здесь стоит обратиться к концепции «кинематографа тела» Жиля Делеза, который верит в способность кинематографа «дать» или «вернуть» тело. Для этого необходимо показать обыкновенные позы тела через «церемонию» и в их единстве со средой, формальном сцеплении поз и пространства, которое к ним прилегает [1, с. 511]. Двусмысленность опыта и статуса тела выражается в понятии единства, т.к. экранная репрезентация разрушает единство тела, образуя при этом единство тела и среды, которое, по мнению Делеза, как раз и является возвращением тела в противовес телу как видимости.

Фрагментация тела соотносима с отстранением реальности как непосредственного физического опыта для зрителя, который получает все более мозаичный и виртуальный образ действительности. В то же время экранная хореография может быть прочитана как попытка приблизить тело и вернуть себе пространство, слиться с ним, почувствовать его. Язык экранной хореографии также создает новый тип тела: флюидное (мобильное, нестабильное, динамичное, пластичное) и технологически усиленное тело (получающее особые возможности благодаря использованию кинематографических средств). Тем не менее нельзя говорить о полном давлении технологий, т.к. в любом случае танец использует в качестве исходной точки, в качестве своего материала живое тело. Но образ тела или субъекта, который конструируется в экранном танце, скорее соотносим с постмодернистской и постструктуралистской концепцией противоречивой, расколотой, фрагментированной идентичности, отказа от фиксированных значений и проблематизацией статуса реального и истинного.

Место и значение музыкально-танцевальных сцен в структуре нарратива. Характер и степень интеграции

Согласно Ричарду Дайеру, в мюзиклах имеют место три наиболее распространенные тенденции характера интеграции музыкально-танцевальных сцен в нарратив: четкое отграничение сцен от нарратива, оппозиция нарратива как сферы проблем и беспокойства и сцен как побега от этого и третье – попытка размыть различие между нарративом и сценами, что также подразумевает утопичность мира нарратива [6, с. 185]. Как правило, при меньшей интегрированности в нарратив музыкальные номера выступают в большей степени как элементы зрелища, а в случае большей интегрированности – как элементы нарратива [4, с. 216].

В фильме **«Моды»** танцы начинаются спонтанно и слабо интегрированы в нарратив, они скорее разрывают его. Танцевать начинают либо главные герои, либо находящиеся на заднем плане второстепенные герои, тем самым резко переключая внимание зрителя и ход повествования на себя. В фильме **«Другая сторона постели»** оригинальность хореографии, при том, что танцуют главным образом не герои, а танцевальная массовка, также приводит к тому, что танец является достаточно самостоятельным элементом, зрелищность которого разбивает нарратив и переключает на себя внимание зрителей, несколько оттеняя действия и музыкальные высказывания героев. Лишь в **«Танцующая в темноте»** логика интеграции танцевальных сцен очевидна и естественно вписывается в развитие нарратива, т.к. они являются частью воображаемого пространства главной героини, попыткой убежать от мрачной действительности в наиболее драматичные моменты. При этом повседневность достаточно плавно переходит в эти воображаемые номера, т.к. героиня использует для их создания материал действительности: звуки, которые образуют музыкальный ритм, и среду, которая обуславливает визуальное исполнение.

Казалось бы, общая тенденция состоит в том, что соотношение музыкальных сцен и повествования представляет собой соотношение субъективного и объективного пространства. Однако в целом в фильмах скорее имеет место тенденция к размытию границ между субъективным и объективным пространством. Даже в **«Танцующей в темноте»** границы между пространством фильма, маркированным как реальное, и воображаемым пространством героини, воплощенным в танцевальных сценах, ясно очерчены лишь до финальной сцены, в которой эти пространства объединяются. На протяжении фильма визуализация воображаемого

пространства, в отличие от изображения повседневности, характеризуется яркостью красок, изощренным монтажом и, как правило, атмосферой радости. Если действительность снимается ручной камерой, то съемки музыкальных номеров, осуществленные 100 камерами, представлены во множестве ракурсов. Даже тело главной героини предстает улучшенным – более гибким, ловким, видящим (тогда как героиня слепнет в действительности). Однако к концу фильма, когда действительность становится все трагичней, музыкальные номера становятся менее изощренными и яркими, и когда Сельма поет в камере, реальность визуально преображается лишь при помощи монтажа. Он же конструирует танец, т.к. Сельма находится в одиночестве и на этот раз ее не окружают другие танцующие тела. Снижение массовости и яркости музыкальных сцен связано также с тем, что пространство все больше замыкается: героиня находится в тюрьме и ей трудно находить материал для своих фантазий, до нее не доносится почти никаких звуков. В последней песне реальность и фантазия сливаются, т.к. Сельма поет в реальности, непосредственно перед своей смертью, находясь в петле. То, что эта сцена является частью реальности фильма, а не воображения героини, сообщает также отсутствие визуальных приемов, повышения яркости цвета и характерной съемки. Однако за сценой смерти следует сцена, которая имеет оттенок театральности, а пространство напоминает декорацию: последние строчки оборванной смертью героини песни демонстрируются титром на экране, отсылая также к немому кино, затем камера взмывает вверх, за границы пространства, в котором происходило действие, мимо неподвижной позы надзирательницы. Пространство фильма, обозначенное как реальное, приобретает качество фантазматического.

На примере рассмотренных фильмов мы приходим к выводу, что авторское кино скорее использует танец как относительно самодостаточный элемент, привлекающий внимание своей сложностью и оригинальностью. Также имеет место и использование танца в качестве дополнительного аттракциона, поддерживающего зрелищность визуального ряда. Кроме этого, особенности интеграции музыкально-таневальных сцен в нарратив, а также специфика музыки и хореографии приводят к неоднозначности и противоречивости соотношения фантазматического, или субъективного, и реального в пространстве фильма, которому придается оттенок нереальности. К упомянутым особенностям можно отнести сдвиг соотношения диегетической и недиегетической музыки; хореографическое использование повседневного опыта тела; инкорпорирование шума в музыкальную структуру. Возможно, музыкально-тан-

цевальные сцены используются режиссерами как средство деформации пространства фильма, проблематизации статуса действительности, воображаемого, субъективности. А использование танца как оригинального элемента ведет скорее к разрыву нарратива, затрудняя интеграцию музыкальных сцен и работая на снижение степени реалистичности происходящего.

Литература

1. Делез, Ж. Кино / пер. с фр. Б. Скуратов. – М.: Ad Marginem, 2004.
2. Малви, Л. Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф // Антология гендерной теории / под ред. Е.И. Гаповой, А.Р. Усмановой. – Минск: Пропилеи, 2000. – С. 280–296.
3. Самутина, Н. Музыкальный видеоклип: поэзия сегодня // Неприкосновенный запас. – 2002. – № 6(20). – С. 76–86.
4. Bernik, M., Cook, P. The Cinema Book. – London: BFI Publishing, 1999.
5. Dodds, S. Dance on Screen: Genres and Media from Hollywood to Experimental Art. – New York: Palgrave Macmillan, 2005.
6. Dyer, R. Entertainment and Utopia // Genre: the Musical / Ed. R. Altman. – New York: Routledge, 1981. – P. 175–189.
7. McCormick, M., Reynolds, N. No Fixed Points in Space. Dance in the Twentieth Century. – London: Yale University Press, 2003.
8. Mitoma, J., Zimmer, E., Stieber, D.A. Envisioning Dance on Film and Video: Dance for the Camera. – New York: Routledge, 2002.
9. McGillian, A. Analyzing Trends in the Modern Dance Movement [Electronic resource]. – Mode of access: http://helium.com/items/260125-analyzing-trends-in-the-modern-dance-movement. – Date of access: 20.05.2012.
10. Rosenberg, D. Essay on screendance, 2000 [Electronic resource]. – Mode of access: http:// dvpg.net/essays.html. – Date of access: 13.06.2012.

Ольга Гальцова
(Вильнюс, Европейский гуманитарный университет)

ВОПРОСЫ ДОКУМЕНТАЛЬНОСТИ И ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ В ФОТОГРАФИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ

The paper explores the tension between the documentary and the artistic in Soviet and contemporary photography. It emphasizes the importance of their adequate correlation, as in modern practice there is no single way of interpreting visual material. The author intends to develop contemporary criteria, which can help incorporate artistry in documentary photography so as to expand our socio-cultural background. The works of Bourdieu, Barthes, Petrovskaya etc. are analyzed.

Документальность в фотографии есть то неотъемлемое свойство, благодаря которому ее называют инструментом фиксации социальной действительности. Таким образом, документальность как явление воплощается в стремлении транслировать беспристрастную картину окружающей реальности. В данном случае Лапин [5, с. 167] выделяет «эффект присутствия» как его основополагающий элемент, когда мы смотрим на данное изображение, некогда являвшееся актом действительности, запечатленным его фактическим свидетелем. Несомненно, понятия документальности и правдивости изображения тесно сопряжены друг с другом, но отнюдь не тождественны, ибо документальность есть свидетельство ранее произошедшего, в то время как правдивость представляет собой потенциально многовариативную интерпретацию данного свидетельства. Документальность обусловлена тесной связью фотографии со своим референтом, ссылаясь на которого Барт определяет уникальность фотографии в невозможности отрицать фактическую реальность некогда запечатленного акта. В тандеме реальности и прошлого он находит сущностную составляющую фотоизображения [7, с. 24–25].

Феномен художественности представляет собой весьма изменчивое понятие, обусловленное трансформациями в современной культуре. Если в терминологическом словаре «Апполон» 1997 г. художественность [1] определяется как степень эстетического совершенства художественного произведения, равнозначная прекрасному в искусстве, то на современном этапе, по моему мнению, актуальность данного определения необходимо ставить под сомнение. Переменчивость ценностных ориентиров обусловливает «размывание» критериев художественности, которая отныне не вписывается сугубо в рамки категорий прекрасного. Анализируя данную проблему в контексте постмодернизма, М.В. Давыденко [3, с. 207] определяет толерантное отношение к маргинальности, космополитизм, коммерциализацию, насыщение компьютерными/виртуальными технологиями как ключевые категории для трактования художественности на современном этапе.

Проблематика художественности и документальности в фотографии в целом и в фотожурналистике в частности и поныне остается предметом острых споров. Насколько целесообразно интегрировать воедино данные понятия, или же, наоборот, необходимо их четкое ранжирование? Ведь, несмотря на всю остроту полемики, работы классиков советской фотожурналистики Родченко, Шайхета, Игнатовича, Петрусова и на сегодняшний день обладают высокой художественной ценностью, выражая первенство и в сфере фотоискусства. Данную тенденцию также подтверждают работы зарубежных фотографов. Род Персел [8, с. 20] отрицает возможность существования «чистой» документалистики, приводя в пример таких деятелей, как Мартин Парр, чья документальная фотографическая практика осуществляется в тесном тандеме категорий эстетики и художественности. В целом же на современном этапе все более общепризнанным становится опыт рассмотрения документальных фотографий, воспринимавшихся ранее как сугубо визуальное свидетельство того или иного факта, в контексте эстетических критериев.

В 20-е гг. И. Соколов в журнале «Фотограф» выступает за четкое разделение фотографии на документальную и художественную, апеллируя к их абсолютной обособленности: «Документальная фотография – научная и техническая фотография и фоторепортаж – это факт, действительность, реальность, фиксация жизни, регистрация текущих событий, увековечение важных исторических моментов, механическая передача явления. Художественная фотография – это образ, вымысел, иллюзия, ирреальность, художественно деформированный факт, выразительность».

Динамичность действительности требует наиболее оперативного предоставления фотографических кадров. В послевоенный период методология фоторепортажа всячески стремится обособиться от критериев художественности, тем самым позиционируя фотожурналистику как абсолютно автономный жанр фотографии. На мой взгляд, это может быть связано с тем, что стремление к художественности в фоторепортажном снимке не всегда, но все же требует определенного времени, что не может быть совместимо с деятельностью фотожурналиста в силу необходимости оперативной фотографической трансляции окружающей действительности. Популяризация фотожурналистики в современной медиасреде обозначила ряд более жестких требований к ней по сравнению с предыдущими десятилетиями. Информативность, оперативность и достоверность фотографии отныне должны быть сопряжены с оригинальностью, придающей ей художественную ценность. С развитием цифровой техники (смартфоны, планшеты, фотоаппараты и пр.) фоторепортажной деятельностью, новостной фотографией занимаются не только профессионалы, но и обычные люди, оказавшиеся в гуще событий. В данной связи их высокая конкуренция с профессиональными фотографами в контексте оперативности и информативности снимка очевидна. А результате актуализируется мнение, согласно которому художественность становится одним из ключевых критериев высококачественной работы фотожурналиста. Современные интенции совместить художественность и публицистическое начало в работе фотожурналиста ставят также и вопросы этического плана. К примеру, известен случай, когда в 2010 г. известный фотожурналист Дэвид Гуттенфелдер снимал на айфон события военной операции в Афганистане, использовав приемы стилизации для получения так называемого полароидного снимка. Работа была подвергнута острой критике, вызвав огромное количество вопросов. Ведь существует значительный риск того, что излишняя эстетизация снимка может отвлечь от его непосредственного содержания, от проблемы, которую автор пытается донести своей работой. К примеру, в данной ситуации мы сталкиваемся с очевидной романтизацией войны.

Острота обсуждаемого вопроса обусловлена неопределенным местом фотографии в системе других искусств в силу приписываемой ей механичности, благодаря который мы можем задокументировать визуальный материал. Полагаю, на сегодняшний день необходимо переосмыслить данные понятия в контексте современности с тем, чтобы задать отвечающие современности критерии высокого качества фотопублици-

стики. Елена Петровская апеллирует к «извлечению эстетического из недр самого документального», позиционируя, иными словами, художественное как условие любой документальности [6, с. 22]. Род Персел обнаруживает сущность документальной фотографии на стыке «напряжения» между формой и контентом [8, с. 20], обращая наше внимание на значение сбалансированности. Действительно, в случае, когда информативная составляющая фотографии может иметь слишком большие объемы, снимок может стать для нас визуально безынтересным. В обратном случае излишний упор на эстетику может невольно скрыть смысловую нагрузку кадра.

Исторически сложившееся деление фотографии на документальную и художественную обусловило соответствующие подходы к ее анализу, когда в первом случае применялись эстетические критерии, а во втором – понятия, заимствованные из теории и практики прессы [2, с. 52]. Анри Вартанов пишет, что при всем неоспоримом первенстве документальности в фотожурналистике вполне приемлемо инкорпорировать авторский взгляд в ряде фотопублицистических жанров, где в работе присутствует и личностная оценка, что помогает избежать интерпретации фотографии сугубо лишь в контексте достоверности и протокольной точности. Более того, он также подчеркивает то, что документальность и художественность не являются противоположностями, зачастую сливаясь и перекрывая друг друга.

Интересным является то, что, по сути, наиболее крупными представителями советского фототворчества стали те мастера, чьи успехи отнюдь не связаны с художественной фотографией. Полагаю, что причин тому множество. Не исключено, что это может быть связано и с тем, что советская пресс-фотография, представляя собой в эпоху социализма один из мощнейших инструментов трансляции актуальных для него ценностей и идеалов, получила гораздо большую академическую и институциональную поддержку в сравнении с художественной фотографией. Безусловно, не стоит забывать об изначально низком уровне подготовки фотожурналистов и, как следствие, невозможности конституировать свою работу в духе идеалов социалистического режима, но фотожурналистика периода 1930–1950-х являлась, на мой взгляд, тем самым культурным полем, инструменты, перспективы и особенности которого предоставляли фотографам максимальный потенциал для осуществления их практик. Вряд ли то же самое можно заметить и в советской художественной фотографии, чей не очень прочный академический базис способствовал лишь потенциальному копированию произведений изо-

бразительного искусства безо всяких претензий на определенную индивидуальность и исключительность.

Рассуждая о взаимодействии документальности и художественности, Вартанов выделяет ряд компонентов, которые способны, по его мнению, характеризовать фотографию не только в разрезе ее документальности, но и в контексте эстетических критериев:

Выбор предмета документирования, заключающийся в т.н. «умении видеть». Вартанов определяет данный компонент как ключевой в эстетическом критерии анализа фотографии, ибо несомненно, что талант фотографа кроется в мастерстве смотреть как бы сквозь окружающую нас действительность с тем, чтобы зафиксировать в кадре ее эстетическое содержание. **Выбор момента документирования.** Концепция данного компонента также кроется в ранее обозначенном таланте видения, однако в данном случае речь идет об определенной фиксации той или иной палитры временных координат, где пребывает уже выбранный предмет документирования. Таким образом, союз пространства и времени, визуализированный в особом авторском ключе, есть не что иное, как подспорье для аналитического подхода фотографии в контексте критериев художественности. Эстетика «схваченного» в фотографических практиках кадра во многом обусловлена спецификой коммуникации между фотографом и объектом съемки. Эпоха социалистических идеалов конституировала данную коммуникацию как один из решающих аспектов в качественной результативности фотографии. Характерная инсценировка и, как это ни парадоксально, ее острая критика в печати, требовали полного контроля фотографа над снимаемым объектом с тем, чтобы эстетическая составляющая кадра (улыбка, мимика лица, поза и пр.) возымели желанный эффект. Однако данная тенденция сопровождалась борьбой фоторепортеров за право воплощать на снимке явления в том контексте, в котором они существуют на самом деле. Со временем ракурс этой проблематики меняется: естественность, некая природность кадра изучаются в разрезе иного метода съемки – метода скрытой камеры, первооткрывателем которой считается советский кинорежиссер-документалист Дзига Вертов. Он был убежденным сторонником фиксации явления «здесь-и-сейчас», что способствует, по его мнению, более глубокому проникновению во все области жизни с возможностью точнее отразить суть происходящих перемен. Вертов воспринимает «скрытую камеру» как своего рода эстетическую необходимость, ибо не существует абсолютно одинаковых пространственно-временных явлений действительности. Секунды сменяют друг друга, обращаясь в минуты и

часы, каждый из которых обрамлен в свои специфические характеристики, которые уже никогда не повторятся. Одним словом, мы – такие, какими мы являемся исключительно «здесь-и-сейчас», ибо наше «я» уже спустя секунды неизбежно принимает пусть и не заметные, не кардинальные, но иные формы. Вертов доказывает, что «скрытая камера» есть тот единственный метод, который способен сохранить хрупкую неприкосновенность сиюминутности нашей реальности, в то время как мы можем получить абсолютно иной результат в случае, когда объект видит фотоаппарат и непосредственно осознает, что пребывает в качестве объекта фотографирования. По сути, это два разных человека – человек «для себя» и «для объектива». В этом и заключаются заманчивые особенности преданности Вертова методу «скрытой камеры». Он пишет, что «нет жизни врасплох ради жизни врасплох, и нет скрытой съемки ради скрытой съемки. Это не программа, это средство».

Насколько значимо теоретическое обоснование соотнесения художественности и документальности в фотографических практиках? Семиотический подход позволяет анализировать изображение как носителя социальных значений. Таким образом, в рамках заданной проблематики очевидной задачей является разработка соответствующих критериев, благодаря которым текст фотографии (изображение как текст) сможет избежать потенциального искажения при его прочтении. Бурдье утверждает, что фотоизображение дает представление об устройстве механизмов социальной реальности через возможность увидеть значимые социальные явления [4, с. 153]. С одной стороны, авторский контекст фотографии позволяет рассматривать ее вне рамок той социальной действительности, в которой мы пребываем в случае, если данный контекст отличается от упомянутой действительности. В иной ситуации авторский контекст, чей понятийный аппарат на современном этапе можно отождествить с категориями художественности, задает очередной вектор интерпретации определенного социального факта. В любом случае практики XXI в. диктуют расширение социокультурного бэкграунда за рамки единой интерпретации факта. Потому и важна адекватно инкорпорированная степень художественности в фотографии с тем, чтобы познание мультивариативной картины бытия осуществлялось на более глубоком и детальном уровне.

Литература

1. Аполлон. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура: терминологический словарь / под общ. ред. А.М. Кантора. – М., 1997.
2. Вартанов, А.С. Фотография: документ и образ. – М.: Планета, 1983.
3. Давыденко, М.В. Проблема художественности в контексте эстетических принципов постмодернизма // Известия Алтайского государственного ун-та. – 2010. – № 2–1(66).
4. Захарова, Н.Ю. Визуальная социология: фотография как объект социологического анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – Т. 11.
5. Лапин, А.И. Фотография как… – М.: Изд-во Московского ун-та, 2003.
6. Петровская, Е. Антифотография. – М.: Три квадрата, 2003.
7. Barthes, R. La chamber Claire. Note sur la photographic. – Paris, Cahier du Cinema, Gallimar, Seuil, 1980.
8. Purcell, R. What is documentary photography. University of Glasgow [Electronic resource]. – Mode of access: http://beautifuldaze.net/articles/Documentary.pdf.

Алина Новик
(Вильнюс, Европейский гуманитарный университет)

ЖАНР ФОТОГРАФИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

The article is a brief insight into the history of photographic typology, from its inception to the present day. The author reveals how and why the form appeared, what it was used for in the first years of its existence and how its purpose changed. Studying the transformation of the genre's function the researcher claims that while traditionally photographic typology was used mainly for the purposes of natural sciences, it is nowadays increasingly becoming a tool for social research or conceptual photography.

Одно из самых простых и в то же время исчерпывающих определений фотографической типологии дала Кристин МакКенна (Kristine McKenna) в своей статье «Photo Visions», которая появилась в Los Angeles Times еще в конце 1991 г. Фотографическая типология, пишет МакКенна, представляет собой набор снимков, сделанных в единой манере и объединенных в серию [7].

Согласно «Энциклопедии фотографии двадцатого века» типология – это «аналитическое изучение либо система классификации, основанная на типах». Идея типологии в том, что предметы, схожие внешне, могут иметь и другие общие черты, позволяющие их объединить. Термин «фотографическая типология» может в равной степени как использоваться в отношении группы изображений, так и отсылать к стилю, направлению. В широком смысле фотографическая типология определяется прямой манерой изображения, детальной и предельно ясной [7].

Интересно, что каждое изображение в типологии как бы обещает зрителю, что будет и другой пример того, что он увидел, и что именно сопоставление нового и старого как раз и откроет ему истинное значе-

ние и каждого из снимков, и их серии. В какой-то момент зритель становится соучастником творческого процесса, самостоятельно сравнивая и сопоставляя составные части единого целого. Поэтому, если мы рассматриваем фотографическую типологию как сравнительное исследование, стоит отметить, что одним из его ключевых качеств является незавершенность [7] – в каком-то смысле это история с открытым концом.

История формы: истоки. Возникновения формы фотографической типологии нередко связывают с именем Эжена Атже, который начиная с 1898 г. систематически фотографировал Париж (улицы, виды, архитектуру, людей), а с 1901 г. по заказу Bibliothe`que historique de la Ville de Paris – исторические памятники Парижа, подлежащие сносу. Вне всяких сомнений Атже – очень важная фигура в истории фотографии вообще и фотографических типологий в частности, однако архив его фотографий вряд ли можно назвать самым первым типологическим проектом.

Первой типологией в истории фотографии принято считать книгу «Британские водоросли: цианотипии» биолога Анны Эткинс (Anna Atkins). Книга, опубликованная в 1843 г. (то есть всего через четыре года после изобретения фотографии), стала первым в истории изданием, иллюстрированным фотоснимками (опередив даже «The Pencil of Nature» Фокса Тальбота, вышедшую годом позже) [9].

Однако, если мы называем набор фотоснимков авторства Эткинс типологией, можно утверждать, хотя и с оговорками, что изобретение фотографической типологии едва ли не предшествует изобретению фотографии. Как известно, Фокс Тальбот, который и познакомил Анну с фотографией, будучи хорошим ботаником, так и не научился хорошо рисовать и, вероятно, поэтому стремился к изобретению фотографического метода.

Можно копнуть и глубже: еще в 1802 г. в Великобритании выходит статья Хамфрида Дэйви, в которой он описывает их совместные с Томом Бэдшвудом эксперименты: они обмакивали лоскутки кожи в раствор соли серебра, прикладывали к ним образцы растений и клали их на свет. На коже появлялось изображение, которое, правда, вскоре исчезало [1]. Они, по сути, занимались тем же, чем через 40 лет увлеклась Эткинс.

Все это делает совершенно очевидными, по крайней мере, две вещи. Во-первых, сам фотографический метод с его невообразимыми прежде возможностями подталкивал первых фотографов (ученых, применяющих фотографию) к идее создания типологий – и это, если не сказать, что необходимость в том числе и создания типологий, подтолкнула Тальбота к изобретению техники фотографирования. Во-вторых, изна-

чально фотографические типологии, как и фотографии вообще, не рассматривались в качестве произведений искусства, а лишь служили научным целям: даже название первой фотокниги Тальбота «The Pencil of Nature» отсылает нас к представлениям о фотографии исключительно как о средстве репрезентации мира [4, с. 223]. (Примечательно, что и при жизни Атже никто не относился к его фотографиям как к искусству: для несостоявшегося живописца это была всего лишь тяжелая, рутинная и низкооплачиваемая работа; признание Атже получил лишь после смерти.)

Neue Sachlichkeit. Вероятно, кое-что изменилось к середине 20-х гг. прошлого столетия, когда свет увидел сборник Карла Блосфельдта (Karl Blossfeldt) «Изваяния природы». В проект, в чем-то схожий с книгами Эткинс и Тальбота, вошли изображения образцов растений, сделанных Блосфельдтом в изобретенной им же самим технике, позволяющей добиться тридцатикратного увеличения. Сборник Блосфельдта стал одним из бестселлеров 1925 г. В своей книге он располагает изображения растений близко друг от друга, чтобы зритель мог оценить различия между видами [2].

Это стремление сохранить знание о мире в виде типологии оказывается весьма характерным и для других немецких фотографов 20-х гг., таких как, например, Альберт Ренген-Пацш (Albert Renger-Patzsch), чья книга «Die Welt ist schön» (англ. «The World is Beautiful») 1928 г. представляла собой коллекцию из сделанных им фотографий различных предметов, изображенных с достойной научной иллюстрации точностью. Как и работы Блосфельдта, фотографии Ренгена-Пацша были выполнены в эстетике Neue Sachlichkeit (англ. New Objectivity), характерной для Германии времен Веймарской республики.

Примерно в то же время, в 1910–20-е гг., фотограф Август Зандер работает над проектом «Man in the Twentieth Century», цель которого заключалась в том, чтобы создать «лицо нашего времени» (именно так назывался первый – увы, и последний том его проекта). Зандер не пытался создавать идеальных портретов, но стремился показать представителей различных классов и социальных групп, полностью соблюдая при этом методологию типовой фотографии: все его персонажи помещены в рамки фотографий и занимают на них одинаковое место, поэтому зритель невольно начинает сравнивать их между собой [2].

Стоит отметить, что Зандер из-за своей работы оказался в числе врагов правительства. По мнению нацистов, у фототипологий было вполне определенное назначение: классификация расовых типов. Но для Зан-

дера было важным создать свою, совершенно другую типологию. Нацисты не могли терпеть эмоциональные и тонкие снимки Зандера: его персонажи были далеки от идеальных, по их мнению, людей, на его фотографиях не было места для высшей расы, а потому книга Зандера была запрещена в нацистской Германии.

Несмотря на то, что Блосфельдта, Ренгена-Пацша и Зандера интересовали различные темы, всех их объединял акцент на господстве предмета как главной причины сделать фотографию; они создавали естественные, без искажения снимки, чтобы сохранить и передать свои впечатления [7].

XX в.: Бернд и Хилла Бехер и Дюссельдорфская школа. Тот вид типологий, что невероятно популярен среди современных фотографов, был изобретен супругами Берндом и Хиллой Бехерами (Bernd and Hilla Becher). Известные сегодня немецкие фотографы встретились в 50-х гг. в художественной академии в Дюссельдорфе (Kunstakademie Düsseldorf) и практически сразу стали работать вместе. Они специализировались на индустриальной фотографии, объектами съемки для них служили водонапорные и силосные башни, нефтяные цистерны, доменные печи и другие промышленные объекты.

Супруги нашли свой собственный легкоузнаваемый стиль: они работают днем, в облачную погоду, чтобы резкий солнечный свет не вмешивался в их фотографии; главный объект на их снимках всегда находится на первом плане, в геометрическом центре кадра; снимок делается с высоты человеческого роста на широкоформатную камеру; на нем никогда нет контекста или второстепенных деталей; и, наконец, все их фотографии – черно-белые.

В одном из интервью Бехеры рассказали, как они пришли к идее типологии. Дело в том, что начало их работы в качестве фотографов совпало с первым угольным кризисом в 1960-х, затем наступил стальной кризис. Было совершенно понятно, что если они не сфотографировали бы все эти сооружения тогда, они уже никогда бы их не сфотографировали [8].

Фотограф Кара Филипс (Cara Phillips) считает типологию Бехеров одним из самых важных достижений в истории фотографии. По ее мнению, открытие ими мира постиндустриальной революции послужило появлению совершенно нового концептуального понимания художественной фотографии; с легкой руки Бехеров типология становится, можно сказать, вездесущим концептуальным инструментом [6]. Благодаря этому начинаются эксперименты с типологической формой, в частности, многими из студентов фотографического департамента Дюссельдорфской школы, открытого Берндом Бехером.

Пожалуй, самый известный среди них – Томас Руфф (Thomas Ruff), завоевавший известность благодаря своей серии огромных, на всю стену, портретов, выполненных в такой же нейтральной манере, в какой обычно делают фотографии на документы. Хоть это и самый известный его проект, известно, что ему предшествовали другие серии – типологии немецких интерьеров (Руфф стремился запечатлеть характерные для них черты) и зданий. Еще один представитель Дюссельдорфской академии – Кандида Хофер (Candida Hofer), ей принадлежит типология пустых библиотек и конференц-залов.

Делать снимки и выражать с их помощью свои идеи любил американский художник Эд Руша (Ed Ruscha). В 1963 г. художник создает «Двадцать шесть заправочных станций», свою первую из шестнадцати фотографических книг, каждая из которых состоит из изображений на заданную тему и небольших текстов [10]. Исчерпывающее представление об этом и других его альбомах дают их названия: «Двадцать шесть заправочных станций» (1962), «Тридцати четыре парковочных места» (1967), «Каждое здание на Сансет Стрип» (1966) – и все они неразрывно связаны с задачами, которые стоят перед типологией [7].

Американец Роджер Мертин (Roger Mertin), в свою очередь, коллекционировал схожим образом деревья, баскетбольные площадки и библиотеки. Линн Коэн (Lynne Cohen) документировала интерьеры пространств для научных наблюдений и тестирования огнестрельного оружия. Эти пятеро художников вместе с Джуди Фискин (Judy Fiskin), Томасом Штрусом (Thomas Struth) и Бехерами представили в 1991 г. выставку и каталог «Типологии» («Typologies»).

Однако это далеко не полный список серий, выполненных в жанре типологии. Например, Николас Никсон (Nicholas Nixon) создает типологию, множество раз делая портреты своей жены и ее сестер начиная с 1975 г. Серия включает в себя 31 портрет и называется «Brown Sisters». Другой интересный пример представляет проект Ханса Хааке «Шапольски и др., холдинги недвижимости Манхэттена, социальная система в реальном времени на 1 мая 1971 года». Проект включал в себя 142 черно-белые фотографии старых домов, купленных неким Шапольски для последующего сноса и перепродажи, с небольшими аккуратными сводками-закладными вместо подписей. Проект был запрещен к показу на персональной выставке в Музее Гуггенхайма [10].

Фототипология сегодня. Несомненно, фототипология обладает своей особой аурой и огромным потенциалом, а потому эксперименты с этой формой продолжаются и по сей день. Типология в арт-фотографии

сегодня используется очень широко – если не сказать, слишком. Как писала в своем блоге Кара Филипс, в то самое время, когда великие творцы применяют этот метод, появляется и много мусора: метод типологии может использоваться в качестве уловки теми, в чьих работах нет концептуальной идеи, поскольку типология, тем не менее, создает иллюзию строгости и единства [6].

Однако, несмотря на существующие типологические клише, в последнее время появилось и великое множество вполне достойных и любопытных проектов. Например, фотограф Джейсон Трэвис недавно представил публике первую часть своего проекта «Персона» – «Люди и их сумки». Создатели блога Mrs. Deane тоже запустили собственный проект, который получил название «Joghurtbecher». Здесь все держится на игре слов: в немецком *becher* – это еще и баночка, поэтому авторы «Joghurtbecher» обошли все доступные им магазины в поисках самых разных баночек, чтобы собрать их в типологию вроде тех, что уже много лет собирает чета Бехеров. А Мартина Мюлани (Martina Mullaney) своей темой избрала одиночество: она фотографирует пустые кровати в дешевых отелях и приютах для безмодных. Все снимки выполнены как документальные и в едином стиле: в частности, матрасы всегда занимают около трети кадра.

Британский фотограф Джеймс Рейнолдс (James Reynolds) после прочтения книги о заключенных-смертниках в США создал серию фотографий «Last suppers», на которых были изображены последние обеды заключенных перед казнью, на которые те, согласно закону, могли потратить до 40 долларов. Кто-то заказывал луковицу и две бутылки колы, кто-то – мороженое, а убийца из штата Айова, казненный в 1963 г., попросил в качестве последнего обеда одну темную оливку. Голландский фотограф Ари Верслиус (Ari Versluis) и его коллега криминалист Элли Уттенброк (Ellie Uyttenbroek) 15 лет работали над собственным проектом, цель которого – доказать, что ничто так не обезличивает человека, как стремление к уникальности.

Стоит ли говорить, что это лишь малая часть типологических проектов современности? С другой стороны, их вполне достаточно для того, чтобы отметить, что если раньше типологии использовались для решения задач, поставленных, прежде всего, естественными науками, то сегодня это еще и инструмент социальных исследований и концептуальной фотографии. И зачастую его используют как раз для того, чтобы указать на явления, которые общество, тем не менее, нередко отказывается замечать.

Литература

1. Gunning, T. Tracing the Individual Body: Photography, Detectives and Early Cinema // Cinema and the Invention of Modern Life / L. Charney, V.R. Schwartz (eds). – Berkeley: University of California Press, 1995. – P. 15–45.
2. Slade, G. Typology // Encyclopedia of Twentieth-Century Photography. – Routledge, 2005.
3. Алексеева, Д. Женщины у истоков фотографии [Электронный ресурс] // Prophotos.ru, 9 октября 2009. – Режим доступа: http://prophotos.ru/history/4387-zhenschinyi-u-istokov-fotografii. – Дата доступа: 29.01.2012.
4. Документальный фильм «Дух фотографии. В нужное время, в нужном месте». BBC, Великобритания, 2007. – 60 мин.
5. Документальный фильм «Дух фотографии. Фиксация теней». – BBC, Великобритания, 2007. – 60 мин.
6. Зырянова, Е. Концептуальная фотография [Электронный ресурс] // Фотожурнал «Хулиганствующий Элемент». – 2010. – Режим доступа: http://art.photo-element.ru/analysis/concept/concept.html. – Дата доступа: 29.01.2012.
7. McKenna, K. Photo Visions [Electronic resource] // Los Angeles Times. – 29 December 1991. – Mode of access: http://articles.latimes.com/1991-12-29/books/bk-1709_1_photo-essay. – Date of access: 08.08.2012.
8. Phillips, C. Typology [Electronic resource] // Ground Glass: thoughts on photography. – 12 May 2008. – Mode of access: http://caraphillips.wordpress.com/2008/05/12/typology. – Date of access: 29.01.2012.
9. Ziegler, U.E. Interview with Bernd and Hilla Becher [Electronic resource] // Designboom, June 2002. – Mode of access: http:// americansuburbx.com/2009/01/theory-interview-with-bernd-and-hilla.html. – Date of access: 29.01.2012.

Арнестас Манкус
(Вильнюс, Европейский гуманитарный университет)

АМЕРИКАНСКИЕ БИТНИКИ КАК КУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ

The author explores the origin of the beat generation with the story of the beatniks generation and beat literature. Because academic sources contradict each other the article introduces the term «radical subculture». The author carries out a comparative analysis of the French existentialist philosophy and the non-classical philosophy of the beatniks who can be called the last American existentialists.

В своей работе я исследую неклассическую философию бит-поколения, которая зародилась в середине XX в. в США, в момент перестройки культуры после Второй мировой войны, когда упрощалась социальная связь и появлялись «новые дикари», которые с «шрамом реальности в сердце» слушали свободный джаз, употребляли наркотики, пробовали себя в гомосексуальных отношениях, откровенничали ночи напролет и противились рамкам, которые присутствовали в ортодоксальном обществе с его консервативными традициями. Я считаю это актуальным по той причине, что и в современной культуре существуют люди, которые соответствуют определению «битник». Ведь изначально битники – это писатели, которые способствовали появлению культурного движения с экзистенциальной направленностью. Однако сегодня можно обнаружить не только последователей, но и последствия культуры битников, так как они дали толчок в развитии и создании чего-то отличного от них (например, киберпанк и семплирование). Битники были своего рода пророками, так как знали, что почувствует человек через много лет, когда будет читать их тексты и осмысливать их идеи. «...абсолютным сердцем поэмы жизни, вырубленной с мясом из их собственных тел, что будет годна в пищу еще тысячу лет» [13]. И, на мой

взгляд, актуальность неклассической философии американского экзистенциализма (так я ее называю и после объясню почему) битников и их произведений сегодня такая же, как и тогда, полвека назад. Ведь различие между битником середины прошлого века и современным битником заключается не в их внешнем сходстве или несходстве, но в сохранении формы существования, которая сама себя воспроизводит. Также хотелось бы отметить и критический подход битников к обществу, который стоит того, чтобы его изучали.

Все начиналось в 1940-х гг., когда появилась компания хипстеров: Джек Керуак, Люсьен Карр и Аллен Гинзберг. Знакомство произошло около Колумбийского университета. Они были молодыми людьми, у которых кипела кровь в поисках приключений и развлечений. И в 1944 г. происходит важная встреча, как пишет Билл Морган в своей работе «The beat generation in New York» [8], – знакомство Керуака и Гинзберга с Берроузом. Три молодых писателя, которых позже будут называть основоположниками бит-культуры и которые такими работами, как «В дороге», «Вопль» и «Голый завтрак», внесут свои имена в историю американской и мировой литературы.

Джек Керуак с детства мечтал стать писателем. Первый свой роман «Городок и город» он опубликовал в 1950 г., и это произведение еще нельзя было назвать «бит-литературой». Однако спустя год (1951) он написал автобиографичный роман «В дороге», в котором за основу было взято путешествие автостопом на запад. Роман публикуется только через 7 лет и приносит его автору славу. «Здоровенный, как лесоруб, Керуак принес в редакцию рулон бумаги длиной 147 метров без единого знака препинания. Это был рассказ о судьбе и боли целого поколения, выстроенный как джазовая импровизация» [14]. «Джек Керуак был первым писателем, сформулировавшим и провозгласившим те идеи, которые сразу же были взяты на вооружение самым революционным поколением Америки XX столетия, "разбитым поколением", битниками» [5]. Он разрушил общие представления о бродягах и бандитах, представляя людей-романтиков, которые живут ради своего удовольствия. Ведь в обществе доминировало мнение, что быть бродягой – это наказание, несчастье или непристойность. Однако окружение Сала (главный герой романа, сам Керуак) – люди весьма начитанные, люди, которые разбираются в искусстве и философии, но самое главное их отличие в том, что они за горами книг не забывают о реальной жизни за окном. То есть они не были просто бродягами, бездомными, которых общество выкинуло на обочину. Наоборот, они создавали свою дорогу, по которой крутились

колеса их «нового» сознания. Битник – «великий грамотей, который пошатываясь и испуская вопли, бродит в районе нью-йоркского порта с оригиналами рукописных нот семнадцатого века под мышкой… он едва может вымолвить слово – так возбуждает его жизнь» [14, с. 154].

Роман «В дороге», который похож на путевые заметки, и последующие были весьма быстро приняты читателями. Также его называют родоначальником знаменитого движения хиппи, которые все, как пишет Ярослав Могутин, довели до абсурда. «Бессмысленные худосочные “цветы”, длинноволосые “непротивленцы”, любвеобильные пацифисты с их примитивным “Make love not war!”, адепты “свободной любви”» [5]. Но неважно, что делали хиппи и как интерпретировали Керуака масс-медиа. Важен именно тот образ, который был в его творчестве.

Билл Морган в своей работе «Бит-поколение в Нью-Йорке» [8] писал, что Керуак и Гинзберг были под впечатлением от писем Нила Кэссиди (с него был списан герой романа «В дороге» Дин Мориарти), в которых практически отсутствовали знаки препинания, которые расставлялись только для того, чтобы перевести дыхание. Поэтому Нил является одной из ключевых фигур в создании такой культуры, как битничество, в создании джаз-слога (свободный слог). Потому что весь его образ жизни и его мировоззрение были источником вдохновения, были «выходом» для бит-писателей.

Основу бит-литературы, известную как три колонны бит-поколения, я разделил бы на джаз-слог (Керуак и Гинзберг) и метод нарезки (Берроуз).

Джаз-слог (такое название из-за схожести со свободным джазом, где важна импровизация) представляет собой ритмичную артикуляцию чувств, импульс, который исходит изнутри, где порой отсутствуют знаки препинания и повторяются слова для того, чтобы хорошо звучало, когда читаешь вслух, чтобы усилить ощущения живости произведения.

Метод же нарезки, изобретателем которого является сам Уильям Берроуз, я рассматриваю в контексте романа «Голый завтрак», который был опубликован впервые в 1959 г. Можно сказать, что именно после этой публикации бит-литература «встает на ноги». И появляется возможность говорить о ней и о ее трех произведениях-первенцах, которых объединяли спонтанность и искренность: «…общим было стремление придумать новое расположение слов на странице, которое бы отражало развитие живого, разговорного, настоящего языка, а не старого, литературного» [6]. Метод нарезки заключался в том, что роман был построен таким образом, что в нем отсутствовали повествовательная линия и

главный герой, который смог бы вести читателя по сюжету. Этот метод разрушил форму классического литературного произведения. «Слово разделено на элементы, которые дальнейшему делению не подлежат, в таком виде их и следует воспринимать, но элементами этими можно пользоваться в любом порядке, можно объединять их на все лады, вставлять в любое место от носа до кормы, словно в увлекательной сексуальной аранжировке. Книга покидает страницы, рассыпаясь во все стороны на калейдоскоп воспоминаний… Благосклонный Читатель, Слово набросится на тебя» [12, с. 280]. Таким образом, в романе 23 части, которые собраны в произвольном порядке. Некоторые истории продолжаются и раскрываются, а также появляются и исчезают безо всякого рационального объяснения. Ведь «все рациональные мысли нужно изничтожать дустом» [15] – говорит главный герой фильма «Обед нагишом». Все истории объединяют общее настроение, стиль изложения и некая общая тематика для некоторых частей: наркозависимость и наркотические галлюцинации, критика в сторону американского общества и общества в целом, гомосексуальные (в основном) и гетеросексуальные (редко) порнографические сцены. И все это подано в стиле, который передает все это реалистично настолько, что некоторых может и стошнить. В стиле, в котором нет границ, в котором нет неправильных слов.

«Голый завтрак». Это роман о человеке, который «после Болезни <…> очнулся в возрасте сорока пяти лет, в здравом уме и твердой памяти, а также сохранив сносное здоровье» [12, с. 1]. Под словом «Болезнь» подразумевается наркотическая зависимость. То есть это роман о том, как человек пережил наркотические ломки и бредни, в которых, в свою очередь, переживал и пропускал через себя все отвратительные стороны общества и в итоге выдавал их наружу сырыми мыслями, которые успели пройти подсознание, но не успели приготовиться в сознании. «Джанк – это улица с односторонним движением. Разворота нет. Ты уже никогда не сможешь вернуться» [12, с. 253]. Это роман о сексуальном опыте, который присутствовал в наркотическом неистовстве, в неистовстве гомосексуальности, где нет предела развращенности, где отсутствуют какая-либо мораль или этика. Где можно окунуться в грязный омут человека «на грани», взять его опыт и вынырнуть без последствий на физическом уровне, но с последствиями для мировоззрения. Это роман о том, как люди продолжают есть в ресторане с репутацией, несмотря на то, что там снижается качество пищи. Это роман об одиноком человеке, которому нужен кто-то, чтобы были чувства. Это роман о том, что сексуальные предпочтения – это «забота нашего министерства» [12, с. 234].

И, наконец, поэма «Вопль» Аллена Гинзберга, которая была опубликована в 1956 г., поэтому официально ее можно назвать началом бит-литературы, которая хорошо отражала самих же битников. «Его публикация в 1956 г. произвела эффект разорвавшейся бомбы. “Придержите края ваших платьев, леди, мы пробираемся через АД”, – написал Гинзберг в предисловии к этому сборнику, ставшему манифестом, библией, настольной книгой и предметом культа для бит-поколения» [6]. «“Вопль” был переворотом, днем рождения новой американской поэзии со свободной экспрессией, сексуальным либерализмом и иными ценностями, которые позже станут краеугольным камнем контркультуры» [11]. Из-за виртуозного использования свободного слога (джаз-слога) поэму называют гимном. Кто-то называет гимном нон-конформизму, кто-то – «гимном наготы обо всем, включая тело и разум» [9, с. 1], а кто-то – гимном бит-поколения или гимном протеста. А дело в том, что в поэме прославляется огромное количество вещей, идей, мыслей, поступков, которые были недопустимы в 50-е. «Вопль» – агрессивный протест против конформизма американского общества. Например, Гинзберг заявлял о себе как о гее в то время, когда гомосексуальность (в то время гомосексуализм) «считалась болезнью и во многих штатах Америки рассматривалась как криминальное преступление» [9, с. 2]. И Фред Каплан замечает, что Гинзберг был первым, кто сделал свою нетрадиционную ориентацию центральной в своем творчестве. И таким образом появляется гомосексуальная эстетика (эстетизация мужского и мужественного), которую далее продолжают другие авторы. Аллен Гинзберг создает образ битника, который был открыт для поисков, который исследует границы допустимого. Аллен был открытым гомосексуалом. Его поэма автобиографична, состоит из трех частей и примечания. Кроме использования джаз-слога, написана она была по принципу «переписывание – это цензурирование. Первые мысли – самые честные, самые настоящие» [16] – и суть этого метода хорошо объясняет следующая цитата: «Что случится, если проводить различие между тем, чем ты можешь поделиться с друзьями, и со своей музой? Фокус в том, чтобы устранить это различие. Быть предельно откровенным со своей музой, как с самим собой или со своими друзьями. Это способность быть преданным тому, чтобы писать так же, как ты живешь» [16]. Такое определение подходит ко всей бит-литературе, в которой важно было поймать ощущение проникновения в свое тело, в свои чувства, в свое сознание.

Теперь, имея общее представление о бит-литературе, я хочу предложить свою трактовку феномена битника и дать ему определение через

понятие «радикальная субкультура», а не «контркультура» [12] или «молодежная субкультура» [14].

Понятие «контркультуры» появилось в середине XX в. в США, во времена кризиса культуры, во времена «разбитого поколения» (поколения битников), которое пришло на смену «потерянному поколению». «...Случается, что дух взрывается и иногда вы просто должны создать контркультуру, бунтующую против ортодоксии. Поскольку никакая ортодоксальность никогда не может полностью удовлетворить наши духовные чаяния и наши духовные страсти» [3]. Можно предположить, что битники были представителями контркультуры. Тому будет много подтверждений, и они будут верными, но лишь отчасти. Поэтому стоит сконцентрироваться на существенных различиях.

Контркультура в своем противопоставлении какой-либо культуре стремится стать доминирующей, главенствующей, господствующей. Она стремится разрушить социальные институты, например, «укорененная враждебность к институту семьи» [3], а битники – их осмыслить и свести к простому «принять или нет». Контркультура «заново создает новую человеческую и социальную реальность» [3], то есть стремится разрушить старое, навязывая новое, – и в этом выявляется еще одно важное отличие от битников, которые не стремились создавать что-то заново, так как это породило бы новую ортодоксию, ничем не лучше прежней. В идеях контркультуры есть всегда четкие суждения насчет того, что правильно, а что нет. Из-за этого теряется свобода от оценочных суждений, к которой стремится философия.

У битников не было определенного стиля вроде нонконформизма хипстеров или стиляг СССР. У первых, например, было четкое разграничение, которое заключалось в следующем – «ты либо хипстер, либо добропорядочный (альтернатива, которую начинают постигать все новые поколения, вступающие в мир американской реальности), ты либо бунтарь, либо конформист, либо пионер, прокладывающий собственную тропу на диком Западе американской ночной жизни, либо пленник добропорядочности, как тисками придавленный тоталитарными наростами на теле американского общества» [4]. У вторых, то есть стиляг, стиль нонконформизма «был вызовом советской серости, а вместе с тем – всей советской жизни и идеологии» [2, п. 6.2]. У битников же могло быть всего понемногу и могло не быть ничего. Да, они подобно нонконформистам были специфичны в изложении своих идей и мыслей. Их самовыражение в письме сильно отличалось от всего того, что было известно до этого. Да, они бросили вызов канонам художественной литературы, ока-

зываясь вне общеизвестных на тот момент традиций. Отсюда-то, из-за всех этих «да», и возникает желание причислить битников к нонконформистам. Но ситуация тут такая же, как и с понятием контркультуры – в первом приближении верно, но, если покопаться, найдутся различия. Дело в том, что у битников не было стремления быть кем-то, разрушителем или созидателем – неважно. Они не пытались кому-то что-то навязать или что-то разрушить в моральных и этических устоях общества. Они не бросали намеренно вызов установленным ценностям, канонам литературы. Этот вызов был создан самим обществом самому же себе, ведь тогда существовало очень много писателей и критиков, у которых были предвзятые идеи о том, какой должна быть литература с большой буквы, ведь тогда было много людей, которые считали статус бродяги непристойным. Становление битника происходит само собой, исходя из какого-либо жизненного опыта, каких-либо переживаний. Битник не пытается кому-то что-то доказать, может, только если самому себе. Он может быть кем угодно, откуда угодно, какого угодно возраста или социального статуса, носить какие угодно штаны или прическу. Битника делает битником его образ мышления: он пытается раствориться в социуме, а не быть его оппонентом, не быть оппонентом в принципе. Это и есть отличие от нонконформистов, которые всегда в оппозиции по отношению к конформизму.

Исходя из всего сказанного, можно утверждать, что битники лишены боевого нонконформистского пафоса и жесткой идеологической направленности контркультуры. Поэтому я считаю нужным дать феномену битничества рабочее определение «радикальная субкультура». Радикальная субкультура в случае битников – это иная культурная матрица, которая может быть актуализирована там и тогда, где и когда человека начинает тошнить от существующего социального порядка. Ее смысл заключается в сопротивлении общей схеме понимания реальности но не в ее замене. Это не мятеж: битники не стремятся к захвату власти или смене господствующих ценностей и стилистических изысков. Это не эволюция брюк или грима на определенном отрезке времени и никак не опыт альтернативного культуротворчества. Бит – тихая субкультура «иных», трудно прослеживаемая система ценностей небольшого (в сравнении с обществом в целом) количества людей. Но она радикальна, поскольку представляет собой альтернативу мэйнстриму – пусть без нигилистических мотивов и точного субкультурного стиля. Это практики культурного сопротивления в рамках системы, набор экзистенциальных практик, который позволяет не убегать от реальности (эскапизм), а осмысливать ее и лишать однозначности.

Если рассматривать битников на примере двух способов достижения ценностей бытия, о которых писал Ницше, то они, конечно, подобны человеку дионисийского типа в процессе ритуала, в котором он «стремится впасть в транс, достичь необычного для себя психологического состояния. Он жаждет ощущений, аналогичных опьянению, ценит прозрение, возникающее в неистовстве. Подобно Блейку, он считает, что дорога невоздержания ведет во дворец мудрости» [1, с. 272]. Тогда как традиционное общество Америки для битников – это люди аполлонического типа. Ведь общество относится с недоверием к таким людям, как битники. И люди с традиционными американскими устоями стараются сделать все возможное, чтобы оградить себя от столь необычных переживаний битников, оградиться от их опыта. Как пишет Рут Бенедикт в своей работе «Психологические типы в культурах Юго-Запада США», опираясь на теорию Ницше, человеку аполлонического типа «ведом лишь один закон, одно измерение – в этом он подобен эллину. Он всегда придерживается срединного пути, остается в пределах известного, сохраняет контроль над деструктивным психологическим состоянием» [1, с. 272]. Все это и позволяет мне назвать битников представителями дионисийского типа, людьми, которые не переставали «гореть» в своем неистовстве (будь-то наркотическое, алкогольное или сексуальное), в противовес традиционному аполлоническому обществу Америки того времени, где присутствовал страх потерять контроль над своей упорядоченной жизнью и столкнуться лицом к лицу с конкретными изменениями, где была работа с восьми утра и до шести вечера, где есть загородный дом, машина, жена и дети. «Американские студенты, как и французские, прошли через экзистенциально-духовный кризис, проявившийся в их бурной сексуальности, их приверженности к наркотикам, их отчаянных усилиях изобрести новые “образы жизни” и их популярной музыке, одновременно и оплакивающей, и несущей Дионисийские начала» [3].

Битничество весьма схоже с французским экзистенциализмом, если его накладывать на общую схему экзистенциального понимания жизни. Но развивались и зарождались эти два культурно-философских направления в одно время, когда в момент перестройки культуры как в Европе, так и в США человеку была необходима практика переживаний бытия вне прошлого, вне времени. «И на какое-то мгновение я достиг той точки экстаза, которой хотел достичь всегда, – я шагнул за черту хронологического времени во вневременную тень, в волшебное видение посреди унылого царства смертных, и ощущение смерти заставляло меня двигаться дальше, и призрак шел по пятам самого себя, а сам я спешил к дру-

гой черте, к той, за которой скрылись ангелы, отлетевшие в священную, извечную пустоту, – всевластное и непостижимое сияние, исходящее из светоносной Сущности Разума... Я подумал, что в следующее мгновение умру. Но я не умер, я прошел четыре мили пешком, подобрал десяток больших окурков» [14, с. 212].

Сартр писал, что «человек – это свобода… человек осужден быть свободным. Осужден, потому что не сам себя создал, и все-таки свободен, потому что, однажды брошенный в мир, отвечает за все, что делает» [7], тогда как у Керуака можно прочитать: «Каждый человек – это кайф, старина!» [14, с. 167]. Для первого реальность – в действии, для второго реальность – в дороге, а это, по сути, одно и то же.

Для французского экзистенциализма религия представляет собой кладезь моральных ценностей, отсутствие которого привело бы, скорее всего, к хаосу. Достоевский как-то писал, что «если Бога нет, то все дозволено» [7]. Но Бога в религиозном понимании для экзистенциалистов не существует. Битники же не отрицают существование Бога, но и не доказывают его присутствие. Их понимание жизни можно считать экзистенциально-атеистическим: «...ведь что есть небеса? Что есть земля? Все в душе» [14, с. 300]. «Когда ты умираешь, ты просто мертв, вот и все» [14, с. 176]. «Там наверху, никто не обращал на меня никакого внимания. Мне надо было искать этот шанс самому» [14, с. 119].

Американский экзистенциализм – это также созерцательная философия, которая показывает стороны жизни, на которых протекает существование битников. Это имеет значение для общества в силу того, что действия битников не касаются только их, но представляют собой ценный опыт, поиск своей сущности, что способствует экзистенциальному пониманию жизни в их литературно-субъективной презентации – что может вызвать различные реакции (все те же революции с рюкзаками, духовное освобождение, сексуальная революция, психоделические исследования, медитация, экологическое движение). В бит-литературе также выстраиваются уровни, как и в экзистенциальной философии. Керуак (как исследователь «деревенской» жизни американского среднего класса) и Гинзберг (как исследователь литературы) – низовой уровень, и Берроуз – глубинный (опыт наркотического безумия, гомосексуализма, а также сильная и виртуозная критика общества и его «темных» сторон).

Битники созидали себя во время письма такими, какими являлись, и все их творчество включено в их жизнь. Они подчинялись законам своего времени и законам своей морали, совершая выбор, тем самым создавая себя. «Выбирая себя, я созидаю всеобщее. Я созидаю его, понимая

проект любого другого человека, к какой бы эпохе он ни принадлежал» [7]. Битники выбирали себя и также созидали всеобщее, что сейчас позволяет читателю понять их эпоху, выбрать себя, а значит, понять и сегодняшний день.

Битничество как американский экзистенциализм дало старт процессу, который до сих пор не остановлен. Литературная деятельность последователей – тому пример. Процесс этот заключается в том, чтобы идеи, укоренившись в сознании человека, способствовали дальнейшей передаче, передаче другому поколению.

Делая вывод, можно сказать, что битник – это человек, который ищет осуществления своих настоящих, искренних желаний, которые никем не были навязаны, поэтому он обладает критическим подходом к обществу и умеет быть в движении; это тот человек, который в поисках своей сущности использует экзистенциальный подход для осмысления жизни. Битником может быть безграмотный бродяга, который не прошел институтов и не был так сильно социализирован, что позволяет ему лучше других ощущать жизнь. Или же это может быть интеллектуал-наркоман, который окружен книгами и находит в них третий смысл, чтобы лучше понимать, как устроен этот мир, как устроено общество, для того, чтобы после ополчиться против него с ироничной критикой. Для битника нет рамок дозволенного, он старается открыть себя настолько, насколько это возможно, чтобы быть свободным во всем, чтобы обогатить себя, чтобы получить экзистенциальный опыт.

Бит-литература же является литературно-субъективным прикладным философствованием, которое способствовало появлению неклассической философии битничества, которую я представил как американский экзистенциализм. Американский экзистенциализм потому, что это также разновидность философии жизни, где существуют уровни. Потому что и во французском, и в американском экзистенциализме важно движение, важен поиск своей сущности, важен «натурализм» в изложении своих мыслей. Битничество – это культурная практика, которая позволяет набрать экзистенциального опыта для того, чтобы встать на дионисийский путь, путь к истине или путь к удовольствию от жизни.

Литература

1. Бенедикт, Р. Психологические типы в культурах Юго-Запада США // Антология исследований культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 271–281.
2. Ионин, Л. Традиция – канон – стиль; и Инсценировки в культуре [Электронный ресурс] // Социология культуры. – М.: Логос, 2000. – Режим доступа: http://gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Ionin/_Index.php. – Дата доступа: 15.05.2012.
3. Кристол, И. Контркультуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russ.ru/pole/Kontrkul-tury. – Дата доступа: 10.05.2012.
4. Мейлер, Н. Белый Негр. Беглые размышления о хипстере / пер. с англ. А. Зверев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec-dejavu.ru/h/Hipster.html. – Дата доступа: 03.05.2012.
5. Могутин, Я. Битники: история болезни. Предисловие к роману Уильяма С. Берроуза «Голый завтрак» [Электронный ресурс] // Глагол. – 1994. – Режим доступа: http://mitin.com/people/mogutin/beatniks.shtml. – Дата доступа: 25.04.2012.
6. Могутин, Я. Три часа в постели с «пидором-индивидуалистом» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mitin.com/people/mogutin/ginsberg.shtml. – Дата доступа: 04.06.2012.
7. Сартр, Ж. Экзистенциализм – это гуманизм [Электронный ресурс] // Сумерки богов. – М: Политиздат, 1989. С. 319–344. – Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_545.html. – Дата доступа: 04.06.2012.
8. Bill, M. The Beat Generation in New York: A Walking Tour of Jack Kerouac's City City Lights Books [Electronic resource]. – 1997. – P. 1–27. – Mode of access: http://books.google.lt/books?id=nt1xVR4SrAC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gs_atb#v=onepage&q&f=fal. – Date of access: 17.05.2012.
9. Caplan, F. How «Howl» changed the world [Electronic resource]. – Mode of access: http://slate.com/articles/news_and_politics/life_and_art/2010/09/how_howl_changed_the_world.html. – Date of access: 19.05.2012.
10. Hall, S. The works of Representation // Representation: Cultural Representations and Signifying Practices. – Sage, 1999. – P. 1–74.
11. Michaelson, J. Portrait of the Artist As a Nice Jewish [Electronic resource]. – 2007. – Mode of access: http://forward.com/articles/11112/portrait-of-the-artist-as-a-nice-jewish-boy. – Date of access: 22.05.2012.
12. Берроуз, У. Голый завтрак / пер. с англ. В. Когана. – М.: АСТ, 2010.
13. Гинзберг, А. Вопль / пер. с англ. Д. Жутаев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ataka-zine.narod.ru/Ginsberg.htm. – Дата доступа: 09.06.2012.
14. Керуак, Д. В дороге / пер. с англ. В. Когана. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2012.
15. Кроненберг, Д. Кинофильм «Обед нагишом» / Канада, Япония, Великобритания, 1991.
16. Эпштейн, Р., Фридман, Д. Кинофильм «Вопль» / США. 2010.

Дарья Терновская
(Москва, Высшая школа экономики)

ПРОЦЕСС РЕГИОНАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ТЕЛЕПРОГРАММ В РОССИИ

Russian weekly television programs about current events evolved rapidly at the end of the 20th century. Journalists began to express personal views about the life of the regions. The functions of modern media are transformed by an increased number of local TV channels. Regionalization is a process in social, cultural and media sphere, respectively. Local news is very important for people who live in small towns. Weekly regional news on TV plays a great role in consumer society, creating images of a life-style. This type of TV programs is very interesting for researchers, because weekly TV-news creates some reality with the help of different journalistic techniques. In small cities, journalists and editors use some fundamentally new approaches to covering topical information. It is impossible to understand the whole body of Russian analytical broadcasts without knowledge about specific features of regional TV.

События на телевизионной арене XX ст. привели к тому, что к началу 90-х гг. значимость аналитики возросла. Дикторский способ подачи новостей постепенно трансформировался в способность ведущего комментировать происходящие события, а не просто озвучивать факты. Именно в 90-е гг. быстрыми темпами развивается тип еженедельных информационно-аналитических программ. Благодаря этому у ведущих и корреспондентов появилась возможность частично выражать индивидуальное мнение по поводу происходящих событий. Во главу угла стал критерий профессионального мастерства, реализуемый в умении логично выстраивать взаимосвязи, проводить объективный анализ текущей ситуации в стране. Информационно-аналитические программы

стали инструментом борьбы за внимание телезрителей, неотъемлемым элементом в сетке вещания многих телеканалов.

Авторская программа «Итоги» (январь 1992 г.), «Воскресенье» (октябрь 1993 г.), «19.59», «Зеркало», «Обозреватель», «Авторская программа Сергея Доренко» (все программы – 1996 г.) – неполный список транслируемых в то время информационно-аналитических передач. В начале XXI в. на экраны выходят такие программы, как «Время», «Вести недели», «Личный вклад», «Мир за неделю», «Намедни», «Неделя», «Сегодня. Итоговая программа» и т.д.

В федеральных выпусках информационных программ, являющихся основой сетки вещания большинства телеканалов, создается специфическое образное географическое пространство, которое может в значительной мере отличаться от реальной действительности.

Изменение политической ситуации в стране, яркое проявление плюрализма мнений в самом обществе, появление новых социально значимых вопросов вносили коррективы в систему функций журналистики, трансформировали цели и задачи работы корреспондентов, редакторов и операторов, повышали степень объективности в журналистике и способствовали развитию аналитических жанров в СМИ.

В XX же ст. динамично развивается и региональная тележурналистика, в 90-е гг. растет число местных телеканалов, что, в свою очередь, не может не трансформировать функции современных СМИ. Происходит регионализация социально-культурной сферы и медиапотребления соответственно [5, с. 40]. И хотя вопросы взаимосвязей «столица – провинция», «центр – регион» обсуждаются давно, именно сегодня этот аспект в эпоху развития новых медиа приобретает иную окраску. Интернет есть все еще не у всех, и далеко не везде он настолько популярен, локальные новостные выпуски пользуются у жителей тех или иных регионов большим спросом, поскольку местная информация гораздо ближе к зрителю, она в большей степени соответствует его потребностям [16]. В России, с ее огромными размерами территории и недостаточной развитостью горизонтальных связей между субъектами федеральное телевидение не может отразить полную картину происходящего в стране, поэтому региональные информационно-аналитические телепрограммы играют огромную роль в формировании информационного поля отдельной области, края [2; 8]. Кроме того, в выпусках информационно-аналитических программ создается специфическое символичное географическое пространство, которое может в значительной мере отличаться от существующей действительности. Географический еженедельный охват

событий формируется так, чтобы привлечь внимание аудитории к освещаемым новостям и, соответственно, к территориям, где они происходят. Этот «новостной ландшафт» непостоянен, а его изменения продиктованы значимостью фактов на местах. Таким образом, представления зрителей о российских регионах часто искажаются [3].

Безусловно, распространение аудиовизуальных средств массовой коммуникации позволило в некоторой степени преодолеть качественный разрыв между центром и регионом. Появилась возможность транслировать информацию самым широким слоям населения. Позже, в начале 90-х гг. XX ст., когда региональное телевидение стало активно развиваться, трансляция культурных ценностей перешла на новый этап: зритель массово и полно стал получать сведения о культуре и политике не только всей страны, а и конкретного города, области [6].

Проанализировав историю развития информационно-аналитических программ на федеральном телевидении, автор выявила их типоформирующие признаки:

1. Периодичность выхода в эфир (еженедельно).
2. Хронометраж (в среднем 50 минут).
3. Тематика и проблематика (российские, международные новости; политика, экономика, культура и т.д.).
4. Хронологические рамки новостей, обсуждаемых в эфире. Это могут быть события минутной, часовой, дневной, недельной, месячной, годовой давности, но осведомленность о них является значимой для общества сейчас, в текущий момент. Например, конкретное политическое, культурное или экономическое событие или же это так называемые вечные темы, раскрытие которых можно привязать как к реальности, так и к прошлому, будущему, например, взаимоотношение отцов и детей, социальная поддержка стариков и инвалидов и т.д.
5. Образ ведущего – еще один типологический признак, на основании которого исследователи сравнивают программы. Это может быть напористый оппонент или интеллигентный собеседник.
6. Информационно-аналитическая программа предполагает наличие многоаспектного анализа (соотношение информационных и аналитических материалов в выпуске).
7. Плюрализм мнений, объективность высказываний, аргументированность и логика – факторы, дающие аудитории возможность ориентироваться в поднимаемых темах, проблемах.
8. Герой материала. Им может быть конкретный человек. Событие в целом также может являться центральным объектом рассмотрения.

9. Композиционные особенности информационно-аналитической программы как о своеобразный метод борьбы за внимание аудитории.

Важно также понимать, что в масштабе всей страны «повестку дня» (что касается телевидения) формируют федеральные вещатели, в пределах конкретного региона – местные СМИ. Это объясняется тем, что на локальном уровне у граждан есть свои актуальные темы, о которых они хотят знать. Именно поэтому местные выпуски новостей как ежедневных, так и еженедельных пользуются особой популярностью. Интерес же к итоговым программам обусловлен тем, что, как правило, в таких выпусках главное место отводится не информационным материалам, а аналитическим, в которых актуальность проблемы привязана не к конкретному временному отрезку, а к жизни населения в целом. Безусловно, региональные программы не лишены недостатков. Это касается и качества информации, и уровня профессионального мастерства самих журналистов. Однако их основная задача – рассказать о жизни региона, как правило, выполняется.

Концентрация основных «зон просвещения» в крупных городах и, как следствие, оторванность жителей провинции от культурных тенденций, свойственных, скажем, городам-миллионникам, неизменно сказывается на уровне информационных потребностей населения регионов, а также на способности журналистов эти потребности удовлетворить. В связи с этим региональные телекомпании создают свои собственные передачи, содержание которых отвечает интересам местного телезрителя. В малых городах обнаруживаются принципиально иные, новые подходы в освещении актуальной информации, без исследования которых невозможно понять специфику информационно-аналитического вещания на российском телевидении в целом.

Население, как правило, интересуется внутренними проблемами своего региона и взаимоотношениями местных органов власти с «центром», тогда как о жизни других регионов, даже соседних, «средний» россиянин знает крайне мало [4]. Такое положение дел обусловливает особую значимость региональных средств массовой информации. Прежде всего речь идет о локальном телевидении, в частности – об информационных и еженедельных информационно-аналитических программах, которые, по материалам многочисленных социологических опросов, являются для жителей отдельных регионов важными источниками информации.

Вступив на коммерческие рельсы, современное отечественное ТВ значительно трансформировало свои функции. В условиях конкуренции и зависимости от рейтинга как гаранта дальнейшего выхода программы

в эфир на первое место вышла функция развлечения, а не просвещения [1]. Подобная ситуация не могла не сказаться на качестве контента, коренным образом изменив отношение журналистов к профессии, содержание эфира, сместив акценты в сторону зрелищ и развлечений, инфотейнмента, который стал неотъемлемой частью даже выпусков новостей. В сфере телевидения возникла парадоксальная ситуация: образовалось великое множество телеканалов и программ, тогда как количество аналитических, образовательных выпусков для интеллектуалов устремилось вниз, – об этом сегодня говорят и эксперты, и зрители. Превалирование развлекательных передач, наоборот, обеспечивало наибольший приток к экрану людей с низким уровнем образования и социальной активности, создавая тем самым благоприятные условия для рекламодателей.

Открывшиеся возможности, как пишет А.Г. Лысенко, породили «уродливый гибрид информации с аналитикой: ведущий сообщает что-то и одновременно либо хмыкает выразительно, либо мимикой покажет, что у него на сей счет свое мнение» [9, с. 24]. Всего же на российском телевидении, если следовать данным TNS, порядка 120 информационно-аналитических программ, включая региональные и федеральные выпуски (сетевое вещание) в 29 крупных городах, в том числе в Москве и Санкт-Петербурге.

Суть и структура аналитических программ, по мнению В.А. Саруханова, весьма просты. Выразить это можно формулой: «новость + эмоциональная оценка + мнение независимого эксперта или группы экспертов, почти всегда “работающих” на мысль ведущего = информационно-аналитическая передача». Как пишет исследователь, все информационно-аналитическое телевидение сегодня в крупных федеральных телекомпаниях жестко выстроено по принципу «недели». То есть

– 5–7 раз в день информационные выпуски;

– ежедневно – оценка общей информации;

– еженедельно – информационно-аналитическая программа – итог недели.

Представленная «расстановка сил» в сетке вещания служит для того, чтобы установить контакт со зрителем, «завязать длительные отношения с аудиторией» [14]. Зритель знает точное время выхода новостной передачи в эфир. Но еще точнее он знает, что, предположим, в 20:00 в воскресенье на конкретном канале подведут итоги уходящей недели. Практически математическая модель с философским смыслом. Данный план зачастую характерен и для регионального вещания.

Ценность аналитики и многоаспектного анализа событий становится важным и значимым инструментом получения необходимых сведений. Нет сомнений в том, что местные СМИ не могут на равных конкурировать с центральными каналами как в зрелищности, так и в оперативности. Масштаб освещения федеральными СМИ событий, происходящих в стране и за ее пределами, не сравнится с региональным охватом. Однако региональные вещатели не стремятся рассказать обо всем, что происходит за пределами их области. В локальных выпусках новостей практически отсутствует тематика, касающаяся вопросов нерегионального масштаба.

Таким образом, под региональными информационно-аналитическими программами автор понимает средство массовой информации, распространяющееся на конкретной территории, представляющее собой совокупность аудиовизуальных или звуковых сообщений и материалов, представляющих интерес для жителей конкретного региона, отражающих общественно значимые культурные, политические, экономические события, а также отличающихся плюрализмом мнений и глубиной анализа текущих социальных проблем.

Что же касается перспектив развития информационно-аналитического вещания в регионах, то нужно помнить о том, в какую эпоху мы живем. Нельзя отрицать, Интернет сегодня – это то, без чего телекомпания обойтись уже не может. Выпуски должны обязательно размещаться в глобальном интернет-пространстве, на собственном сайте СМИ. Зрители имеют право обсуждать их, делиться своими мнениями. Доля молодежи у экранов сокращается. Популярность соцсетей – налицо. Многие региональные компании пошли по пути развития технологий, открыли свои страницы и группы в «ВКонтакте», в «Facebook». И это абсолютно правильно. Посмотрев местный выпуск, пользователь делится им у себя на странице. Далее видео уже смотрят его друзья из других городов по принципу «глобальной деревни».

Более того, региональное телевидение – кузница кадров, выходцы из которой работают в эфире общенациональных сетей, федеральных каналов, начиная от новостей и заканчивая ток-шоу. Известные телеведущие и корреспонденты, операторы, режиссеры – многие из них родились не в Москве, закончили вовсе не столичные вузы. Первый телевизионный опыт получили в стенах местных редакций.

В условиях процесса цифровизации, завершение которого в России запланировано на 2015 г., телеканалам важно выработать правильную стратегию программирования эфира, включив в сетку вещания и ка-

чественные еженедельные обзоры происходящих событий в регионе, стране, мире. Информационно-аналитические программы на региональных телеканалах – важный индикатор развития медиа-отрасли в целом, несмотря на гораздо меньшие территории охвата вещания местных телеканалов [8]. Недостаток информации о жизни отдельных субъектов Российской Федерации не способен в полной мере отразить картину происходящих событий в стране [11]. В этом заключается важность исследования, результаты которого могут помочь учредителям и редакторам выявить основные тенденции развития рынка региональных каналов, внести коррективы в работу редакции.

В современном обществе трансляция культурных ценностей играет огромную роль. Региональные аспекты не находят полного отражения на федеральных телеканалах. Поэтому создание локальных информационно-аналитических программ – возможность обсуждать актуальные проблемы на уровне отдельных субъектов Российской Федерации. Одним из основных вопросов, возникающих в связи с проблемой трансляции культурных ценностей, является вопрос о способах, задачах и содержании просвещения как наиболее эффективного способа передачи важной информации. Используя новые технические средства и опираясь на богатые культурно-просветительские традиции России, информационно-аналитические программы могут стать поистине эффективными. В этом случае наличие информации о культурных ценностях, нормах и достижениях, а также качественный анализ происходящего станут реальными инструментами воздействия на индивида, его разум и эмоции.

Литература

1. Бурдье, П. О телевидении и журналистике. / пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры»: Институт экспериментальной социологии, 2002.
2. Грибок, М.В. Анализ формирования образов регионов России в федеральных информационных программах телевидения с помощью ГИС: автореф. дис. … канд. геогр. наук. – М.: МГУ, 2009.
3. Грибок, М.В. Картографическое представление образа пространства России в средствах массовой информации // ИнтерКарто-ИнтерГИС-14: Устойчивое развитие территорий: теория ГИС и практический опыт: материалы Междунар. конф. – Саратов–Урумчи, 2008. – Т. 1. – С. 33–38.
4. Грибок, М.В. Образы регионов России в федеральных телевизионных СМИ: геоинформационный метод исследования // Культурные ландшафты России и

устойчивое развитие: материалы молодежной научной школы. – М.: Географический факультет МГУ, 2009. – С. 241–244.
5. Егоров, В. Терминологический словарь телевидения: основные понятия и комментарии. – М.: Ин-т повыш. квалификации работников телевидения и радиовещания ФСТР, 1997.
6. Зверева, Н.В. Школа регионального тележурналиста. – М.: Аспект Пресс, 2004.
7. Качкаева, А.Г. Российское телевидение: между спросом и предложением / под ред.: А.Г. Качкаевой, И.В. Кирия. – М.: Элиткомстар, 2007. – Т. 1.
8. Константинова, О. Хочешь узнать настоящую Россию – изучай глубинку! // Журналистика и медиарынок. – 2009. – № 3. – С. 30–31.
9. Лысенко, А.Г. ТВ живьем и в записи. – М.: ПРОЗАиК, 2011.
10. Муратов, С. ТВ – времена перемен? Книга признаний и откровений. – М., 2009.
11. Неру, Дж. Взгляд на всемирную историю: в 3 т. – М.: Прогресс, 1989. – Т. 1.
12. Орлова, В.В. Глобальные телесети новостей на информационном рынке. – М.: РИП-холдинг, 2003.
13. Региональное телевидение: особенности зрительского восприятия [Электронный ресурс] // ФОМ. – Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/smi_tv/reg_tv/d041825. – Дата доступа: 16.03.2012.
14. Саруханов, В.А. Азбука телевидения: учеб. пособие для вузов. – М.: Аспект-Пресс, 2003.
15. Симонян, Р.Х. Концепция мезоуровня применительно к региону // СОЦИС. – 2010. – № 5. – С. 2–4.
16. «ТЭФИ-Регион» предлагает свежие идеи, считает Путин [Электронный ресурс] // РИА «Новости». – 2011. – Режим доступа: http://ria.ru/culture/20111121/494372814.html. – Дата доступа: 19.03.2012.
17. Хоменко, И.Г. Телевизионное информационное поле рязанского региона [Электронный ресурс] // Медиаскоп. – 2009. – № 2. – Режим доступа: http://mediascope.ru/node/370. – Дата доступа: 29.03.2012.
18. Шариков, А.В. Особенности вещания региональных телеканалов: оценка социолога // Broadband. Кабельное телевидение и мультисервисные сети. – 2004. – № 1. – С. 44–48.

ЛОКАЛЬНОЕ, ГЛОБАЛЬНОЕ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЕ В СОВРЕМЕННЫХ АРТ-ПРАКТИКАХ В ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

Валентина Лесун
(Вильнюс, Европейский гуманитарный университет)

ПАМЯТЬ И ЗАБВЕНИЕ В БЕЛОРУССКОМ АРТ-СООБЩЕСТВЕ (на примере обращения ко второму авангарду)

The classical «first» Belarusian avant-garde took place in Vitebsk. It was the transformation of the cultural paradigm when contemporary art developed. Most of the 1980-90s' works of art were based on the ideas of the classical Belarusian avant-garde. Nevertheless, dynamic artistic and exhibition activity was stopped at the end of the 1990s. Different galleries and other institutions were closed because of official ideology. As a result, Belarusian avant-garde lost its «sites of memory» and publicity.

Проблема памяти и забвения в целом связана с процессами конструирования идентичности, а если говорить о коллективной памяти, то, согласно П. Рикеру[1]и М. Хальбваксу[2], речь идет о формировании идентичности определенного социума. В данной работе мы говорим о белорусском социуме, белорусской социокультурной среде и коллективной памяти, которые я предлагаю рассматривать в перспективе анализа практик, относящихся к определенному социокультурному пространству и времени. Речь идет о белорусском неофициальном искусстве, а именно так называемом втором авангарде, который появился в Беларуси в 80–90-х гг. XX в.

Классический «первый» белорусский авангард берет свое начало с создания Марком Шагалом Народной художественной школы, что привело в дальнейшем к появлению понятия «Витебская школа». Основной

---

[1] Рикер, П. Память, история, забвение / пер. с фр. – М.: Издо-во гуманитарной литературы, 2004.

[2] Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. – 2001. – № 2.

идеологией художников Витебской школы стал абстракционизм. XX в. в истории искусств ознаменован постулатами конструктивистов, а именно Татлина и Эль Лисицкого, которые стремились к тому, чтобы искусство вошло в мир. Происходят переосмысление пространства и его новое конструирование таким образом, чтобы оно заинтересовало зрителя, оказалось интерактивным и динамичным. Помимо конструктивизма, влияние на развитие новых идей в искусстве также оказало другое направление беспредметного искусства, а именно супрематизм Малевича, который отрекся от материи, мыслил архетипичными элементами, взяв за основу своего творчества форму квадрата. Витебская школа выступила отправной точкой белорусского авангарда, став источником для развития абстрактного искусства в Беларуси, а также для трансформации восприятия окружающего мира и восприятия самого художественного произведения.

Художественные объединения вновь стали популярными в период перестройки. Это время ознаменовано появлением новых имен на белорусской арт-сцене. Основные идеи художников данного периода берут свои истоки именно в классическом авангарде Витебской школы. Происходит переосмысление самого понятия искусства, художники пишут манифесты, презентируя свои идеи. Основное отличие творчества авангардистов этого периода заключается в том, что среди всей группы художников выделились отдельно те, кто не желал подчиняться «уставам» Академии искусства и приступил к поискам свободы творчества и самовыражения. В качестве примеров можно назвать Артура Клинова (объединение «Бло»), Алексея Жданова (объединение «Бло»), объединение «Белорусский климат», объединения «Пагоня» с его ярким представителем Алесем Пушкиным, «Немига-17» и др. [9].

Художники работали с различными формами художественной выразительности, отличными от традиционной фигуративной живописи. Это могла быть живопись, включая такие интерактивные арт-практики, как перформанс, акции и хеппенинги. Ольга Шпарага отмечает различие между объединениями художников 80-х и 90-х гг. Например, основной интенцией объединения «Немига-17» было возобновление традиций западноевропейской и российской живописи, а также обращение к отечественной школе [2, с. 162]. Как отметила старший научный сотрудник отдела скульптуры XX в. в Третьяковской галерее, где в 2002 г. состоялась выставка объединения «Немига-17», Н. Розенвассер, «они экспериментируют с пластикой живописного или скульптурного образа, разрабатывая собственную знаковую систему» [10]. И действительно,

творчество участников «Немиги-17» направлено на создание и осмысление абстрактного как новой формы репрезентации и восприятия пространства.

Что касается объединения «Пагоня», то творчество этих художников подкреплялось несколько иными концепциями. Художники обратились к фольклору, этнической культуре и идеям национального возрождения. Несколько позже объединение обратилось к политической тематике, связанной с реакцией на приход к власти А. Лукашенко. Идеи художников касались не столько поисков новых художественных форм, сколько политического отношения к существующему в Беларуси режиму. Алесь Пушкин, который был неоднократным организатором скандальных перформансов на политические темы, посетив юбилейную выставку объединения «Пагоня», организованную в марте 2011 г. во Дворце искусств, заметил, что в настоящий момент объединение «Пагоня» представляет собой художников, не объединенных неким общим стилем и идеей. «Нового стиля мы не нашли. Сегодняшний результат двадцатилетней работы объединения – художественная форма мирной борьбы с режимом» [4].

Основные темы творчества художников 80–90-х гг. – это рефлексия по поводу окружающей действительности, повседневности, а также места индивида и самого творца среди каждодневных реалий. Кроме того, оно являлось реакцией на социальный реализм в академической школе живописи, где все изображалось в рамках идеалов социализма.

Алексей Жданов (1948–1993) – яркий пример художника, размышляющего на тему окружающего пространства и места человека в нем. Герои его полотен – «мутанты», потерявшиеся в действительности. Жданов ставит под вопрос нормы морали; изображая своих героев в самых непристойных действиях, он как бы провоцирует зрителя обратить внимание на эту существующую, но нарочно скрываемую нормами повседневности реальность. Работы Жданова, например «Хмурое утро», напрямую касаются белорусского общества и конструирования белорусской повседневности. На картине «Хмурое утро» изображены «мутанты» Жданова на фоне городского пространства. Существа с большими глазами вынесены на передний план так, чтобы грусть и печаль (доминирующие эмоции «мутантов» Жданова) прочитывались в первую очередь. Цветовая гамма, в которой выполнена работа «Хмурое утро», холодная и мрачная. Важной особенностью произведения является несовместимость героев произведения с пространством. Жданов как бы специально отделяет этих существ от пространства, тем самым подчеркивая их потерянность. Художник в своем творчестве заставляет зрителя самореф-

лексировать, тем самым обращая внимание на то, что наша повседневность конструируется посредством системы ценностей, то есть методом навязывания определенных норм. Речь идет о «третьем уровне и способе социального конструирования реальности», по П. Бергеру и Т. Лукману[3]. Этот тот самый уровень, на котором идеи осуществляются в обществе, которое принимает эти идеи, признает их, и, следовательно, идеи становятся коллективными представлениями. Коллективные представления помогают поддерживать процесс институциализации, систему контроля за порядком.

Еще одним ярким примером художника, обращающегося к социально значимой для белорусов тематике, является Виталий Калгин, работающий под псевдонимом Бисмарк. Он работает с темой Великой Отечественной войны, пытаясь проанализировать, каким образом репрезентируется это историческое событие в нашей стране, как строится нарратив, какова связь с современностью и т.д. В качестве примера можно привести его фотографии из цикла «Пропаганда», где Бисмарк пытается изобразить солдата Третьего рейха.

Важно заметить, что в рассматриваемый период стали появляться и институции, связанные с творчеством авангардных художников. Например, в 1992 г. открывается галерея актуального искусства «Шестая линия» [2, с. 163]. В Витебске берет свое начало проект «Information», который также является примером нового контекста для искусства; здесь используются старые здания, склады и т.д. Я бы назвала появление этих новых выставочных пространств своего рода прогрессом в белорусском арт-процессе, потому как контекст имеет очень важную роль как в формировании смысла самого произведения, так и во взаимодействии объекта и художника со зрителем. Однако в конце 90-х галерея «Шестая линия» и фестиваль «Information» закрываются, обозначая тем самым невозможность формирования полноценного поля современного искусства в Беларуси. А если исчезают институты, способные маркировать произведения, а также наделять их культурной ценностью, исчезают и так называемые места памяти. Искусство теряет статус публичности и становится подпольным искусством, так сказать «партизанским» движением.

Чтобы увидеть, как связаны понятие «память» и явление второго белорусского авангарда, необходимо проследить, применим ли здесь концепт публичности. Как утверждает О. Шпарага, необходимость примене-

3 Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995.

ния концепта публичности в изучении белорусского искусства заключается в нескольких причинах. Во-первых, само появление творческих объединений – это симптом попытки перехода из сферы приватного в сферу публичную. Поэтому важно рассмотреть, каким образом различные независимые организации, издания и т.д. обретали свои формы в контексте публичности и имел ли этот процесс продолжение. Во-вторых, согласно Хабермасу, сфера публичности – важный компонент существования культурного явления, она работает с социумом, а значит, способна иметь определенное влияние на сознание масс. Соответственно, как пишет Хабермас, сфера публичности может заменить такие институты, как, например, церковь, принимая на себя функции формирования культурных ценностей. Если мы говорим о художественном поле, то подобной институцией может быть музей. Художник-концептуалист Ханс Хааке утверждает, что объект современного искусства в рамках музея может рассматриваться не как объект искусства, а как социальный проект. В связи с этим он называет музей «индустрией сознания», потому что при работе с публичностью – доступностью массовому сознанию – происходит «нанизывание» определенной идеи, концепции и т.д. Следовательно, можно говорить о том, что сознание зрителя подвластно различным манипуляциям, исходящим из поля публичного.

В рамках борьбы с «манипуляцией памятью», а также с отстаиванием собственной культурной автономии в художественном поле Беларуси стала широко использоваться метафора «партизан». Идеи и события, происходящие в 80–90-е гг., привели белорусское арт-сообщество к тому, что оно должно позиционировать себя как «партизанов», то есть подпольщиков. Тем не менее понятие «художник – партизан» не несет исключительно негативное значение, «партизанство» превратилось в своеобразный феномен – форму бытия художественной среды со своей определенной спецификой. Можно таким образом говорить о существовании в белорусском художественном поле такого явления, как «партизанская культура». Если рассматривать последнюю в качестве некоего нового направления в культуре Беларуси, то его основателем можно считать Артура Клинова – в настоящее время редактора журнала о современной культуре Беларуси «*pARTisan*».

Что значит быть партизаном в культурном контексте Беларуси? Феномен «партизана» – историческое явление, которое со временем стало одной из характеристик идентичности белорусского народа, что в первую очередь связано с героикой войны и образом «партизана» в ней. О специфике понятия «партизан» говорит Артур Клинов в интервью для

газеты «Известия»: «В понятии "партизан" сосредоточена, на мой взгляд, сущность белоруса. В большей или меньшей степени партизанство сидит в каждом из нас. Это целая культурная традиция. Новая волна партизанства – ее продолжение и в то же время отражение актуальных тенденций мировой культуры. Ее суть – борьба за сохранение культурной автономии в глобальном культурном контексте» [6].

Итак, «партизанство» может рассматриваться не только как находящееся в подполье – вне публичности, но и как активность, символизирующая борьбу. С чем борются художники? В первую очередь это борьба за автономию, самостоятельность и независимость. Историк и постоянный автор журнала «Новая Европа» Алексей Браточкин в статье «Кто ты, партизан или субъект?» пишет о том, что «партизанство – это процесс становления субъектности, сопротивление с отсутствием субъектности на коллективном уровне» [5]. Иметь коллективную субъектность – это значит свободно принимать решения, иметь автономию. Сопротивление может рассматриваться как попытка приобрести субъектность, и именно такую форму борьбы имеет «партизанское» движение Артура Клинова: «Партизан – это человек, чья фигура с несоизмеримо меньшими возможностями, чем у оппонента, может быть эффективна, если у нее есть воля к сопротивлению и сверхидейные установки» [4]. «Партизанство» приобретает форму идеологии как системы ценностей, которая существует параллельно с государственной идеологией. Существование такого процесса в Беларуси очень важно, потому как имеет место сопротивление тотальной манипуляции коллективной памятью с помощью государственной идеологии. Если целью «официальной» стороны является изолирование авангарда и его идей от белорусского художественного поля, то цель «партизан» – создать места памяти и не допустить полного забвения белорусского авангарда. Основание альманаха «*pARTisan*», создание каталога белорусского неофициального искусства 1980-х, такие выставки, как «Белорусский авангард 1980–1990 гг.»[4], – это те места памяти, в которых находит себе место «припоминание» белорусского авангарда.

Литература

1. Рикер, П. Память, история, забвение / пер. с фр. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004.

[4] «Белорусский авангард 1980–1990 гг.» – художественный проект, 22 июня 2010 г., Музей современного изобразительного искусства, кураторы: Ольга Рыбчинская и Ольга Архипова.

2. Шпарага, О. Демократический потенциал культурных практик в условиях современных авторитаризмов: случай Беларуси // Постсоветская публичность: Беларусь, Украина. – Вильнюс: Изд-во ЕГУ, 2008. – С. 158–186.
3. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995.
4. Балай, С. Салідарнасць [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://gazetaby.com/index.php?sn_nid=35038&sn_cat=41. – Дата доступу: 12.03.2011.
5. Браточкин, А. Кто ты: Партизан или субъект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://n-europe.eu/article/2009/11/16/kto_ty_«partizan»_ili_subekt. – Дата доступа: 16.11.2009.
6. Климов, Ф. Артур Клинов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://naviny.by/pda/material/?type=articles&id=139372. – Дата доступа: 29.09.2009
7. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2.
8. Шпарага, О. Осмысление советского: партизаны снова в авангарде [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://artaktivist.org/osmyslenie-sovetskogo-partizany-snova-v-avangarde. – Дата доступа: 17.02.2012.
9. Ольга Архипова о работе над каталогом белорусского неофициального искусства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://artaktivist.org/olga-arxipova-tragediya-belorusskogo-iskusstva-v-tom-chto-ono-ne-umeet-osoznavat-i-prodvigat-svoi-znachitelnye-yavleniya. – Дата доступа: 3.10.2011.
10. Немига-17 гостит в Третьяковской галерее [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ria.ru/society/20021121/267969.html. – Дата доступа: 21.11.2002
11. Haacke, H. Museums: Managers of Consciousness [Electronic resource]. – 2006. – Mode of access: http://hipercroquis.net/2006/10/17/hans-haacke-museums-managers-of-consciousness.

Екатерина Сушко
(Вильнюс, Европейский гуманитарный университет)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ФОРМАХ АКТУАЛЬНОГО ИСКУССТВА БЕЛАРУСИ

The main purpose of the article is to establish the ways in which Belarusian contemporary art is incorporated into European art. The author believes that the representation of contemporary political discourse is one of the mechanisms to achieve this goal. The article demonstrates the gradual transition of the aesthetic category to the category of the political in Western European art, and in Belarusian art in particular. Contemporary art objects can function as political constructs.

Данная статья посвящена репрезентации современного политического дискурса в формах актуального искусства Беларуси. Главным образом речь идет о том, как современное белорусское искусство, функционируя как активное политическое пространство, вписывается в общеевропейский художественный контекст. Автор статьи считает, что механизмом такого «встраивания» являются репрезентация и конструирование художественными практиками современного политического дискурса. Меня интересует, как современное белорусское искусство осваивает локальный политический контекст, репрезентирует и участвует в его производстве в форме арт-объектов.

Что представляет собой сегодня современное белорусское искусство? Какими категориями оно оперирует? Что позволяет ему быть представленным в европейских художественных институциях? Эти вопросы – в центре моего внимания.

Переход к категории политического в искусстве произошел не сразу – это результат множественных трансформаций в теории восприятия за-

падноевропейского искусства. В середине 60-х гг. XX в. эстетическое восприятие окончательно превращается в рефлексивный акт, а практики искусства существуют как форма мышления. Художники, выбирая в качестве объектов рефлексии темы социального неравенства, нестабильной военной ситуации в мире, видят своей целью средствами искусства высказать свой протест. В результате этого искусство трансформируется в инструмент критического осмысления социальной действительности и, по сути, становится практикой политической борьбы.

Вторая половина XX в. выступает тут поворотным моментом, когда категория политического полностью заменяет в искусстве эстетическую категорию. Европейское художественное пространство претерпевает очередные изменения внутри собственной системы. Так, в течение последних 30 лет происходит очередная смена эстетических представлений. Причиной этой смены становится перераспределение акцентов: существенным является не то, что составляет смысл объекта искусства, а то, каким образом смысл художественного произведения предоставляется зрителю. Современное европейское искусство, оперируя огромным количеством художественных практик, утрачивает радикально настроенный характер. А политичность в контексте современного искусства приобретает иной оттенок: искусство больше не занимается критикой политической действительности – оно является пространством производства нового политического дискурса. Как следствие, такие категории, как власть, нация, гендер, встраиваются в художественный опыт, и как результат между зрителем и художественным произведением возникают новые, уже не художественные, но политические отношения. Результатом такой эстетической установки становится новое понимание объекта искусства: художественное произведение мыслится не только как отражение общественно-политической действительности в определенный момент времени, но и как идеологический конструкт.

Но что дает нам возможность говорить о политичности современного искусства и об идеологизации художественного объекта в частности? Прежде всего стоит пояснить, что же в данной статье понимается под политичностью. В первую очередь мы настаиваем на том, что политичность художественных практик обусловлена не осмыслением их как практик репрезентации политической ситуации в обществе, а также не связана с пониманием политики как осуществления власти и борьбы за нее. Мы утверждаем, что о политичности искусства можно говорить на основании сходства функций, которые выполняют искусство и политика. Поскольку главная функция политики состоит в «…переконфигу-

рации определяющего общность сообщества разделения чувственного, во введении в него новых субъектов и объектов, в наделении зримостью того, что ею не обладало» [1, с. 50]. То же самое представляет собой и искусство. Его сущность также заключается в конструировании особого пространства, где все принимает иное значение, где происходит перераспределение соотношений между телами, образами, временами и пространствами. То, как искусство осуществляет перерасстановку образов и тел в символическом пространстве, и есть его политичность. Таким образом, политика современного искусства состоит в том, каким образом художественные практики участвуют в наделении объектов зримостью, в их организации и упорядочении в пространстве и, в конечном итоге, в артикуляции нашего опыта мира. Задача искусства, как и политики, в конструировании особой сферы опыта, сферы «разделения чувственного» [1, с. 45]. Поэтому политичность искусства заключается не в сообщениях, которое оно транслирует, и не в способе передачи окружающей действительности. Искусство, как и политика, расчленяет пространство, то есть фундаментальным образом определяет опыт мира зрителя.

Говоря о том, что все европейское искусство политично (в том смысле, в котором политика была представлена выше), следует рассмотреть пример. Таким примером, иллюстрирующим существование тенденции политизации художественного пространства и идеологизации художественного объекта, может быть Венецианская Биеннале последних 20 лет. Трансформации в системе Биеннале хорошо демонстрируют путь концептуального преобразования художественного выставочного пространства в политическую институцию. Начиная с 1970-х гг., все выставки Биеннале маркировались одной тенденцией и проблематикой, вследствие чего она выступала как форма репрезентации актуального искусства. И, наконец, к 2000-му г. Биеннале превратилась в художественную практику конструирования политического высказывания и дискурсивное пространство формирования политического субъекта. Система Биеннале, основанная на принципе национальных павильонов, позволяет структурировать художественную мысль в условиях разных культурных и национальных контекстов, тем самым выделять и формировать в дальнейшем категории национальности, гендера, идентичности. Таким образом, становится очевидным существование общей тенденции репрезентации политического дискурса в европейском искусстве.

Теперь обратимся к анализу функционирования категории политического в современном белорусском искусстве.

До настоящего времени у белорусского искусства не было возможности представить себя на Биеннале в качестве автономного и полноценного национального павильона. Впервые белорусский национальный павильон был представлен в 2012 г. на 54-й Венецианской Биеннале, которая называлась «ILLUMInations». Поэтому мы считаем возможным анализировать то, каким образом белорусское современное искусство выступает в роли политического пространства, трансформируя зрителя в политического субъекта, а его художественное восприятие в политическое суждение, на примере художественных объектов, представленных на выставке «Двери открываются. Белорусское искусство сегодня» (2010).

Выставка «Belarusian Art Today: двери открываются», состоявшаяся в Вильнюсе в 2010 г., стала первой выставкой, объединяющей современных белорусских художников в одном выставочном пространстве за пределами Беларуси. По сути, экспозиция «Belarusian Art Today: двери открываются» – это альтернатива белорусскому национальному павильону на Венецианской Биеннале, и функционировала она по такому же принципу.

Здесь стоит сделать акцент на специфическом контексте Беларуси. В сущности, белорусское общество как общество политическое начало складываться только в последние 5–10 лет. Оно находится в своем становлении и как никогда нуждается в формах искусства, которые бы способствовали процессу идентификации и самосознания. И вот в условиях такой неоднозначной политической ситуации в Беларуси наиболее продуктивными художественными формами, объектами, которые находят наибольший отклик у публики и художников, становятся практики, напрямую контактирующие с политической реальностью. Белорусские авторы работают не с аудиторией, они обращаются к общей политической ситуации в Беларуси.

Все анализируемые произведения, представленные на выставке, так или иначе касались политической тематики (А. Комаров «No news from Belarus», С. Шабохин «Прозрачные выборы», М. Напрушкина «Солнечный путь», «Офис пропаганды» и др.). Главным объектом, с которым работали авторы, стала ситуация стагнации в белорусском социальном пространстве. Выставка проходила накануне президентских выборов в Беларуси: это как раз тот период времени, в который политическая ситуация должна быть максимально оживленной, предполагается активная предвыборная борьба между кандидатами. Но в ситуации, когда граждане страны не действуют актив как политические субъекты в реальной

обстановке, оказываясь в роли художественного субъекта и приходя на выставку белорусского искусства, где представлены объекты определенного типа, зрители непроизвольно для себя оказываются в ситуации политического выбора, сами того не замечая. А художник получал доступ к контролю суждений, которые в результате может высказать публика.

Например, скульптурная инсталляция С. Шабохина «Прозрачные выборы» (2010) не просто отсылает к политической действительности современной Беларуси, а является репрезентацией политического искусства. Арт-объект выполнен в виде прозрачной урны для голосования, в которой прорезаны два отверстия, подписанные соответственно «ДА» и «НЕТ». Сверху на урне лежат «бюллетени», которые каждый зритель, посетивший выставку, может в нее отправить. Однако результатом такого голосования станет отсутствие всякого результата: автор произведения сконструировал урну таким образом, что в независимости от того, бросает ли зритель бюллетень в отверстие «ДА» или «НЕТ» – они попадают в одну урну. Автор достигает максимального напряжения внутри работы: прозрачность пластика, из которого сделана урна, свидетельствующая о «прозрачности» сделанного выбора, вступает в конфликт с его результатами. Данная работа – это яркий пример того, как арт-объект превращается в идеологическую структуру.

Инсталляция «Прозрачные выборы» имеет своей целью целенаправленное манипулирование сознанием. Она не предусматривает ситуации выбора или альтернативного мнения для зрителя. Художественное произведение распространяет свое влияние на субъекта, и это происходит лишь в одном направлении. Такова сущность художественного произведения: в ситуации, когда арт-объект и зритель находятся в художественной институции, между ними устанавливаются отношения господства/подчинения, в которых объектом власти может быть только зритель. Такого рода отношения Т. Адорно называл «отношением идеологического господства» [3, с. 3].

Здесь стоит отметить, что именно таким образом и происходит формирование политической идеологии внутри произведения искусства. У зрителя как у художественного субъекта отсутствует право высказывания своего политического суждения. С. Шабохин, представив свой арт-объект на выставке, выступил с резкой критикой политики, осуществляемой в стране. Он фактически осудил действующую власть, которая, осуществляя идеологическое воздействие на своих граждан, отнимает у них возможность выбора. Однако его художественная работа «Прозрачные выборы» представляет собой такой же тоталитарный идеоло-

гический механизм, как и «механизм идеологии государства» [2, с. 21]. Придя на выставку, зритель также не имеет возможности, как и в буквальном смысле, осуществить голосование, результатом которого станет альтернативный исход. Вывод для зрителя предусмотрен только один: в Беларуси нет честных выборов, мнение граждан в них не учитывается, голосуя «против» или «за», вы в любом случае отдаете голос в пользу действующей власти.

В ситуации с белорусским современным искусством и его политическим контекстом именно художественное пространство становится единственной площадкой, в рамках которой гражданин может осуществить свое право – высказывать субъективные политические суждения. Так контекстуальные условия белорусской политической жизни обуславливают формирование особого типа художественного опыта, художественного субъекта и нового типа арт-объекта. В результате этого процесса вся белорусская художественная система превращается в политическое поле.

При более глубоком анализе современных белорусских арт-практик выясняется: современные формы искусства наряду с государственным аппаратом также участвуют в конструировании политической идеологии. И в этом случае следует отметить, какие трансформации претерпевает эстетический субъект, который оказывается вовлеченным в процесс идеологизации художественного опыта. В результате установления отношений господства между объектом искусства и зрителем, зритель как художественный субъект теряет свой статус. Художественный субъект, до этого обладавший возможностью высказывать суждения вкуса, превращается в объект властных отношений. То есть из эстетического субъекта превращается в объект власти и идеологии.

Литература

1. Рансьер, Ж. Разделяя чувственное / пер. с фр. В. Лапицкого, А. Шестакова. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007.
2. Althusser, L. «Ideology and Ideological State Apparatuses», Translated: from the French by Ben Brewster, Lenin and Philosophy and Other Essays, Monthly Review Press 1971.
3. Борисов, Е. Локальность идеологии в наукоучении К.-О. Апеля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belintellectuals.eu/media/.../02-11_Apel-Adorno_SpetKonferenz_Tomsk.doc><belintellectuals.eu/media/.../02-11_Apel-Adorno_Spet-Konferenz_Tomsk.doc. – Дата доступа: 7.12.2010.
4. Art «The origin» [Electronic resource]. – Mode of access: http:// labiennale.org/en/art/history/origin.html?back=true. – Date of access: 15.10.2010.

Алексей Борисёнок
(Вильнюс, Европейский гуманитарный университет)

«ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЕ» ФОРМЫ КИНЕМАТОГРАФА: ОТ ПОЛИТИЧЕСКОГО КИНЕМАТОГРАФА К АКТИВИСТСКОМУ ИСКУССТВУ

The paper analyzes specific cinema forms, which are situated at the interfaces between activist art and political cinema, tactical media and visual anthropology. It describes the concept of «sensitive» cinematographies, which are able to generate new reflexive methods for cinematic description of reality and production of new type of knowledge. The author questions the limits of representation of the political and the visual in the context of contemporary art practices and cinema as well as the nature of images.

Структурные особенности политического кинематографа

Сегодня можно говорить о специфических тактиках работы с кинематографическим материалом на разных уровнях, проблематизирующих ключевые понятия кинематографа, – взгляд, тело, визуальное.

Главной проблемой данной статьи является попытка определения чувствительных форм кинематографа, специфических форм производства визуального на уровне технических приемов и производства значения. Разворачивающиеся кинематографические элементы – время, пространство, образы – рано или поздно сталкиваются с вопросом политэкономии кинематографа, а именно производства и распространения фильма.

Итак, мы начнем с понятия политического кинематографа, опишем его связи и новые условия развития в контексте активистского искусства и тактических медиа. Для этого нам необходимо проблематизировать

саму постановку вопроса о современном кинематографе. Какого рода визуальные практики могут называться кинематографичными? В каких связях находятся кинематограф, видеоарт и тактические медиа? Каким образом технологически обусловливается расслоение кинематографической практики?

Понимая под чувствительными формами множественные кинематографические практики, имеющие трансверсальный и саморефлексивный характер, мы попытаемся аналитически объединить медленный кинематограф, феминистские и политические кинематографии, активистское искусство и визуальную антропологию; вычленить приемы работы с кинематографической тканью и определить политэкономию изображения данных кинематографий. Для этого мы будем говорить о двух режимах, в рамках которых сегодня актуализируются знания о субъективности, производстве знания и искусства. Это – сферы политического и эстетического. Мы попробуем определить их соотношение или убедиться в том, что это соотношение, по словам Ж. Рансьера, непродуктивно. Однако, имея дело с политическим кинематографом, нам необходимо понять, что такое политическое в дискурсе подобного кинематографа и в каких отношениях оно может находиться с эстетическим.

Для этого необходимо обратиться к разработанной концептуальной рамке политического кинематографа, прежде всего, его теоретиками и практиками Ж.-Л. Годаром и Ж.-М. Штраубом, использующими различные режимы идентификации своего искусства. Я останавливаюсь на этих традициях, поскольку в них конденсируется и формулируется критическое знание о политическом кинематографе, статусе изображения и образа и вырабатывается конкретный набор художественных приемов работы с кинематографическим аппаратом как на уровне производства смысла, так и на уровне конструирования формы. Также стоит сразу сказать, что кинематографический материал, на который мы опираемся в своем анализе, имеет авторство Жан-Люка Годара, Жан-Мари Штрауба, Николя Клотца, Питера Уоткинса, Харуна Фароки, Алана Секулы и Ренцо Мартинса, а также платформы «Что делать?».

Очевидно, что сегодня вопрос о политическом кинематографе лежит в сфере критики идеологии, традиционных иерархий знания, политики репрезентаций, производстве субъективности. Речь идет о демифологизации революционного субъекта, т.к. ответа, что таковым является «сам борющийся, угнетаемый класс» (Беньямин), уже недостаточно. Кто есть этот класс? Какие условия делают возможным продолжение борьбы? На каких фронтах эта борьба может вестись? В этом смысле нас интересует

поверхность кинематографическая, визуальная. Однако не только как семиотическая поверхность, но и более глубокие отношения производства и циркулирования (мы называем это политэкономией изображения) визуальных образов. Итак, каким образом и в каких рамках сегодня можно говорить о политическом кинематографе, борьбе за значение и политике репрезентации?

На мой взгляд, Дмитрий Виленский намечает главные векторы развития современного политического кинематографа в своей статье «Что значит делать фильм политически сегодня?» [2]. Благодаря этому тексту можно вычленить и сформулировать структурные особенности политического кинематографа. Их же мы можем применить и к «чувствительным формам» кинематографа в целом. Я сформулирую эти высказывания в виде программы, перечисляя по пунктам. Итак, резюмируя текст Дмитрия Виленского, выделим следующие позиции:

1. Необходимо понимать политический потенциал реализма и документальности.

2. Политический кинематограф проблематизирует производство политической субъективности и ее репрезентацию.

3. Необходимо понимать процесс художественной и медиа-продукции как политический процесс.

4. Необходимо обозначить связь между репрезентацией и властью.

5. Необходимо обозначить связь с активистским проектом.

Главной целью обозначается борьба с манипулятивными стратегиями медиа, традиционными иерархиями знания, господствующей идеологией и репрезентациями истории как общественного прошлого и настоящего, или «реальности». Один из главных тезисов политического кинематографа – политика эксплуатируется не на уровне сюжета, но на уровне формы. Об этом и говорит Виленский: «Именно поэтому механизмы остранения реальности постоянного вопрошания самого процесса производства фильма и институции власти, которые делают возможным его производство и дистрибьюцию оказываются не внешними вопросами по отношению к формальной организации фильма, а интегрируются в его структуру и становятся одним из методов его создания. Политический фильм это не фильм о политике – это проблематизация привилегии говорящего, выявление и демонстрация его социальных и классовых связей» [2, с. 2].

Как уже было сказано, для политического кинематографа принципиально важен вопрос субъективности. Это то, что выявляется как на уровне идентификации зрителя, обнаруживая невозможность пассив-

ного созерцания, так и на уровне конструирования политического субъекта и вопрошания привилегии говорящего. В кино всегда говорит не автор, а те, кого он представляет, автор говорит за кого-то. Для политического кинематографа необходимо разорвать эту связь. Важным пунктом является попытка найти альтернативный язык репрезентации культурного Другого. Об этом пишет Андрей Горных в статье о визуальной антропологии: «С одной стороны, она [визуальная антропология] является попыткой взглянуть на себя глазами Другого, символического субъекта, то есть проблематизировать свою собственную воображаемую идентичность – монолитное, автономное Эго. С другой, визуальная антропология есть практический поиск альтернативных средств репрезентации "нового", культурного Другого» [4, с. 39]. Это важно, поскольку в данных вопросах перекрещиваются интересы политического кинематографа и визуальной антропологии.

В этом контексте необходимо вспомнить один из аспектов кинематографических дискуссий 1960–1970-х гг., связанных с так называемой теорией сшивки Жан-Пьера Удара. Эта теория разрабатывала положения, в которых описывается то, каким образом «как в классическом нарративном кинематографе стирается, "зашивается" место Другого внутри текста» [5]. Поглощение зрителя нарративным единством прерывается в какой-то момент осознанием рамки кадра, того, что «изображением манипулируют у него за "спиной"» [5]. Все эти вопросы касаются работы нарративной структуры и того, какими эффектами может осуществляться идентификация с персонажами, что связано с вопросами идентификации у Бодри.

Если отталкиваться от определения Жака Рансьера критического искусства, а именно, «критическое искусство, если взять самую общую его формулу, предполагает обеспечить понимание механизмов господства, чтобы превратить зрителя в сознательного участника преобразования мира» [7, с. 84], то можно сказать, что политический кинематограф намерен обеспечить наше понимание механизмов господства на визуальном или кинематографическом уровне. Лаура Малви в эссе «Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф» ставит важный вопрос: «Как весьма развитая репрезентативная система, кинематограф поднимает вопросы о путях, какими бессознательное (сформированное доминирующим порядком) структурирует способы зрения и наслаждения в процессе смотрения» [6, с. 83]. Формы получения определенного вида удовольствия, модальности зрения и идентификации, поглощение зрителя и объективация становятся объектом критики политического кине-

матографа. Детально мы рассмотрим политический кинематограф ниже, однако сейчас стоит заметить, что политический кинематограф прежде всего проблематизирует процесс производства и распространения кино, а также конструирование политической субъективности: вместо эксплуатации политики на уровне сюжета предлагается деконструкция кинематографической формы.

Для нас важна семиотика изображения – уровень производства смысла и те монтажные, сценарные приемы, которые помогают этот смысл производить. Но также важной является и политэкономия изображения: то, каким способом изображение производится, в какие экономические и культурные контексты оно встроено, в каких зависимостях от капиталистических и рыночных логик находится. В этом смысле политический кинематограф сегодня не мыслим без тактических медиа. Это – способ децентрализации кинематографического знания и практики, открытость и доступность, политизация медиума. Важно понимать сопряжение между новым содержанием и новой формой.

Политэкономия изображения: тактические медиа и активистское искусство

В предыдущем разделе мы говорили о более фиксированный форме кинематографа, точнее о том, что мы обычно понимаем под кинематографом: кинопроцесс, в результате которого мы получаем фильм, сохраняющий условную нарративную структуру и кинематографическую форму (это касается, прежде всего, ключевых фильмов Штрауба и Йюе, Клотца и Кошты). Однако сегодня невозможно говорить о политическом кинематографе вне контекста двух проектов: тактических медиа и активистского искусства. Необходимо подключение ресурсов из данных областей по нескольким причинам. Ключевая из них – это вопрос формы. Как инструментальность тактических медиа, так и новая изобразительность активистского искусства позволяют переводить дискуссию о том, чем же является политический кинематограф, на новый уровень. В фильме «Наша Музыка» («Notre Musique») Годару задают вопрос: «Мсье Годар, на ваш взгляд, маленькие камеры могут спасти кинематограф?». Вопрос остается без ответа. Очевидно, что утопический проект революционного кинематографа (Вертова, Годара, Штрауба), нацеленный на возвращение средств кинематографического производства в руки угнетенных, начинает иметь под собой реальную, осязаемую почву в связи с появлением и распространением тактических медиа. С другой стороны,

взаимосвязи политического кинематографа и активистского искусства дают дополнительные эстетические режимы и модели изобразительности для формирования новых концептуальных средств выражения. Итак, мы имеем возможность теперь говорить о политэкономии изображения, о том, каким образом тактические медиа, политический кинематограф и активистский проект проблематизируют производство и распространение художественного образа, о том, какие силы деформируют и воздействуют на образ, находящийся в разных контекстах производства и циркулирования.

Я говорю о политэкономии изображения как выходе за семиотическую поверхность, работу с контекстами, в которые могут быть встроены изображения, и о том, какого рода идеологические эффекты могут быть произведены в разных культурных и социальных контекстах. В этом смысле выход за семиотическую поверхность хорошо артикулирован в фильме Годара «Здесь и там» («Ici et ailleurs»). В фильме существует две «реальности»: здесь, на этой стороне экрана, в буржуазной Франции, и там, за той стороной экрана, на революционных полях Палестины. Там был снят фильм, здесь его нужно показывать. Разве можно говорить от лица отсутствующих? Годар не дает говорить палестинским повстанцам, поскольку экран, то есть семиотическая поверхность, и производимые идеологические эффекты в любом случае искажают и деформируют послание. Изображение в любом случае встроено в большие идеологические системы. Постоянное артикулирование разрыва между «здесь» и «там» и есть политэкономия изображения.

Важно отметить, что именно благодаря тактическим медиа и активистскому искусству мы можем говорить о размывании границ кинематографичности политического кинематографа. Различные визуальные медиумы наслаиваются друг на друга, перекрывают друг друга, находятся в напряженных взаимоотношениях. На уровне семиотической поверхности хорошим примером может служить работа Годара. Годар выстраивает контрдискурс современной визуальной культуре, сознательно наращивая на ткани фильма уплотнения или опухоли в виде дополнительных изображений и монтажных стыков. Таким образом, наслаивается множество уровней смыслов, вырывающихся за поверхность кадра.

Делез говорит о кинематографе Годара как о кинематографе, «где рефлексия направлена не только на содержание образа, но и на его форму, средства и функции, его фальсификацию и творческую деятельность, на его внутренние отношения между звуковым и оптическим» [8, с. 301]. Я думаю, что так могла быть сформулирована одна из отличительных

особенностей в монтажной практике Годара. Перегруженность визуальной репрезентацией образа до такой степени, что за ней часто начинает растворяться нарративная структура, теряться маршрут чтения фильма. Подобным образом границы кинематографа растворяются у Годара.

Однако сегодня приемов работы непосредственно с изображением недостаточно: это первое, что может быть встроено и редуцировано рыночными логиками. Поэтому необходимо искать новые способы коллективного создания (кино)знания и его распространения. Такие возможности прежде всего связаны с идеей распространения знания тактическими медиа и новыми компактными и мобильными технологиями.

Например, прорывание кинематографичности может происходить за счет работы с самой идеей проекции, выхода кинематографа из кинотеатров в заранее непредусмотренные места для показов. В этом смысле хорошим примером может служить творчество видеохудожника Кшиштофа Водичко, который работает с различного рода поверхностями и проекциями. Он проецирует различные политические нарративы нелегальных эмигрантов, бездомных людей, в прямом смысле слова возвращая им голоса: в реальном времени сопровождая видео- и слайд-проекции выступлениями людей. Тем самым манифестируя, во-первых, важность пространственных эффектов, во-вторых, междисциплинарность медиума (видео, архитектура, взаимоотношения) и, в-третьих, производство эстетических и политических режимов в реальном времени. Таким образом, Водичко включает в свое творчество многие из ключевых понятий активистского искусства, обозначая связь с тактическими медиа и новыми типами производства политической субъективности.

Точкой отсчета в системе координат как для тактических медиа, так и для активистского искусства мы предлагаем выбрать 1997 г., когда проходила выставка современного искусства «Документа-10» в Касселе, после которой и стало возможным говорить о формировании так называемого протестного, критического или активистского искусства. В 1999 г. происходит так называемая «Битва в Сиэтле»: массовые протесты против ВТО. Многие из исследователей социальных и протестных движений говорят о появлении «движения движений» и новых разновидностей художественных и активистских практик. Во время протестов появляются первые сети Indymedia, обозначающие эпистемологический перелом в способе производства коллективного знания. Дмитрий Виленский в статье «Искусство будет оставаться левым, или его не будет вообще» [3] говорит, что «…хронологически она [Документа-10] совпадает с появлением на политическом горизонте “движения движений” (или же

“множеств”, в терминологии Тони Негри, <…>), которое в Сиэтле (1999) впервые продемонстрировало свой протестный потенциал» [3].

Сети индимедии – это хороший пример новых форм создания коллективного знания. Смысл в том, что доступ к медиуму имеют все желающие и получить право голоса может каждый. Ризомовидное устройство сетей помогает быть активным во время мобилизаций и интенсивных протестов. Индимедия, возможно, сделала протесты в Сиэтле, а затем и в других европейских и американских городах такими сильными. Те революционные заслуги, которые сегодня приписывают социальным сетям Twitter и Facebook, являются в основе своей разработками тактических медиа. Авторы манифеста «Тактических медиа» пишут, что «тактические медиа – это медиа кризиса, критики и оппозиции» [9], развивая теорию практик и тактик Мишеля де Серто. Тактики проявляются в повседневных действиях, маневрировании и использовании ресурсов стратегий для того, чтобы присвоить часть утраченных прав или свобод. Они актуализируются, когда возникает необходимость реакции или противодействия. Таким образом, тактические медиа в форме видеоактивизма и гражданской журналистики предлагают экономические модели производства знания, свободного от рыночных иерархий, что сегодня учитывает политический кинематограф.

Дмитрий Виленский связывает активистское искусство с возможностями развития традиции политического повествования и выделяет несколько важных критериев как для активистского искусства и политического кинематографа, так и для «чувствительных форм» кинематографа: *вовлеченное исследование, негативность, учреждение (instituent practices), трансверсальность практик, фокусировка на образовательной ценности искусства.*

Наиболее интересными для нас сейчас являются учреждение и трансверсальность практик. Виленский приводит цитату Рансьера важную для понимания политики учреждения: «…если понятие авангарда имеет в эстетическом режиме искусств какой-то смысл, то он находится не на стороне формальной новизны, а на стороне учреждения чувственных и материальных форм грядущей жизни» [3]. То есть для нас дискуссия о существовании образа между политическим и эстетическим заключается в учреждении новых режимов чувственности и материальности.

Трансверсальность практик – этот важный термин Делеза и Гваттари – означает, что политическое искусство не замыкается в рамках институций искусства. В качестве создания новых форм знания оно распространяет себя за пределы комфортного гетто искусства, постоянно проверяет свою легитимность за его пределами, находится в непосред-

ственном обмене с жизнью. Именно способ организации и положение в системе производства являются одними из характерных черт активистского искусства. Другая проблема: о них вообще в основном говорят не как об искусстве, а как о политических акциях.

Отдельного упоминания требуют две других группы концептов, описывающих современные художественные практики: это engaged art («вовлеченное искусство») и «эстетика взаимоотношений», которая сегодня заменяется «эстетикой участия». Сложно найти искусство, которое не было бы вовлеченным и игнорировало социальные измерения, поэтому более продуктивным мне кажется термин, введенный теоретиком современного искусства Клер Бишоп. Однако важно отметить, что не существует фиксированных определений политического или активистского искусства. Существуют критерии и определенное теоретическое дно, от которого мы можем отталкиваться для того, чтобы описывать те или иные художественные или кинематографические практики.

Следующий аспект анализа активистского искусства касается взаимодействия с публикой. Как отмечает Бишоп, идея участия зрителей долгое время занимала важное место в авангарде и политическом искусстве. Однако это было скорее интерактивностью зрителя, когда «художники создают ситуации, объекты и опыты, которые запускают паровозик отношений, развивая логику экспозиции в пространственно-временном диапазоне, но на самом деле они не задействуют людей» [1]. И Клер Бишоп как раз занимается тем, что пытается ввести новую терминологию, отвечающую современному художественному полю и художественным практикам. Одной из первых попыток описать партисипативную политику политического искусства была попытка теоретика и куратора Николя Буррио ввести термин эстетики взаимоотношений. Однако это название прочно не закрепилось (критик Грант Кестер называет ее «диалогической эстетикой», Карлос Базуальдо – «экспериментальными сообществами») и, по словам Клер Бишоп, недостаточно ясно описывает современные художественные практики. В связи с этим Бишоп говорит о переходе от эстетики взаимоотношений к эстетике участия: «Я хочу провести грань между “участием” и “интерактивностью”. Для меня “участие” состоит в следующем: произведение создают несколько человек, каждый из которых также является медиумом, средством внутри этой работы» [1].

Важной является цитата Рансьера, поскольку она помогает сформулировать, на мой взгляд, ключевой вопрос критического искусства с его связью с политическим проектом: «Но парадокс нашего времени заключается, возможно, в том, что дефицит политики приглашает это неуверенное в

своей политике искусство ко все большему вмешательству. В действительности все происходит так, как будто сужение публичного пространства и стирание политической изобретательности во времена консенсуса придают мини-демонстрациям художников, их собраниям объектов и следов, их обустройству взаимодействия, провокациям in situ или каким-то еще функцию замещения политики» [7, с. 98]. Вопрос в том, смогут ли они образовать новые политические пространства и новые режимы разделения чувственного и новые формы политической субъективности.

Таким образом, специфические формы кинематографа, находящиеся на стыках активистского искусства и политического кинематографа, тактических медиа и визуальной антропологии, представляют собой чувствительные кинематографии, способные генерировать новые рефлексивные способы для кинематографического описания реальности и производства нового типа знания. Кинематографии подобного рода всегда связаны на уровне значения (содержание), способов производства знания (форма) и порядков распространения (политэкономия фильма).

Литература

1. Бишоп, К. Социально ангажированное искусство нужно оценивать только эстетически: интервью [Электронный ресурс]. – 19.03.2010 . – Режим доступа: http://openspace.ru/art/events/details/16799/page1. – Дата доступа: 01.05.2012.
2. Виленский, Д. Делать фильм политически // Газета платформы «Что делать?». – 2010. – Спец. выпуск 04-28.
3. Виленский, Д. Искусство будет оставаться левым, или его не будет вообще [Электронный ресурс]. – 09.02.2010 . – Режим доступа: http://openspace.ru/art/projects/15960/details/16073. – Дата доступа: 16.05.2012.
4. Горных, А. Визуальная антропология. Видеть себя другим // Антропологический форум. – 2007. – № 7.
5. Кушнарева, И. Другая история «Кайе дю синема» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kinoart.ru/2007/n5-article15.html#5. – Дата доступа: 20.05.2012.
6. Малви, Л. Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф // Антология гендерной теории. – Минск: Пропилеи, 2000.
7. Рансьер, Ж. Разделяя чувственное / пер. с фр. В. Лапицкого, А. Шестакова. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007.
8. Делез, Ж. Кино / пер. с фр. Б. Скуратова. – М.: Ad Marginem, 2004.
9. Garcia, D., Lovink, G. The ABC of Tactical Media [Electronic resource]. – Mode of access: http://nettime.org/Lists-Archives/nettime-l-9705/msg00096.html. – Date of access: 01.05.2012.
10. To Think (Film) Politically: Art and Activism between Representation and Direct Action / Ed. by J. Vesić. – Zagreb: DeLVe, 2010.

Мария Степанова
(Вильнюс, Европейский гуманитарный университет)

РЕМИНИСЦЕНЦИИ ЖИВОПИСИ В КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОМ КАДРЕ (на примере работ Питера Гринуэя)

The goal of the article is to evaluate the interweaving of the Dutch Baroque painting modus and the postmodern cinematographic modus. The paper deals with the correlation of the two visual discourses and the mechanisms, which the British film director Peter Greenaway uses in order to put together the discourse of Baroque and postmodern discourse. The films «A Zed & Two Noughts» (1985), «The Cook, the Thief, His Wife & Her Lover» (1989) and «Nightwatching» (2007) were used as empirical material. Through the analysis of the main categories of film studies and formal vision of the paintings, the author comes to the conclusion that the reminiscences of Baroque paintings in cinema are the fold, the concept Gilles Deleuze developed in his study «The fold. Leibniz and the Baroque» (1988). The fold is described as a border between the inner and the outer on the one hand, and as a roughness, or an error on the other.

Фильмы Питера Гринуэя пробуждают мой исследовательский интерес тем, что живописность кинематографического кадра в этих фильмах можно сопоставить с барочной категорией *складки*, выделяемой Жилем Делезом в работе «Складка. Лейбниц и барокко»[1]: границей, разделяющей материю и душу, видимое и скрытое, наружное и внутреннее. Имеется в виду, что складка не только формально присутствует в кадрах фильмов Гринуэя, но и является основной категорией, вокруг которой разворачивается объяснение его концепции наслаивания двух визуальных дискурсов. Я делаю акцент на противоречивости постмодерной концепции мира и постоянном поиске целостности для того, чтобы показать, что в

[1] Делез, Ж. Складка. Лейбниц и барокко. – М.: Логос, 1997.

сочетании барочного и постмодернистского модусов налицо сходства в понимании (или непонимании) человеком окружающего мира. Человек обеих эпох находится в состоянии борьбы. Только если в барочное время борьба экстатична, чувственно наполнена, эмоционально роскошна, то постмодернистские противоречия не имеют такого подтекста.

Постмодернизм как чрезвычайно многослойное понятие с множеством определений и рамок, на мой взгляд, не следует наделять строгими дефинициями. В этой связи обозначим лишь основные концепты и характеристики, описанные в некоторых актуальных для вопроса о постмодернизме текстах. К примеру, Арнольд Тойнби в своей работе «Постижение Европы» пишет следующее по отношению к постмодернизму: «…самое существование и единство западного мира оказались под сомнением. Возникла глубинная внутренняя потребность ощутить Жизнь как целостность, противоположную видимой повседневной изменчивости. Это чувство охватило как малые нации, так и сообщества, в состав которых входили эти нации…»[2]. То есть противоречивость восприятия действительности и нарушение целостности концепции мира делает постмодерного человека вечно ищущим, часто и быстро сменяющим способы и формы существования, положения и состояния. Ценность реалистического знания, индивидуального самосознания и рационального действия, которые имели место в модерном обществе, разрушены, и на смену им приходят беспрерывные противоречия, порождающие еще больше противоречий.

Схожесть барочного и постмодернистского дискурсов видна также в идеях Эрвина Панофски в его труде «What is baroque?»[3]. Панофски предлагает прочтение барокко, сопоставляя его с постмодернистским пересмотром ценностей модерна. Барокко противостоит рационализму, в то время как постмодернизм – модерному субъективизму как источнику самопознания и познания окружающего мира. И барокко, и постмодернизм – своего рода протестная реакция культуре Ренессанса и культуре модерна, они выступают как периоды кризиса по отношению к предшествующей культурной доминанте и в то же время являются стартом для новой эпохи. Так, в интепретации Панофски можно увидеть, что постмодернизм – это своего рода рассеивание субъективного во множестве складок.

2 Тойнби, А. Постижение истории. – М.: Прогресс, 1991.
3 Panofsky, E. What is Baroque? // Three Essays on Style. – Cambridge MA: MIT Press, 1997. – P. 19–88.

Особенно интересным мне видится проследить, каким образом и для чего режиссеру нужно смешивание двух различных концепций восприятия действительности – барочной и постмодерной, как и с каким результатом происходит слияние живописного визуального поля и кинематографического.

С одной стороны, реминисценции, используемые Гринуэем, могут показаться лишь стилистической фигурой, не вносящей никакой дополнительной информации, а лишь имеющей отношение к изменению эмоциональной окраски. Однако, на мой взгляд, в данном случае имеет смысл сравнивать эти два дискурса в пространстве конкретных фильмов для того, чтобы проследить, каким образом встраивание одного визуального поля в другое может способствовать рождению новых значений. И таким новым значением, порожденным из этого встраивания, является отождествление живописности гринуэевского кино с категорией барочной складки у Делеза.

Термин *реминисценция* в данном случае важен, поскольку, по моему мнению, он является ключом к открытию механизма внедрения живописи в кино. Реминисценция (от лат. *reminiscentia* – воспоминание), согласно словарю В. Даля, это смутное воспоминание, отголосок прошлого. Но поскольку в данном случае термин уместнее использовать в искусствоведческом контексте, имеет смысл подробнее остановиться на его художественном значении. Чаще всего реминисценция обозначает цитату из одного художественного текста в другом художественном тексте. Британский кинорежиссер Питер Гринуэй довольно часто в своих кинофильмах прибегает к реминисценциям. Однако реминисценции Гринуэя не всегда являются цитатами (будь то точные, либо неточные цитаты). На примерах фильмов «Зед и два нуля» (1985), «Повар, вор, его жена и ее любовник» (1989), «Ночной дозор» (2007) я собираюсь показать, что Гринуэй использует также аллюзии и образы из голландского барокко XVII в., внедряя, таким образом, барочный визуальный модус в постмодерный.

Реальность фильмов Гринуэя тщательно выстроена и искусственна, однако слово «искусственность» здесь ни в коем случае не несет негативного смысла. Искусственность образует специфическую гринуэевскую киноэстетику, построенную на реминисценциях живописных произведений. Режиссер достигает ее с помощью художественных и технических средств. С одной стороны, Гринуэй делает отсылки к барочному восприятию мира через нарратив: наслаждение, изобилие, пышность. С другой стороны, поскольку для Гринуэя форма визуальная привлекательна

своей немедленностью и прямотой, он пытается передать барочность через фильм. Именно поэтому я ставлю перед собой задачу изучить гринуэевский фильм не как текст, а как визуальную форму.

Концепция монтажа в работах Питера Гринуэя

С одной стороны, монтаж – это одна из важнейших киноведческих категорий. С другой, в фильмах «Повар, вор, его жена и ее любовник», «Зед и два нуля», а также «Ночной дозор» за счет монтажа достигаются определенная замедленная динамика и растянутость кадров, которые собственно и коннотируют к живописности.

В качестве наиболее общего определения монтажа выделим формулировку французского теоретика М. Мартена: «Монтаж – это организация планов фильма в соответствии с определенным порядком и длительностью планов»[4]. В этой связи для конкретного случая монтажа Питера Гринуэя я определяю монтаж как организацию планов фильма в соответствии с целью растягивания планов и достижения замедленной динамики фильма. Мой тезис состоит в том, что монтаж – это один из важнейших инструментов, за счет которого Гринуэй и достигает живописности в своем киноискусстве. Уникальность его монтажа состоит в особенных методах сборки кадров и планов в один визуальный ряд, а также в его специфическом отношении к композиции каждого кадра и плана в отдельности. В данном случае я подразумеваю тяготение режиссера к растягиванию планов и замедленной динамике фильмов в целом.

Именно за счет монтажа с редкими стыками, растянутыми планами, неподвижностью камеры и отсутствия внутрикадрового монтажа Гринуэй добивается замедленной динамики. В классическом (голливудском) фильме все технические и эстетические составляющие призваны облегчать зрительскую рецепцию диегесиса, и, соответственно, динамика выстроена здесь таким образом, чтобы зритель успел понять и удостовериться в пространстве, времени действия и местонахождении героя в нем. Гринуэй нарушает субординацию крупного, среднего и общего планов в том, как они соотносятся со смысловой составляющей сюжета. Так, в фильме «Зед и два нуля» диалог двух братьев, когда они кладут цветы на дороге, где погибли их жены, показан общим планом, что противоречит канону «мизансцена управляет монтажом», где нечто важное (тем более диалоги) должны быть непременно показаны крупным или «американским» планом, что обеспечит для зрителя более внятный звуковой

4 Мартен, М. Язык кино. – М., 1959.

и визуальный ряд. Гринуэй в каждый кадр вписывает целую сцену и иногда без использования внутрикадрового монтажа. К примеру, У. Уайлер для того, чтобы изобразить то, как принцесса Анна (фильм «Римские каникулы») встает с кровати, использует 7 монтажных кадров, где каждый монтажный кадр в среднем длится 2 секунды. Гринуэевская сцена, где вор разговаривает с женой за столом, после чего встает и спорит с ней («Повар, вор, его жена и ее любовник») показана одним монтажным кадром, содержащим план длительностью в 16 секунд. Гринуэй также довольно редко прибегает к панорамированию в своих фильмах: из внутрикадрового монтажа он предпочитает зуммирование, что во многом также определяет его трепетное и, если угодно, уважительное отношение к каждому кадру, нежели к стремлению изобразить процесс. Это также объясняется и преобладанием общих планов: Гринуэй стремится как можно дольше задержать зрителя в каждом кадре и плане, но при этом раскрыть сцену как можно полнее. Таким образом, режиссер выявляет новое отношение к категории монтажа для того, чтобы изменить динамику фильма в сторону замедленной. За счет продления того, что в классическом голливудском кино показывается вскользь, он добивается особенного типа присутствия зрителя в фильме. Это необходимо для создания эффекта живописности.

Гринуэй переосмысляет подход к монтажу как к концептуальной составляющей киноткани. Для него монтаж – инструмент для того, чтобы отойти от кинематографичности. С другой же стороны, свойственная его почерку совершенно четкая выверенность кадров, особенное внимание к каждому плану говорят о тяготении автора к пассивности, которая, как правило, не свойственна постмодернистской действительности. События, раскрываемые в сюжетах Гринуэя, обычно наполнены драмой, брутальностью, иногда доходящими до абсурдного, однако это нисколько не вынуждает автора жертвовать спокойным течением фильма – его задача не просто растянуть сцены, но обратить внимание зрителя на каждый отдельный кадр и план, которые выстроены его рукой (а в некоторых случаях даже процитированы) как живописные произведения.

Специфика композиции кадра в работах Питера Гринуэя

Монтаж Питера Гринуэя производится по схеме, которая показывает, что для автора отдельные кадры имеют гораздо больший вес, нежели кинематографическая ткань как целостное полотно, – это заметно как по их длительности (от 4 до 35 секунд), так и по специфике их компози-

ции. Выстраиваемый Гринуэем монтаж оставляет зрителю возможность подробно и долго рассмотреть и изучить каждый кадр, словно бы это было живописное произведение искусства в музее. Это один из наиболее явных признаков, указывающих на гринуэевское тяготение к живописному. Его уникальный монтаж (и следующая из него общая динамика фильма) есть продукт желания вписать в кинематографическую ткань элементы живописного искусства. Это происходит не только за счет монтажа, но и за счет специфического выстраивания каждого отдельного кадра. Он буквально вымеряет каждый кадр и план, выстраивая и выписывая его как произведение живописи. Однако таким подходом он не только значительно переосмысливает концепцию киномонтажа, но и наслаивает два несочетаемых доселе дискурса, рождая новые визуальные формы и содержания. Для живописных реминисценций режиссер выбирает творчество старых мастеров (в данной статье исследуются примеры из живописи голландского барокко), чем манифестирует наслоение барочного модуса на модус современный, не ограничиваясь только сплетением кино с живописью.

Итак, меня интересует специфика композиции и структуры кадра в кинематографе Гринуэя. В первую очередь бросается в глаза то, что автор как бы нарочно удлиняет продолжительность планов, редко прибегает к движению камеры (к быстрому движению – никогда), не использует специфических трюков с монтажом, наложением планов и внутрикадрового монтажа. В фильме «Зед и два нуля» в сцене, где двое братьев сидят над кроватью одной из главных героинь, особенно ясно видна работа режиссера как художника-живописца. Первое, что бросается в глаза в данном кадре, это его совершенная симметрия: в центре на белой кровати лежит рыжеволосая женщина, по краям кровати на одинаковом расстоянии от нее сидят двое братьев с повернутыми к центру (к женщине) головами, позади каждого из мужчин стоит по круглому журнальному столику с цветами и лампой. Симметрия также утверждается за счет цветовых и световых акцентов – кровать белого цвета с лежащей женщиной (это самое светлое место кадра) и ярко-рыжим пятном в самом центре композиции (что также является и смысловым центром). В данном случае сюжет развивается из того, о чем говорит эта женщина, поэтому смысловой и формальный центры изображения совпадают. Фигуры мужчин же значительно темнее, чем центр изображения, выдержаны в относительно одинаковой цветовой тональности. Цветы с каждой стороны желтого цвета. Это дает право говорить о том, что действительность, изображаемая Гринуэем, искусственна, тщательно выстроена

и вымерена подобно живописным полотнам старых мастеров. В этом кадре нет разбивки на планы. Гринуэй предпочитает преподносить изображения наиболее легким для восприятия зрителя способом. В одном кадре он старается захватить как можно больше важной для текущей сцены информации. Это достигается за счет общего плана, сочетания смыслового и формального центров в одной точке.

Особенность кинематографа Питера Гринуэя состоит в его специфическом понимании концепции монтажа и особенном отношении к композиции и построению кадра. За счет отличающегося от других использования этих кинематографических категорий режиссер достигает возможности длительного и детального изучения каждого кадра, что отсылает нас к опыту просматривания живописного произведения искусства. Продлением монтажных кадров и дотошным выстраиванием композиции каждого кадра Гринуэй создает эффект сюрреалистического присутствия зрителя в фильме. Формальный анализ двух важнейших для этого исследования категорий киноанализа подтверждает особенность режиссерского почерка Питера Гринуэя и позволяет рассуждать о внедрении живописного модуса в кинематографическую ткань.

Аллюзии Франца Хальса в фильме Питера Гринуэя «Повар, вор, его жена и ее любовник»

Переходя к конкретным примерам, обратим внимание на ленту «Повар, вор, его жена и ее любовник» (1985), где Гринуэй использует аллюзию картины Франца Хальса «Банкет офицерской гвардии Св. Георгия» (1616) на протяжении всего фильма. Первый признак, по которому мы узнаем картину Хальса, это специфическое распределение фигур в пространстве кадра, а также свето-цветовые акценты. Действие фильма происходит в ресторане, а персонажи большинство времени проводят за столом – налицо отсылка к изображенному Хальсом банкету. Однако, помимо композиции и смыслового содержания, цветовое решение Гринуэя также имеет коннотации к Хальсу. Кадры с застольем характеризуются сочным контрастом красного и черного, бурного насыщенного цвета. Красные рубашки персонажей и бокалы на столе контрастируют с черным фоном. То же самое мы наблюдаем и у Хальса: те же цвета (красный и черный), и те же контрасты.

Сравнивая гринуэевские кадры застолья в «Поваре, воре…» с портретом офицеров Хальса, можно также заметить преобладание одинаковых пространственных осей. В обоих изображениях доминирующие

диагонали нарушают статичность горизонтального плана. В обоих случаях эти диагонали образуются за счет расположения голов персонажей и их развернутостью в пространстве. Также в кадрах Гринуэя прослеживается характерная для картин Хальса черта смешения парадного портрета с бытовым жанром. Так, Хальс реформирует жанр портрета в целом, изображая портретируемых в действии, в конкретной жизненной ситуации, акцентируя мимику, жесты, позу, мгновенно и точно схваченные. Такое же смешивание жанров наблюдается и у Гринуэя: обычная бытовая история рассказывается в пышном ресторане и через парадно одетых персонажей. Таким образом, Гринуэй не просто внедряет аллюзии Хальса в кинематографическую ткань, но и вплетает таким образом барочную концепцию мира в постмодернистскую действительность.

Цитаты Яна Вермеера в фильме Гринуэя «Зед и два нуля»

В фильме «Зед и два нуля» (1985) Питер Гринуэй использует цитирование живописных особенностей и картин Яна Вермеера Дельфтского «Урок музыки», «Концерт», «Аллегория живописи», а также образа из картины «Дама в красной шляпе». Несмотря на то, что понятие цитаты не принято применять относительно визуального текста, я все же намерена настаивать на этом термине. Раймонд Беллур в работе «Недосягаемый текст»[5] о понятии киноцитаты рассуждает как об инструменте, разрушающем природу фильмического. Исходя из этого, можно сделать вывод, что Гринуэй разрушает кинематографичность своих фильмов ради того, чтобы освободить место для внедрения живописного дискурса.

Цитирование Вермеера достигается в фильме не только путем копирования композиций картин, но и посредством повторения характерных для Вермеера особенностей света и цвета в изображении. Свет, падающий сбоку (из окна), почти всегда присутствует в портерах Вермеера. Этот момент можно заметить и в кадрах «Зед и два нуля», где режиссер вводит цитаты «Аллегории живописи», «Концерта», «Урока музыки» и «Дамы в красной шляпе». Декоративная ткань в виде кулисы, которую Гринуэй использует в некоторых кадрах (например, в цитате «Аллегории живописи»), также прием Вермеера. Этот элемент, формально являющийся складкой, вводится для того, чтобы вовлечь зрителя не только визуально, но и физически в иллюзию картины. Технически кулиса как бы отделяет пространство смотрящего от пространства, где происходит действие картины. Однако в то же время, являясь складкой, она высту-

[5] Беллур, Р. Недосягаемый текст // Строение фильма. – М.: Радуга 1985.

пает сильнейшим маркером барочности. При цитировании Гринуэй осторожен с цветом, поскольку для Вермеера характерны скорее сдержанные холодные тона, несмотря на пышность форм и изящество красок.

Вплетение живописного произведения «Ночной дозор» Рембрандта в сюжет кинокартины «Ночной дозор» Питера Гринуэя

В кинодраме «Ночной дозор» Гринуэй затрагивает историю создания картины Рембрандта «Ночной дозор». Однако в данном случае режиссер не пытается цитировать живопись, а создает сюжет по мотивам создания картины. Помимо этого, он стремится воспроизвести атмосферу живописи голландского барокко через этот фильм и, в частности, картины Рембрандта «Ночной дозор». Бо́льшую часть фильма зритель погружен в атмосферу темных и приглушенных тонов, подобно разглядыванию картины, по мотивам которой снята кинолента. Гринуэй дополняет эффект удлиненными экспозициями и растянутыми кадрами, чтобы фильм еще больше походил на живопись, которую можно долго и детально разглядывать.

Репрезентация барочного модуса производится Гринуэем также и через сложности сюжета. Согласно М.И. Свидерской, барочной эпохе свойственны контрасты и борьба противоположностей. Она пишет: «Бытие человеческое также предстает как безбрежная стихия, как бурная смена способов и форм существования, положений и состояний, как тропический лес всякого рода причудливых феноменов»[6]. Гринуэй реминисцирует такой же образ мира: бурную смену действий форм, положений и состояний, несмотря на то, что формально динамика его фильмов сильно замедленна. Так, в сюжете «Ночного дозора» смешиваются любовь и месть, шантаж и убийство, рождение и смерть, богатые и бедные, дети и взрослые. Кроме того, отсылка к картине Рембрандта осуществляется за счет загадочности, которая со временем возрастает вокруг картины. Гринуэй переносит эту мистичность на эстетику фильма «Ночной дозор» с помощью затемненных планов, замедленной экспозиции, отсутствия бытовой мизансцены.

6 Свидерская, М. Барокко XVII столетия. Система художественного видения и стиль. – М.: НИИ РАХ, 1997.

Заключение

Стиль барокко в разные эпохи воспринимался и понимался по-разному. Различные черты барокко актуализируются в зависимости от социокультурного пространства конкретной эпохи. Кинематограф Питера Гринуэя, современный постмодернистскому дискурсу, также стал своеобразной репрезентацией барочной парадигмы. В своих фильмах «Повар, вор, его жена и ее любовник» (1989), «Зед и два нуля» (1985) и «Ночной дозор» (2007) режиссер выстраивает кинематографическую реальность таким образом, чтобы она отсылала к барочной эпохе.

Возвращаясь к тому, о чем шло рассуждение в самом начале статьи, могу утверждать, что барочный концепт мира Питера Гринуэя сопоставим с категорией складки у Жиля Делеза в работе «Складка. Лейбниц и барокко». Рельефность, неровность, отход от ровной нормальности, нарушение единства ткани – это характеристики делезовской складки, которые можно переложить на гринуэевский подход к встраиванию барочной живописи в кинематографический кадр. Таким образом, реминисценции живописи в кинематографическом кадре – это, следуя Делезу, складка. Причем складка, которая непрестанно производит другие складки, она многосложна, устремлена в бесконечность. И эту тенденцию мы можем проследить в авторском режиссерском почерке Гринуэя. Складка здесь понимается в значении неровности, неправильности, отклонения от нормы. Если вся поверхность фильмов, производимых современной Гринуэю киноиндустрией, ровная и гладкая (несмотря на все их разнообразие), то живописность, которую он вводит в своих киноработах, – это складка, нарушающая это единство.

Литература

1. Badiou, A. «Gilles Deleuze, The Fold: Leibniz and the Baroque» // Constantin V. Boundas, Dorothea Olkowski, eds. Gilles Deleuze and the Theater of Philosophy. – London: Routledhe, 1994. – P. 51–69.
2. Базен, А. Барокко и рококо. – М., 2000.
3. Беллур, Р. Недосягаемый текст // Строение фильма. – М.: Радуга 1985.
4. Bordwell, D. Classical Hollywood Cinema: Narrational Principles and Procedures // Narrative, Apparatus, Ideology / Ed. by Ph. Rosen. – New York: Colambia University Press, 1986.
5. Вельфлин, Г. Классическое искусство. Введение в изучение итальянского возрождения. – СПб.: Алетейя, 1999.
6. Вельфлин, Г. Ренессанс и барокко. – М.: Азбука-классика, 2004.

7. Даниэль, С.М. Искусство видеть. – Л.: Искусство, 1990.
8. Делез, Ж. Кино. – М.: Ad Marginem, 2004.
9. Делез, Ж. Складка. Лейбниц и барокко. – М.: Логос, 1997.
10. Кракауэр, З. Природа фильма. Реабилитация физической реальности. – М.: Искусство 1974.
11. Матен, М. Язык кино. – М., 1959.
12. Panofsky, E. What is Baroque? // Three Essays on Style. – Cambridge MA: MIT Press, 1997. – P. 19–88.
13. Свидерская, М. Барокко XVII столетия. Система художественного видения и стиль. – М.: НИИ РАХ, 1997.
14. Тарковский, А. Лекции по кинорежиссуре. Монтаж [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://biblioteka.teatr-obraz.ru/node/4547.
15. Тарковский, А. Беседа о цвете. Киноведческие записки [Электронный ресурс]. – 1998. – Вып. 1. – Режим доступа: http://tarkovskiy.su/texty/bibliografiaAT.html.
16. Тойнби, А. Постижение истории. – М.: Прогресс, 1991.
17. Ямпольский, М. О глубине кадра // Что такое язык кино. – М., 1989.
18. Ямпольский, М. Язык-тело-случай. – М.: НЛО, 2004.

Полина Самсонова
(Санкт-Петербург, Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства)

ВОСТОЧНЫЕ ПРАКТИКИ В СПОСОБЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО АКТЕРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

In the second half of the 20th century European directors began looking for new theatre forms. They were studying theatre traditions of other cultures. For staging a play in a new form they needed a new actor, and for training a new actor they turned to the Eastern acting school. The Japanese theatre tradition helped European directors to raise a new actor.

Считается, что европейский режиссерский театр возник с открытием Свободного театра в 1887 г. Андре Антуаном. Этот французский режиссер был приверженцем эстетики натурализма. Для воплощения своих идей ему был необходим актер с новой техникой игры, отличной от стилей прошлых эпох. Поэтому он обратился к актерам-любителям и начал их воспитывать в натуралистической манере. Многие режиссеры XX в., такие как Г. Крэг, В. Мейерхольд, К. Станиславский, П. Брук, Е. Гротовский, Э. Барба, искали и воспитывали актеров, которые могли бы воплощать их идеи, придумывая свои техники, системы и тренинги. В достижении этих целей они обращались к исполнительской технике восточного актера, так как именно там сохранились яркие театральные традиции. Особое влияние оказали каноны японского театра, так как в XX в. подобные театры много гастролировали по Европе.

В Японии существуют два самых известных театра: ритуально-театральная форма ногаку и традиционный актерский театр кабуки. У каж-

дого театра – свои школы актерского исполнения. У ногаку 600-летняя традиция воспитания актеров, а у кабуки – 300-летняя.

У актера в театре ногаку сохранилась функция шамана. Он, основываясь на идее и вере синтоизма в то, что в каждом явлении живет свое божество (ками), должен передать истинную суть (ками) персонажа. Для достижения этой цели актер использует традиции японского театрализованного синтоистского ритуального действа кагура, когда культовый предмет (будь то ветка, стрела, меч, веер и др.) согласно ритуалу обретает сакральную функцию присутствия божества. В ногаку таким культовым предметом становится маска. Она выполнена из дерева. Японцы верят, что боги живут в стволах деревьев. В маске живет ками, а актер должен сделать его явным для зрителей, дать ему свое тело.

Актерское мастерство в театре кабуки основано на идеях дзэн-буддизма. Актер, как любой творец в дзэн, будь то мастер стрельбы из лука, поэт, художник, стремится достичь в своем творчестве состояния «не-я». Лишь тогда образ из пьесы полностью раскрывается и актера можно назвать истинным Мастером. Актеры особое внимание уделяют процессу репетиции. Повторяя ставший каноничным рисунок роли, они достигают совершенства техники, стремясь растворить свое «я», также развивая себя в духовной жизни. Достигнув момента, когда заученные движения происходят неосознанно, актер отказывается от своего «я». После исполнитель должен забыть репетиционный период и во время представления играть так, как если бы движения у него рождались здесь и сейчас. Актер стремится достичь состояния сатори, когда человек «думает сердцем и чувствует мозгом» [11, с. 86–87].

Восточный традиционный театр, в частности японский, базируется не на литературной основе, а на мастерстве актера. Пьес в европейском понимании слова на Востоке нет. Сценическим материалом являются либо всем известные мифы и сказания, либо сценарии на сюжеты из современной жизни. Поэтому главное внимание уделяется актеру. Театральное искусство сохранило ритуальные функции, когда представление не просто эстетическое зрелище. Оно направлено на развитие духовной жизни как исполнителя, так и зрителя.

Во второй половине XX в. европейские режиссеры задумались над сущностью театрального искусства и над функцией актера. Многие из них пришли к выводу, что театр в своей основе сродни ритуальному действию. Так как европейская культура потеряла прямые связи с ритуалом, такие режиссеры, как П. Брук, Е. Гротовский, Э. Барба, обратились к традициям восточного театра, где эта связь сохранена.

Первым, кто на практике начал экспериментировать с театральными традициями других культур, был английский режиссер П. Брук. В 1970 г. в Париже он создал Международный центр театральных исследований (МЦТИ). В него входили актеры из разных уголков мира. Брук смотрит на игру актера с точки зрения этнографа. Деятельность МЦТИ была направлена на поиск «тотального театра», который основан на межкультурной театральности, языке театра в чистом виде. Они стремились разработать универсальный язык, понятный всем людям земного шара. «Мы ищем то, что сообщает жизнь конкретной форме культуры – изучаем не саму культуру, а то, что за ней стоит. Для этого актер должен попытаться отстраниться от своей собственной культуры и прежде всего от ее стереотипов. <…> Освободившись от этнической манерности, японец становится больше похожим на японца, африканец на африканца, и наступает момент, когда формы их поведения и проявления уже непредсказуемы. Возникает новая ситуация, позволяющая людям разных национальных корней творить вместе, и то, что они создают, имеет особый колорит. <…> Наша задача – найти в театре нечто такое, что трогает людей, как музыка – межнациональная группа – зеркало мира» [5, с. 132–133].

П. Брук понимал, что для достижения чистой театральности необходимо отказаться от рационального начала в театре, то есть отказаться от текста. В первый год актеры МЦТИ тренировались в мастерстве передачи содержания через звук, через эмоцию, через ритм, а не через смысл слова. В японском театре ногаку зрители не понимают текста пьесы, так как он произносится на старояпонском мертвом языке. Содержание передается в мелодическом звучании слов, в манере их произношения. Так и в первом спектакле МЦТИ «Оргаст» Брук воспользовался мертвым древнеиранским языком Авеста, языком Заратустры, в котором нет разрыва между звуком и содержанием, так как это язык ритуалов.

Следующий этап воспитания актера в МЦТИ – работа с пластикой тела. Брук придумал свой способ, с помощью которого актер постигает не только внешнюю форму, но и внутреннее содержание образа. В японском театре кабуки исполнитель знает канонический рисунок движения персонажа. Чтобы передать грусть героя, он становится в позу, по форме наиболее полно отображающую это состояние. Актеры говорят, что в данных позах им самим вдруг начинает хотеться плакать и печалиться. То же произошло с актерами у Брука. Работая над спектаклем «Племя Ик», режиссер просил артистов изучить и запомнить позы людей Ик, запечатленных на фотографиях. «…Это упражнение позволяет европейским, американским, японским и африканским актерам ощутить людей,

испытывающих голод, не пережитый ни одним из них. Познать это физическое состояние через воображение или память невозможно» [5, с. 161].

Питеру Бруку принципы игры восточного актера помогли выработать универсальный язык и воспитать актера, способного владеть этим языком. В 1985 г. английский режиссер поставил «Махабхарату», где использовал наработанные навыки для передачи своих идей. Восточные техники ему были необходимы в репетиционный период для объединения в единый организм многонациональной труппы и для развития в исполнителях концентрации и внимания при работе над ролью.

В 1979 г. датский режиссер Эоженио Барба основал Международную школу театральной антропологии (International School of Theatre Anthropology – ISTA). В своих исследованиях участники ISTA, синтезируя исполнительские традиции различных культур, стремятся найти актерскую «технику техник». Она основана на «пре-экспрессивном» движении в «экстра-обыденной» технике. Такие движения не используются в повседневной жизни. Они необходимы для театральных подмостков и священных действ. Изучив актерскую технику японского, китайского, индийского, балийского и других восточных актеров, участники ISTA пришли к выводу, что в них присутствует «сценический биос» – момент, когда актер замирает в не бытовой позе, когда сложно удерживать равновесие. Главная цель ISTA – воспитать актера, способного существовать в рамках любой эстетической системы.

Каждый год ISTA организует Международную сессию в Копенгагене, где демонстрирует итоги своих исследований. В 1996 г. на такой встрече был представлен спектакль «Остров лабиринтов», который, по словам Барбы, продемонстрировал опыт «мирового театра». Это представление соткано из цитат мировой драматургии. В нем Офелия признавалась в любви Дон Жуану, а королева убивает старого короля, используя способ, проверенный в Гамлете, вливая яд ему в ухо. Исполняют этот коллаж актеры межнациональной труппы в техниках своих культур. Например, Офелию играет в технике традиционного театра кабуки японский актер оннагата (женские роли, исполняемые мужчинами) Каниси Ханаяги, а Дон Жуана в европейской манере играет актер Торгер Ветхал. Вся эта пестрота сюжетов и актерских техник нужна режиссеру для того, чтобы наглядно показать свою идею. Барба понимает Театр – всемирное явление – как развлечение для богов. На сцену он выводит Диониса и Шиву, для которых и разыгрывается это представление.

Техники восточных театров использовались европейскими режиссерами во второй половине XX в. для воспитания актера, способного во-

плотить замысел спектакля. Во многом восточные, особенно японские, практики понимались как тренинг для развития физических, голосовых, музыкальных, интуитивных и коммуникативных способностей исполнителя. Питер Брук с помощью таких тренингов искал чисто театральный универсальный язык для общения со зрителями. Эоженио Барба выявил основные принципы актерской «техники техник». Приемы восточной практики актерского существования необходимы европейским режиссером второй половины XX в. для реализации своих идей и поиска универсального чистого театрального языка.

Литература

1. Авдеев, А.Д. Происхождение театра: элементы театра в первобытнообщинном строе. – Л.; – М.: Искусство, 1959.
2. Анарина, Н.Г. Японский театр Но. – М.: Наука, 1984.
3. Барба, Э. Бумажное каноэ: трактат о театральной антропологии. – Спб.: Санкт-Петербургская театральная академия театрального искусства, 2008.
4. Барба, Э., Саварезе, Н. Словарь театральной антропологии: тайны искусства исполнителя. – М.: Артист, режиссер, театр, 2010.
5. Брук, П. Блуждающая точка: статьи, выступления, интервью. – М.: Артист. Режиссер. Театр, 1996.
6. Григорьева, Т. Театр Но // Красотой Японии рожденный. – М.: Искусство, 1993. – С. 330–354.
7. Гротовский, Е. От бедного театра к искусству проводнику. – М.: Артист. Режиссер. Театр, 2003.
8. Гундзи, М. Японский театр кабуки / пер. с яп. Б.В. Раскина. – М.: Прогресс, 1969.
9. Дзэами, М. Предание о цветке стиля (фуси кадэн), или предание о цветке (кадэнсё) / пер. со старояп. Н.Г. Анарина. – М.: Наука, 1989.
10. Табачникова, Н. Остров лабиринтов // Экран и сцена. – 1996. – 4 июля – 11 июля. – С. 6–7.
11. Feldshuh, D. Zen and the Actor // The drama Review. – 1976. – № 20. – P. 79–89.

Евгения Логуновская
(Минск, Белорусский государственный университет)

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА ВАМПИРА В РАЗЛИЧНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ЭПОХИ

The author discusses the general concept that is present in the understanding of the character of vampire throughout the entire period of its formation and development, examines vampire typology and its changing in history. The paper distinguishes two types of the vampire, analyzes the character which may be observed in contemporary culture and the reasons for its popularity.

В последнее время на экранах, страницах книг и более всего в сети Интернет наблюдается всплеск вампирской тематики. Это говорит о том, что в современной культуре происходит реанимация различных культов, фольклора, среди которых находится и образ вампира. Теперь вампир – часть нашей жизни, неотъемлемый компонент современной культуры, не только модная, но и серьезная тема. Какова же подоплека моды на вампиров?

Чтобы разобраться, рассмотрим типологию вампиров и ее изменение на протяжении истории. В традиционном представлении вампир – это неживое существо (то есть нежить), которое обязательно пьет кровь. Это – то общее место, которое присутствует в понимании образа вампира на протяжении всего периода его формирования и развития. Энциклопедия «Мифы народов мира» фиксирует понятия «вампир» и «упырь» (важно отметить, что разница лишь в транскрипции: относительно западноевропейской мифологии принят вариант «вампир», в восточнославянской его называют «упырь»): «Упырь, в славянской мифологии мертвец, нападающий на людей и животных, образ упыря заимствован народами Западной Европы у славян (см. Вампир). <…> По ночам упырь встает из могилы и в облике налитого кровью мертвеца или зооморф-

ного существа убивает людей и животных, реже высасывает кровь, после чего жертва погибает и сама может стать упырем; известны поверья о целых селениях упырей» [2, с. 563]; «Вампир, в низшей мифологии народов Европы мертвец, по ночам встающий из могилы и являющийся в облике летучей мыши, сосущий кровь у спящих людей, насылающий кошмары. <…> В славянской мифологии – упырь» [2, с. 113].

Однако, если говорить о более детальной его характеристике, дискурс «вампир» в разных культурных эпохах формировался по-разному. Можно выделить, по крайней мере, два основных взгляда на вампира (данная классификация является скорее исторической, нежели видовой, т.к. в рамках каждой из приведенных нами исторических групп существует множество видовых подгрупп, которые отличаются друг от друга различными нюансами).

Образ вампира, непосредственно заимствованный из фольклора

Восходит к древнейшим рассказам о мертвецах, которые встречаются по всему миру. Вампироподобные духи появляются уже в вавилонской демонологии, в раннем шумерском и санскритском фольклоре. По некоторым поверьям, первым вампиром был сын Адама и Евы Каин, которого проклял Бог за убийство брата Авеля, сделав Каина бессмертным. Позже его нашла одна из первых жен Адама, Лилит, которая, увидев его скитающимся по миру, обучила вампирской магии, т.к. сама она была уже одной из жен Люцифера. Существует несколько интерпретаций данной истории, споры о ней ведутся до сих пор. Позже легенды о вампирах приходят в Восточную Европу, в частности, Румынию, Венгрию и Сербию. Например, в Сербии считалось, что упырь – это человек, похороненный на месте упавшей звезды. В Беларуси верили, что «вупыром» (вупарам) после смерти становились те, кто при жизни был связан с нечистой силой; по ночам они приходили к бывшим врагам, а иногда к родным или близким и выпивали их горячую кровь прямо из сердца [3].

Вампирическая тема проникает в западноевропейскую художественную литературу (если не брать в расчет множество медицинских трактатов, посвященных этой теме) благодаря балладе И.В. Гете «Коринфская невеста» в конце XVIII в. В балладе героиня возвращается с того света и совершает обряд инициации, выпивая кровь своего жениха. После чего последовала целая серия произведений о вампирах: поэма «Кристабель» С.Т. Колриджа, «Талаба-разрушитель» Р. Саути, «Гяур» Дж.Г. Байрона.

«И все же подлинный дебют вампира как литературного героя состоялся не в поэзии, а в художественной прозе. Он связан с рождением жанра готического или “черного” романа, который утвердился в европейской словесности рубежа XVIII–XIX вв. как дискурс о загадочном, непостижимом, сверхъестественном и ужасном, тревожащих сознание человека Нового времени, как сенсационная форма сублимации коллективных и индивидуальных страхов», – писал С.А. Антонов в статье «Тонкая красная линия. Заметки о вампирической парадигме в западной литературе и культуре» [1, с. 10]. Древнейшие представления в человеческом бессознательном не стерлись окончательно, став тем, что Карл Густав Юнг назвал «архетипом» – устойчивым элементом коллективного бессознательного. Страхи из народных поверий о вампирах оказались настолько сильны, что просто перешли к человеку вместе со спецификой психики в качестве архетипа (по аналогии со страхом темноты или боязнью змей).

Образ вампира, появившийся в XIX в. в художественной литературе: вампир = аристократ

Необходимо отметить, что именно с этого момента начинают появляться разные интерпретации образа вампира – подвиды данной группы (боится/не боится дневного света, можно/нельзя убить осиновым колом или серебряными пулями и т.д.). Этот тип вампира сохранился и в современной литературе и культуре.

Обстоятельства рождения данного типа героя довольно интересны. В 1816 г. в Швейцарии Дж.Г. Байрон и его личный врач Дж.У. Полидори встретились в женевской гостинице «Англия» с П.Б. Шелли, его женой Мэри, а также ее сводной сестрой Джейн Клермонт. Байрон предложил собравшимся устроить состязание и сочинить собственную страшную повесть. В результате этой игры появляется известная книга Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей». П.Б. Шелли и Байрон отказались от идеи, проза была от них явно далека. Полидори создал небольшую повесть «Вампир», получившую европейский резонанс. Он изменил образ вампира и сделал его модной литературной темой. «Полидори первым соотнес вампиризм с темой сексуальной страсти, отмеченной двойственностью страха/влечения» [1, с. 31]. Важно то, что «Полидори ориентировался на психологический и даже внешний облик героев байроновских поэм – и на образ самого Байрона, каким он сложился в сознании современников» [1, с. 33]. На тот момент Байрон на-

ходился на пике своей популярности, поэтому интерес к очень похожему на Байрона вампиру возник моментально. Не случайно в литературе образ вампира появился именно в эпоху романтизма. Романтиков пленяет то, что стоит на грани прекрасного и отвратительного. Триада истины, добра и красоты, лежавшая в основе просветительской эстетики, для них недействительна.

Следующими становятся Брэм Стокер («Дракула», 1897), Энн Райс («Интервью с вампиром», 1973) и множество других авторов, которые продолжают изображать вампира как романтического героя: вампир аристократичен, блестяще образован, интересен, умен, красив, сексуален. Появляются и образы вампирш – соблазнительных роковых леди.

С.А. Антонов, на статью которого мы опираемся в нашей работе, говорит о психологизации и этизации образа вампира в последние десятилетия, начиная с романа «Интервью с вампиром» Энн Райс, по которому был снят одноименный фильм. Антонов пишет: «Душевные терзания главного героя из-за своего вынужденного кровопийства, деление вампиров на "плохих" и "хороших" уже открыто включают героя в систему человеческих ценностей, радикально ревизуя тем самым классический вампирический канон» [1, с. 83]. Вместо традиционной фигуры хищного и смертельно опасного монстра, несущего человеку гибель, «Интервью с вампиром» предлагает образ возвышенного и страдающего существа, наделенного вполне человеческими нравственностью и разумом. «В культурно-философском смысле этот образ есть прямое порождение постмодернистской идеологии с характерным для нее пафосом размывания всевозможных границ», – отмечает Антонов [1, с. 84].

Отдельно надо отметить образы вампиров, которые создал русский писатель Сергей Лукьяненко в цикле «Ночной. Дневной. Сумеречный. Последний дозор». Они в высшей степени очеловечены: кроме того, что они не боятся дневного света, чеснока, серебра, вампиризм – скорее сверхъестественная способность, нежели проклятие.

Однако остается вопрос: почему порождение фольклора восточных славян, омерзительная кровожадная тварь вдруг стала популярным литературным героем и превратилась в существо утонченное, интеллектуальное и эстетически привлекательное? Возможно, образ утонченного и обладающего хорошими манерами вампира является метафорой исчезающего и вымирающего класса аристократии. Вымирание началось в конце XVIII в. и продолжалось в XIX и XX вв. Именно странное состояние не-жизни и не-смерти, присущее вампирам, как нельзя лучше подходит для описания положения современной уцелевшей родовой аристо-

кратии. Физически эти люди живы, но социально они мертвы, они уже не играют никакой роли в обществе.

Литераторы не могли не заметить, что класс старых господ, которые пусть и были кровавыми эксплуататорами, но зато обладали хладнокровной отвагой, хорошими манерами и отменным вкусом, исчезает, а на смену ему идет власть людей, не обладающих ни вкусом, ни остроумием, а умеющих одно – делать деньги.

Данная версия высказывалась в Интернете поклонниками вампирической темы. Она отчасти дает ответ на вопрос, почему именно эта интерпретация вампиров перешла и в современную литературу и культуру (в большинстве случаев): аристократичный и утонченный вампир намного интереснее и приятнее мертвеца, вышедшего из могилы и кусающего всех подряд. Нужно отметить, что почти все современные фильмы о вампирах, как и художественные произведения, «сделаны» очень привлекательно эстетически. Герои изысканны, остроумны и привлекательны, пейзаж заимствован из литературы эпохи романтизма и, как и тогда, выглядит прекрасным и загадочным.

С другой стороны, объяснение можно найти в теории личности З. Фрейда. Вампир олицетворяет два основных стремления бессознательного человека: инстинкт жизни и инстинкт смерти. Вампир – это нежить, он не жив и не мертв: с одной стороны, это человек после смерти, с другой – он живой, и эту иллюзию жизни он стремится поддерживать. Также образ вампира, типичный для современной культуры, характеризуется сексуальностью. Кинорежиссеры и писатели, создавая этот образ, апеллируют к нашему либидо, по Фрейду, главному стремлению нашего бессознательного. Истории о вампирах – сублимация всего вышеперечисленного, популярность вампиров отражает накапливаемые в психике современного человека отклонения и перверсии.

В кинематографических и литературных произведениях часто подчеркивается, что вампиры – существа свободные (если не брать во внимание необходимость прятаться от солнечного света в гробу). Они свободны от условностей и предрассудков, т.к. они мертвы, свободны от законов общества, хотя иногда сами придумывают себе ограничения. Это отражает желания человека: наверное, каждый мечтает жить так, как хочется, поступать так, как сам считает нужным, не оглядываясь на мнение окружающих, не подчиняясь табу и стереотипам.

Таким образом, можно сделать вывод о причинах, которые определяют популярность вампирской тематики на данном этапе:

● образ сверхчеловека, мотив приобретения сверхъестественных способностей (вампиры часто умеют читать мысли, видят будущее, обладают огромной силой, быстротой и т.д.);

● бессмертие, пусть не вечное (вампир не стареет, не болеет, убить его трудно);

● сексуальность и нечеловеческая красота, традиционно приписываемая вампирам;

● образ на стыке привлекательности и опасности (если вампир является положительным персонажем).

Идеализация негативной символики – это характерная черта современности. Актуальным становится не положительный герой, а герой неопределенный, не добрый и не злой, который более похож на нас в реальных обстоятельствах. Именно таким изображают вампира литература и кинематограф.

В современной культуре вампир – не потустороннее явление, в которое верили наши далекие предки, а компонент, который перешел в нашу культуру и является ее частью. В разные эпохи человек при помощи образа вампира экстраполирует свои страхи, интересы, желания. Вампир – древний фольклорный образ, который, претерпевая изменения, сохранился до нашего времени и не потерял своей актуальности, что можно объяснить в большинстве своем спецификой психики человека, а также изменением самой культуры, «пересечением культурных языков настоящего и прошлого» [1, с. 89]. Человек развивается, на смену одним страхам или желаниям приходят другие, с оглядкой на них образ вампира, должно быть, будет переосмыслен и останется актуальным как отражение элементов коллективного бессознательного и одновременно компонентов культуры. Однако то, каким станет образ вампира в будущем, вряд ли можно предугадать сейчас.

Литература

1. Антонов, С.А. Тонкая красная линия. Заметки о вампирической парадигме в западной литературе и культуре // Гость Дракулы и другие истории о вампирах: антология. – СПб.: Азбука-классика, 2009.
2. Мифология: большой энциклопедический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Большая Рос. энцикл., 1998.
3. Міфы Бацькаўшчыны: энцыклапедыя / укл. Ул. Васілевіч. – Мінск: Беларус. Энцыкл., 1994.

КУЛЬТУРНЫЕ ИНДУСТРИИ И ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА

Maksim Milto
(Vilnius, European Humanities University)

CULTURAL MEMORY AND THE STATUS OF CAPITAL CITY IN THE CONTEXT OF HISTORICAL TRAUMA: KAUNAS AND VILNIUS

The paper attempts to offer a critical approach to the problem of narrative of a capital city in the Lithuanian context. What values does the situation of the capital city bring to the wealth of the city, its citizens and the state on the whole? What are the consequences of the status of the capital city? The paper focuses on the category of the capital city. It is regarded as a medium of cultural memory along with its function of a utopian project. Analysis is based on the dichotomy of the capital cities Vilnius and Kaunas as it is represented in modern discussions. In both cases the author refers to the historical trauma of the interbellum period of independence.

«Everything begins in mystique and ends in politics».
Charles Péguy

Post-1914 era alongside with the uprising of national movements in Europe in the «long 19th century» (in J. Habermas' terms) became a time of essential transformations within the European continent. In this regard newly born nation-states came to light and started *to perform politically, culturally* and *socially* on a completely new arena. The understanding of the nation-state's behaviour and self-positioning served as tool of utmost importance and value. Taking into consideration a variety of national policies in the issue, *a reconstruction* of capital city became one of the leading evidences of broadcast by the national authority, in order to strengthen the right for statehood, where capital city is a mediator between heroic historical past or *roots* and modernity or *ensuring prosperity of the nation-state.*

Context of historical trauma, whereas geographical, political and cultural «loss of Lithuanian Vilnius» in years 1918–1940 stays, is highlighted as a general background of capital city behaviour and positioning in the contemporary Republic of Lithuania. During the interwar period issue of trauma reached most of existing clusters of state policy in Interwar Lithuania: occupation of Vilnius region, the absence of Lithuanian layer in the spaces of Vilnius on the other hand as well desire of national elites of including Vilnius in the area of state in order to enhance the image of the latter. In contemporary Lithuania one would still observe a presence of confrontation between historical and provisional capitals (Vilnius and Kaunas resp.) due to the experience of the 20th century events. Referring to the times of Soviet occupation of Lithuania, i.e. 1944–1990, the dichotomy between described modes of capitalness may be defined as *full of nomenclature* (Vilnius) vs. *still national* (Kaunas) capital city within the specificity of Soviet rule in Lithuania – the authority and delivered power were still Lithuanian-speaking and Lithuanian by origin but Communist party-belonged. Therefore a transformation of the dichotomy into diverse (Vilnius) vs. homogenous (Kaunas) and the way it continues to develop are to be analysed.

Culture of Cities and Reconstruction of National Utopia

«History has to be made and unmade every day».
Leonidas Donskis

According to L. Mumford design of cities and their economic functions are secondary to their relationship to the natural environment, to the spiritual values of human community and to the political component of city governance. In his classical work «The Culture of Cities», L. Mumford has given a definition of what city is and how it functions. Understanding these two key issues will help reader to switch both to the *origin* of the city, as a social, cultural and political entity and then to the matter of what *type of culture* city possesses and delivers to its citizens and spaces, as well to the issue of *exploring* the city.

Mumford stresses that a city must be understood as (1) the point of maximum concentration for the power and culture of a community as (2) a place where the diffused rays of many separate beams of life fall into focus, with gains in both social effectiveness and significance: «It is the seat of the temple, the market, the hall of justice, the academy of learning. Here in the city the goods of civilization are multiplied; here is where human experience is transformed into viable signs, symbols, patterns of conduct, systems of order. Here

is where the issues of civilization are focused: here, too, ritual passes on occasion into the active drama of a fully differentiated and self-conscious society» [11, p. 3].

During the 19th century European states confronted a rise of its archaic cities, which lead to the corresponding revolution in the city planning and citizens' activity. Industrial expansion of the 19th century caused an unprecedented urban development, which for a long term was a rather complicated issue to deal with, regarding most of industrial states of the time. Not accidentally in this time a brand new activity of philosophers and architects comes to play – a boom or even a flow of new *urban utopias*. Among such: Robert Owen and community experiment in America, James Silk Buckingham and Victoria town project, as well Ebenezer Howard and Garden Cities utopia etc.

On the other hand, one would still express concern *how* the already defined *space of the city is performing its symbolic role* and *what attitude of life it transmits to citizens*? Here it is of special importance to recall the input of cities towards citizens' life what stands as of first priority issue within researchers interventions to the city culture. *Cities* have in common the fact they *make people more physically accessible to one another, in more or less shared, limited space*. Urban anthropology became more integrated into the discourse of the other social sciences, providing a far more holistic approach within its interventions and it is worth to emphasise the differentiation between cities that was provoked through the Industrial Revolution as described previously. Differentiation by economic development, so by political influence on a new – national – scale became determining factor in the existence and competence between cities. An issue of national capital is the one of a very specific kind, at a certain level possessing role of supra-city with the relevant image, content and performance and therefore needs to be investigated.

It is necessary to accept the presence of added value city generates and brings to the national dimension, on one hand, and the symbolic value of the city, on the other. National capitals as such, behaving a certain variety of supra-qualities and comparable values. Capitals are intrinsically and manifestly symbolic – national monuments, administrative centres, parliaments, museums and significant historic sites. Only a capital can assemble such a collection of national symbols. In combination these symbols create a sense, which already has been highlighted in the introduction of the paper – capitalness. Similarly, only a capital can imbue such structures with symbolic and existential meaning.

Capitalness playing crucial role in the Other's experience of cities, where response towards series of intertwined qualities is being generated. Status of

the capital city affects the built environment of cities, with the whole place or particular zones of prestige laid out in a formal manner with monumental buildings, spaces and sites. Additionally behaving capitalness provides visitor attractions, especially those that reflect and interpret national culture and history, like museums, galleries and performance spaces. Capitalness behaviour is linked to provide series of symbols and images to which experience of Other is requesting certain respond and reaction. Flavour of capitalness contributes a very particular power towards experience, which is being appropriated, developed and personally assigned.

Within the «problematic» cases of capitalness an example of Berlin can be briefly brought up. Building of Berlin as a space of government and political power; and the politics of memorializing, first in confronting the experience of Nazism and second in dealing with the legacies of the East Germany became a challenge on one hand and an opportunity for a new reconstruction of capitalness on the other [1, 5], as according to Allan Cochrane. Displaying heritage and monuments in this respect is serving as one of the tools alongside with other practices of inventing traditions of capitalness wellbeing (in E. Hobsbawm's terms)[1].

Broadcasting Capitalness and Cultural Memory in Lithuania

«Lithuanians are prone to expansion
and to cosmopolitanism, to the far destinations,
and to seeking happiness elsewhere.
In ancient times the inclination brought
Lithuanians up to the Black Sea».
Antanas Smetona

It has been stressed previously, genuine mission and performance of the capital city is far more of direct appeal towards reconstruction of national identity. Relevant studies of M. Halbwachs «Collective and Historical Memory», G. Vico on poetics of memory within oral tradition and S. Kierkegaard «Repetition» provide strong evidence on the way how types of practices and forms of thinking are being settled in mind of Other. Three of them stress the importance of to repeat and to recall an issue permanently what leads towards formation of *memory*, as a safeguard of practices and habituates to be installed. Here cultural memory is the one, responsible for the consequence

[1] More here: Hobsbawm, E.J., Ranger, T. [et al.]. The Invention of Tradition, 19th printing. – Cambridge: University Press, 2010.

of relevant thinking[2]. As for the nation's cultural memory, items of national memory tend to match folk mythological characters. Then referring to a bigger scale of a separate city total merge of all carriers' memories is far more diverse. Here commemorative practices are serving as a tool to strengthen communities' memory through the intervention to the city landscape, among such – monuments to national heroes, although often among symbols of city cultural memory there is local history of the city, which has been interpreted on the national dimension. A specific form of city cultural memory is localisation of memory characters throughout construction of exact buildings and places like theatres, operas, castles or its ruins, churches and especially remarkable for the XX century – museums and graves, where symbolically «heroes of the nation are rest in piece» [13, p. 235] as A. Nikžentaitis concludes in his «Cultural Memories of the Provisional and Lithuanian Republic Capitals: Essay of Comparative Analysis».

Issue of the capitalness is a claim to be a symbol of the state, primarily in qualitative terms, which stands for having an exclusive right to be representative one, neither other cities, places and discourses in the state. Immersing even more into the space of city, primarily, capital city, one should underline presence of not only capital having symbolic role in perspective of state, but also representative institutions performing its roles. Still having in mind the challenge of obtaining symbolic role of the capital, a switch towards metaphysical nature of the issue, not only economical, political, cultural etc. is required in the context of Kaunas and Vilnius – a rather different context, than anywhere else in the region of Baltic countries.

In the ideological sense and perspective referred to Vilnius during the early wave of Lithuanian national revival (second half of the 19th – early 20th century) as a *capital of the Grand Duchy of Lithuania* and the space of national significance (primarily identified with the religious one). However, due to variety of city-phobias one finds in the Lithuanian peasant consciousness, anti-Semitism, as a result of the phobia, produces a substantial negative impact on the myth of «Vilnius, the primordial Lithuanian capital» in the way J. Basanavičius, *Pater Patriæ of Lithuania*, makes it appear in newspaper «Aušra», founded in 1883. It is worth mentioning that in contrast to Vilnius more or less presented in consciousness of peasants, as a «distant capital», Kaunas was completely absent in the historical consciousness of the people in any kind to the early 20th century. In this sense, the role of Kaunas, primarily identified with the fact that it is a city, where a few of Lithuanians do live, as opposed to Vilnius, where «Lithuanians do not live» because of the presence of

2 Halbwachs, M. On Collective Memory. – University of Chicago Press, 1992. – P. 203.

the Others – Poles, Russians, Jews – its role increased significantly right after January 1, 1919, when the Council of Lithuania de-facto declared Kaunas as provisional capital of Lithuania.

Twenty-years history of Kaunas being a provisional capital is a spectacular example, when existed state doctrines reflected itself in the space of the city. Still to mention Kaunas municipality conducted in period of parliamentary democracy in interwar Lithuania differs substantially from strategies and policies of urban development under authoritarian rule of President Smetona during post-1926 period both in cultural activities promoted by municipality: supporting local initiatives of city residents, such as membership clubs and local libraries, founded by townsmen in the beginning, and exclusive corporations (e.g. *Corp! Neo-Lithuania*) and nationalistic movements (e.g. *the Iron Wolves*) during the latter. At the time Kaunas becomes the scene of Vytautas the Great Year (1930) culmination, since «the son of Gediminas – Vytautas has developed our state – Great Lithuania – to the most powerful of its possible. Being today in Kaunas – Vytautas-the-Great-founded city – we should respect the achievements of our forefathers in the place we are now» as outlined by President Smetona [8, p. 66].

Cultural memory in the city is closely interlinked with the dominant ethnic community's cultural memory despite the possible presence of Other's interpretations. Here L. Steindorff underlines «…cultural memory concentration in the capital cities appears as a pure mirror of all-country cultural memory» [15, 83]. This is the reason for A. Nikžentaitis study to be a relevant source to deepen in while approaching the issue of reconstruction of cultural memory in Kaunas and Vilnius.

Mentioned study includes a research of policy in the field of city toponymy of Kaunas for 1919–1940 and Vilnius during post-1990 era. For the case of Kaunas 3 major epochs are dominant for the interwar period: 12 streets were named after the representatives of Lithuanian «Golden Age» (times of Grand Duchy of Lithuania – GDL), 40 streets – after the period of National revival of the 19th century and 39 after the restoration of independent State of Lithuania. As well a number of Lithuanian mythology characters and names of Lithuanian literature make an additional layer of 10 street names. As it could be seen in the very beginning of the restoration of state, authority dismissed the past of GDL[3] and the most of impact on the level of toponymy has been switched towards the Lithuanian struggle for independence (and appropriate toponymy in favour of died warriors and famous civilians) where a clear

[3] Laurinavičius, Č. Lietuvos – Sovietų Rusijos taikos sutartis: 1920 m. liepos 12 d. Sutarties problema. – Vilnius: Valstybinis leidybos centras, 1992. – P. 143.

anti-Polish intention is perceived. A direct connection of capitalness cultural memory with the realities of recent years one can understand as an evidence of reconstruction of the nation-state and its identity, rather than declared assurance of consequence of former Lithuanian state.

Practices of commemoration can be applied as through policy of toponymy within capitalness formation, so through the national symbols reconstruction, where, as mentioned above, museums and graves play an essential role. Historian D. Mačiulis in the study «State Culture Policy in Lithuania 1927–1940» concludes, capitalness cultural memory in interwar Lithuania till the coup d'état of December 17, 1926 and even couple of years afterwards was produced in the categories of nationalistic images of the recent epoch, where Vytautas Magnus War Museum becomes a major framework of representation. Then a substantial shift in the structure of capitalness cultural memory happened throughout the end of first decade of independence of Lithuania. 1930 has been proclaimed as a Year of Vytautas Magnus (500th anniversary of Vytautas Magnus death) within which an epoch-making intervention, leading towards a new GDL heritage-linked framework started was put on agenda and major narrative of authority, which lasted till 1940. Exposition of Vytautas Magnus War Museum in this sense broadcasted as an evidence of succession between «GDL glory past» and *Lituaniæ Restituta*.

What regards Vilnius capitalness approach in commemoration and resp. intervention towards cultural memory of citizens following issues are considered, according to Nižentaitis study:

- city toponymy perceives three historical epochs of GDL (40 names), National revival of the 19th century (50 names) and Interwar Lithuania (35 names);
- a share of «false» Lithuanians street names in the case of Vilnius is more than 15%; Soviet occupation epoch is represented by 22 names;
- a sort of War of Independence commemoration was taken over by commemoration of the events of January 13, 1991;
- an attempt of reconstruction of the new topos for capitalness cultural memory in Vilnius has been done with the Palace of the Rulers, where construction of such is unfortunately still unfinished.

One should recognise a permanent change within capitalness cultural memory formation with no difference to the locality of distribution, where broadcast of Kaunas capitalness cultural memory consisted of shift from mainstreaming of recent history towards historical past and by that evidencing the narration of a united and strong nation-state on one hand and on the other after-1990 Vilnius capitalness cultural memory was evidenced by the

past of GDL and then making a shift towards recent struggle for Independence and relevant victims, therefore skipping a process of finalisation of national narrative within cultural memory and switching towards recent events and past.

Period of restoration of city governance, connected primarily to reorganization of the administrative-territorial structure of cities – transition from *rajonas* to *seniūnija* (symbolically, from [Soviet] district to [National] eldership), as well as, transforming City Municipality occurred simultaneously in Kaunas and Vilnius in the early 90's and lasted till 1995–1997. Within the increase of Lithuania's integration into European Union, which at that time started to be promoted actively by authorities at both national and local levels and transferred from political sphere to public one[4], a transformation of capitalness' representation in Kaunas and Vilnius happened. Its development may be divided into three time phases: (1) 1996–2002: restoration of city economies from the effects of the collapse of the Soviet Union to preparing for EU accession; (2) 2003–2007, from EU accession prior to becoming among the key centres of the «Baltic Tiger»; (3) 2008 – present: from reaching the low of the economic crisis to economic rehabilitation and expectations of the second wave of recession.

One could observe presence of far more *territory-related* city governance, rather than *planning-related*, namely introducing industrial and technological facilities as well attracting foreign investors in the banking and service sectors in Kaunas and Vilnius during time phases mentioned. However, while Kaunas local authorities focused city governance mostly on infrastructural and economical development, Vilnius still pretends to behave as a *competitive creative capital city in North Eastern Europe.* Tensions of such are unambiguously related to the odious personality of A. Zuokas, Mayor of Vilnius (2000–2007, 2011 – present), where the first steps of him, were gentrification of abandoned Užupis district of Vilnius, making it sound on official level as Monmartre of Vilnius, and an *Oranžinis dviratis* initiative by making a service of free bike rent. Although the success of the former was as great as the fail of the latter, the conduction of Vilnius' new way of sounding in public discourse has happened. The next was a construction of a new business district of Vilnius, which nowadays consists of several glass high-rise towers that destroyed two very long-existed «visions» of the city. The first was literally skyline of the Old Town and the second was a claim of Vilnius location as completely incompatible for

[4] E.g. the change of history textbooks published in 1993–1995 into re-published in 1998–1999 ones, where an integrated concept of the history of Lithuania and global, particularly Western, world is presented.

business development rather than Kaunas is[5]. Apart from the expressive fight against illegal parking in the city, a vivid initiative «proving» Vilnius capitalness narration as a creative city was *Fluxus ministerija* (Ministry of Fluxus), which was implemented by Vilnius municipality as well.

In contrast to Vilnius, local authorities of Kaunas sent forces to design a general attractive image of the city, associated with restoration of Old and New Town, as to confirm the reference to inter-war capitalness of the city. Here, efforts to promote city transformed into constructing new of public facilities (Žalgiris sport arena, Karmėlava airport, reconstruction of the railway station, etc.), that one could call as strengthening the infrastructural content of the Kaunas capitalness. A strong remark should be put for an establishment of Historical Presidential Palace of Lithuania in Kaunas in 2003, at the moment playing a leading role in promoting inter-war values and relevant aspects of capitalness narrative of Kaunas.

Here one of the key differences in the mode of capitalness of Vilnius is being evidenced publically as a historical feature of Vilnius, absent in Kaunas – multi-ethnic population and a corresponding orientation of all projects conducted in the city, i.e. being more opened to Others, those who value the assurances of the city authorities in the proper positioning of the capitalness and relevant attributes.

Conclusion

Exploring and searching for a city is a challenge on one hand and intervention of self towards constructions of the delegation of power on the other. Among the major issues here is a strong need to formulate a broad and holistic approach to the problem as such. Definition of the framework of capitalness in Lithuania was a goal, which required a certain differentiation of dimensions interlinked. Role of the city is a performance of a «theatre of social action», as a category, which constitutes and formulates a bright and special landscape to be determined and explored. Nevertheless this conclusion is not sufficient to be able to work out a general outlook of the goal, therefore a next chapter, regarding the issue of «special» cities, supra-cities or Utopian project of a special kind – capital cities, was generated and highlighted the mission of capital city, as a distinguished matter of performance and impact on nation-state wellbeing. What kind of perceptions national capitals are formulating in the expe-

[5] The talk is about Kaunas, as located nearby the crossway of two major motorways E85 and E67.

rience of Others and how senses in the national capital can be reconstructed were key issues.

Within the article author has outlined, positioning of capitalness inevitably bears intention of power representation per se, where its location precisely in this area of causes the segregation of the capital from non-capital discourse with a regard to a supra-mission of the capital city. As well positioning of capitalness as an individual experience, includes a presentation of combined features of the state-nation, in other words relies on representation of its own broadcasted narrative and finally is linked directly with the relevance of representation of power in the space of capital towards the representativeness of the capital's «slice» through the experience of Others, i.e. capitalness narrative, which is generated here and now, irrespective of the historical factors, which it possesses, to be confirmed by Others or flaneurs.

In the context of the loss of historical capital of Lithuania, local authorities of Vilnius exercise the expansion of its mode of capitalness in relation to the relevant intentions of Kaunas local authorities. Precisely a transition from homogeneous arrangement of the city space into inclusive and multinational arrangement is the decisive factor of Vilnius capitalness mode's efficiency in relation to the Kaunas' one, focused on the doctrines of interwar time. Interventions of local authority towards reconstruction of cultural memory are playing here a crucial role, where capitalness is being understood as a universal category of features and qualities of the city, which allows claiming it as a supra-Utopian location in the scale of nation-state and national identity.

Literature

1. Cochrane, A. Making Up Meanings in a Capital City: Power, Memory and Monuments in Berlin // European Urban and Regional Studies. – 2006. – № 13(1). P. 5–24.
2. Halbwachs, M. On Collective Memory. – University of Chicago Press, 1992.
3. Hannerz, U. Exploring the City. Inquiries Toward an Urban Anthropology. – New York: Columbia University Press, 1980.
4. Hobsbawm, E.J., Ranger, T. [et al.]. The Invention of Tradition, 19th printing. – Cambridge: University Press, 2010.
5. Hutton, P.H. The New Science of Giambatista Vico: Historicism in Its Relation to Poetics // Journal of Aesthetic and Art Criticism. – 1972. – Vol. 30, № 3. – P. 359–369.
6. Kierkegaard, S. Fear and Trembling: Repetition. – Princeton: University Press, 1983.
7. Laurinavičius, Č. Lietuvos – Sovietų Rusijos taikos sutartis: 1920 m. liepos 12 d. Sutarties problema. – Vilnius: Valstybinis leidybos centras, 1992.
8. Mačiulis, D. Vytauto Didžiojo metų (1930) kampanijos prasmė // Lituanistica. – 2001. – № 2(46). – P. 54–75.

9. Maitland, R., Ritchie, B.W. City Tourism: National Capital Perspectives. – CABI, 2009.
10. Makeham, P. Performing the City // Theatre Research International. – 2005. – Vol. 30, № 2. – P. 150–160.
11. Mumford, L. «What is a City?» // The City Reader / R.T. Legates, F. Stout. – Routledge, 2003.
12. Mumford, L. The Culture of Cities. – Routledge, 1997.
13. Nikžentaitis, A. Cultural Memories of the Provisional and Lithuanian Republic Capitals: Essay of Comparative Analysis // Acta humanitarica Saulensis. – 2009. – T. 9. – P. 235–246.
14. Samalavičius, A. Miesto kultūra: mokomoji knyga. – Vilnius: Technika, 2008.
15. Steindorff, L. Capital City as a Symbol of National State in Eastern and Central Europe // Zgodovinski časopis. – 2000. – Vol. 118(1). – P. 77–87.

Анна Позняк
(Вильнюс, Европейский гуманитарный университет)

КУЛЬТУРНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ЭКОНОМИКИ КУЛЬТУРЫ ВИЛЬНЮСА

The article analyzes how institutionalization affects the development of grassroots initiatives and how the transition from illegal to legal status affects the spatial organization of a city. Vilnius is an example of EU post-Soviet economy. Interviews conducted with informants explore their experience of acting in the local culture industry, overcoming structural limits and dealing with local, regional and international power institutions. The data collected helps to understand the specifics of Vilnius's cultural sector and the struggles of the local entrepreneurial community. The paper critiques the existing space appropriation strategies and discusses a possibility of sustainability for local cultural institutions.

Выбранный для данной работы контекст Вильнюса интересен тем, что представляет собой одну из постсоветских экономик Европейского союза. Это город с советским прошлым, что оказало определенное влияние на его развитие. Локальный сектор культуры, с одной стороны, субсидируется государством и крупными компаниями. С другой стороны – фондами ЕС. Общий контекст важности развития культурных индустрий, а также вступление Литвы в Евросоюз способствовали появлению возможностей для реформирования локальной индустрии культуры. Участие Вильнюса в программе «Европейская столица культуры» послужило стимулом для развития уже существующих институций и появлению новых организаций. Низовые инициативы наравне с крупными культурными институтами получили возможность финансовой поддержки.

Целью исследования было рассмотреть, каким образом переход от нелегального статуса к легальному влияет на траекторию развития креативных инициатив и, в связи с этим, каким образом подобный переход влияет на пространственную иерархию города, в которую данные инициативы оказываются вписаны. Основной **задачей** стало выявление того, как возникали выбранные для исследования инициативы на примере 5 негосударственных организаций в Литве, которые занимаются культурной и социальной активностью, выразить которую можно через риторику «культуры участия». Все эти организации работают над популяризацией и легитимацией демократичного производства культуры, которое характеризуется горизонтальными связями и низовыми инициативами. Необходимо также понять, какие пространства данные организации выбирают для своей деятельности, какие функции они выполняют в культурной экономике Вильнюса и каким образом информанты рационализируют свою активность. Под легальным статусом здесь понимается официальная регистрация деятельности информантов в соответствующих структурах. Этому сопутствует относительно четкая регламентация целей, задач и обязательств начинаний. **Объектом исследования** была группа культурных предпринимателей из Вильнюса. Каждый из информантов представляет низовую инициативу, которая оформилась в общественную организацию с легальным или нелегальным статусом. Персональный опыт информантов позволил узнать, как складывается их активность в условиях конкретной локальной экономики, как она развивается в пространстве города. Для сбора данных был выбран **метод полуструктурированного интервью.** Выбор метода обусловлен необходимостью ввести определенные категории в интервью с информантами. Данные категории соответствуют целям и задачам исследования, а также концентрируют опыт информантов в заданных направлениях.

Вопрос развития, преображения и трансформации городских пространств остается актуальным уже на протяжении 30 лет. С тех пор как была предпринята попытка ребрендинга бывших индустриальных центров в города с развивающейся и динамичной культурной экономикой, этот опыт пробовали перенять сотни городов. Интересным примером здесь могут послужить города ЕС, среди которых не только развитые столицы Западной Европы, но и города новых стран-членов. Принципы развития культурной политики и планирования, применяемые в этих городах, служат инструментом их ребрендирования через ряд уникальных характеристик. Для каждого отдельного города это особый набор

качеств, который артикулируется через культурные активности и специальные события. Подобное брендирование городских пространств – общий тренд конца XX ст. В этот период «глобальная, ориентированная на услуги экономика, поместила культуру в самый центр теорий городского развития. Это сместило традиционное понятие культуры как искусства и наследия к видению культуры как инструмента для экономического развития, товара с рыночной стоимостью и инструмента для генерирования привлекательных городских пространств» [1, с. 213].

В рамках исследования было проведено 5 интервью с культурными предпринимателями из Вильнюса, которые в разные промежутки времени учредили НГО для реализации культурной и социальной активности. Один из информантов является представителем неформального культурного объединения, которое существует больше 10 лет. Четыре информанта – основатели культурных организаций, которые связаны с различными видами искусств и общественной деятельности. Только один из информантов работает в сфере культуры с 1990-х гг. Остальные начали деятельность в начале 2000-х в рамках проекта «Европейская столица культуры» либо спустя несколько лет после него. Все информанты упоминают в интервью этот проект, характеризуют его как стимул для развития низовых инициатив.

Деятельность информантов можно охарактеризовать как культурное предпринимательство. Вне зависимости от юридического статуса они представляют собой небольшие инициативы в локальной культурной индустрии [2, с. 37]. Среди опрошенных информантов интерес к данному виду активности был вызван желанием «оживить» город и существующую инфраструктуру, создать пространства для коммуникации и обмена знаниями, укрепить существующие сегменты локальной культуры. Четверо информантов из пяти зарегистрировали свои инициативы как НГО. Они видят в институционализации полезный инструмент для работы с фондами. Чтобы пространства, в которых работают информанты, были максимально привлекательными для посетителей, они насытили их событиями разной направленности. Такая стратегия, по словам информантов, направлена на укрепление сообщества вокруг их проектов, стимуляцию неформального обучения и обмена знаниями, конвергенцию пространств для работы и досуга, «оживление» определенных городских пространств, мобилизацию горожан. Процесс продвижения деятельности информантов тесно связан с ресурсами, которыми они обладают. Большинство ориентируется на механизмы партизанского маркетинга, работу в социальных сетях, профессиональные сообщества и сарафанное радио.

Данные, полученные во время интервью, выявляют интересный феномен. Следуя логике институционализации, информанты сталкиваются с множеством проблем, которые препятствуют динамичному развитию их организаций. Основная проблема – это доступ к источникам финансирования и разработка механизмов для генерирования прибыли. Создание небольших НГО приводит информантов к проблемам, общим для современных креативных индустрий: нестабильному трудоустройству и низкой оплате труда.

Все анализируемые инициативы, кроме одной, базируются в центре Вильнюса. Свой выбор информанты обуславливают тем, что все здания в центре Вильнюса на виду, их легко заметить. Необходимо отметить, что важную роль в апроприации пространств играет муниципалитет Вильнюса. Инициативы, которые хотят расположиться в принадлежащих городу зданиях, должны взять муниципалитет в состав учредителей. Если муниципалитет выступает одним из учредителей, здание сдается на условиях льготной аренды, впрочем необходимо также покрывать расходы на коммунальные услуги. Этот пример наглядно демонстрирует участие властных структур в распределении пространств для культурных инициатив. Возможны три других сценария – взаимодействие с частными компаниями, которые владеют зданиями (пример коворкинг-центра в Вильнюсе), соглашение о временном пользовании участком земли и нелегальное пользование.

Другим эффектом институционализации, формирующим существующее положение вещей, является распределение ресурсов. Помимо муниципалитета и фондов правительства, в нем участвуют международные и европейские фонды. Информанты отмечали, что финансовые ресурсы являются для всех одной из главных проблем. Во-первых, не все организации достаточно структурно развиты, чтобы подавать заявки на финансирование проектов. С другой стороны, существует ряд направлений в общественной деятельности и культуре, которым отдается приоритет в национальном, европейском и глобальном масштабе. Возможность финансирования зависит от количества сотрудников в организации, масштабах и направленности его деятельности. Как отметил один из информантов: «НГО, в которых два или три сотрудника, не проходят критерии отбора многих фондов. Маленькие инициативы считаются рискованным объектом для инвестиций»[1]. Это характеризует культурную экономику Вильнюса как иерархичную структуру, в которой культурный капитал закреплен за определенными агентами, а на-

[1] Из интервью с информантом.

бор возможностей регламентируется различными властными институтами. Единственным моментом, когда начинания «непрофессионалов» были институционально поддержаны, стал 2009 г., когда Вильнюс был Европейской столицей культуры. Вбрасывание в локальный культурный сектор больших денежных средств привело к краткосрочным эффектам. Kultflux здесь представляется показательным примером, так как не смог выйти на самоокупаемость и уже больше года не функционирует, хотя с муниципалитетом была достигнута договоренность на пользование пространством в течение 10 лет.

Из общего контекста выделяются два проекта. Первый – неформальное субкультурное объединение, которое существует более 10 лет. Информант характеризует его как мобильную структуру, привязанную скорее не к пространству, а к человеческим ресурсам. Второй – НГО «Beepart», которое создавалось по инновационным для Вильнюса механизмам. Информант получил право на временное пользование землей на 2 года, построил здание с расчетом на минимальные коммунальные расходы. Важно отметить, что этот проект нарушает существующую пространственную иерархию в том понимании, где центр является ключевым районом города. Само пространство, как и активности, которые в нем происходят, форматируют повседневность как жителей «спального» района Pilaite (где расположен Beepart), так и диспозиции в локальной экономике культуры.

Высокий уровень присутствия властных институтов в культурной экономике Вильнюса формирует пространственную иерархию, которая является скорее структурным недостатком, чем достоинством. Тем не менее существует сообщество, которое стремится искать и генерировать альтернативные стратегии апроприации пространств. Данное сообщество, а под ним я понимаю выбранные для анализа инициативы, можно охарактеризовать как urbanpioneers. Этим термином авторы книги «Urban Pioneers» характеризуют людей, «которые пытаются установить что-то новое в обществе, зачастую без коммерческого интереса: художники, социальные активисты, молодежные организации» [3, с. 15]. Одной их основных характеристик данного сообщества является временное использование пространств как ответ на динамичную и постоянно изменяющуюся структуру потребностей жителей города и владельцев пространств, которые хотят создать для них более высокую рыночную стоимость.

Унифицированная логика развития городских пространств, подразумевающая под собой деиндустриализацию и превращение города

в креативный и культурный центр, не всегда оказывается правильным выбором для городских властей. Поиск слабых точек креативной логики развития городских пространств и предпринимательской деятельности крайне важен в контексте постсоветского пространства, так как позволяет очертить возможные траектории развития еще не устойчивых локальных сообществ.

Литература

1. Garcia, B. Cultural Policy and Urban Regeneration in Western European Cities: Lessons from Experience, Prospects for the Future // Local Economy. – 2004. – Vol. 19, № 4. – P. 312–326.
2. Stokes, D., Wilson, N. Cultural Entrepreneurs and Creating Exchange // Journal of Research in Marketing & Entrepreneurship. – 2002. – Vol. 4, № 2. – P. 37–52.
3. Verlag, J. Urban Pioneers. – Berlin, 2007.

Артем Бедный
(Минск, Белорусский государственный экономический университет)

ДИЗАЙН В СИСТЕМЕ ГОРОДСКОЙ НАВИГАЦИИ (на примере Минска)

The world is rapidly expanding. With the immense growth in population, more and more people find themselves living in large cities. Like any other system, the city functions according to specific regulations and rules. The paper examines the importance of smart way-finding systems for people living in these cities. It is the cumulative impact of form, color and meaning that affects the general perception of way-finding elements. A number of examples are analyzed to provide grounds for this idea along with commentaries and possible solutions. In conclusion, suggestions are made as to how to make navigation easy, smart, informative, readable and universal.

С самого начала человечество пытается понять жизнь, всячески ее упорядочивая. Естественным примером является природа: симметричные снежинки в морозных узорах, совершенные головки подсолнечника, шестиугольники пчелиных сот и т.д. Мы наслаждаемся природой, потому что находим в ней экономию средств, простоту, изящество и естественную закономерность. Все это подтверждает непреходящую тягу человека к упорядоченным структурам. Однако все эти упорядоченные природные модели не являются результатом решений, принятых людьми, и, следовательно, лежат за пределами нашего определения.

Попытки человека достичь подобной простоты и изящества в социальной жизни сформировали понятие «дизайн». Американский промышленный дизайнер Виктор Папанек отмечает, что «дизайн – это сознательные и интуитивные усилия по созданию значимого порядка» [2, с. 58]. В рамках данной работы дизайн навигации рассматривается как совокупность сознательных и интуитивных усилий по созданию гибкой и продуманной системы подачи информации.

С ростом населения планеты растет и потребность человечества в развитии удобных для жизни городов. Если несколько столетий назад этот вопрос был не так очевиден, то сегодня, когда многие населенные пункты насчитывают миллионы жителей, формирование понятной и продуманной городской навигации является важнейшей задачей. На самом деле «навигация» – не совсем верный термин. Это правильный термин для систем GPS, совместимых с картами, или спортивного ориентирования, которым занимаются, к примеру, на военных кафедрах. Корректное название для предмета данной работы звучит по-английски *wayfinding system* (система нахождения пути) или *orientation system* – то есть ориентация в пространстве: городе, торговом центре или метро. Российский дизайнер шрифтов Илья Рудерман предлагает иной русскоязычный аналог данного термина – «система ориентирующей информации» [4]. Однако для упрощения восприятия и экономии места мы будем пользоваться термином «городская навигация».

Чаще всего современный дизайн удовлетворяет только мимолетные желания, в то время как подлинные потребности человека часто остаются без внимания. Удовлетворить психологические, технологические и интеллектуальные запросы человека обычно сложнее и не так выгодно, чем поддающиеся манипуляции «желания», насаждаемые обычаем и модой. В качестве примера можно привести новые туристические указатели, представленные в начале 2012 г. при участии информационно-туристского центра «Минск».

Создается впечатление, что люди предпочитают украшательство простоте так же, как предпочитают мечты реальности и мистицизм рационализму. Согласно Эдварду Тафти, непревзойденному мастеру визуализации информации, «совершенство информационного дизайна заключается в представлении сложных идей посредством понятных, точных и эффективных методов» [3, с. 112]. Новые указатели в Минске являются, наоборот, примером плохого дизайна: неподходящий шрифт и прописные буквы без разрядки затрудняют чтение, отсутствие композиции и общая загроможденность также снижают их информационную ценность, а неприятные цветовые сочетания, ошибки в переводе и не поддающиеся идентификации пиктограммы делают указатели решительно неэффективными. А в таком случае представляется сомнительной целесообразность их установки. По крайней мере, потому что самим минчанам система городской навигации доставляет множество неудобств.

В ходе исследования автору удалось собрать примеры как минимум 10 противоречащих друг другу систем ориентирующей информации в

Минске. Большая часть систем недостаточно информативна, часть просто обманывает – показывает не туда, не то, не так или говорит не теми словами. Но главное – между подобными системами практически нет никакого взаимодействия. Фактически все они говорят на разных графических языках. К примеру, система уличных указателей (маркировка домов и улиц) использует более 25 разных шрифтов и шрифтовых типографических композиций (см. рис. 1, рис. 2)!





Рис. 1. Рис. 2

Иным образом устроены уличные указатели, к примеру, в Амстердаме. Они полностью стандартизированы: металлические матовые темно-синие таблички, отличная композиция, удобочитаемый шрифт. Такая табличка будет без затруднений прочитана издалека даже в сложных погодных условиях или ночью (рис. 3).

Вообще, роль шрифта в уличных указателях весьма недооценена. Хороший шрифт – это половина успеха. Строение графем, величина и форма выносных элементов, засечки – все это влияет на удобочитаемость и определяет успешность того или иного элемента навигации. Ральф Герман, создатель навигационной гарнитуры Wayfinding Pro, пишет: «Есть текст, который вы считываете с трехсот метров по пути на работу, а есть журнальный разворот, на который вы смотрите, раскинувшись в кресле. Оба шрифта отвечают совершенно разным требованиям» [5].



Рис. 3

В собственном шрифте он попытался переосмыслить основные навигационные гарнитуры мира, чтобы выявить, какие элементы знаков упрощают чтение. Герман отмечает, что родственные знаки необходимо разграничивать в рисунке, чтобы избежать ошибок в чтении. Так, в указанных выше примерах (рис. 4) все буквенные пары имеют достаточно слабые отличия и не смогут быть идентифицированы издалека. В гарнитуре Wayfinding Pro «спорные» элементы намеренно гиперболизированы, чтобы один знак можно было без особых трудностей отличить от другого. В следующем примере Герман «симулирует» слабое зрение [5].



Рис. 4

Искусственно смазав две гарнитуры, он доказывает, что Wayfinding Pro (рис. 5) при прочих равных условиях считывается проще, чем другие.

Существует и другая проблема, характерная для стран, языки которых построены на кириллическом алфавите: в некоторых гарнитурах просто отсутствует кириллическая часть, поэтому дизайнеры стараются подобрать аналоги букв из латинского алфавита. Сложность заключается в том, что похожие на первый взгляд графемы латинского и кириллического алфавитов имеют множество отличий, главным образом, об-

условленных исторически. Кстати, этот вопрос достаточно остро стоит в Минске. В качестве иллюстрации данной проблемы дизайнер Денис Серебряков в своем блоге приводит знак минского перехода [6].



Рис. 5



Рис. 6

Слово, которое тысячи минчан видят каждый день, на самом деле представляет собой бессмысленный набор латинских знаков (рис. 6).

Проблема становится очевидной, стоит лишь набрать это же слово прописными: nepexog → NEPEXOG. Человек, который не знает русского языка, может быть ненамеренно введен в заблуждение, что противоречит одному из главных принципов хорошей навигации – универсальности.

Другой принцип, которым редко руководствуются, несмотря на его универсальность и удобство, – это простота. Виктор Папанек в книге «Дизайнер для реального мира» пишет: «Дизайнер должен начинать с устранения лишних украшений, его настоящая работа начинается, когда он решает разобрать изделие, чтобы увидеть, почему оно тикает, и придумать способ, чтобы оно тикало лучше» [2, с. 163]. Это очень важный принцип, однако он часто нарушается в повседневной жизни.

К примеру, практически все таблички на административных зданиях в Беларуси имеют подобный вид:



Рис. 7

Это типичный пример бюрократического мышления, когда смысл не имеет никакого значения. Главное – уместить то, что предписано на заданной площади прямоугольника. В таком случае целесообразность установки подобной таблички весьма невелика, так как большинство, посмотрев на нее, прочитают:



Рис. 8

Другой пример приводит Артемий Лебедев, арт-директор одноименной студии. «Вот, например, информационный щит недалеко от Таганрога:



Рис. 9

Быстро прочесть это смогут далеко не все люди. А на скорости – почти никто не сможет. Во-первых, затрудняет чтение набор из одних заглавных букв. Во-вторых, сильно увеличенные и неравномерные пробелы сбивают глаз. В-третьих, скупое расстояние между строчками превращает текст в кашу. Донести сообщение за секунду понятным образом можно было бы так, как это указано на рис. 10:



Рис. 10

Тире в роли прямой речи означает обращение. Восклицательный знак отвечает за уместный императив (а также рождает реакцию «О, точно!»). Слова прочитаются моментально. Водитель уже проедет указатель, когда до него дойдет смысл: пристегнуть ремень и включить фары. Мораль: "Сообщение всегда должно учитывать условия его получения"» [1, с. 102].

Многие дизайнеры, уделяя достаточно внимания внешнему виду, забывают о, пожалуй, важнейшем принципе гибкой и продуманной навигации – информативности. Насколько бы хорошо технически и композиционно ни выглядел знак, если он не выполняет своей главной – сигнальной – функции, то он не представляет никакой ценности. В навигации почти нет места для творчества: информация должна быть отображена правдиво и недвусмысленно.

Следующее фото (рис. 11) было сделано в спортивном комплексе при Белорусском государственном экономическом университете.



Рис. 11

Движимый добрыми чувствами не оскорбить человека с ограниченными возможностями создатель этого знака непреднамеренно вызывает у зрителя диссонанс, так как искажает привычный ассоциативный ряд.

На туалете для инвалидов единственным верным изображением было бы изображение инвалидного кресла. Однако дизайнер решил по одной ведомой только ему причине, расположить на табличке изображения мужчины и женщины в костюмах. Из-за этого информативность данного элемента навигации снижается как минимум вдвое, так как то, что изображено, противоречит тому, что оно изображает.

Еще одна проблема городской навигации – большинство систем друг о друге «не знает». Что такое знание одной системы о другой? Возьмем для примера станции метро – на некоторых станциях на столбы наклеены таблички с указанием маршрутов общественного транспорта. То есть метро иногда «знает» о существовании наземного городского транспорта, но практически не знает о маршрутных такси. Другой пример: многие остановки именуются по названию улиц, но при выходе из автобуса мы практически сразу дезориентированы, нам даже не подсказывают, в каком направлении искать эту самую улицу.

Любая система имеет своего потребителя. К примеру, водители ориентируются в городе по-своему: иногда по метро, иногда по поворотам, по одностороннему движению, в общем, по тому, где и как можно проехать. Пешеходы, в свою очередь, знают общественный транспорт и его остановки, ориентируются в метро и знают пешеходные тропы. Еще есть третья, промежуточная, группа. Эта категория людей въезжает в город на каком-то виде транспорта, например, по железной дороге из Минской области, выходит на вокзале и начинает перемещение по городу: пешком, на метро или автомобиле. И для пешехода, и для водителя, и для въезжающих в город нужны разные способы интеграции систем, потому что каждый тип потребителя знает о городе разное.

Таким образом, «навигация для людей» руководствуется следующими принципами: простота, удобочитаемость, информативность, продуманность, гибкость и универсальность. Во многих странах Европы этому вопросу уделяется достаточно много внимания. Например, системы городской навигации Копенгагена, Амстердама, Лондона и Барселоны обладают многими перечисленными выше свойствами, и это является одной из причин их высокой привлекательности для туристов и жителей других городов и стран.

Впрочем, во многих других населенных пунктах система ориентирующей информации состоит из несвязных эклектичных нагромождений табличек, знаков и указателей. В таких городах структуры, ответственные за городское проектирование, не должны замыкаться на собственных экономических интересах. Лень не ст*о*ит трактовать как одно из

проявлений консерватизма: успешные мировые практики подтверждают это. Для таких городов, как Минск, существующий европейский опыт в сфере городской навигации представляет огромный интерес, так как без особых трудностей может быть применен с учетом местных особенностей.

Литература

1. Лебедев, А. Ководство. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во «Студия Артемия Лебедева», 2011.
2. Папанек, В. Дизайнер для реального мира. – М.: Изд-во «Д. Аронов», 2010.
3. Tufte, E.R. The Visual Display of Quantitative Information, 2011.
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruderman.livejournal.com.
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://muuuz.com/ru/magazine/rubriques/architecture/44432-ralph-germann-maison-sur-le-lac-de-joux.
6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pro-design.by/news/oshibka-iz-za-negramotnosti.html.

Анна Булина
(Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)

СТАНОВЛЕНИЕ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (на примере «коворкингов»)

The paper explores co-working spaces as a new phenomenon of the cultural industries in Saint Petersburg, Russia. The concept of co-working includes all spaces, which can perform the main functions of a public workplace. Particular emphasis is placed on the preconditions of the emergence of these spaces in the city as well as on the economic component of their functioning in a long-term perspective. Changes of the rhythm of urban life resulting from technological progress and the wide spread of information technology have led to the need for co-working in the so-called «third spaces», which have become new and extremely important points of the everyday cycle for modern nomads who are more tied to social aspects and technology than to the physical work space.

Санкт-Петербург часто называют культурной столицей России. В сознании жителя России и других стран образ этого города связан с большим количеством музеев, театров, вежливостью и интеллигентностью жителей. Однако подобный стереотип не включает новых динамичных аспектов культуры, которые также получили развитие в Санкт-Петербурге. Формировавшийся на протяжении многих десятилетий бренд города из-за своей многогранности и сложности не может быть однозначно прописан какими-либо формальными положениями, постановлениями или проектами развития. Но это не означает, что невозможно никак повлиять на характеристики и явления его составляющие.

Не только развитие, рост, привлечение инвестиций для этих и других целей, а также позитивное восприятие города внешним по отношению к

нему обществом, но и функции, связанные с поддержанием уже достигнутых показателей, содержанием городского хозяйства и удержанием позиций в мировом сообществе, включаются в программы развития городов. Дуализм процессов создания нового и сохранения существующего находит воплощение в концепциях устойчивого развития.

Политика городских властей в социально-культурной сфере может рассматриваться в том числе как одна из составляющих региональной политики. В данном случае социокультурная сфера понимается в широком смысле, так как предполагается, что все ее элементы являются тесно взаимосвязанными и в различной степени взаимовлияющими. Таким образом, составляющими частями комплекса социально-культурной сферы города являются не только культура, образование и здравоохранение, но также туризм, физическая культура и спорт и даже жилищно-коммунальное хозяйство. С формальной точки зрения особенности положения Санкт-Петербурга и его социокультурного комплекса, а также его место в региональной политике государства могут быть охарактеризованы через показатели ВНП России и ВРП, доли социокультурной сферы в них, доли в бюджете города, демографические показатели рабочей силы в данной отрасли.

Так, например, за первое полугодие 2011 г. расходы бюджета Санкт-Петербурга на социально-культурную сферу составляли 55,1% в общем объеме расходов [10], что указывает не только на ресурсоемкость этого блока экономики города, но и на высокую заинтересованность властей города в дальнейшем развитии сферы как таковой. При этом рабочая сила в данной сфере характеризуется преобладанием высокообразованных кадров, значительной долей женщин среди работников сферы [4, с. 150–151].

Следует учитывать, что экономическая сущность процессов и явлений, связанных с городом и его культурой, не исчерпывается данными показателями. В условиях новой экономики, ориентированной на человека и завязанной на информационно-коммуникативные технологии, культурный город приобретает несколько иные оттенки. Появившаяся благодаря ИКТ возможность выполнять свою работу и не быть привязанным к конкретному физическому местоположению работника привела к появлению «коворкингов» (от англ. *coworking*) – рабочих пространств, которые используются совместно для своей деятельности различными группами людей. Это так называемые «третьи места». «Третье место – это пространство в городе для учебы, деловых встреч и работы. Здесь есть Wi-Fi, правильно организовано пространство, сюда просто

добраться» [7]. Первым и вторым «местами» являются дом и работа, соответственно.

С появлением городов меняется устройство жизни человека, даже не столько отдельного индивида, сколько устройство жизни всего человечества. Важность города и городской культуры для современного человека очевидна, стремительность процессов урбанизации только подтверждает этот факт. Город меняет жизнь человека, но и человек способен изменить многое в городе, привнести новое.

Требования современного ритма жизни привели к пересмотру привычных маршрутов и моделей поведения человека в городе. Можно утверждать, что происходит деструкция унаследованных алгоритмов, форм, институтов и организаций. По мнению Э. Тоффлера, новые семьи уподобляются кочевникам [6]. Не только высшее руководство компаний совершает длительные переезды, не только ключевые специалисты переезжают из города в город для выполнения своих задач на местах. Это происходит не только потому, что корпоративная необходимость гонит человека с места на место, часто перемена местожительства потенциальных преемников руководителя является необходимой ступенью в их обучении. Даже так называемый офисный планктон преодолевает немалые расстояния, отправляясь из дома на работу и обратно, нередко посещая несколько промежуточных «стоянок».

Отличие новых кочевников от кочевников древности не только в значительном ускорении кочевого цикла – то, на что потребовался бы год, современный кочевник обегает за день, имея при себе всего лишь несколько мобильных устройств, которые одновременно содержат в себе массивы информации и позволяют поддерживать связь с необходимыми людьми, практически игнорируя расстояния. Развитие мобильности служило стимулом нововведений еще в доисторические времена. Для такого кочевника важна не столько «стоянка» сама по себе, но место, где можно подзарядить свой ноутбук и в спокойной обстановке заняться делами или пообщаться с коллегами и контрагентами.

Так как свободное расписание и нацеленность на качественное выполнение задания в оговоренный срок, а не формальное присутствие на рабочем месте являются чаще прерогативой творческих профессий и профессий с существенным значением личностного и креативного аспектов, «коворкинги» могут быть отнесены к составляющим креативной экономики современного мегаполиса. Включение тех или иных индустрий и сфер деятельности в совокупность, представляющую креативную экономику, во многом зависит от экономического характера

страны или города, а также менталитета и традиций людей, его населяющих. Санкт-Петербург является не просто бывшей столицей Российской империи и концентрацией исторических памятников, но и одним из крупнейших мегаполисов Европы, вторым по величине городом России и крупным транспортным узлом, а также регионом-донором.

Немаловажным отличием ведения бизнеса в условиях новой экономики и информационного общества наряду с аутсорсингом является краудсорсинг (crowdsourcing). Этот принцип лежит в основе написания интернет-энциклопедии Wikipedia, создании подавляющего большинства операционных систем семейства Unix, к которым относится и Ubuntu, тестирование продуктов. Это то, что Д. Тапскотт называет Викиномикой, а также peer production (по аналогии с пиринговыми сетями) и mass collaboration [5]. Условиями для реализации такого рода коллаборации и выступают «коворкинги» как своеобразные оазисы и места встречи современных кочевников.

Такая функциональная «стоянка» не обязана позиционировать себя исключительно как «коворкинг», то есть место совместной работы, этакий странный офис с почти случайными соседями по помещению или читальный зал библиотеки с нестрогими требованиями по шуму. Особое место среди пространств, подходящих на роль временного рабочего места, комфортного и допускающего общение и даже совместную деятельность с другими посетителями, всегда занимали кофейни. Как отметил С. Джонсон в своем выступлении для проекта TED [8], кофейни оказали значительное влияние на развитие науки. Он отмечает два важных фактора. Во-первых, кофе пришел на смену алкогольным напиткам, тем самым переключив посетителей из режима расслабления в режим мобилизации, в том числе умственных сил. Во-вторых, кофейни позволили собраться в одном помещении людям из разных сословий, обладающим различным опытом, знаниями и навыками, носителям различных идей. По мнению Джонсона, именно обсуждения в кофейнях стали важным моментом в истории создания множества нововведений и инноваций.

По данным сайта «Третье место» в городе присутствует примерно 20 пространств, подходящих для подобного использования. Это и есть, собственно, «коворкинги», но кроме них: хостелы, библиотеки, кафе и галереи. Представленный на сайте список может быть расширен, как благодаря включению стихийно образовавшихся и ставших традиционными мест в кафе или библиотеках, так и расширением понятия на другие потенциальные площадки, которые могут быть в том числе сезонными. Так, например, площадка под названием «остров Новая Голландия», которая открыта

только летом, предоставляет своим посетителям бесплатный доступ к беспроводному Интернету, большой комфортный газон, а также зоны для курения, фудкорт, библиотеку, санитарную зону и другие объекты [9].

Проведение разнообразных лекций, мастер-классов, встреч и даже клубов знакомств на данный момент является одной из характерных черт петербургских пространств, делающих акцент на функционировании в режиме «коворкинга», или места, имеющего условия для совместной творческой работы. На основе имеющейся информации возможно предположить, что большинство базирующихся в центре города пространств таким образом не только привлекают внимание к своей деятельности, но и стремятся окупить достаточно высокую арендную плату. Так как на данный момент в официальных источниках отсутствует в открытом доступе информация о финансовой стороне подобной деятельности, нет возможности однозначно подтвердить или опровергнуть вышеизложенное предположение.

Если библиотеки предоставляют некоторые возможности «коворкингов» бесплатно при наличии читательского билета, а кофейни предполагают, что посетитель не просто займет один из столиков, а в первую очередь сделает заказ, то большинство других пространств типа «коворкингов», особенно созданных специально для данных целей, вынуждены искать другие пути своего содержания. Основной стратегией является введение платы за использование, как платы за вход, так и абонементной платы. Чаще всего это месячный, полугодовой и годовой абонементы. Также возможно предоставление скидок определенным группам клиентов, скидок друзьям или клиентам, приводящим друзей. Стоимость может варьироваться в зависимости от того, закреплено ли рабочее место за конкретным человеком и расположения закрепленного. Другой стратегией, воплощаемой проектом «Циферблат», является плата за каждую минуту, проведенную в заведении. Это достаточно небольшие суммы, но за полный рабочий день может накопиться сумма примерно равная цене в «коворкинге», работающем в соответствии с первой концепцией.

Одной из проблем наряду с финансовой является опасность превратить креативное пространство в офис. На сегодняшний день вопрос создания и поддержания творческого духа решается различно. Так, «коворкинг» «HomeWork» располагался в квартире в центре города, что делало его не только рабочим местом, но и площадкой для посиделок за чаем и практически местом для жизни. После возникновения проблем с продлением аренды команда проекта создала новое пространство «Зона Действия», которое уже обладает атмосферой лофта и располагается

в помещениях хлебозавода. Сеть «Циферблат», пришедшая в Санкт-Петербург из Москвы, помимо элегантной системы оплаты предлагает своим посетителям множество настольных игр, совместные просмотры кинофильмов, а также бесплатные чай, кофе и сладости.

На сегодняшний день Санкт-Петербург по количеству пространств, которые можно было бы отнести к «коворкингам», или «третьим местам», уступает Лондону, Амстердаму или даже Москве, но количество молодых людей с ноутбуками в кафе и библиотеках растет. Растет и число «официальных коворкингов», цены за пользование которыми существенно колеблются, что, возможно, отталкивает привыкших к кофейням фрилансеров. Тем не менее в среде молодых петербуржцев разнообразные пространства, кофейни, места совместного времяпрепровождения становятся все популярнее. Не каждая такая точка становится колыбелью творческих и бизнес-проектов, но это места, где появляются хорошие идеи.

Литература

1. Weber, S. The Political Economy of Open Source Software [Electronic resource] // BRIE Working Paper 40. E-conomy Project Working Paper. – Mode of access: http://e-conomy.berkeley.edu/publications/wp/wp140.pdf.
2. Иноземцев, В.Л. Наука, личность и общество в постиндустриальной действительности [Электронный ресурс] // Российский химический журнал. – 1999. – № 6. – Режим доступа: http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/ECCE/ETHICS/INOZEM.HTM.
3. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; под ред. О. Шкаратана. – М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2000.
4. Рыбаков, Ф.Ф. Санкт-Петербург в макро- и мезоэкономическом измерении. – СПб.: ИИЦ «Балтика», 2006.
5. Тапскотт, Д. Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта. – Киев.: Изд-во «INT Пресс»; М.: Изд-во «Релф бук», 1999.
6. Тоффлер, Э. Шок будущего. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
7. «Третье место», проект рассказывающий, где удобно работать творческому человеку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://placeplaceplace.ru.
8. Steven Berlin Johnson’s TED talk [Electronic resource]. – Mode of access: http:// ted.com/talks/lang/ru/steven_johnson_where_good_ideas_come_from.html.
9. Остров Новая Голландия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://newhollandsp.ru.
10. Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gov.spb.ru/gov/terr/reg_kolpino/statistic/development.

ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Надежда Бушкевич
(Вильнюс, Европейский гуманитарный университет)

«ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО» И РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И ЛЕГИТИМИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

The paper describes the realization of «The Eastern partnership» in the Republic of Belarus after the agreement was signed. It discusses the dynamics of cooperation between the EU and the Republic of Belarus, important events and political discussions within «The Eastern partnership» and its participants.

«Восточное партнерство» представляет собой одну из программ Европейского союза для обеспечения стабильности, более эффективного государственного управления и экономического развития стран, расположенных на восток от ЕС: Беларуси, Украины, Молдовы, Азербайджана, Армении и Грузии. Проект является дополнением к Северному измерению и Средиземноморскому союзу. «Настало время для кардинальных изменений в отношениях с этими партнерами», – говорится в Декларации, разработанной в Праге 7 мая 2009 г. Стоит отметить, что основной целью «Восточного партнерства» является создание необходимых условий для ускорения политической связи и дальнейшей экономической интеграции между ЕС и заинтересованными странами-партнерами. Проект стремится к поддержке политических и социально-экономических реформ в странах-партнерах, которые облегчат сближение этих государств с ЕС. «Восточное партнерство» проводится под руководством Европейской комиссии, которая в рамках проекта разработала для его успешного осуществления и реализации 4 основных платформы, а именно:

1) платформу «Демократия, надлежащее управление и стабильность», которая призвана обеспечить: демократическое управление (в частно-

сти, улучшение работы судебной системы; реформу государственного управления/публичной администрации; борьбу с коррупцией); учреждение и реализацию Ведущей инициативы по интегрированному управлению границами; учреждение и реализацию Ведущей инициативы относительно предотвращения природных или антропогенных катастроф, а также относительно подготовки к подобным катастрофам и реакции на них;

2) платформу «Экономическая интеграция и конвергенция с политиками ЕС», которая сосредотачивается на усилении сотрудничества в таких сферах, как торговля и нормативно-регуляторное сотрудничество по торговым вопросам – предпосылке для ведения переговоров относительно глубоких и всесторонних соглашений о свободной торговле (ГВССТ) между ЕС и странами «Восточного партнерства»;

3) платформу «Энергетическая безопасность», которая делает акцент на укреплении рамочных условий и солидарности в энергетической сфере (в частности, на развитии взаимных механизмов энергетической поддержки и безопасности, механизмов раннего предупреждения и общих инструментов энергетической безопасности); поддержке развития инфраструктуры, объединении энергосистем и диверсификации энергопоставок; повышении уровня энергетической эффективности и использования возобновляемых источников энергии; дальнейшем сближении нормативно-регуляторной базы в энергетическом секторе;

4) платформу «Контакты между людьми», которая предполагает широкий спектр инициатив в следующих сферах: образование и профессиональное обучение (с акцентом на высшем образовании и инновационном развитии); молодежная политика (с акцентом на диалоге о выработке политики по молодежным вопросам); культура (реализация Программы развития культуры «Восточного партнерства»); информационное общество (содействие использованию информационно-коммуникационных технологий и поддержка регуляторных политик, основанных на модели ЕС); исследовательская деятельность.

На основании данных платформ два раза в год проводятся встречи на уровне чиновников от каждого из государств-партнеров, ответственных за реализацию реформ в соответствующих сферах.

Следует подчеркнуть, что две первые платформы, а именно «Демократия, надлежащее управление и стабильность» и «Экономическая интеграция и конвергенция с политиками ЕС», представляют собой наиболее приоритетные направления для укрепления сотрудничества ЕС и стран-соседей и успешной реализации «Восточного партнерства». Кроме

того, для реализации инициативы ЕС предоставляет финансовые средства для внедрения тех или иных, необходимых в рамках программы, механизмов для наиболее выгодного сотрудничества.

Переходя непосредственно к рассмотрению взаимодействия Республики Беларусь и ЕС в рамках проекта, следует отметить, что на сегодняшний момент правовой базы двусторонних отношений с ЕС в стране нет, хотя с 2009 г. Беларусь является полноправной участницей «Восточного партнерства». Кроме того, отсутствуют и многосторонние проекты, которые также предусматриваются «Восточным партнерством» в качестве укрепления соседских связей. Торговые и экономические отношения Беларуси и ЕС до настоящего времени регулируются соглашением о торговле и сотрудничестве 1989 г. между СССР и ЕС. В качестве примера взаимодействия с другими странами-партнерами можно отметить, что уже в 1998 г. были запушены соглашения о партнерстве и сотрудничестве ЕС с Украиной и Молдовой.

На сегодняшнем этапе завершаются переговоры ЕС с Украиной о переходе на следующий этап договорных отношений и, как следствие, к более тесной гармонизации законодательства – к подписанию Соглашения об ассоциации. Кроме того, важно подчеркнуть, что и другие страны – участницы ВП, за исключением Республики Беларусь, находятся на стадии переговоров по подписанию соглашений об ассоциации. Важно отметить, что соответствующие переговоры подразумевают собой политические, институциональные и экономические реформы и, вместе с тем, либерализацию законодательства на основе европейских стандартов. Республика Беларусь не принимает участия в подобного рода переговорах.

Кроме того, важной составляющей Соглашения об ассоциации является Положение о создании зоны свободной торговли, переговоры по которому ведутся отдельно. Данное Положение представляет собой торговое соглашение, которое предусматривает устранение тарифов и импортных квот, гармонизацию относящегося к торговле законодательства, принятие страной большой части acquis communuatarie ЕС. Опять же, в данном процессе Республика Беларусь не проявила должной инициативы, поэтому соответствующее законодательство не подверглось никаким изменениям. Подчеркну, что, помимо безынициативности, основной проблемой интеграции в зону свободной торговли с ЕС являются соглашения Республики Беларусь с Россией и Казахстаном в рамках Таможенного союза, которые в значительной мере ограничивают установление тесных партнерских связей с Евросообществом.

Переходя к сфере визовой либерализации, которая также представляется условием одной из платформ взаимодействия, можно отметить, что на данном этапе Республика Беларусь не может ответить на выдвинутое в 2011 г. предложение Еврокомиссии о начале переговоров по данному вопросу, и процесс по изменению законодательства в данной сфере остается без изменений. Что касается других участников «Восточного партнерства», то в 2012 г. были начаты переговоры по упрощению визового режима с Арменией и Азербайджаном, с Грузией соглашение вступило в силу уже в 2011 г., а с Молдовой и Украиной уже ведутся переговоры о безвизовом режиме.

Обращаясь к ситуации с демократизацией и правами человека в Беларуси, можно сказать о том, что данный аспект также неоднозначен, в том числе и с точки зрения участия страны в «Восточном партнерстве». Со стороны ЕС неоднократно указывалось на нарушения со стороны властей Республики Беларусь прав и свобод человека, антидемократическую направленность принимаемых законодательных актов. О ненамерении государства устранить такого рода проблемы можно судить на примере внесения изменений и дополнений в Закон «О массовых мероприятиях в Республике Беларусь», принятых в конце прошлого года, которые во многом ужесточают порядок проведения такого рода мероприятий и предполагают раскрытие информации о личной жизни граждан. Однако следует отметить, что участие Республики Беларусь в «Восточном партнерстве» приносит и положительный результат: при проведении выборов приглашаются наблюдатели БДИПЧ, что говорит о некоторой готовности к пересмотру и совершенствованию законодательства в данной сфере с тем, чтобы оно отвечало международным стандартам. Кроме того, нельзя не отметить, что в рамках четвертой платформы «Контакты между людьми» наблюдается стремление государства войти в Болонский процесс.

На уровне взаимодействия неправительственных организаций представители НПО достаточно активны в работе Форума гражданского сообщества «Восточного партнерства». Однако такой Форум имеет ограниченное влияние на развитие проекта: прогресс по одной из основных целей Форума – продвижению диалога между властью и гражданским сообществом в Беларуси – и как результат либерализации законодательства с учетом мнения граждан страны не столь заметен.

Положительным можно считать взаимодействие Республики Беларусь и «Восточного партнерства» в плане улучшения окружающей среды – совместные проекты ЕС/Программы развития ООН оказывают

видимое влияние на дальнейшее развитие партнерства: подписываются соглашения, разрабатываются инициативы, участниками которых являются граждане страны и соответствующие министерства.

Таким образом, Республика Беларусь находится на начальном пункте развития в рамках «Восточного партнерства»: налицо отсутствие необходимой законодательной базы, инициатив по изменению и дополнению законодательства, ненадлежащее выполнение условий членства в проекте. Вместе с тем нельзя не отметить и положительные результаты участия государства в данном проекте: первые шаги к либерализации и гармонизации законодательства в сфере устойчивого развития (программы ЕС/ПРООН) и некотором послаблении в части уважения прав человека (наблюдатели за выборами БДИПЧ). К сожалению, по сравнению с другими странами – участницами «Восточного партнерства» Республика Беларусь не показывает столь значительного продвижения, однако имеются все предпосылки для продвижения в рамках данного проекта. Нельзя также не отметить все более растущую инициативность гражданского общества, что в общем итоге может привести к действительной практике либерализации законодательства страны и качественного построения партнерства в рамках проекта.

Литература

1. Декларация об учреждении «Восточного партнерства» от 7 мая 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/107589.pdf. – Дата доступа: 12.04.2012.
2. Сообщение Европейской комиссии для Европейского парламента и Европейского совета [Электронный ресурс] // «Восточное партнерство», Брюссель. 3.12.08 COM (2008) 823 final. – Режим доступа: http://eeas.europa.eu/eastern/docs/com08_823_ru.pdf. – Дата доступа: 15.04.2012.
3. Координационное бюро программы ТАСИС Европейского союза в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Инициатива Европейского Союза «Восточное партнерство. – Режим доступа: http://cu4eu.by/ru/relations/easternpartnership. – Дата доступа: 18.04.2012.
4. Министерство иностранных дел Республики Беларусь, Европейской союз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mfa.gov.by/mulateral/organization/list/c723f8823e56d467.html. – Дата доступа: 18.04.2012.
5. Топ-7 тайн о «Восточном партнерстве» и Беларуси из Wikileaks [Электронный ресурс] // «Заўтра тваей краіны». – Режим доступа: http://zautra.by/art.php?sn_nid=10584&sn_cat=34. – Дата доступа: 18.04.2012.

Алексей Борис
(Минск, Белорусский государственный университет)

СТАТЬЯ 193-1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА: НАРУШЕНИЕ СВОБОДЫ АССОЦИАЦИЙ?

Freedom of association is a universally recognized human right embodied in a number of international instruments and incorporated into national constitutions and other legal acts. The Constitution of Belarus also guarantees the rights making available only a strict list of limitations which are similar to the ones set by the International Covenant for Civil and Political Rights. At the same time amendments introduced to the Criminal Code in a form of Art. 193-1 set criminal responsibility for activities conducted on behalf of non-registered organizations, which may impair the functioning of civil society. The article analyzes the consistency of the adopted legal restrictions with international human rights standards and the guarantees under national legislation.

Введение

Свобода ассоциаций является признанным на международном уровне правом первого поколения, которое может быть отнесено к разряду обычных, будучи отраженным в ряде обязательных и рекомендательных, универсальных и региональных документов. В рассмотрении основного вопроса данной работы главнейшим из их источников является Пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (далее – Пакт).

Поскольку данный документ не отрицает саму возможность правомерного ограничения большинства прав, зачастую вопрос об установлении степени соответствия тех или иных мер, вводимых государством, правомерным пределам является неоднозначным и зависящим от множества частных обстоятельств. Ограниченность прав и свобод определенными целями является юридической нормой, отраженной в консти-

туциях и законах любого государства, но зачастую неоправданные законодательные ограничения представляют собой несоблюдение гарантии права, которое позволяет считать его нарушенным.

Данная работа представляет собой анализ отдельной нормы, ст. 193-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ), введенной в действие Законом Республики Беларусь от 15 декабря 2005 г. № 71-З «О внесении дополнений и изменений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь по вопросу усиления ответственности за деяния, направленные против человека и общественной безопасности» (далее – Закон о внесении изменений).

Главной задачей является установление в данной статье, во-первых, наличия ограничения для свободы ассоциаций; во-вторых, при наличии таковой – правомерных оснований для его применения; в-третьих – пределов и масштаба данного ограничения.

Естественной основой для исследования являются преимущественно источники права. С одной стороны, национального: Конституция Республики Беларусь, Уголовный кодекс Республики Беларусь, Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь и др. С другой, использованы также и международные документы: Пакт о гражданских и политических правах, а также практика его толкования в рамках Комитета по правам человека.

Ст. 193-1 УК РБ в контексте национального законодательства

Республика Беларусь признает в своей Конституции, что человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства, в том числе относя к ним и свободу ассоциаций, которая может выражаться в деятельности политических партий, религиозных и иных общественных объединений, что следует из содержания и смысла ст. 4 [2]. Но данный документ в п. 3 ст. 5 и ограничивает объем данного права, запрещая деятельность объединений, имеющих целью насильственное изменение конституционного строя, либо ведущих пропаганду войны, социальной, национальной, религиозной и расовой вражды. Подобные ограничения в отношении религиозных организаций устанавливает ст. 16. Ст. 23. «Закрытый перечень оснований для ограничения прав и свобод личности» включает интересы: а) национальной безопасности, б) общественного порядка, в) защиты нравственности, г) здоровья населения, д) прав и свобод других лиц.

В Беларуси был издан и действует ряд нормативных правовых актов, регулирующих создание, включая государственную регистрацию, а также условия и формы деятельности различных видов общественных объединений, выделяемых в белорусском праве. Среди основных актов, регулирующих данные правоотношения: Закон Республики Беларусь «об общественных объединениях» (далее – ЗоОО), Закон Республики Беларусь о политических партиях (далее – ЗоПП) и Закон Республики Беларусь «о свободе совести и религиозных организациях» (далее – ЗССРО) [4; 7; 8]. Статьи 7 первых названных законов в своих первых пунктах по своей сути повторяют положение ст. 5 Конституции, указывая, что деятельность объединений, осуществляющих пропаганду войны или экстремистской деятельности, запрещается. Ст. 23 ЗССРО также указывает подобную деятельность в качестве основания для ликвидации религиозной организации. При этом в п. 2 ст. 7 и 7 ЗоПП присутствует дополнительное, по сравнению с Конституцией, положение о запрещении деятельности незарегистрированных общественных объединений (партий).

Для создания правового поля без пробелов последовательно появлялись нормы, конкретизирующие санкции за нарушение указанных выше положений. Так, ст. 193 УК РБ криминализует «организацию либо руководство общественным объединением, религиозной организацией, посягающими на личность, права и обязанности граждан» [9]. Наказуема и «организация либо руководство политической партией, иным общественным объединением, религиозной организацией, деятельность которых сопряжена с насилием над гражданами, или с причинением им телесных повреждений, или с иными посягательствами на права, свободы и законные интересы граждан, или с воспрепятствованием исполнению гражданами их государственных, общественных, семейных обязанностей». Именно наличие данных квалифицирующих признаков определяет направленность данной нормы на охрану конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Одним из нововведений Закона о внесении изменений стало дополнение УК РБ ст. 193-1, положения которой криминализуют деятельность любой незарегистрированной организации [5]. Согласно тексту данной статьи криминализуемое деяние охватывает: 1) организацию деятельности и/или 2) участие в деятельности:

а) политической партии;

б) религиозной организации;

в) фонда;

г) иного общественного объединения;

в тех случаях, когда либо 1) имеется вступившее в законную силу решение уполномоченного государственного органа о ликвидации или приостановлении деятельности, либо в случае, когда организация 2) не прошла в установленном порядке государственную регистрацию.

Потенциальная сфера применения статьи может быть исключительно широкой. Во-первых, само включение конкретного деяния в УК РБ подразумевает отнесение его к категории преступлений, то есть в соответствии с его определением, закрепленным в ст. 11, подразумевает «совершенное виновно общественно опасное деяние», что являет собой, в сущности, наивысший уровень правового запрета. В белорусском законодательстве отсутствует представление об общественной опасности, выраженное в виде определения: в общем виде судить о ней можно по характеру вредоносного воздействия, оказываемого на объекты уголовно-правовой защиты. В соответствии с данным критерием норма ст. 193-1 описывает деяние, относимое к категории преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Такой подход изначально видится некорректным. До сих пор действующая норма ст. 193 УК РБ полностью охватывает собой любую деятельность общественной организации, представляющую собой «посягательства на права, свободы и законные интересы граждан». Часть 1 ст. 193 УК РБ распространяет свое действие на случаи, когда соответствующее объединение было создано, зарегистрировано в установленном порядке, но вопреки провозглашенным Уставом целям или задачам занимается иной деятельностью. Так, единственным значимым признаком остается отсутствие действующей государственной регистрации, что скорее относит данное деяние к области деяний против порядка осуществления власти и управления и сближает по смыслу с административными правонарушениями.

В белорусском праве отсутствуют четкие критерии для изначального явного отнесения ряда деяний к преступлениям либо административным правонарушениям, которые, согласно ст. 2.11 Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП), представляют собой в отношении объективной стороны «противоправное виновное деяние (действие или бездействие)» [1]. Но именно к сфере административных правонарушений традиционно относятся нарушения, проистекающие из порядка государственного управления.

Следовательно, анализ положений ст. 193 и ст. 193-1 УК РБ показывает, что привлечение к уголовной ответственности возможно не только за деятельность, которая причиняет вред национальной безопасности,

правам и свободам граждан, но и за организацию деятельности либо участие в деятельности любой незарегистрированной общественной организованной гражданской инициативы независимо от направленности такой деятельности и ее последствий.

Дополнительное основание для подобной практики создает постановление № 49 Министерства юстиции Республики Беларусь «О некоторых вопросах создания общественных объединений и их союзов (ассоциаций)» [6]. Данное постановление предусматривает необходимость регистрации любых «движений», «инициатив», «коалиций», объединяющих граждан.

Из всего этого следует, что ст. 193-1 обнаруживает в себе ряд внутренних противоречий, а также имеет значительные расхождения с рядом иных норм национального законодательства, что в целом при ее применении способно нарушать конституционные права и свободы граждан, в частности свободу ассоциации.

Ст. 193-1 УК РБ и международные стандарты свободы ассоциации

Будучи полноправным субъектом международного права, Республика Беларусь имеет обязательства, подлежащие добросовестному исполнению и проистекающие из международно-правового обычая, к которому принято относить фундаментальные права человека, и также отдельно взятые на себя обязательств в виде международных договоров, которые зачастую конкретизируют объем и содержание данных прав.

Главнейшим для Республики Беларусь источником международного права, призванного гарантировать свободу ассоциации, является Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (далее – Пакт), а именно ст. 22. Данная статья устанавливает, что «каждый человек имеет право на свободу ассоциации с другими», а также приводит исчерпывающий и закрытый список оснований, по которым возможно ограничение данного права. Для того чтобы быть признанным правомерным, ограничение должно совокупно и последовательно соответствовать трем критериям:

1. Быть предусмотренным законом.

2. Быть введенным для достижения закрытого перечня целей.

3. Быть необходимым в демократическом обществе для их достижения.

Соответствующие цели могут включать: а) государственную или общественную безопасность, б) общественный порядок, в) охрану здоровья и нравственности населения и г) защиту прав и свобод других лиц.

Ст. 5 также подтверждает, что государство не имеет права заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на уничтожение любых прав или свобод, признанных в настоящем Пакте, или на ограничение их в большей мере, чем предусматривается в настоящем Пакте.

Однако частные критерии разрешения вопроса о правомерности ограничений не имеют кодифицированного выражения. Чаще всего вопрос разрешается в рамках специально уполномоченных для его рассмотрения международных органов, которыми могут быть, к примеру, международные (квази)судебные учреждения, такие как Европейский суд по правам человека либо, что более относимо к Республике Беларусь вследствие ратификации ей Факультативного протокола к Пакту, Комитет по правам человека ООН (далее – Комитет), который на настоящий момент является единственным органом, уполномоченным давать официальное толкование норм Пакта. Помимо практики рассмотрения им конкретных сообщений, иным важным документом являются Сиракузские принципы о положениях, касающихся ограничения и умаления прав в Международном пакте о гражданских и политических правах (далее – Принципы) [15].

Так, указывается, что закон, вводящий ограничения на осуществление прав человека, не должен быть необоснованным и неразумным, а сами ограничения не должны наносить ущерб демократическому функционированию общества. В том, что касается решения вопроса о «демократическом функционировании общества», нельзя не признать, что гражданское общество, предоставляющее возможности для эффективной и свободной реализации общественных инициатив, является его неотъемлемым элементом. Его непосредственные участники – неправительственные организации – неоднократно высказывали свою позицию о неправомерности и чрезмерных ограничениях, вводимых ст. 193-1 УК РБ, выразив ее в соответствующих отчетах и докладах. В частности, данную статью осуждают как несоответствующую международноправовым обязательствам по правам человека публичные заявления и отчеты Международной неправительственной организации «Amnesty International», а также резолюция о свободе ассоциации в Республике Беларусь, принятая в рамках конференции международных неправительственных организаций Совета Европы [10; 11; 13].

Поскольку Беларусь не делала отдельных заявлений о целях, для которых вводится ст. 193-1, и поскольку вопрос об этом не был на рассмотрении Комитета, при оценке намерения государства следует исходить из формулировки Закона о внесении изменений, чье название указывает на то, что действие данной нормы предусматривалось как направленное на охрану общественной безопасности. Согласно определению, данному в Принципах, понятие общественной безопасности подразумевает «защиту от угрозы безопасности населения, его жизни и физическому здоровью или серьезного ущерба его собственности». Однако, как было обосновано в предыдущей главе, состав ст. 193-1 УК РБ никоим образом не может предусматривать деяний, связанных с причинением вреда здоровью либо имуществу других граждан, равно как и нарушения их прав и свобод, поскольку подобные деяния в полном объеме охватывались бы ст. 193 УК РБ.

Следовательно, упомянутая статья противоречит смыслу того самого закона, которым введена в действие, если понимать его таким, как он был прямо заявлен законодателем и реализован в законодательстве. Соответственно, любое деяние, направленное *исключительно* против существующего порядка государственной регистрации общественных объединений, не имеет возможности этим самым нанести вред общественной безопасности.

Однако даже если теоретически предположить, что цель может быть иной из допустимых согласно Пакту либо же именно такой, какой она была заявлена в наименовании соответствующего закона, то являлись бы вводимые ограничения достаточными и необходимыми для их достижения?

Для того, чтобы получить утвердительный ответ на данный вопрос, следовало бы доказать, что любые меры, менее жесткие, чем введенные, не представляли бы собой соразмерно эффективного способа достижения вышеупомянутых целей. Но если рассматривать практику рассмотрения сообщений против Беларуси по сходным вопросам в Комитете, то можно прийти к выводу, что и без существования рассматриваемой статьи УК РБ, большинство заявителей, жалующихся на недостаточные гарантии реализации свободы ассоциации, говорят именно об этом. Подобные утверждения были рассмотрены и приняты Комитетом при рассмотрении жалоб из сообщений: Борис Звозсков и др. против Беларуси, Сергей Малаховский и Александр Пикуль против Беларуси, а также Виктор Корнеенко и др. против Беларуси [12; 14; 16]. Во всех перечисленных случаях Комитет признал нарушение соответствующих прав со стороны

Республики Беларусь в той или иной степени. И поскольку регистрация осуществляется для создания соответствующего лица, которые могло бы пользоваться установленными законодательствами правами, сам факт ее отсутствия и, соответственно, отсутствия юридического лица в значительной мере по факту ограничивает лиц, осуществляющих деятельность без нее, по сравнению с организациями, функционирующими в полном соответствии с законодательством Республики Беларусь. Таким образом, соответствующее ограничение в правах осуществляется автоматически.

Из всего вышеприведенного можно сделать вывод, что ст. 193-1 не соответствует полностью двум из трех установленных в Пакте критериям для ограничения прав, значительно расходится с толкованием их Принципов и игнорирует предшествующую практику рассмотрения сообщений Комитетом в отношении Республики Беларусь по аналогичным вопросам.

Заключение

Подводя итог, можно прийти к следующим выводам:

– ст. 193-1 УК РБ не соответствует установленным в Конституции критериям для ограничения прав. Правовая категоризация деяния и установленная за него санкция не соответствуют его реальной общественной опасности;

– рассмотренная статья явно не удовлетворяет требованиям международных стандартов, предъявляемым к дерогации и ограничению, установленным международным обычаем, кодифицирующим его международным договорам, а также практике их толкования и применения;

– статья не преследует достижения цели, для которой была официально заявлена. Защита общественных отношений, которые в действительности охраняются ст. 193-1 УК РБ, может быть достигнута нормами, подразумевающими меньшую степень ограничения прав, в т.ч. уже существующими.

Таким образом, на основании этого могут быть предложены следующие варианты модификации действующего законодательства:

– исключение ст. 193-1 из Уголовного кодекса Республики Беларусь:

а) с последующим включением данной нормы в КоАП;

б) с полным отнесением описанного деяния к ст. 23.39 КоАП;

– официальное законодательное закрепление единообразных критериев и определения общественного объединения в контексте ст. 193-1 и ограничительного толкования участия в нем;

– включение данного обстоятельства как квалифицирующего в отношении иных противоправных деяний, сопряженных с организацией и деятельностью общественных объединений (аналогично подходу п. 2 ст. 193 Уголовного кодекса Республики Беларусь);

– опционально может быть также применено упрощение существующего порядка государственной регистрации общественных объединений.

Литература

1. Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 21 апр. 2003 г., № 194-З: в ред. от 30.12.2010 // Консультант Плюс: Беларусь. – Минск, 2006.
2. Конституция Республики Беларусь: 15 марта 1994 г., № 2875-XII: с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24.11.1996, 17.10.2004 // Консультант Плюс: Беларусь. – Минск, 2006.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах: вступил в силу 23 марта 1976 г.: зарегистрирован в Национальном реестре правовых актов Респ. Беларусь 2 апреля 2003 г. № 3/701 // Консультант Плюс: Беларусь. – Минск, 2006.
4. Об общественных объединениях: Закон Респ. Беларусь, 4 окт. 1994 г., № 3254-XII: в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2010 // Консультант Плюс: Беларусь. – Минск, 2006.
5. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь по вопросу усиления ответственности за деяния, направленные против человека и общественной безопасности: Закон Респ. Беларусь, 15 дек. 2005 г., № 71-З // Консультант Плюс: Беларусь. – Минск, 2006.
6. О некоторых вопросах создания общественных объединений и их союзов (ассоциаций): постановление Министерства юстиции Республики Беларусь 13 сен. 2005 г. № 49 // Консультант Плюс: Беларусь. – Минск, 2006.
7. О политических партиях: Закон Респ. Беларусь, 5 окт. 1994 г., № 3266-XII: в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2010 // Консультант Плюс: Беларусь. – Минск, 2006.
8. О свободе совести и религиозных организациях: Закон Респ. Беларусь, 17 дек. 1992 г., № 2054-XII: в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2010 // Консультант Плюс: Беларусь. – Минск, 2006.
9. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З: в ред. от 27.12.2010 // Консультант Плюс: Беларусь. – Минск, 2006.

10. Amnesty International Public Statement. EUR 49/017/2011 (5 September 2011) [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access: http://bit.ly/WRF8dS. – Date of access: 30.10.2011.
11. Belarus must respect freedom of assembly, association and expression. Amnesty International Official Site [Electronic resource]. – 2008. – Mode of access: http://bit.ly/aeGcz6. – Date of access: 30.10.2011.
12. Boris Zvozskov et al. v. Belarus, Communication No. 1039/2001, U.N. Doc. CCPR/C/88/D/1039/2001 (2006) [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access: http://umn.edu/humanrts/undocs/1039-2001.html. – Date of access: 30.10.2011.
13. CONF/PLE(2011)RES3. Resolution on the Freedom of Association in the Republic of Belarus. The Conference of INGOs of the Council of Europe [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access: http://coe.int/t/ngo/Articles/CONF_PLE_2011_RES3_Belarus_en.asp. – Date of access: 30.10.2011.
14. Sergei Malakhovsky and Alexander Pikul v. Belarus, Communication No. 1207/2003, U.N. Doc. CCPR/C/84/D/1207/2003 (2005) [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access: http://umn.edu/humanrts/undocs/1207-2003.html. – Date of access: 30.10.2011.
15. Siracusa Principles on the Limitation and Derogation of Provisions in the International Covenant on Civil and Political Rights, Annex, UN Doc E/CN.4/1984 [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access: http://unhcr.org/refworld/docid/4672bc122.html. – Date of access: 30.10.2011.
16. Viktor Korneenko et al. v. Belarus, Communication No. 1274/2004, U.N. Doc. CCPR/C/88/D/1274/2004 (2006) [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access: http://umn.edu/humanrts/undocs/1274-2004.html. – Date of access: 30.10.2011.

Екатерина Герасимович
(Вильнюс, Европейский гуманитарный университет)

ПРИНЦИПЫ ЗАЩИТЫ И РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ МЫСЛИ, СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В ЕВРОПЕ (на примере ислама)

Faith, the right to hold particular religion or no religion, on the one hand, play an important role in a person's inner, intimate world. On the other hand, religious affiliation was often the basis for discrimination at the level of state and society. During the globalization era it became especially important in the light of penetration of representatives of the Islamic civilization into European society. The article deals with the problem of realization of the freedom of thought, conscience and religion by Muslims in the EU. It illustrates the development of these rights throughout history, their legal grounds and certain aspects of realization of the ECHR norms (art.9), including the use of religious symbolism, religious clothing and religious rites.

Среди прав человека существенное значение принадлежит свободе совести. Свобода совести в субъективном смысле обозначает конкретные права, правомочия субъектов, возникающие на основании характерного законодательства и принадлежащие человеку с момента рождения. Таким образом, субъективное право на свободу совести является гарантированной и разрешенной законом мерой поведения человека в системе человек – религия – государство.

Свобода вероисповедания (религии) заключается в возможности открытой реализации своей веры и жизни согласно своим убеждениям, в том числе атеистическим. Джон Локк в «Послании о веротерпимости» [2, с. 100] писал о том, что право свободы совести, религии является естественным правом каждого человека и «ни одно частное лицо не должно

каким бы то ни было образом покушаться на гражданские блага другого или наносить им ущерб на том основании, чтобы тот отказался от его религии и обрядов».

Сама идея свободы совести появилась в Европе в XV в. с началом Реформации, в результате которой в общественной жизни произошла реинтерпретация христианства и зародилось понятие свободы вероисповедания, первоначально – как свободы выбора исповедования одного из направлений христианства. После гражданской войны во Франции и таких ярких исторических событий, как Варфоломеевская ночь 1572 г., проблема свободы совести все больше обнаруживала свое значение, поскольку религиозные противоречия стали напрямую связаны с политикой. Все более ясной становилась недопустимость насилия по отношению к инакомыслящим (как верующим, так и атеистам). В целом, французские мыслители были первыми, кто связал свободу совести с правами и свободами граждан. В 1785 г. был подписан Эдикт о терпимости во Франции, согласно которому запрещалось ущемление в правах некатоликов, а в 1789 г. была принята Декларация прав человека и гражданина, в ст. 10 которой закреплено: «Никто не должен быть притесняем за свои взгляды, даже религиозные, при условии, что их выражение не нарушает общественный порядок, установленный законом».

В 1950 г. была принята Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. В отличие от ст. 18 Всеобщей декларации ст. 9 Конвенции, регламентирующая свободу мысли, совести и религии, носит императивный характер. Свобода совести, мысли и религии включает свободу менять свою религию, убеждения, исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных обрядов. При этом в п. 2 ст. 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод говорится, что право исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь тем ограничениям, которые предусмотрены в демократическом обществе и в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

В 1981 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений. Несмотря на то, что нормы данной Декларации не носят императивный характер, она является одним из самых важных документов, провозглашающих право на свободу убеждений и религии. Однако следует сказать, что ряд стран сделали некоторые оговорки относи-

тельно положений данного документа, идущих в разрез с их внутренним правом. Польша, Болгария (хотя на сегодняшний день в Конституции этого государства (ст. 13) говорится, что традиционной религией является восточное православие), Чехословакия, СССР заявили, что Декларация 1981 г. не уделила должного внимания атеистическим убеждениям. Ирак от имени Организации Исламской конференции, а также Сирия и Иран сделали заявление об оговорке относительно применения любого положения Декларации, которое противоречит законам шариата.

Следует сказать, что ислам – вторая по многочисленности религия мира после христианства. В Организацию Исламского Сотрудничества входят 57 стран с четырех континентов. Существует тезис, согласно которому ислам является и религией, и государством. Ислам стал законом, определяющим социальные структуры и мораль общества, обоснование которых находится в священном Коране. И хотя ислам исторически близок многим культурным европейским традициям, сравнительный анализ существующих различий показывает наибольшую удаленность ислама от европейского стандарта и его определенное сходство с китайскими религиозно-доктринальными нормами. Здесь иное видение мира и иная интерпретация социальной действительности [5, с. 312].

В последнее время общественностью, правозащитниками ислама и СМИ поднимается вопрос о соответствии действий правительств стран ЕС в отношении вводимых запретов на ношение платков, закрывающих лицо, а также размещение религиозных символов в общественных местах, праву свободы мысли, совести и религии. За последние несколько лет в странах ЕС были приняты законы, которые вводят определенные ограничения на некоторые сферы социальной жизни и якобы носят дискриминационный характер по отношению к верующим, в первую очередь, к мусульманам. Однако, во-первых, в текстах законов нет прямых указаний на запрет атрибутов исламской религии, а используются такие формулировки, как «платки, полностью закрывающие лицо», «религиозные символики», «насильственные действия над женщинами и девочками», что, на мой взгляд, является грамотным с точки зрения политики и права.

Во-вторых, заявления о том, что такие действия являются дискриминирующими в отношении свободы вероисповедания, не могут иметь достаточных оснований ввиду того, что ни паранджа/никаб, ни клиторидэктомия не являются религиозными символами или необходимыми атрибутами, поскольку их обязательность не устанавливается ни Кораном, ни Сунной.

В-третьих, решения европейских стран официально объясняются защитой основных прав и свобод человека (в том числе – уравнивание в правах атеистов и верующих разных религий путем отказа от признания той или иной религии в качестве государственной). Таким примером может служить дело LautsivsItaly № 30814/06 от 03.11.2009, по которому решение Европейского суда по правам человека обозначает введение запрета на размещение в школах и некоторых других заведениях предметов религиозной символики. И хотя заявление Сойле Лаутси было направлено на запрет использования христианских крестов в школах, но оно также является основанием для запрета размещения в школах символики и других религий.

Судебное решение ссылается на ст. 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и ст. 2 Протокола № 1 к Конвенции: «Никому не может быть отказано в праве на образование. Государство при выполнении любых функций, которые оно принимает на себя в области образования и обучения, уважает право родителей обеспечивать такое образование и обучение своих детей в соответствии со своими собственными религиозными и философскими убеждениями». Кроме того, решение было основано на мнении судей, что государства должны соблюдать конфессиональный нейтралитет в общественном образовании, что вызвало определенную критику со стороны общественности, и на сегодняшний день ожидается решение суда в ответ на апелляционную жалобу итальянского правительства, основанную на позиции национальной идентичности, а также предотвращения дискриминации веры как таковой. Как отмечает Европейский центр по вопросам права и правосудия, «государствам – членам Совета Европы должны быть предоставлены широкие пределы усмотрения по вопросам образования и религии. Европейский суд по правам человека никогда до этого не вводил принципы плюрализма в вакууме, и не может делать этого сейчас».

Следует сказать, что существует строго установленный перечень вопросов для определения действительности нарушения ст. 9 ЕКЧП:

1. Каковы рамки конкретной гарантии?
2. Имело ли место вмешательство в гарантированное право?
3. Преследует ли это вмешательство легитимную цель?
4. Является ли вмешательство «предусмотренным законом»?
5. Является ли это вмешательство «необходимым в демократическом обществе»?

Другой острой проблемой в свете реализации рассматриваемых прав в ЕС является запрет на проведение процедуры клиторидэктомии, ко-

торая ассоциируется с исламом и в частых случаях пытается оправдать себя им. За последние несколько лет были зарегистрированы случаи проведения клиторидэктомии на территории США, Франции, Германии, Британии, Финляндии, Австралии, Новой Зеландии и других стран в группах иммигрантских сообществ, проживающих в этих странах. Организация UNICEF призывает бороться с таким явлением. По подсчетам организации к 2010 г. обрезанию были подвержены около 16 млн девочек. Основная часть западного общества воспринимает такую практику как действия, нарушающие универсальные права человека. Правительствами Швеции, Норвегии, Дании, Испании, Бельгии, Франции, Великобритании были приняты законы, направленные на устранение подобных практик и наказание лиц, способствующих проведению женского обрезания в каждом частном случае. Можно также добавить, что боязнь быть подверженным клиторидэктомии является основанием для получения статуса беженца в США.

В последнее время в Европе ведутся споры по поводу запрета на ношение женских мусульманских платков в общественных местах. Так, в 2004 г. во Франции был принят закон о запрете на ношение и использование религиозных символов, как хиджаба, так и христианского креста, и иудейской кипы, а 11.05.2010 депутаты Национального собрания Франции единогласно приняли резолюцию, согласно которой ношение мусульманской одежды, закрывающей лицо, является нарушением республиканских ценностей. Сторонники данной резолюции основывают свою позицию на принципе равноправия женщин и мужчин в обществе, а также праве самоопределения и личного достоинства, которые понимаются во Франции.

Хасен Шальгуми, имам мечети в городе Дранси, публично заявил, что поддерживает данную резолюцию: «...в отличие от платка, который закрывает лишь волосы, паранджа полностью закрывает лицо, не имеет никакого обоснования ни в исламе, ни в Коране. Эта традиция меньшинства относится к идеологии, которая подрывает мусульманскую религию. Паранджа – это тюрьма для женщин, кстати, ни одна женщина в Дранси его не носит». «Иметь французское гражданство – это значит участвовать в жизни общества, школы, работы, но как женщины могут делать это все, имея на голове паранджу! Или пусть они отправляются жить в страну, где ношение паранджи является традицией, например, в Саудовскую Аравию» [11].

Подобный закон был принят 30.04.2010 в Бельгии. Данный закон предусматривает запрет на ношение «одежды или головного убора, ко-

торые полностью или частично скрывают лицо, не позволяя идентифицировать человека». Хотя в Бельгии немногие мусульманки носят паранджу, тем не менее авторы закона считают, что он необходим как мера безопасности от возможных радикалов, то есть для защиты общества: «Речь идет о совместной жизни в нашем обществе, у нас общие ценности и права. Если у вас есть возможность видеть мое лицо, то я также имею право видеть ваше» [8].

Однако, организация «Международная амнистия» осудила принятое решение. По словам руководителя ее Брюссельского отделения Дэвида Николса, организация рассматривает этот акт как дискриминационный в отношении женщин-мусульманок, он в грубой форме нарушает права человека на свободу слова и свободу вероисповедания. «Государства действительно обязаны защищать женщин от давления со стороны родственников и общин, принуждающих их полностью закрывать лицо вуалью. Для этого государствам следует в каждом отдельном случае вмешиваться через механизмы уголовного и семейного права, то есть они должны принимать меры по преодолению гендерных стереотипов и борьбе с дискриминацией» [7]. Той же самой позиции AmnestyInternational придерживается в отношении принятого закона во Франции.

Данное право было предметом рассмотрения Европейского суда в таких делах, как DogruvsFrance № 27058/05, LeylaSahinvsTurkey № 44774/98, DahlabvsSwitzerland № 42393/98 и др.

Глобализация, по своей сути, иллюстрирует процесс взаимозависимости разных стран и регионов и способствует взаимной интеграции различных моделей развития общества. Однако любое государство имеет право на защиту национальной идентичности и установление тех правил общественного поведения, которые способствуют укреплению государственного суверенитета. Иностранцы должны соблюдать законы той страны, на территории которой они находятся. То же самое касается и мусульман: находясь на территории ЕС и желая проживать среди европейцев, они обязаны учитывать и уважать европейские ценности.

Судебные решения, в основном, исходят из принципов плюрализма, равенства, профессионального нейтралитета в учебных заведениях, защиты здоровья и общественного порядка, отделения государства от церкви. Действия, совершаемые иммигрантами на территории стран Запада и противоречащие основным принципам демократического общества, не могут быть оправданы и разрешены на основании религиозных догм или же национальных традиций. Ссылка на нормы международных

конвенций и деклараций, провозглашающие свободу совести, религии и вероисповедания, как уже говорилось, ограничивается, если такие «догмы, ритуалы и отправления культов» противоречат нормам морали, опасны для здоровья, безопасности или общественного порядка. Право государственного суверенитета не может быть нарушено обществом другого государства, тем более, путем игнорирования культурных и правовых принципов того общества, среди которого они намериваются существовать. Конституции стран, а также акты международного права направлены на защиту населения от возможного унижения, насилия со стороны других лиц, на обеспечение порядка и мира. Если государство официально проводит политику секуляризма (в случае Франции – лаицизма), то это также не является основанием говорить о нарушении права на свободу совести, религии и вероисповедания.

В целом, защита индивидуального вероисповедания должна поощрять и стимулировать терпимость и взаимное уважение к вероисповеданию других лиц, особенно в условиях защиты плюрализма. Вместе с тем обязательства государств значительно шире, чем просто обязанность воздерживаться от вмешательства в права по ст. 9, как отмечает Р.В. Маранов [3, с. 65–67]. Но при этом любое вмешательство должно быть легитимно обоснованным и преследовать цели защиты интересов и безопасности общества, здоровья населения и общественного порядка, как указано в п. 2 ст. 9. Кроме того, лица, заявляющие о нарушении ст. 9, должны помнить о том, что та или иная религия не является основанием для непосещения работы, школы, невыполнения общественных норм поведения, сложившихся веками. Вместе с тем провозглашение какой-либо религии в качестве государственной не должно быть причиной для дискриминации по отношению к представителям других вероисповеданий и атеистам. С целью обеспечения демократических принципов государствам следует придерживаться политики секуляризма.

Литература

1. Гоббс, Т. Левиафан. – М.: Мысль, 2001.
2. Локк, Дж. Сочинения: в 3 т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 3.
3. Маранов, Р.В. Практика Европейского суда по правам человека по делам о свободе совести. – М.: Славянский правовой центр, 2009.
4. Нерсесянц, В.С. История политических и правовых учений. – М.: НОРМА-ИНФА, 1998.

5. Поликарпов, В.С. История религий. Лекция и хрестоматия. – М.: Гардарика, 1997.
6. Центр по правам человека Университета Миннесоты. Право на свободу религии или убеждений: учебное пособие [Электронный ресурс]. – 10 сентября 2012. – Режим доступа: http://wfrt.net/humanrts/edumat/studyguides/Rreligion.html.
7. Бельгия проголосовала за запрет вуали, полностью закрывающей лицо [Электронный ресурс] // AmnestyInternational. – 15 сентября 2012. – Режим доступа: http://amnesty.org.ru/node/1385.
8. Бельгия против паранджи [Электронный ресурс]// Euronews. – 12 сентября 2012. – Режим доступа: http://ru.euronews.net/2010/04/22/belgium-poised-to-ban-the-burqa.
9. Женское обрезание не является обязательным в исламе [Электронный ресурс] // Ислам для всех. – 09 сентября 2012. – Режим доступа: http://islam.com.ua/news/578.
10. Расселение мусульман [Электронный ресурс] // Ресурс Национальной и государственной безопасности РФ. – 15 сентября 2012. – Режим доступа: http://nationalsecurity.ru/maps/africamuslim.htm.
11. Французский имам выступил за запрет ношения паранджи [Электронный ресурс] // Interfax. – 17 сентября 2012. – Режим доступа: http://interfax-religion.ru/islam/?act=news&div=33867.
12. France moves closer to a ban on full-face veils [Electronic resource] // DW-World.De. – 15th september 2012. – Mode of access: http://dw-world.de/dw/article/0,,5563860,00.html.

Нормативно-правовые акты:

Международный пакт о гражданских и политических правах, 1966 г. [Электронный ресурс]. – 14 сентября 2012. – Режим доступа: http://un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, 1950 г. [Электронный ресурс]. – 14 сентября 2012. – Режим доступа: http://echr.coe.int/NR/rdonlyres/6AE69C60-8259-40F8-93AF-8EF6D817C710/0/CONVENTION_RUS_WEB.pdf.

Протокол № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, 1950 г. [Электронный ресурс]. – 14 сентября 2012. – Режим доступа: http://unn.ru/rus/books/pp1.htm.

Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений, 1981 г. [Электронный ресурс]. – 15 сентября 2012. – Режим доступа: http://un.org/russian/documen/declarat/relintol.htm.

Декларация прав человека и гражданина, 1789 г. [Электронный ресурс]. – 15 сентября 2012. – Режим доступа: http://liberte.newmail.ru/declaration.html.

Основной закон ФРГ, 1997 г. [Электронный ресурс]. – 13 сентября 2012. – Режим доступа: http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/LAW/BRD.HTM.

Конституция Болгарии, 1991 г. [Электронный ресурс]. – 14 сентября 2012. – Режим доступа: http://bulgarianhouse.ru/bulgaria/law.html.

Конституция Испании, 1978 г. [Электронный ресурс]. – 10 сентября 2012. – Режим доступа: http://humanities.edu.ru/db/msg/6480.

Конституция Греции, 1975 г. [Электронный ресурс]. – 15 сентября 2012. – Режим доступа: http://constitutions.ru/archives/249.

CaseLautsivsItaly, № 30814/06 [Электронный ресурс]. – 15 сентября 2012. – Режим доступа: http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?action=html&documentId=857724&portal=hbkm&source=externalbydocnumber&tabl.

CaseDogruvsFrance, № 27058/05 [Электронный ресурс]. – 13 сентября 2012. – Режим доступа: http://strasbourgconsortium.org/document.php?DocumentID=4162.

CaseLeylaSahinvsTurkey, № 44774/98 [Электронный ресурс]. – 13 сентября 2012. – Режим доступа: http://strasbourgconsortium.org/document.php?DocumentID=3814.

CaseDahlabvsSwitzerland, № 42393/98 [Электронный ресурс]. – 13 сентября 2012. – Режим доступа: http://baer.rewi.hu-berlin.de/w/files/l_adr/dahlab_echr_2001_4239398.pdf.

Анастасия Волосатова
(Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

ЗАЩИТА ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ИТАЛИИ: «CARTA DI TREVISO» КАК ПРАВОВАЯ ОСНОВА ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СМИ И ДЕТЬМИ В ЕВРОПЕ

The paper deals with the problem of protecting children's rights in the field of journalism in Italy. The object of study is the legal document entitled «Carta di Treviso», which became a legal basis for relations between information and the child in Europe. It establishes ethical standards for Italian journalists in relation to minors. This list includes the following standards: a guarantee of anonymity of a child involved in crime, a ban on the public performance and broadcasting of a child's appearance and personal information, a ban on the participation of children in TV shows, etc. This document not only laid down the foundations of honest journalism in Italy but was also an example for replication throughout the world.

В Италии о правах несовершеннолетних впервые начали говорить в 1924 г., затем более детально в 1934 г. в связи с реформой Уголовного кодекса. Но в области информации серьезное внимание к теме «детства» выходит на передний план только в конце 1980-х гг., когда ребенка начинают рассматривать как носителя субъективных прав. СМИ призваны взять на себя более ответственную роль, они должны быть в непрерывном уравновешивании свободы слова и защиты детей.

В ноябре 1959 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла *Декларацию прав ребенка*, которая лежит в основе современного международного регулирования вопросов защиты прав несовершеннолетних. В Декларации принимается во внимание, что ребенок, ввиду его физической и ум-

ственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения.

30 лет спустя, в ноябре 1989 г., Генеральной Ассамблеей ООН была предложена для подписания всеми государствами *Конвенция о правах ребенка*. В соответствии со ст. 17 этого обязательного для исполнения соглашения все государства-участники признают важную роль средств массовой информации и обеспечивают детям (то есть лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста) «доступ к информации и материалам из различных национальных и международных источников, особенно к такой информации и материалам, которые направлены на содействие их социальному, духовному и моральному благополучию, а также на здоровое физическое и психическое развитие» [1, с. 300].

Опираясь на Конвенцию ООН о правах ребенка, ряд стран приняли свои национальные законы схожего с ней содержания. В Италии такими законами стали Устав Тревизо («Carta di Treviso») и Кодекс авторегулирования телевидения и защиты несовершеннолетних (Codice di autoregolamentazione tv e minori). Объектом нашего внимания станет именно первый документ.

Устав Тревизо – первый документ самодисциплины, или же этического регулирования, который устанавливает для журналиста этические нормы по отношению к несовершеннолетним. Он появился в 1990 г. по инициативе национальной Федерации печати (Federazione nazionale della stampa), Ордена журналистов (Ordine dei giornalisti) и Телефона Доверия (Telefono Azzuro – организация, которая занимается детьми, имеющими сложности или ставшими жертвами насилия). Эти три организации сформировали группу по междисциплинарной работе с журналистами, магистрами, доцентами и аспирантами педагогики с целью урегулирования отношений между свободой информации и защитой детей. Документ был назван именем города, в котором состоялось собрание.

Устав Тревизо был подписан 5 октября 1990 г., хотя начал он действовать в марте 1989 г., когда произошли 3 нашумевших в стране истории, в которые были вовлечены дети: трехлетняя Серена, Мириам в возрасте 2,5 лет и семилетний Марко. Серена – жертва противоречивой истории усыновления, Мириам – жертва предполагаемого насилия со стороны отца и, наконец, Марко, который был похищен, а затем освобожден спустя 2 года. Эти истории мгновенно были подхвачены прессой и оказались в центре внимания общественности. Во всех этих эпизодах во имя права распространения информации было забыто реальное право детей на защиту.

Устав Тревизо устанавливает следующие правила саморегулирования для итальянских журналистов и для всех тех, кто работает непосредственно с информацией:

- Журналисты обязаны соблюдать уголовное, гражданское и административное право, которые регулируют распространение информации касательно несовершеннолетних.
- Журналисты обязаны гарантировать анонимность несовершеннолетних, вовлеченных в акты судебных отчетов или в массовую информацию. Раскрытие их личности является потенциально опасным для их жизни.
- Журналисты должны избегать публикации всего того, что может идентифицировать личность несовершеннолетнего, участвующего в судебном разбирательстве, будь то личные данные (информация о родителях, местожительстве, адрес школы), фотография или видеозапись. Подобное поведение должно соблюдаться в случаях педофилии и любых видов насилия.
- В случаях отказа родителей от несовершеннолетних детей, усыновления или опеки журналист не должен упоминать этот факт, напротив, он должен скрыть личность ребенка.
- Ребенок не должен давать интервью или принимать участие в теле- или радиопередачах, которые могут нанести ущерб его достоинству или психическому равновесию, независимо от согласия родителей.
- В случае если ребенок болен или недееспособен, нужно обращать особое внимание на распространение информации о нем. Изображения или повествование не должны иметь сенсационный характер, что является эксплуатацией человеческой личности.
- Все меры, перечисленные выше, должны применяться ко всем формам (онлайн, мультимедийной) и инструментам журналистики, которые используют инновационные технологии.
- В соответствии с правилом, учрежденным Орденом журналистов, все журналисты должны соблюдать эти установления во избежание штрафных санкций.

Итак, Устав Тревизо опирается на ценности Итальянской Конституции и на Конвенцию ООН о правах ребенка 1989 г., ратифицированную в Италии и ставшую государственным законом в 1991 г. Принципы Устава Тревизо также изложены в Уставе обязанностей журналиста (Carta dei Doveri) 1993 г. и в ст. 7 Этического кодекса (Codice deontologico) (связанной с обработкой персональных данных при осуществлении журналист-

ской деятельности), которая предусматривает особою защиту детей, вовлеченных в факты новостной хроники.

Закон о неприкосновенности частной жизни 1996 г. усиливает принципы Устава. Если журналист самостоятельно оценивает новость на предмет связи с интересами ребенка, эта оценка всегда должна проводиться в соответствии с принципами Устава Тревизо. А если новость касается телевидения, то важна глава Кодекса авторегулирования ТВ и защиты несовершеннолетних, вышедшая в свет в 2002 г. и посвященная участию несовершеннолетних в телепередачах.

Чтобы продемонстрировать, в каких случаях работает Устав Тревизо, приведем несколько примеров нарушений из журналистской практики в Италии.

Ребенок стал свидетелем убийства родителей. Апрель 1994 г.

Шестилетняя Серена увидела, как убили ее родителей. Судьи обсуждали вопрос о том, стоит ли учитывать ее показания в суде над предполагаемым убийцей родителей. Телеканал взял у нее интервью.

Впоследствии комитет утвердил «неприемлемое и противоречащее профессиональной этике вмешательство телекамер и СМИ в жизнь ребенка».

Детьми пожертвовали ради аудитории. Февраль 1996 г.

Телеведущий был наказан за то, что дважды позволил детям участвовать в телепередаче. В первом случае в прямой трансляции была показана первая встреча отца с сыном, а во втором тележурналист позволил встретиться детям с раскаявшимся преступником. Оба случая считаются способом привлечения наибольшей аудитории с помощью использования сенсационной информации, при этом в жертву приносятся дети. В первом случае встреча привлекла внимание миллионов зрителей. Во втором эпизоде была поставлена под угрозу безопасность детей. Таким образом, детей принесли в жертву ради сенсационности шоу.

Жестокое обращение с подопечными в детском саду г. Пистоя. Декабрь 2009 г.

Телекамеры, установленные в детском саду итальянского города Пистоя, подтвердили жестокое обращение воспитателей с детьми. Видео-

записи с камер просочились в Интернет и транслировались по телевидению. Журналисты, телеканалы и сайты-трансляторы были наказаны, а Орден журналистов подтвердил отсутствие необходимости в трансляции подобных видео и очевидной цель привлечения внимания массовой аудитории.

Устав Тревизо с точки зрения появления особых отношений между информацией и детьми был предметом внимания со стороны Европейского парламента в плане перспективы стать в будущем правовой основой отношений средств информации и ребенка в Европе в соответствии с действующим Уставом по правам человека, который утверждает, что при любых обстоятельствах, в том числе при разработке директив по использованию Интернета и телевизионной рекламы, интересам ребенка должно уделяться первоочередное внимание.

Таким образом, перед нами пример успешного правового документа, который не просто написан на бумаге, а действительно работает и должен быть образцом для подражания во многих странах мира.

Литература

1. Рихтер, А.Г. Международные стандарты и зарубежная практика регулирования журналистики: учеб. пособие. – Издание ЮНЕСКО. – М., 2011.
2. Устав Тревизо («Carta di Treviso»).
3. La deontologia del giornalista (a cura di Michele Partipilo), Centro di Documentazione Giornalista.
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://agcom.it.
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mediascope.ru/node/417.

Анна Афанасьева
(Вильнюс, Европейский гуманитарный университет)

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ХОРВАТИИ К ЕС С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОСТОЯНИЯ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

The paper discusses the concept of constitutionalism and the changes the Republic of Croatia had to introduce in its Constitution in the context of the EU document called «Stabilization and Association Agreement», which was the basis for the negotiations between the EU and the Western Balkans. The deals with the decline of the sovereignty of the Republic of Croatia in connection with the changes made in the Constitution and the transfer of responsibilities to the EU institutions. The author notes that the Republic of Croatia has fulfilled a number of requirements needed for entry into the EU. At the referendum, the citizens of the Republic of Croatia supported this decision.

Конституционализм – тип управления государством, осуществляемый на основе закона, конституции. Конституционализм характеризуется наличием: высшего законодательного органа, избираемого населением; ответственности правительства перед законодательным органом или главой государства; всеобщего избирательного права; института демократических прав и свобод, правосудия [11]. Также под конституционализмом понимается не просто система установленных в обществе конституционных порядков, а конституционный режим функционирования государства. Это означает, что определенные нормы и процедуры ограничивают осуществление власти. Основной закон определяет меру и масштабы допустимого вторжения власти в какую-либо сферу общественной жизни, а государство функционирует на основе и в рамках, определенных конституцией.

В разработанном ЕС документе, именуемом «Соглашение о стабилизации и ассоциации», который является основой для переговоров с ЕС стран Западных Балкан вплоть до их окончательного присоединения к ЕС, закреплены три цели:

– стабилизации страны и поощрения ее быстрого перехода к рыночной экономике;

– содействие региональному сотрудничеству;

– членство в ЕС [6, art. 1].

В свою очередь ЕС предлагает со своей стороны торговые льготы, экономическую и финансовую помощь, помощь в восстановлении, развитии и стабилизации.

На основании этого документа, а также Копенгагенских критериев 1993 г. (об условиях вступления государства в ЕС) с 2005 г. велись переговоры с Хорватией, а в 2011 г. Еврокомиссией был составлен доклад по итогам переговоров и процесса проверки 33 разделов законодательства, где было указано, какие изменения в законодательстве Хорватия должна произвести с момента присоединения к ЕС.

Обратим внимание на некоторые изменения, касающиеся конституционного строя Хорватии.

Сразу хотелось бы отметить ст. 2 Конституции Хорватии и положение о том, что суверенитет Республики Хорватия неотчуждаем, неделим и непередаваем, а также что парламент (Хорватский государственный сабор) и народ «непосредственно, самостоятельно, в соответствии с Конституцией и законом принимают решения об урегулировании экономических, правовых и политических отношений в Республике Хорватия. Республика Хорватия заключает союзы с другими государствами, сохраняя за собой суверенное право самостоятельно принимать решения о делегировании полномочий и право на свободный выход из них» [7, ст. 2].

Если сопоставить данные положения с тем, что в силу доклада Еврокомиссии Хорватия *должна* выполнить 34 пункта, то можно говорить о понижении суверенитета и о том, что в таком случае страна не обладает полнотой власти на своей территории. И в дальнейшем, при вступлении в ЕС, часть полномочий будет передана институтам ЕС.

Что касаемо вопросов налогообложения, то здесь также нормы, устанавливаемые государством, должны быть приведены в соответствие с принципами Кодекса поведения для бизнеса налогообложения, направленными на устранение вредных налоговых мер. Необходимо отметить, что будет введен финансовый контроль со стороны ЕС за финансовой политикой Хорватии. При этом подчеркивается необходимость консти-

туционного закрепления «действенной, эффективной и прозрачной системы финансового управления и контроля и функционально независимого внутреннего аудита; в оперативном и финансовом независимой внешней аудиторской организации для оценки экономики» [5, ch. 32]. Также Хорватия должна будет вносить взносы (на основе собственных средств) в бюджет ЕС [5, ch. 33].

Ст. 115–121 Конституции Хорватии закрепляют нормы, регулирующие деятельность судебной системы, однако в докладе Еврокомиссии указано, что «создание независимой и эффективной судебной системы имеет первостепенное значение. Беспристрастность, честность и высокие стандарты вынесения решения суда имеют важное значение для обеспечения верховенства закона. Это требует твердой приверженности устранения внешнего воздействия на судебную систему» [5, ch. 23]. Таким образом, Хорватию обязывают изменить судебную систему, урегулировать судебное сотрудничество по уголовным и гражданским делам, а также проводить антикоррупционную политику в соответствии с правилами ЕС.

Согласно пункту 31 доклада Еврокомиссии Хорватия должна будет согласовывать свою политику безопасности и обороны с ЕС, то есть лишается права по Конституции самостоятельно регулировать данные вопросы.

Однако желание Хорватии присоединиться к ЕС было так велико, что государство выполнило ряд необходимых условий, последним из которых было реформирование судебной системы: «Был создан антикоррупционный департамент. Он должным образом оснащен и укомплектован. Существенные изменения были внесены в Закон о государственных закупках, а также в методы контроля за финансированием политических партий» [2].

23 января 2012 г. граждане Хорватии сказали ЕС «да». На референдуме вступление страны в ЕС поддержали более 66% участников голосования [10]. Правда, на избирательные участки вышло менее 45% имеющих право голоса, что свидетельствует о том, что население не особо радуется новым обязательствам страны, свободных границ в Еврозоне по Шенгенскому соглашению, таможенному союзу, миграции трудящихся и определенной потере суверенитета.

Таким образом, Хорватия уже через год станет новым членом ЕС, и как будет развиваться конституционализм в стране в силу приведения законодательства в соответствие с правилами ЕС, мир узнает позже. Местная пресса с оптимизмом отмечает, что Хорватия теперь входит «в

политическую ассоциацию, в которой суверенитет отчасти разделяется (между государствами), но не отменяется» [8].

Литература

1. Hillion, C. EU Enlargement: A Legal Approach. – Hart Publishing Ltd., 2004.
2. Croatian EU membership approaches [Electronic resource]. – Mode of access: http://euronews.com/2011/06/10/croatian-eu-membership-approaches. – Date of access: 11.03.2012.
3. Joint statement of European Commission President Barroso and European Council President Van Rompuy on the outcome of the EU accession referendum in Croatia [Electronic resource]. – Mode of access: http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=MEMO/12/29. – Date of access: 12.03.2012.
4. Europen Counsil in Copenhagen – 21–22 June 1993 – Conclusions of the Presidency [Electronic resource]. – Mode of access: http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=DOC/93/3&format=HTML&aged=1&Xlanguage=EN&guiLanguage=en. – Date of access: 10.03.2012.
5. Information on the Results of the EU Accession Negotiations with Croatia [Electronic resource]. – Mode of access: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/hp/results_of_th_eu_accession_negotiations_with_croatia.pdf. – Date of access: 13.03.2012.
6. Stabilisation and association [Electronic resource]. – Mode of access: http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2005:026:0003:0220:EN:PDF. – Date of access: 12.03.2012.
7. The Constitution of the Republic of Croatia [Electronic resource]. – Mode of access: http://constitution.org/cons/croatia.htm. – Date of access: 12.03.2012.
8. Блохин, Т. Большие надежды Хорватии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rus.ruvr.ru/2012/01/23/64458406.html. – Дата доступа: 14.03.2012.
9. Хорватия в ЕС: премия Загребу или «спасательный круг» для Брюсселя? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://profi-forex.org/news/entry1008102904.html. – Дата доступа: 15.03.2012.
10. Вступление Хорватии в ЕС поддержали 66% граждан – ЦИК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ria.ru/world/20120123/546469568.html. – Дата доступа: 16.03.2012.
11. Конституционализм // Энциклопедия социологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/1615. – Дата доступа: 9.03.2012.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И БАЛТИКЕ

Яўген Петрашкевіч
(Вільнюс, Еўрапейскі гуманітарны ўніверсітэт)

АПТЫМІЗАЦЫЯ ДЫФЕРЭНЦЫЯЛЬНЫХ ПРАЦЭСАЎ У ПУБЛІЧНЫХ АРГАНІЗАЦЫЯХ

Each public institution follows two inherent trends: the trend to grow and expand its sphere of influence and the tendency to the approximation of their mortality and the gradual reduction. The former is necessarily accompanied by the introduction of organizational changes in the strategy and the need for new organizational units to subordinate to the overall system management and performance of duties. Scaling organization has established a number of new challenges for governments. There is a need to create conglomerate supervision and control units, which would provide high-quality preservation of the hierarchy, responsibility and order. However, this leads to the increased cost of the organization, which goes to support the new conglomerate supervision and control units. On the other hand, effective differentiation in the organization can save huge amounts of resources, which in case of insufficient differentiation is allocated to support large controlling bureaucracy. Thus, the process of differentiation, simple as it may seemat first glance, plays a fundamental role in the life cycle of each organization and outlines hypothetical possibility of organizing the transition to a new stage of development. In addition, studies like this can reflect the specificity of a single organization in the exact region and open up new topics for research in the discovery of new horizons.

Дыферэнцыяльныя працэсы ў публічных арганізацыях

Кожная публічная арганізацыя паддадзена двум неад’емным тэндэнцыям: тэндэнцыі расці і пашыраць сферу ўплыву і тэндэнцыі да набліжэння сваёй смяротнасці і паступовага памяншэння. Тэндэнцыя росту і пашырэння ўплыву публічнай арганізацыі абавязкова суправаджаецца ўнясеннем арганізацыйных змен у стратэгіі і неабходнасці пад-

парадкаваць новыя арганізацыйныя падраздзяленні ў агульнай сістэме кіраўніцтва і выканання абавязкаў. Пашырэнне маштабаў арганізацый стварыла шэраг новых выклікаў для адміністрацый. Узнікае патрэба ў стварэнні кангламерату надзорных, кантрольных падраздяленняў, якія б забяспечвалі якаснае захаванне іерархіі, адказнасці і парадку. Разам з тым значна падвышаюцца выдаткі арганізацыі, якія ідуць на падтрымку кангламерату новых надзорных, кантрольных падраздяленняў. З іншага боку, правядзенне эфектыўнай дыферэнцыяцыі ў арганізацыі дазваляе эканоміць велізарныя сродкі, якія ў выпадку неэфектыўнай дыферэнцыяцыі выдаткоўваюцца на падтрымку вялікага кантрольнага бюракратычнага апарату.

Вывучэнне дыферанцыяльных працэсаў паўстала актуальнейшай тэмай на пачатку 60-х гг. Неабходнасць звяртаць увагу на дадзеную з’яву і развіваць навуковы падыход да якаснага асэнсавання дыферэнцыяцыі ўзнікла ў сувязі з павелічэннем кампетэнцыі дзяржавы як у геаграфічным (тэрытарыяльна-адміністрацыйным), так і ў гаспадарчым плане. З цягам росту прамысловасці і развіцця новых сфер жыццядзейнасці грамадства і грамадскіх кампаній дзяржаўная манаполія на кантраляванне і падпарадкаванне патрабавала пашырэння новых кампетэнтных прадстаўніцтв улады на федэральным узроўні. Новыя адміністрацыйныя бюро ці прадстаўніцтва цэнтральнай улады павінны былі праектаваць агульнарэспубліканскую стратэгію, палітыку ці павестку дня на лакальным узроўні. Дзяржаўным органам не хапала не столькі саміх прафесійных кіраўнікоў, менеджараў, колькі ведаў аб тым, як пабудаваць эфектыўную сістэму менеджменту, якая б дазваляла пашыраць сферу дзейнасці і ўплыў арганізацыі ў буйных рэгіянальных маштабах. Адным з важнейшых пунктаў, які займаў цэнтральнае месца ў вывучэнні дыферанцыяльных працэсаў, выступала пытанне аб суадносенні ўладных паўнамоцтваў у новых падраздзяленнях. Узнікала мноства супярэчлівых пытанняў звязаных з:

- фармальным лідарствам у арганізацыі;
- падзяленнем адказнасці за ажыццяўленнем кантроля;
- ажыццяўленнем паслядоўнасці адпаведна агульнай палітыкі цэнтральнага бюро.

Даследчыкамі было вызначана, што павелічэнне дзяржаўных органаў суправаджаецца спачатку хуткім, а пазней паступовым павелічэннем субадміністрацый ніжэйшых узроўняў. Напрыклад, павялічваецца колькасць мясцовых адміністратыўных, выканаўчых адзінак і бюракратычных дэпартаментаў. Паралельна ўзнікае падзяленне сфер адказансці

i ўплыву. Узнікае запатрабаванасць ў акрэсленні дакладнай іерархічнай адпаведнасці. Ствараюцца функцыянальныя аддзелы, штаб-кватэры. Чым болей падраздзяленне, тым болей колькасць сваіх прафесійных пазіцый, іерархічных узроўняў і функцыянальных секцый. Даследчыкі заўважаюць, што адрозненне паміж кампетэнцыяй паўнамоцтваў бюракратаў першага ўзроўню і сярэдняга у разы істотней уплывае на характар дыферэнцыяцыі структуры ў цэлым. П. Блаў выпрацаваў падыход, згодна з якім дыферэнцыяцыя павінна разглядацца як працэдура, вертыкальнае правядзенне якой у арганізацыйнай супольнасці параджае праблемы каардынацыі і толькі ўзмацняе патрабаванні, звязаныя з адпаведным выконваннем абавязкаў.

Працоўнае вызначэнне памера арганізацыі ёсць колькаснае вызначэнне супрацоўнікаў. Праектуючы дадзеныя вынікі на дзяржаўны ўзровень, відавочна, што павелічэнне дзяржаўных органаў суправаджаецца спачатку хуткім, а пазней паступовым павелічэннем субадміністрацый ніжэйшых узроўняў. Напрыклад, павялічваецца колькасць мясцовых адміністратыўных, выканаўчых адзінак і бюракратычных дэпартаментаў. Паралельна ўзнікае падзяленне сфер адказансці і ўплыву. Існуе патрэба ў акрэсленні дакладнай іерархічнай адпаведнасці. Ствараюцца функцыянальныя аддзелы, штаб-кватэры. Спецыфіка дыферэнцыяцыі ўнутры функцыянальнага падраздзялення ў цэнтральным агенцтве заключаецца ў тым, што чым большае падраздзяленне, тым болей колькасць у ім прафесійных пазіцый, іерархічных узроўняў і функцыянальных секцый [13]. Стварэнне падобных прафесійных пазіцый і выканаўчых, функцыянальных секцый можа дасягаць буйных памераў, калі кіраўніцтва не звяртае увагу на наступствы дыферэнцыяцыі.

Далейшыя даследаванні дыферэнцыяцыі дазволілі даследчыкам паглыбіць веды аб дадзеным працэсе і зрабіць шэраг істотных назіранняў:

● Дыферэнцыяцыя павялічвае колькасць адміністратыўных кампанентаў у арганізацыях для ажыццяўлення каардынацыі.

● Павелічэнне памеру арганізацый генерыруе дыферэнцыяцыю і запавольвае некаторыя арганізацыйныя напрамкі.

Такім чынам, былі сфармуляваны тры якасныя вынікі, якія адлюстроўвалі ўсю спецыфіку дыферэнцыяльных працэсаў. Першае, асноўнае, абагульненне аб фармальнай структуры арганізацыі паказвае наступнае:

● павелічэнне памера спрыяе правядзенню структурнай дыферэнцыяцыі;

- павелічэнне памера спрыяе развіццю дыферэнцыяцыі па некалькім розным лініям;
- хуткасць дыферэнцыяцыі зніжаецца з павелічэннем тэмпаў росту памера арганізацыі.

Прадугледжавецца, што гэтыя вывады распаўсюджваюцца на ўсе падраздзяленні арганізацый, а таксама спрыяюць да выканання чацвёртай заканамернасці: падраздяленні, ў якіх ажыццяўляецца дыферэнцыяцыя, з цягам дыферэнцыяцыі падаюцца паралельнаму, падобнаму першым, характару фунцыянавання. Павелічэнне памеру арганізацый генерыруе дыферэнцыяцыю і можа спрыяць запавольванню некаторых арганізацыйных напрамкаў [13]. У дадзеным выпадку маецца на ўвазе яшчэ большае гіпатэтычнае разрастанне арганізацыі і павялічэнне яе бюракратычнага складніку, што негатыўна адбіваецца на функцыянальнасці ўсёй сістэмы ў цэлым.

Другі важны этап у даследаванні асаблівасцей працэсаў дыферэнцыяцыі звязаны з вывучэннем унутранай каардынацыі і захавання дакладнай іерархічнай адпаведнасці. Дадзены этап дыферэнцыяцыі асабліва прыцягнуў увагу буйных публічных кампаній, чыя стратэгія фарміруецца на асваенні новых рынкаў і галін дзейнасці. Відавочна, што актыўная палітыка пашырэння заўсёды выклікала галоўную праблему перад вышэйшым кіраўніцтвам арганізацыі: ажыццяўленне паслядоўнасці і правядзенне адпаведнай агульнай палітыкі цэнтральнага менеджменту новымі субпадраздзяленнямі і філіяламі. Трэба адзначыць, што дадзенае пытанне не мае дакладнага, агульнага для ўсіх рашэння. Таму вышэйшае кіраўніцтва публічных арганізацый кожны раз пры сутыкненні з дадзеным пытаннем сутыкаецца з тым, што вымушана наймаць каманды прафесійных менеджараў, якія дапамагаюць карэкціраваць і вырашаць хібы, выкліканыя дыферэнцыяцяй. Тым не менш, існуе агульная інтэрпрэтацыя ўнутранай каардынацыі і захавання дакладнай іерархічнай адпаведнасці. У дадзеным выпадку дыферэнцыяцыя разглядаецца даследчыкамі як працэдура, вертыкальнае правядзенне якой у арганізацыйнай супольнасці параджае праблемы каардынацыі і толькі ўзмацняе патрабаванні, звязаныя з адпаведным выконваннем абавязкаў [4]. Але разам з тым дыферэнцыяцыя, праведзеная прапарцыянальна, паэтапна, з пэўнай мерай дэлегавання паўнамоцтваў ад менеджараў вышэйшай ліні да сярэдняй і адміністратараў на месцах, дазваляе пазбегнуць пэўнай рызыкі. У такім выпадку зніжаецца рызыка канфлікта паміж першай і другой лініямі выканаўцаў. Паводле эмпірычных даследаванняў, стварэнне новых адміністратыўных аддзелаў і дэлегаванне паўнамоцтваў менеджарам сярэд-

няй лініі ўспрымаліся адміністратарамі на месцах хутчэй як стварэнне кантрольных, надзорных органаў, якія атаесамляліся з вышэйшай лініяй кіраўніцтва [4]. У некаторай меры дадзеную рэакцыю можна назваць устойлівай паталогіяй працэса дыферэнцыяцыі.

Працэс дыферэнцыяцыі ў сучасных публічных арганізацыях з'яўляецца часткай «арганізацыйных змен», у час правядзення якіх дасягаюцца змены каштоўнасцей, намаганняў і паводзін людзей пры адначасовай змене працэсаў, метадаў, стратэгій і сістэм. Сучасны працэс дыферэнцыяцыі ў паспяховай публічнай кампаніі ўлучае ў сябе працэс пастаяннага навучання. Змяненні стратэгіі, структур і сістэм недастатковыя, калі ім не судзейнічаюць перамены ў мышленні, параджаючыя гэтыя стратэгіі, структуры і сістэмы [18]. Дыферэнцыяцыя закранае змены ў стратэгіі і структуры арганізацыі і адносіцца да адміністратыўнай сферы, улучаючай кантроль і кіраванне. У дадзеным выпадку дыферэнцыяцыя нясе змены ў:

- структуры арганізацыі;
- стратэгічным менеджменце;
- палітыцы;
- сістэме ўзнагарод;
- працоўных адносінах;
- сістэмах узаемасувязі кантроля і інфармацыі.

Змены структуры і стратэгіі звычайна адбываюцца зверху ўніз, то бок па рашэнні вышэйшага кіраўніцтва, у той час як змены ў галіне тэхналогіі працэсу могуць адбывацца знізу ўверх. Для ўніверсітэта сістэмныя змены зверху – гэта, напрыклад, інтэграцыя новага, больш эфектыўнага вучэбнага плана. Памяншэнне памераў карпарацыі, рэструктурызацыя – усё гэта прыклады структурных змен.

Аналіз працэсаў дыферэнцыяцыі ў арганізацыі дазволіў выпрацаваць яшчэ адну карысную методыку, згодна з якой магчыма вызначыць узровень, на якім знаходзіцца арганізацыя ў дадзены момант. Такая методыка называецца методыкай вымярэння «хваробы роста». Сэнс методыкі крыецца ў тым, што яна дазваляе выявіць момант перахода арганізацыі ад строгай, іерархічнай мадэлі да ўзроўня прафесійнай арганізацыі з дэцэнтралізаваным кіраваннем і сістэмай прафесійнага менеджменту. Мадэль развіцця арганізацыі, якую прапаноўваюць аўтары Флэмгольц і Рэндал, улучае некалькі стадый: толькі што створанае прадпрыемства, экспансія (маецца на ўвазе пашырэнне сфер дзейнасці), прафесіяналізацыя, кансалідацыя, дыверсіфікацыя, інтэграцыя, заняпад і абнаўленне.

Разгледжаны намі працэс дыферэнцыяцыі не проста ўсталёўвае эфектыўную структуру каардынацыі кангламерату наглядных, кантрольных падраздяленняў, якія б забяспечвалі якаснае захаванне іерархіі, адказнасці і парадку. Якасная дыферэнцыяцыя дазваляе публічным арганізацыям засноўваць і эфектыўную сістэму камунікацыі ў новых падраздзяленнях і, як следства, хутчэй і дакладней рэтрансліраваць агульную палітыку ці стратэгію. Такім чынам, любое павелічэнне размераў у любой публічнай арганізацыі генерыруе структурную дыферэнцыяцыю і запавольвае некаторыя арганізацыйныя напрамкі. Структурная дыферэнцыяцыя пашырае адміністратыўны складнік у арганізацыі. У фармальнай арганізацыі наяўнасць працэдур для сістэматычнага падзялення працы ёсць вынікам неабходнасці дзеля дасягнення важных мэт. Спецыялізацыя функцый размяркоўваецца згодна з адпаведнымі падраздзяленнямі, секцыямі і абавязкамі. Тым жа часам захоўваецца іерархічная структура ўзроўняў.

Праблемы дэферэнцыяцыі ў кантэксце акадэмічных даследаванняў

Трэба адзначыць, што існуе не так шмат даследаванняў публічных арганізацый, якія даследуюць унутранае размеркаванне ўладных паўнамоцтваў і палітыку аргынізацый як стратэгію. Пераважная частка даследаванняў акцэнтуе ўвагу на аналізе часовых структурных і арганізацыйных кампанентаў дыферэнцыяльных працэсаў. Вывучэнне арганізацыйнай структуры дазваляе выявіць залежнасць паміж структурай арганізацыі і некаторымі абставінамі: тэхналогіямі, знешнімі зменамі, формай і памерам, стратэгіяй. Дыферэнцыяльная трансфармацыя дазваляе прадэманстраваць, якія патэнцыяльныя змены ў размеркаванні ўладных функцый кіравання могуць істотна паўплываць на стратэгію арганізацыі. Пераразмеркаванне ўладных паўнамоцтваў, такім чынам, выклікае палітызацыю ці, наадварот, дэпалітызуе ўнутрыарганізацыйнае асяроддзе.

У сваю чаргу, мы хацелі б звярнуцца да некалькіх даследчыкаў, даследаванні якіх найбольш якасна прадэманстравалі сукупнасць фактараў, адлюстраваўшых узаемазалежнасць паміж структурай арганізацыі і некаторымі абставінамі. На наш погляд, цэнтральнае месца тут займаюць даследванні Пэтэра М. Блаў (Peter M. Blau), Іцхака Адзізеса (I. Adzises), Робэрта Дэнхардта (Robert Denhardt), Робэрта К. Мэртана (Robert K. Merton), Істэр Кэмерон і Майка Грына (Esther Cameron & Mike Green).

Кожны з даследчыкаў адводзіць шмат месца разгляду арганізацыйнай структуры і выяўленню ўзаемазалежнасці паміж структурай арганізацыі і некаторымі абставінамі. Пераразмеркаванне ўладных паўнамоцтваў, узнікненне палітызаванасці ў арганізацыі ці наадварот – у дадзеных даследчыкаў разглядаецца як важнейшы індыкатар арганізацыйнай культуры на ўзроўне жыццёвага цыкла публічнай арганізацыі.

У прыватнасці, англійскія даследчыкі Істэр Кэмерон і Майк Грын звяртаюць увагу на той факт, што дзеля таго, каб грунтоўна зразумець сэнс таго, як змены і трансфармацыі ўплываюць на арганізацыю, трэба звярнуцца да аналізу і асэнсавання таго, якія мадэлі, інструменты і тэхналогіі выкарыстоўвае менеджмент. Дыферэнцыяльныя працэсы ў арганізацыйным жыцці ахопліваюць істотнейшыя змены. Дадзеныя змены аўтары класіфікуюць як натуральныя з'явы і прапаноўваюць уласную інтэрпрэтацыю трансфармацый як кіраванне зменамі (Making Sence of Change Management).

Асаблівае месца адводзіцца аўтарамі параўнанню арганізацыі з палітычнай сістэмай. Даследчыкі намагаюцца параўнаць прынцыпы, на якіх пабудавана праца кампаніі, з палітычнымі ўсталёўкамі. Аўтары перакананы, што стан кожнай арганізацыі можа быць апісаны як «дэмакратыя», «аўтакратыя» і нават «анархія». У дадзеным выпадку маецца на ўвазе стыль кіравання. Аўтары пагаджаюцца з Гарэтам Морганам, які адзначыў: «Большасць звыкла лічыць, што бізнэс нельга змешваць з палітыкай. Але чалавек, які змагаецца за правы службоўца ці за прамысловую дэмакратыю, не закранае палітычнае пытанне, а, хутчэй, абараняе іншы падыход да сітуацыі, ужо з'яўляючайся палітычнай». Такім чынам, аўтары вылучаюць шэраг асаблівасцей, якія прысутнічаюць як у арганізацыях, так і ў палітычных сістэмах:

- Менеджмент не зможа адмежавацца ад палітыкі арганізацыі. Ён ужо ў ёй замешаны.
- Кіраўніцтву абавязкова спатрэбяцца паплечнікі, калі яно жадае нешта ажыццявіць.
- Менеджар павінен ведаць, хто валодае абсалютнай уладай і хто каму дабраволіць.
- Існуюць важныя палітычныя расклады, якія маюць перавагу ў параўнанні з афіцыйнай структурай арганізацыі.
- Кааліцыі важаць болей, чым проста працоўныя каманды.
- Найбольш важныя рашэнні кранаюцца размеркавання дэфіцытных рэсурсаў па прынцыпу «каму што дастанецца», і тут у ход ідуць гандаль, перамовы і спаборніцтва.

У сваю чаргу, Іцхак Адзізес займае пазіцыю, згодна якой дыферэнцыяцыя з'яўляецца неад'емным працэсам кожнай арганізацыі, вынікам якой могуць паўстаць пераразмеркаванне ўплыву і нават змена профілю дзейнасці арганізацыі. Даследчык перакананы, што сам працэс дыферэнцыяцыі і рэформ ужо ёсць часткай падабенства. Далей аўтар спасылаецца на пакрокавы графік жыццёвага цыкла арганізацыі і сцвярджае, што кожная арганізацыя, якая дасягае першага росквіту, сутыкаецца з характэрнымі для большасці арганізацый праблемамі:

- неабходнасцю пераходу да рэгулярнага менеджменту;
- неабходнасцю стварэння адміністратыўнай падсістэмы.

Як толькі публічная арганізацыя сутыкаецца з дадзенымі працэсамі, зараджаюцца ўнутраная барацьба, адстойванне інтарэсаў, адбываюцца сімвалічныя войны за тую ці іншую стратэгію. З дадзенага моманту вышэйшы менеджмент можа ўсталяваць аўтарытарнае кіраўніцтва ці перадаць кіраванне арганізацыі ў рукі прафесійнай групы менеджараў. І першы, і другі крок маюць характарыстыкі палітычнай сістэмы. Усталёўваючы аўтарытарны рэжым, арганізацыі апускаюцца да ўзроўня бюракратызацыі, калі арганізацыя падтрымліваецца за кошт адміністрацыйнага рэсурсу (дзяржаўная падтрымка). Як можа існаваць такая арганізацыя? Адзізес сцвярджае, што бюракратычная арганізацыя існуе за кошт падтрымкі ўраднымі і палітычнымі коламі. Кампанія пашырае колькасць дэпартаментаў, якія курыруюцца ўрадам. Узмацняецца фармалізацыя, павялічваецца колькасць працэдур, інструкцый. Другі шлях – перадаць кіраванне арганізацыі ў рукі прафесійнай групы менеджараў – таксама адлюстроўвае рысы палітычнай сістэмы. У такім становішчы парфесійныя каманды менеджараў узмацняюць барацьбу за ўплыў, ствараюць кааліцыі і адстойваюць інтарэсы сваіх падраздзяленняў.

Адзізес спрашчае працэдуру параўнання і не апелюе да выпрацаваных парадыгм. Ён засяроджвае ўвагу не на самім працэсе дыферэнцыяцыі і яго структурнай складаючай, а на наступствах дадзенага працэсу. Даследчык звяртаецца да пытанняў кіраўніцтва ў публічнай арганізацыі і адразу адсылае да параўнання з палітычнай сістэмай. Аўтар не сумняваецца ў неад'емнасці палітычнай барацьбы ад працэсу фарміравання кампаніі і інтэрпрэтуе дадзены працэс як частку жыццёвага цыкла. Адзінае адрозненне можа хавацца выключна ў ступені актыўнай імплементацыі палітычных правіл. У першым прыкладзе з бюракратычнай арганізацыяй Адзізес дэманструе пасіўнасць палітычных зносін, што вядзе да паступовай смяротнасці кампаніі ў будучыні. У другім вы-

падку мы бачым вялікую наяўнасць канкурэнцыі і прафесіяналізму, якія скіраваны на дасягненне пазітыўных вынікаў.

Такім чынам, мы маем шэраг даследаванняў, прысвечаных вывучэнню дыферэнцыяльных працэсаў у публічных арганізацыях. Кожнае з даследаванняў адводзіць цэнтральнае месца вывучэнню ўзаемазалежнасці паміж структурай арганізацыі і некаторымі абставінамі: тэхналогіямі, знешнімі зменамі, формай і памерам, стратэгіяй. На наш погляд, даследванні Пэтэра М. Блаў, Іцхака Адзізеса, Істэр Кэмерон і Майка Грына з'яўляюцца найбольш абгрунтаванымі і аб'ектыўна разглядаюць увесь спектр праблем, якія дэманструюць наяўнасць патэнцыяльных змен ў размеркаванні ўладных функцый кіравання.

Літаратура

1. Blau, P.M. A Formal Theory of Differentiation in Organizations // American Sociological Review. – 1970. – Vol. 35, № 2. – P. 201–218.
2. Blau, P.M. The Hierarchy of Authority in Organizations // The American Journal of Sociology. – 1968. – Vol. 73, № 4. – P. 453–467.
3. Donaldson, L. American Anti-management Theories of Organization. A Critique of Paradigm Proliferation. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
4. Cameron, E., Green, M. Making Sence of Change Management. – Kogan Page, 2006.
5. Hall, P., Taylor, R. Political Science and the Three New Institutionalisms // Political Studies. – 1996. – № 44. – P. 936–957.

Наталья Осипова
(Донецк, Донецкий национальный университет)

МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ, БИЗНЕСА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

The relationship of three sectors – power, business and civic society – are considered through the prism of the ascending and descending interaction, the initial part of which is government. The factors, which influence the peculiarities of public policy, are emphasized; the types of management cultures are presented schematically. Recommendations given in this paper will be useful for the solution of the problems in the state, social and economic spheres of the transitional systems.

Актуальность рассмотрения взаимоотношений трех центральных акторов любого демократического государства (власти, бизнеса, гражданского общества) обусловлена двумя основополагающими причинами: научной (смена парадигмы и появление новых теорий, объясняющих эти процессы) и практической (современные тенденции в экономической, социальной и политической сферах, а также появление новых акторов, новых функций у традиционных субъектов политического процесса и новых конфигураций связи между ними). Страны Западной Европы могут выступить позитивным примером либерализации управленческих процессов, достижения консенсуса и эффективного развития трех составляющих политической системы. Для рассмотрения этих вопросов возможно применение различных методологических подходов и теорий: бихевиоризма и структурного функционализма, но современные процессы более эффективно объяснять через призму неоинституционализма, в частности, корпоративистского и сетевого подходов.

При анализе любого явления или процесса возникает необходимость определения ракурса исследования. Взаимоотношения трех секторов го-

сударства целесообразно будет рассмотреть через призму восходящих и нисходящих интеракций в горизонтальном срезе (анализ связей субъектов относительно главного политического института – государства). Восходящее направление осуществляется от общественности и бизнеса к государству. Нисходящее – от государства к бизнесу и гражданскому обществу.

Выработка государственной политики должна учитывать факторы, влияющие на ее национальную идентичность [2, с. 410–412; 3, с. 24]: 1) экономические (темпы экономического роста, доходы на душу населения, темпы инфляции, покупательная способность, стоимость рабочей силы, стратификация общества); 2) политические (степень стабильности государственной власти, политический режим, наличие национальных движений); 3) социальные (уровень образования, квалификация, размещение в пространстве, профессиональная структура, демографические характеристики (пол, возраст, мобильность) человеческих ресурсов); 4) этические (особенности трудовой этики в разных странах, отношение к женщине, национальные меньшинства во власти, бизнесе); 5) юридические (специфика правовой системы); 6) национальные (национальная культура страны, которая воплощается в языке, религии, истории, обычаях, правилах ведения бизнеса, общепринятых нормах поведения); 7) географические (природно-ресурсный потенциал, климат).

На примере работ Г. Латфуллина и О. Громова можно проследить различные стили организационной культуры государств, которые формируют основу управления взаимосвязью власти, бизнеса и неправительственного сектора. Выделяют следующие типы управленческих организационных культур: «Семья», «Эйфелева башня», «Управляемая ракета», «Инкубатор» [2, с. 434].

Таблица 1. Типы управленческих организационных культур

Тип культуры	«Семья»	«Эйфелева башня»	«Управляемая ракета»	«Инкубатор»
Степень централизации управления	Высокая	Высокая	Низкая	Низкая
Степень формализации управления	Низкая	Высокая	Высокая	Низкая

Объект ориентации	Реализация указаний сверху	Определение ролевых функций	Решение определенной задачи	Развитие личных способностей
Страны-представители	Азия, арабские страны, Латинская Америка	Германия, Австралия, Венгрия, Новая Зеландия	Корпорации Канады, США, Англии, скандинавские страны	Мелкий и средний бизнес Великобритании, Канады, Дании, технополисы в США, Шотландии

Таким образом, анализируя взаимосвязь власти и бизнеса на основе паритетности и их региональном соотношении можно выделить 5 моделей регионального развития:

1. Либеральная или неолиберальная (США, Австралия, Новая Зеландия). Черты: малая часть государственного бюджета в структуре ВВП, малая часть государственной собственности, максимальная свобода субъектов рынка. Проблемы, возникающие из-за этой модели: рост мегаполисов и, как следствие, трудовая миграция; поляризация социально-экономического развития; реструктуризация промышленных регионов.

2. Социально-рыночная (ЕС, Канада, Израиль). Черты: доля государства в бюджете ВВП более 50%; социально ориентированная политика государства, социальные функции доминируют в функциях хозяйственного комплекса, предприятия проводят социально направленную и ответственную политику. Недостаток модели – все регионы получают деньги в одинаковой степени, но депрессивные регионы получают больше, тем самым стимулируют рост диспропорций.

3. Азиатско-тихоокеанская (Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур). Основные принципы: гармонизация интересов между государством и предпринимателями ориентирована на развитие депрессивных регионов и специфических зон роста. Проблема – рост монополии сильных предпринимателей, закрытие внутреннего рынка. Это отражается на социальной защите населения.

4. Социалистическая (Куба, Северная Корея, Вьетнам). Основные черты: плановая экономика; первоочередность интересов государства, а не бизнеса или общества; тяжелый «диалог» бизнеса, власти и социума.

5. Постсоветская (Украина). Черты: сочетание традиционных и рыночных механизмов (государственные дотации, жесткая налоговая политика, бюрократия, создание свободных экономических зон); финансирование депрессивных регионов; централизация власти и значительный контроль за действиями «второго» и «третьего» сектора [4, с. 39–55].

Согласно приведенным выше моделям прослеживается тенденция зависимости типов развития экономики, статуса и полномочий предпринимателей от политики государственного управления.

Исследуя механизм взаимодействия власти, общества и бизнеса, российские ученые А. Чирикова и Д. Розенков выделяют модели коммуникации между «первым» и «вторым» секторами по функциональному и ресурсному подходам:

1. Модель «подавления» и «принуждения». Административное давление: власть требует от бизнеса определенных взносов для реализации ее социальных программ, при этом применяет возможности государственного аппарата и структур контроля за деятельностью бизнеса.

2. Модель «невмешательства» власти в действия бизнеса. Власть не занимает активной позиции относительно социальной политики, которую осуществляет бизнес.

3. Модель «патронажа». Государство компенсирует затраты бизнеса на реализацию социальных программ и проектов за счет частичного доступа предпринимателей к ресурсам, которые контролируются властью. Существует определенный торг вокруг условий поддержки бизнесом социальных инициатив власти.

4. Модель «партнерства». Это компромисс между властью и бизнесом, который является наиболее восприимчивым для сосуществования и развития по принципу поиска выгодных условий для всех участников процесса. Полезным также является обмен ресурсами обеих заинтересованных сторон. Ресурсный потенциал власти включает в себя экономический, политический, административный, информационный, по бизнесу можно подчеркнуть финансовые, экспертные, инновационные и трансграничные возможности. Обмен этими потенциалами является основой «партнерской» модели [5, с. 116–117; 6, с. 26–28].

Наиболее интересны отношения государственной власти и общественности, которые формируют фундамент публичной политики и управления. Обобщение существующих мировых образцов дает возможность говорить о таких моделях сотрудничества, которые выделяет А. Сингуров:

1. Модель «приводных ремней» (СССР, Северная Корея). Нет самостоятельности общественных организаций, они подконтрольные «винтики» системы, существуют для связей партийной верхушки и общества.

2. Патерналистская модель (Россия, Украина). Лояльные режиму неправительственные организации имеют право на существование и частичные дотации государства, если «не мешают» власти.

3. Модель игнорирования (постсоветские страны в 90-е гг.). Государство не замечает, не поддерживает и не мешает НПО, которые существуют преимущественно на средства международных грантов.

4. Партнерская модель (США, Западная Европа, Литва, страны с развитой демократией). Государственная власть понимает необходимость существования и важности НПО, не пытается их покорить или управлять ими, может осуществлять поддержку развития НПО.

5. Модель «борьбы с противником» (Северная Корея, тоталитарные государства). Государство видит в деятельности НПО угрозу для собственного существования, пытается им помешать, закрыть их [7, с. 115–120].

При анализе коммуникационных процессов бизнеса и общества, направленных к власти, целесообразно будет рассмотреть их через механизм лоббирования. Мировая практика лоббизма базируется на законодательном урегулировании этого вопроса. Соответственно, существуют три модели: 1) юридическое закрепление процесса лоббизма (США, Канада, Польша, Литва); 2) законодательный запрет и наказание за лоббистские действия (Франция); 3) пробелы в праве, отсутствие регулирования действий лоббистов прямым законом, эти действия регулируются только косвенно через другие нормативно-правовые акты (Германия, Россия, Украина) [8, с. 216–220].

Стабильные политические системы, помимо опыта эффективной коммуникации трех секторов, имеют отлаженную практику урегулирования конфликта. В переходных системах существуют определенные проблемы, в решении которых полезными будут такие рекомендации:

1. <u>В сфере государственного управления:</u>

1) открытый, сбалансированный механизм и прозрачность принятия политических решений;

2) обеспечение эффективного доступа граждан к полной информации о деятельности и решениях органов публичной власти;

3) субсидиарность как основной принцип организации власти и распределения полномочий между ее структурными составляющими и уровнями;

4) формирование системы социального партнерства и децентрализация предоставления социальных услуг.

2. <u>В социальной сфере:</u>

1) общественный контроль за действиями органов публичной власти и их подотчетность перед обществом;

2) участие представителей гражданского общества (особенно предпринимателей) на всех этапах подготовки, принятия и внедрения решений органов публичной власти.

3. <u>В экономической сфере:</u>

1) взвешенная и сбалансированная налоговая политика;

2) осуществление принципа поощрения бизнеса для поддержки социальной политики и общественных инициатив;

3) законодательное урегулирование механизма влияния на власть.

Литература

1. Сморгунов, Л.В. Сетевой подход к политике и управлению // Полис. – 2001. – № 3. – С. 103–112.
2. Латфуллин, Г.Р., Громова, О.Н. Организационное поведение: учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2009.
3. Кобець, Р. Аналіз політики для потреб лобістської кампанії: навч. посіб. / Фонд «Європа XXI», Т-во Лева. – Київ, 2007.
4. Бусыгина, И.М. Политическая регионалистика: учеб. пособие. – М.: МГИМО, 2006.
5. Чирикова, А. Бизнес как субъект социальной политики в современной России // Общество и экономика. – 2006. – № 9. – С. 100–119.
6. Розенков, Д.А. Управление развитием отношений бизнеса, общества и государства в современной экономической системе: дис. ... док-ра экон. наук. – М., 2007.
7. Сунгуров, А. Гражданское общество и его развитие в России: учеб. пособие. – СПб.: Питер, 2007.
8. Ясеницький, В. Регулювання лобістської діяльності в Україні та світова практика // Вісник Української Академії державного управління при Президентові України. – 1999. – № 4. – С. 215–221.

Максим Щербаков
(Киев, Киевский национальный университет им. Т. Шевченко)

СОЗДАНИЕ ЗОНЫ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ УКРАИНОЙ И ЕС: ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ УКРАИНЫ

The article focuses on the expected effects of a deep and comprehensive free trade area between Ukraine and the European Union. The main goal of FTA+ between Ukraine and the EU is Ukraine's integration into the EU united market. The implementation of the FTA agreement will have a significant impact on Ukrainian economy, which will benefit from it, especially its export sectors. The article describes the preparation of the Agreement on free trade area between Ukraine and the EU, the possible consequences of FTA for Ukrainian economy. The author concludes that the FTA opens up new opportunities for Ukraine economic modernization and export expansion.

Ключевым вектором своей внешней политики Украина задекларировала интеграцию в Европейский союз с целью достижения полноправного членства в ЕС. Европейский курс Украины закреплен Законом «Об основах внутренней и внешней политики» [3] от 1 июля 2010 г. Уже сейчас ЕС является одним из основных внешнеэкономических партнеров Украины. Важной составляющей процесса экономической интеграции Украины в Европейский союз является заключение Соглашения о зоне свободной торговли между Украиной и ЕС.

Актуальность темы обусловлена современными процессами интеграции Украины и Европейского союза. Важность вопроса особенно возрастает сейчас в контексте планируемого подписания Соглашения об ассоциации и углубленной зоне свободной торговли между Украиной и ЕС. Важно спрогнозировать, какие последствия данное соглашение будет

иметь для Украины. Актуальность данного исследования заключается в необходимости обобщения и научного обоснования ожидаемых последствий реализации соглашения о ЗСТ с ЕС для Украины.

Цель исследования заключается в комплексном анализе прогнозируемых последствий создания ЗСТ, оценке преимуществ и рисков создания ЗСТ.

Проблематике создания ЗСТ между Украиной и ЕС посвящены работы таких украинских исследователей, как О. Бабанин, И. Газизуллин, З. Левченко, Л. Лигоненко, Н. Осадчая, О. Шнирков, В. Юсупов. Влияние создаваемой ЗСТ на сельское хозяйство Украины изучают В. Власов, С. Кваша, И. Кобута, Т. Лозинская. Правовой аспект интеграционных отношений Украины и ЕС рассмотрен в работах В. Денисова, М. Гнатовского, О. Кибенко, Л. Луць, В. Муравьева, М. Микиевича, Р. Петрова.

Также для оценки возможных последствий введения режима свободной торговли между Украиной и ЕС научно-исследовательскими организациями были проведены следующие исследования:

1. «Перспективы углубленной свободной торговли между Европейским союзом и Украиной» Центра европейских политических исследований, Института мировой экономики и Международного центра перспективных исследований (модель CEPS).

2. «Анализ перспектив торговых отношений между Украиной и ЕС в контексте переговоров относительно расширенного соглашения» ECORYS и Центра социально-экономических исследований (модель CASE).

3. «Исследование экономических предпосылок и оценка возможных последствий создания зоны свободной торговли между Украиной и ЕС» Института экономических исследований и политических консультаций (модель ИЕД) [4].

Все три исследования оценивают влияние создаваемой ЗСТ с Европейским союзом на экономику Украины как положительное, но содержат различные выводы относительно влияния ЗСТ на отдельные сектора экономики.

Соответственно правилам и нормам Всемирной торговой организации (ВТО) зоной свободной торговли (ЗСТ) является группа из двух или больше таможенных территорий, между которыми отменены таможенные пошлины и другие ограничивающие средства регулирования торговли для всей торговли между составляющими территориями относительно товаров, происходящих с этих территорий (ст. XXIV Генерального соглашения о тарифах и торговле 1994 г.) [2]. Для торговли с третьими

странами каждая страна – участница ЗСТ устанавливает собственные тарифы. Традиционно в ЗСТ режим свободной торговли вводится для не менее 90% торговли между странами – участницами ЗСТ.

Впервые идея создания ЗСТ между Украиной и ЕС была предложена условиями Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между Украиной и ЕС от 14 июня 1994 г. Стратегическими предпосылками для начала переговоров о свободной торговле стало получение Украиной в 2005 г. статуса государства с рыночной экономикой и вступление Украины 5 февраля 2008 г. во Всемирную торговую организацию. Вступление в ВТО сделало возможным начало подготовки к созданию ЗСТ с ЕС, и уже 18 февраля 2008 г. в Киеве состоялось официальное открытие переговоров о ЗСТ между Украиной и ЕС. Соглашение об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли является экономической составляющей Соглашения Украины с ЕС об ассоциации, которое должно прийти на смену СПС. 30 марта 2012 г. Соглашение об ассоциации и ЗСТ было парафировано и сейчас ожидает подписания. Следующим этапом станет ратификация Соглашения об ассоциации Верховной радой (Парламентом) Украины, Европейским парламентом и парламентами всех стран – членов ЕС, что может занять до нескольких лет. Однако для введения в действие Соглашения о ЗСТ достаточно его ратификации только Европейским парламентом и Парламентом Украины. В данное время Украина опережает другие государства Восточного партнерства по степени продвижения к политической ассоциации и созданию ЗСТ с ЕС. Таким образом, создаваемая Украиной ЗСТ с ЕС может стать образцом для подготовки подобных соглашений со странами Восточного партнерства.

Соглашение предполагает формат «ЗСТ+», который предусматривает углубленную и всеобъемлющую интеграцию, поскольку эффект от введения обычной ЗСТ в украинском случае оценивается экспертами как ограниченный. Основным заданием классической ЗСТ является либерализация торговли товарами. Углубленный формат ЗСТ, предложенный европейской стороной, предусматривает также расширение количества подлежащих свободной торговле категорий товаров (энергоносители, сельскохозяйственная продукция и т. д.), либерализацию торговли услугами, значительное уменьшение нетарифных барьеров (к ним относятся различие стандартов продукции, процедур оценки соответствия стандартов, а также различие устройства таможенной системы), приведение регуляторных норм и технических стандартов к европейскому образцу (АСАА+), высокий уровень интеграции во всех сферах экономики. Ли-

берализации подлежит 95% торговых внешнеэкономических операций в рамках ЗСТ. В отношениях между Украиной и ЕС будет обеспечен режим «четырех свобод» передвижения – товаров, услуг, капиталов и граждан. Отдельной составляющей реализации Соглашения о ЗСТ станет гармонизация значительной части украинских законодательных норм с европейским образцом (asquis communautaire). Такая конвергенция регуляторных стандартов необходима для недопущения протекционистских действий сторон Соглашения. Собственно, целью Соглашения о ЗСТ является включение Украины в единый рынок Европейского союза, свободное перемещение капиталов, отмена таможенных пошлин и упрощение таможенного контроля на украинско-европейской границе. Реализация Соглашения повлечет за собой изменения в украинской экономике, значение которых для различных отраслей будет неодинаковым.

В первую очередь выиграет от Соглашения украинский экспорт – для Украины открывается пятисотмиллионный рынок Евросоюза. Ожидается увеличение экспорта в ЕС и третьи страны и, соответственно, рост украинского торгового баланса [7]. Сейчас экспорт в ЕС составляет 33% общего украинского экспорта [5]. Однако в данное время украинский экспорт в ЕС имеет в значительной мере сырьевой характер, и, если не будут проведены необходимые реформы и такая тенденция сохранится после создания ЗСТ, это может стать проблемой для отечественной экономики. Также в условиях ЗСТ станет возможным доступ украинских компаний к европейскому рынку услуг. Ожидается рост поступления в Украину европейских инвестиций в результате улучшения инвестиционной среды.

В сельском хозяйстве будут внедрены новые фитосанитарные нормы, уровень которых выше ныне существующих в Украине. В частности, различие в нормах препятствует на данный момент выходу на европейский рынок продукции украинского животноводства. Одновременно намного лучше обстоит ситуация с экспортом продукции растительного происхождения (например зерно, масло), которая уже имеет выход на рынок ЕС. Как ожидается, зерновые останутся основной составляющей украинского сельскохозяйственного экспорта в ЕС и после создания ЗСТ. Изменения в экономике приведут к переформатированию украинского аграрного рынка. Это обстоятельство несет в себе риск ухудшения положения мелких производителей. Украинскому сельскому хозяйству будет сложно конкурировать с европейским, которое получает значительную государственную поддержку [5, с. 60]. В связи с этим будет целесообразным внедрение государственных программ поддержки сельского хозяй-

ства. Также существует необходимость создания инфраструктуры для контроля качества продукции АПК.

Масштабное влияние создание ЗСТ произведет и на промышленность. Предприятия некоторых отраслей могут не выдержать конкуренции с аналогичными европейскими компаниями. Так, существуют значительные риски для угольной промышленности [1], так как условия Соглашения о ЗСТ требуют ограничения государственных дотаций этой отрасли. Однако такие отрасли, как производство стали и химическая промышленность, в основном готовы к условиям европейского рынка. Также ожидается рост в высокотехнологичных отраслях. Изменения потребуют от производителей увеличения затрат для реформирования и переоборудования производства. В долгосрочной перспективе ожидается модернизация, в том числе за счет улучшения доступа к инновационным импортным технологиям [7]. Возможно открытие странами ЕС производств в Украине.

Имплементация в украинское законодательство норм asquis communautaire будет означать укрепление прав интеллектуальной собственности, введение новых экологических норм, усиление защиты иностранных инвестиций, свободу основания компаний. Будет достигнута б*о*льшая прозрачность системы государственных закупок, приведено к европейскому уровню антимонопольное законодательство. Большое значение для улучшения инвестиционного климата будет иметь гармонизация законодательства, касающегося налогов и корпоративного управления. Перспективным является взаимное признание сертификации, которое будет налажено после приведения украинской системы стандартизации к европейскому образцу. Также планируется создание эффективного механизма урегулирования экономических споров в рамках ЗСТ.

Заключение Соглашения создает значительные риски для национального товаропроизводителя. Украину ожидает значительный рост импорта из ЕС [7]. После начала функционирования ЗСТ позиции национального производителя на внутреннем рынке ослабнут. Результатом этого станет закрытие неконкурентоспособных предприятий. Существуют предположения об угрозе для отдельных отраслей производства [1]. Отмена экспортных и импортных пошлин уменьшит поступления в государственный бюджет [7], но со временем эта тенденция будет компенсирована новыми доходами государства вследствие экономического роста. Украина требует реформирования экономики и нормативно-регуляторной сферы. Именно от проведения продуманных и своевремен-

ных реформ во многом будет зависеть эффективность создаваемой ЗСТ. Негативные последствия создания ЗСТ невозможно устранить, но возможно осуществление ряда мероприятий по их минимизации [7]. Их внедрение осуществляется двумя путями: достижением украинской делегацией на переговорах с ЕС решений о внесении соответствующих положений в содержание Соглашения о ЗСТ и путем принятия законов, создающих условия для адаптации национальных субъектов хозяйствования к новым условиям. Для уменьшения рисков и облегчения приспособления Украины к условиям ЗСТ вводится определенный переходный период, некоторые положения Соглашения будут реализовываться постепенно. В то время как ЕС отменит таможенные тарифы сразу после начала действия ЗСТ, Украина будет снижать их поэтапно. Необходимо создание государственных программ финансирования проведения реформ и изменения законодательства. Также возможно частичное финансирование реформ за счет программ технической поддержки ЕС. Будет полезным и использование опыта стран, недавно вступивших в ЕС, в частности Польши. Следует помнить, что в условиях современного мира самоизоляция принесет экономике страны намного больший вред, чем временные последствия приспособления к условиям интеграции в рамках ЗСТ.

Для рядовых граждан основным положительным результатом станет расширение ассортимента товаров на потребительском рынке, доступ к качественным европейским товарам, рост качества отечественной продукции как результат возросшей конкуренции, снижение цен. Отмена импортных пошлин приведет к удешевлению европейских товаров на украинском рынке. Одновременно в краткосрочной перспективе может произойти сокращение рабочих мест, связанное с упомянутым выше закрытием неконкурентоспособных предприятий [7]. В целом социальные последствия ЗСТ будут полностью зависеть от экономических результатов. В долгосрочной перспективе эксперты ожидают некоторое улучшение благосостояния граждан, продвижение на пути к европейским стандартам жизни.

Европейский союз заинтересован в сближении с Украиной для усиления собственных геополитических влияний в Восточноевропейском регионе и получения новых рынков. Также Соглашение с Украиной является первым документом категории «глубокая и всеобъемлющая ЗСТ» и пока не имеет аналогов во внешней политике ЕС. В будущем оно станет образцом для создания Европейским союзом ЗСТ нового типа с государствами Европейской политики соседства. После имплементации со-

глашения будет продолжаться дальнейшее углубление интеграционных связей Украины с ЕС. Введение ЗСТ с ЕС не создаст оснований для пересмотра существующих экономических соглашений Украины с третьими странами, в частности, с государствами СНГ. Также Украина сохранит право создания новых ЗСТ с третьими странами.

Прогнозируя возможные последствия заключения Соглашения о ЗСТ с ЕС, следует обратить внимание на опыт вступления Украины в ВТО. Также полезным является изучение опыта стран, ранее заключавших договоры о ЗСТ с ЕС. Примерами могут служить Соглашение ЕС о ЗСТ со странами Средиземноморья (1995), которое является соглашением о простой ЗСТ. Несколько глубже было Соглашение с Чили (2002). Создание ЗСТ было обязательным этапом европейской интеграции для вступавших в 2004–2007 гг. в ЕС стран Центрально-Восточной Европы, а также для балканских стран – кандидатов на вступление в ЕС. Однако Соглашение с Украиной, которое сейчас готовится к подписанию, будучи углубленным, имеет ряд существенных отличий.

Углубленный вариант Соглашения о ЗСТ считается оптимальным для Украины, поскольку произведет действенный экономический эффект, в случае осуществления необходимых реформ будет выгодным для государства. Реализация Соглашения о ЗСТ будет иметь как положительные, так и негативные последствия. Интеграция Украины и ЕС значительно усилится, украинскую экономику ждут системные изменения. Открытие украинского рынка для европейских компаний приведет к увеличению конкурентного давления на украинском рынке. Это означает, что национального производителя ждут серьезные испытания. Выиграют от реализации Соглашения экспортно-ориентированные отрасли, одновременно вероятно закрытие неконкурентоспособных производств. Украина имеет возможность использовать Соглашение для модернизации экономики, расширения экспорта и проведения структурных реформ.

Литература

1. Бутирський, З. Зона вільної торгівлі з ЄС: шокова терапія, про яку чомусь не говорять [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://dw-world.de/dw/article/0,,15407713,00.html.
2. Генеральна угода з тарифів і торгівлі 1994 року (укр./рос.) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/981_003.
3. Закон України «Про засади внутрішньої та зовнішньої політики» [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=2411-17.

4. Інформаційно-аналітичні матеріали щодо прогнозу розвитку внутрішнього ринку України у зв'язку із реалізацією Угоди про створення поглибленої зони вільної торгівлі між Україною та ЄС [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://google.com.ua/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CEsQFjAA&url=http%3A%2F%2Fpfi.org.ua%2Findex.php%3Foption%3Dcom_docman%26task%3Ddoc_download%26gid%3D73%26Itemid%3D90&ei=IKMeUKTEBebi4QTAvoHgAQ&usg=AFQjCNHbUBC9DuLhnNT2ziDRUwriMUBu_w.
5. Осташко, Т. Ризики для сільського господарства від встановлення зони вільної торгівлі з ЄС // ЕкономікаУкраїни. – 2011. – № 3. – С. 57–69.
6. Чекаленко, Л., Шмельов, Б., Попова, Д. Україна – Росія в постбіполярному світі // Зовнішнісправи. – 2011. – № 5–6. – С. 16–19.
7. Чорний, О., Чорний, Т. Імовірні наслідки реалізації розширеної угоди з вільної торгівлі Україна–ЄС [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://old.niss.gov.ua/Monitor/oktober08/1.htm.

Юлия Мурыгина
(Вильнюс, Европейский гуманитарный университет)

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И В УКРАИНЕ

The article considers the correlation between the political course pursued by the state and the laws adopted in the Republic of Belarus and the Ukraine. The article discusses the latest tendencies in the system of migration agencies, analyzes the distinctive features of migration law and concepts of migration policy and marks the problematic aspects of legislative regulation of migration in the Republic of Belarus and the Ukraine.

Актуальность исследования миграционной политики и ее правового закрепления обусловлена рядом причин. Среди них можно выделить формирование международного рынка труда и связанные с ним процессы внешней трудовой миграции, регулирование миграционных потоков в рамках отдельных государств с целью решения демографических проблем. Применение общепризнанных правовых стандартов и норм в сфере миграции является неотъемлемым элементом для вступления в мировое сообщество для того или иного государства.

Результатом принятия политического решения в миграционной сфере выступает издание нормативно-правового акта, который отражает направление политического курса государства в настоящее время. Анализ законодательной базы позволяет проследить существующие тенденции в сфере миграционной политики, а также оценить эффективность ее реализации.

Распределение полномочий между государственными органами в сфере миграции в Республике Беларусь и в Украине различны. Если в Беларуси полномочия в миграционной сфере сосредоточены скорее в

рамках одной силовой структуры – Министерства внутренних дел, то украинские законодатели, придерживаясь мировой практики, делегировали полномочия центрального органа исполнительной власти, регулирующего процессы миграции, отдельному ведомству – Государственной миграционной службе, создание которой было утверждено Указом Президента Украины от 6 апреля 2011 г. № 405/2011 «Положение о Государственной миграционной службе Украины» для реализации государственной политики в сфере миграции.

Определение силового ведомства как центрального органа исполнительной власти, как это было реализовано в Республике Беларусь, приводит к акцентированию отдельных направлений миграционной политики, сосредоточению внимания на правоохранительном измерении миграционных процессов, например, на борьбе с незаконной миграцией, в то время как иным аспектам миграции, например, экономическим, социально-демографическим, уделяется недостаточное внимание.

Миграционное законодательство Республики Беларусь и Украины имеет как общее в нормативно-правовых актах, так и отличия. Среди национальных норм права общими по объекту регулирования являются следующие вопросы: гражданство, трудовая миграция, регулирование въезда на территорию государства и выезда с нее.

Отличительной особенностью миграционной политики Украины является ее главным образом западный вектор. Подтверждением тому выступает ряд нормативно-правовых актов, направленных на расширение сотрудничества с государствами, входящими в Европейский союз: Указ Президента «О национальном плане действий по либерализации Европейским союзом визового режима для Украины» № 494/2011 от 22.04.2011, соглашения о реадмиссии с рядом стран, соглашение об упрощении визового режима со странами Европейского союза.

Необходимо отметить особую роль, которую уделяют законодатели в Украине «качественному» параметру иммиграции. Одной из отличительных особенностей Закона «Об иммиграции» от 07.06.2001 № 2491-III является установление «квоты иммиграции», которая определяется Кабинетом Министров Украины. Среди категорий иммигрантов, которым предоставляются квоты: деятели науки и культуры, высококвалифицированные специалисты и рабочие. Разрешение на иммиграцию может выдаваться вне квоты для лиц, иммиграция которых представляет государственный интерес для Украины.

Хотелось бы отметить важность не только количественного аспекта иммиграции с целью решения демографических проблем, но и каче-

ственного аспекта иммиграционной политики, то есть привлечения высококвалифицированных мигрантов из-за рубежа, что отвечает общей мировой тенденции. В миграционной программе Республики Беларусь в качестве одной из задач выдвигается регулирование иммиграционных потоков с целью сдерживания естественной убыли, то есть в основу положен количественный компонент, в то время как о качественной составляющей иммиграционных потоков упоминания нет.

Недостаточное внимание к квалификации иммигрантов приводит к тому, что подавляющее большинство прибывающих в Республику Беларусь мигрантов не имеют высокой квалификации. Примером тому могут служить данные Национального статистического комитета, согласно которым за 2009 г. среди внешних мигрантов преобладает число тех, кто имеет общее среднее образование, а также средний уровень профессионального образования:

– из стран СНГ 29,8% – общее среднее образование, 23,4% – среднее специальное образование;

– из стран вне СНГ 53,2% – общее среднее образование, 66,5% – среднее специальное образование [1, с. 282].

Формирование политического курса и определение приоритетных направлений государственного регулирования находят свое выражение прежде всего в программах развития и концепциях государственной политики.

Среди документов, регулирующих миграционные процессы в Беларуси, следует особо выделить Государственную миграционную программу на 2006–2010 гг., принятую постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 8 декабря 2005 г., в то время как в Украине документом, определяющим основные направления государственной миграционной политики является Концепция государственной миграционной политики, принятая 30 мая 2011 г. Указом Президента Украины.

Особенностью Государственной миграционной программы Республики Беларусь является наличие подробного перечня мероприятий по реализации миграционной программы, определение сроков реализации отдельных мероприятий компетентными исполнителями, а также наличие обязательной ежегодной отчетности о ходе выполнения мероприятий. Однако в целом основная часть Программы больше посвящена анализу происходящих миграционных процессов и проблемным аспектам миграции, нежели разработке и определению стратегии, задач и мер по решению существующих проблем. В Государственной миграционной программе Беларуси особое внимание уделяется плановым мероприя-

тием по реализации программы, а не определению общей концепции и направлений развития миграционной политики государства в целом.

Также необходимо обратить внимание на такое основное отличие между концептуальными документами двух стран, которое заключается в том, что Государственная миграционная программа Беларуси имеет определенные временные рамки реализации, в то время как Концепция миграционной политики Украины определяет направления развития, стратегические задачи и ожидаемые результаты реализации Концепции в целом для государства, без установления определенных временных рамок реализации.

В целом Концепция государственной миграционной политики Украины отвечает в большей степени вызовам глобализации и мировым тенденциям в области миграции, нежели миграционная политика Республики Беларусь.

Литература

1. Статистический сборник «Миграция населения Республики Беларусь» (Том 7) // Данные Министерства статистики и анализа Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/itogi1.php. – Дата доступа: 15.05.2012.
2. Указ Президента України № 622/2011 «Про Концепцію державної міграційної політики» від 30 травня 2011 року [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://ukrsocium.com/ofcjnij-dokumenti-/3952-----6222011-----. – Дата доступу: 27.05.2012.
3. Постановление Совета Министров Республики Беларусь «О государственной миграционной программе на 2006–2010 годы» от 08.12.2005 №1403 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://laws.newsby.org/documents/sovetm/pos04/sovmin04601.htm. – Дата доступа: 20.05.2012.
4. Закон Украины «Об иммиграции» от 07.06.2001 № 2491-III [Электронний ресурс]. – Режим доступа: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2491-14. – Дата доступа: 20.06.2012.

ПОСТКРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В УПРАВЛЕНИИ КОМПАНИЯМИ

Жанна Фокина
(Москва, Всероссийская академия внешней торговли)

ПРОЦЕССНЫЙ ПОДХОД: ПОСТКРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В КОМПАНИЯХ

The process conception in business management is winning its way. Keeping an eye on it makes people prepared for any unexpected events, which may lead to downfall. The process conception concerns business relationships as well as human relations. Unlike the past, today it is used in different businesses. Desire is the starting point of success and the achievement of beneficial results is an indication of growth and development – the same could be applied to a single person.

Бизнес становится легче понимать, когда осознаешь всю сущность и совокупность процессов, происходящих в мире. На данный момент речь не идет о немаловажных портфельных или прямых инвестиционных вложениях, движении капиталов или инкассовых операциях – стоит присмотреться к более простым процессам, в точности повторяющим закономерности Вселенной: приготовление пищи, круговорот воды в природе. Во всех процессах (и вышеуказанных в том числе) результатом является целевой смысл, а способы достижения целей складываются из пути ведения процесса. Процессом как качественным изменением состояния и его переходом на обновленную стадию можно и нужно управлять – либо стать частью управляемого процесса. Поняв эти законы и закономерности, человек становится носителем действенного «интеллектуального оружия», используя которое, он выигрывает практически любую гонку.

Рассмотрим работу как разновидность процесса в виде кредита в том понимании, в котором ее видят сегодня все жители развитых стран. Мы имеем право делать свой бизнес, максимально используя свои и при-

влеченные средства и силы, отдаваясь процессу по максимуму, зачастую лишая себя отдыха и благ. В скором времени (что зависит, конечно же, от успешности бизнеса) мы надеемся получить отдачу, к которой работающие не на себя люди стремятся десятки лет (зарплата/должность/принятие решений), но вместо которой «берут в кредит» возможность обладать свободным от работы временем и использовать свободные часы и ресурсы на предметы другого внимания и характера. Ставки по такой сделке могут быть достаточно высоки, чтобы суметь расплатиться по ним за 50 лет. Вопрос – что же выбирать?

В этой статье я рассмотрю наиболее понравившийся мне первый вариант – управление процессом. Управление бизнесом имеет основную цель – получение запланированного результата, в данном случае пусть это будет хорошая прибыль. Несмотря на одинаковые цели, технологий управления существует множество – это множество исходит из событий в мире, исторических состояний того или иного региона, той или иной страны, где управление имеет место быть: менталитет, традиции, школы, климат, экономическое положение, ресурсы и многое другое. Финансовый кризис 2008 г. заставил и до сих пор заставляет компании выходить из «футляра» и приводить свое положение в соответствие с нынешними условиями, которые постепенно усложняются в рамках конкуренции.

Цепная реакция «толчковых» стратегий приходит на смену «футлярным» вялотекущим стратегиям выживания и стабилизации. Кризис – это перемены, и, правильно «сыграв» на этих переменах с помощью «толчковых» стратегий, компания получает беспрецедентную возможность развития и роста. Казалось, иного выхода перемены и не предусматривают, однако некоторые организации видят в кризисе беспрецедентную возможность своего выживания в «замыкании в себе», превращая себя в компанию «в футляре», чем совершают большую ошибку, поскольку привыкая к тому или иному состоянию, компания перестает видеть пути выхода точно также, как и смысл выхода из него, и продолжает жить в кризисном состоянии, принимая это как должное.

Очевидно, что в выигрыше останутся «толчковые» компании. Никто не отменял время как двигатель прогресса наряду с человеческим фактором, а также выражение стоимости времени в деньгах. «Зафутляренные» компании теряют драгоценные дни и даже месяцы, отставая в своем развитии от конкурентов и партнеров. Время назад не вернуть, и лишь опытный подход менеджмента сможет вернуть такую компанию в будущем обратно на устойчивое место в этой гонке.

Какими же правилами руководствуются «толчковые» компании для своего развития и роста в кризисное и посткризисное время? База всех правил – не делать то, что делают другие. Это относится к производственно-хозяйственной части бизнеса, включая маркетинг, способы осуществления операционной деятельности и прочие составляющие, влияющие на уникальность и необходимость процветающей компании на рынке. Эту базу можно также назвать стратегией «изюминки». На «изюминках» можно фокусироваться или диверсифицироваться – зависит от вида деятельности компании.

Главные составляющие бизнеса – продажи и финансы. Планирование финансов и приоритет роста продаж всегда были и остаются необходимыми элементами любого бизнеса в любое время в практически любой ситуации. Не имей сто рублей, а имей сто партнеров – старая русская пословица не утеряла свой смысл и сегодня. На партнерских отношениях строится бизнес, партнерскими отношениями нужно уметь управлять. Вернемся к воронке количества путей управления – к сегодняшнему дню в суженной воронке можно найти преобладание определенных подходов, характеризующихся фразами «Funky business», «Touch-and-go business», «Fun!». Легкость при построении бизнес-общения как отношения к жизни формирует более близкие и доверительные отношения, нежели те, что построены на строгих шаблонах. Принцип KISS, появившийся в 60-е гг. в Америке, до сих пор действует – в переводе с английского языка расшифрованная фраза «keep it simple stupid» по смыслу своему означает «делать вещи банально просто». Тогда партнеры по большей части с дружеской солидарностью дадут тебе все необходимое для того, чтобы ты существовал и помогал им своим существованием, поэтому пренебрегать такой возможностью нельзя, иначе драгоценное время на аккумуляцию помощи будет утеряно так же, как и деньги.

Приблизительно так же дорого, как и время, стоит в наши дни информация. Поэтому, раскрывая информацию компании для привлечения своих будущих клиентов, акционеров, партнеров и инвесторов, необходимо иметь полный контроль над тем, какая информация раскрывается, когда, кому и в какой мере. Информационная открытость притягивает к компании положительные потоки бизнеса, но одновременно может так же легко и навредить ей, вплоть до гибели. Необходимо чувствовать и понимать эту грань и иметь над ней полный контроль.

Решительные и эффективные действия компании в кризисных и посткризисных условиях, ловкость и быстрота реакции, важные на сегодняшних стремительно меняющихся рынках, выражаются через ра-

боту сплоченной и профессиональной команды. Работа команды основана в целом на простом принципе – круговорот качественной информации, документальных потоков и необходимых ресурсов. Контроль над человеческим ресурсом представляет собой довольно сложный механизм, состоящий из психологических, материальных и прочих факторов, которые могут влиять на человека. В отличие от стратегии «изюминки» инновации обеспечивают качественный рост компании и сегодня все также остаются секретом успеха многих компаний.

Тенденции, описанные выше, дают возможность понять смысл долговременных изменений, пугающих своим масштабом, таких как финансовый кризис, использовать эти перемены во благо компании и остаться в выигрыше. Управлять этим процессом, а не стать частью процесса – вот смысл перемен для тех, кто привык выигрывать.

Александр Малевич
(Минск, Государственный институт управления и социальных технологий БГУ)

СМЕНЯЕМОСТЬ РУКОВОДСТВА И СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ ИНВЕСТИЦИИ КАК ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КОМПАНИЙ В ПОСТКРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ

The main trends in CEO removability are the following: reduction in the number of General Directors after its growth under crisis; CEO replacement to show the efficiency of management; potential growth of CEO replacement associated with mergers and acquisitions. Investment policy under economic instability should be socially significant. It will provide guaranteed sales under the conditions of declining markets and business diversification. Selected investment projects should be evaluated with external effects taken into account. Efficiency implementation of such projects increases during the control and monitoring procedures based on the COSO model.

Важными тенденциями посткризисного развития мировых компаний стали сменяемость генеральных директоров и социально значимые инвестиции.

Снижение сменяемости генеральных директоров в посткризисном мире может быть объяснено несколькими факторами. Во-первых, в списке ведущих компаний значительную долю составляют компании азиатских стран. Китай, Япония и другие азиатские страны стали «родиной» 895 крупнейших публичных компаний мира, в то время как в Северной Америке их насчитывается всего 772, а в Европе – 618. Доля компаний из стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) в списке крупнейших 2500 по капитализации ежегодно росла на 24% с 2000 г. В 2010 г. в список вошли 34 российские компании. Каждая пятая компания в 2010 г. была

из Китая, при этом коэффициент сменяемости там составляет 5,2% – в два раза ниже, чем в среднем по миру. Такой низкий показатель может быть объяснен высокой долей государственной собственности даже в публичных компаниях.

Во-вторых, посткризисные тенденции не стимулируют компании менять руководство. «Мы наблюдаем улучшение практики отбора и подготовки генеральных директоров, – говорит Кен Фаваро, партнер *Booz&Company*. – К тому же с учетом высокого процента вынужденных замен в последние годы возможности замены естественным образом сократились».

Генеральные директора, «выросшие» внутри компании, приносили больший доход своим акционерам. В 2011 г. их преимущество в сравнении с коллегами по цеху, пришедшими извне, еще больше увеличилось: «инсайдеры» в среднем обеспечивали своим акционерам 4,6% рентабельности, а «аутсайдеры» – лишь 0,1%. «Инсайдеры» дольше удерживаются в кресле – 7,1 года, что на 2,8 года больше, чем внешние директора. «Выращивание» директора из перспективного сотрудника на сегодняшний день становится для компании более выгодным, нежели приглашение его извне.

Ключевой причиной смены генеральных директоров стала недостаточная результативность компаний, обусловленная неудовлетворительными управленческими и финансовыми решениями. Отмечается преобладание вынужденных замен (в России, например, это 60% от общего числа замен). Вторая причина отставок (25% от вынужденных) – изменение баланса сил в советах директоров. Так, именно с этим связано 100% случаев вынужденных замен в государственных компаниях, 50% замен – в частных российских компаниях, 67% замен – в международных компаниях. Треть замен (33%) в частных и международных компаниях была запланирована.

Срок пребывания генерального директора в должности сократился (директора, уходившие в 2010 г., в среднем руководили 3,8 лет, покинувшие должность в 2009 г. – 4,2 года) – и это значительно ниже международного показателя в 6,6 года. Заметна огромная разница в сроке пребывания для внутренних и внешних назначенцев (5,1 и 1,4 года соответственно). Это объясняется тем, что в последнее время внешние назначенцы часто привлекались для решения определенной краткосрочной задачи, связанной, например, с реструктуризацией или подготовкой к слиянию. Руководители, не справлявшиеся с поставленной задачей (как правило, по улучшению финансового положения бизнеса), быстро

теряли свой пост. Недостаток опытных генеральных директоров также служит причиной ротации.

В качестве основных тенденций на ближайшее будущее можно отметить следующие:

1) снижение количества смен генеральных директоров после всплеска, связанного с кризисом и посткризисной ситуацией;

2) сохранение высокой доли замен, обусловленных результатами деятельности руководителей;

3) увеличение сделок по слиянию и поглощению и, таким образом, замен генеральных директоров по этой причине.

Важным направлением развития компаний в посткризисный период являются *социально значимые инвестиции*. В современных условиях денежные средства все чаще вкладываются в социально значимые проекты, связанные, в частности, со сферой жилищно-коммунального хозяйства, электроэнергетики, строительства социального жилья, с развитием малого бизнеса в моногородах и др. Такие проекты представляются интересными из-за возможной диверсификации бизнеса, получения стабильной выручки в условиях кризиса и падающего рынка, доли на незанятом рынке, где практически отсутствует конкуренция, поддержки государства или местной администрации, которая в целом позитивно влияет на деятельность компании.

Инвестиционные проекты, имеющие социальную значимость, привлекают инвесторов потому, что имеют крупный гарантированный рынок сбыта [1]. Главной предпосылкой успешной реализации является получение потребителями очевидных и осязаемых преимуществ от соответствующего воплощения.

Социально ответственные инвестиции включают в себя создание стабильной деловой среды, снижение операционных рисков, улучшение финансовых показателей, повышение производительности труда и в конечном итоге увеличение рыночной стоимости компании в долгосрочной перспективе [4].

Инвестиционная привлекательность социально значимых проектов определяется главным образом наличием изобретений и законченных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), потенциально могущих стать эффективными нововведениями. Положение каждой фирмы определяется, прежде всего, ее способностью приспосабливаться к меняющимся условиям конкурентной борьбы, возможностями осуществлять активную инновационную деятельность.

Реализацию инновационного потенциала при осуществлении социально значимых инвестиций осложняет тот факт, что основой экономических отношений до сих пор остается система бюджетного дотирования предприятий, оказывающих социально значимые услуги. Управление производством таких услуг производится централизованно, почти не развита конкуренция [1]. Потребители не имеют возможности влияния на количество и качество предоставляемых им услуг. Любой частный инвестор столкнется с проблемой ведения совместной деятельности с государственным предприятием, управление которым отличается более низкой эффективностью, в результате чего осуществление проекта будет более рискованным. Оценку социально значимых инвестиционных проектов следует проводить в зависимости от их классификации, используя различный набор финансовых показателей для каждого типа инвестиционных проектов. Социально значимые инвестиционные проекты, как правило, носят долгосрочный характер. При анализе долгосрочных проектов важным аспектом их оценки является правильное определение ставок дисконтирования, а также прогнозирование соотношения темпов роста цен на сырье, готовую продукцию, то есть использование дефлированных цен в расчетах.

Для оценки крупных и масштабных проектов важна оценка общественной эффективности наряду с показателями коммерческой выгоды [5]. Общественная эффективность оценивается при реализации глобальных, народнохозяйственных и крупномасштабных проектов с целью выявления соответствия проекта целям социально-экономического развития общества. Если общественная эффективность проекта отрицательна, его осуществление признается нецелесообразным. Если же таковая положительна, производятся расчеты коммерческой эффективности. В настоящей статье мы не рассматриваем вопросы оценки общественной эффективности, представляющие собой отдельную тему.

Важным показателем при оценке социально значимых инвестиционных проектов является учет последствий отказа от осуществления проекта для смежных сфер экономики, включая социальную и экологическую: увеличение социальной напряженности вследствие бытовой неустроенности населения, упущенные выгоды для консолидированного бюджета, увеличение количества промышленных потребителей из-за наличия ограничений роста деловой активности, возможный ущерб из-за повышения вероятности аварийных ситуаций.

При определении эффективности проекта должны учитываться все последствия его реализации, как непосредственно экономические, так

и внеэкономические (внешние эффекты, общественные блага). Внешние эффекты – это экономические и внеэкономические последствия во внешней среде, возникающие при производстве товаров и услуг, но не отраженные в их рыночных ценах; общественные блага – те виды благ, потребление которых одним субъектом не препятствует их потреблению другими (чистый атмосферный воздух, научные знания и т.д.). Внешние эффекты могут быть как отрицательными (например, потенциально возможный риск возникновения чрезвычайной ситуации в случае аварии), так и положительными (рост налоговых выплат в консолидированный бюджет, а также рост доходов смежников, обусловленный инвестициями в строительство социально значимых инвестиционных проектов).

При определении структуры инвестиций в социально значимые проекты рассматривают различные соотношения между собственными, заемными и бюджетными средствами, используемыми для их реализации. Эти данные нужно моделировать в различных сценариях в зависимости от процентных ставок, объема субсидирования и других параметров [2]. Источниками информации здесь являются, с одной стороны, предложения различных банков и инвестиционных компаний, а с другой – внутреннее финансовое состояние предприятия, на базе которого планируется осуществление инвестиционного проекта, форма реализации такого инвестиционного проекта, степень предоставления различных гарантий и другие факторы. Так, инвестиционный проект может быть реализован путем организации новой компании с участием в том числе местной администрации в ее уставном капитале. Возможны инвестиции путем выделения кредитов по льготным ставкам существующему предприятию или путем приобретения части акций существующего предприятия. Возвратность вложенных средств может быть гарантирована залогом каких-либо активов или гарантиями. Правильно организованные контроль и мониторинг на эксплуатационной фазе инвестиционных проектов позволят обеспечить их реализацию без существенных отклонений от прогнозных значений. Здесь наиболее важными направлениями являются разграничение ответственности и повышение прозрачности при распределении и использовании ресурсов на инвестиционной и эксплуатационной фазах реализации проектов. Для этого можно использовать модель организации внутреннего контроля, предложенную Комитетом организаций-спонсоров комиссии Трэдвей по внутреннему контролю (COSO). Подход COSO был использован для разработки предложений по системе внутреннего контроля во многих компаниях в период кризиса [6]. В нем уделяется большое внимание идентификации

зон потенциального конфликта интересов менеджмента и персонала, подготовке управленческих отчетов на систематической основе, построению корпоративной культуры и системы управления рисками.

Таким образом, инвестиционная политика при экономической нестабильности должна быть социально значимой. Это обеспечит предприятиям гарантированный сбыт в условиях падающего рынка, а также диверсификацию бизнеса. При выборе инвестиционных проектов их следует оценивать, учитывая внешние эффекты и применяя индивидуальные значения нормы дисконта. При этом необходимо обеспечить принцип минимизации стоимости услуг для потребителя, однако проект должен быть коммерчески эффективен и не дотироваться за счет других проектов. Эффективность реализации таких проектов повышается при проведении контроля и процедур мониторинга на основе модели COSO.

Литература

1. Частным инвесторам в ЖКХ необходимы гарантии на региональном уровне // Деловая пресса. – 2007. – № 10(384).
2. Матвиенко, С.В. Формирование и развитие региональных и макрорегиональных инновационных систем: финансовое, кадровое и организационное обеспечение. СПб.: СПбГИЭУ, 2007.
3. Теория управления. Менеджмент: хрестоматия. Ч. 1–3. Мн.: ГИУСТ БГУ, 2007.
4. Марголин, А.М. Инвестиции: учебник. – М.: РАГС, 2006.
5. Виленский, П.Л., Лившиц, В.Н., Смоляк, С.А. Оценка эффективности инвестиционных проектов: теория и практика: учеб.-практ. пособие. – М.: Дело, 2001.
6. «Internal Control – Integrated Framework». Committee of Sponsoring Organizations (COSO) [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.coso.org/IC-IntegratedFramework-summary.htm. – Date of access: 14.10.2010.
7. Шуклов, Л.В. Актуальные проблемы развития экономики современного предпринимательства // Сб. докладов по итогам Всерос. науч.-практ. конф. Москва, 10–19 марта 2010 г. – М.: Изд-во «Креативная экономика», 2010. – С. 43–48.

Екатерина Кухаренко
(Минск, Белорусский государственный экономический университет)

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЛОГИСТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

The author maintains that logistics is already widely spread in the industrially developed West European countries but Belarus is only beginning to introduce it. The article shows that it is necessary to create an institute (department), which will promote the formation and further development of the logistical branch in the country. Realization of recommendations described in the article will help raise the role of logistics in Belarus.

Логистика (от греч. logistike – искусство вычислять, рассуждать) – это наука о планировании, организации, управлении, контроле и регулировании движения материальных и связанных с ними информационных потоков в пространстве и времени от их первичного источника до конечного потребителя.

С точки зрения международного бизнеса логистику можно определить как методологию комплексного и взаимосвязанного решения задач снабжения, производства, хранения и доставки товаров потребителю, включая послепродажное обслуживание (для сложнотехнической продукции с длительными сроками эксплуатации).

Новизна логистики в ее современном понимании заключается в следующем:

– в смене приоритетов в хозяйственной практике предприятия, где центральное место стало занимать управление процессами товародвижения;

– в использовании системного подхода, позволяющего обеспечить координацию деятельности различных звеньев предприятия и взаимодействий с потребителями и поставщиками.

Логистика, являясь неотъемлемым звеном эффективного управления компанией, позволяет значительно снизить запасы продукции в снабжении, производстве и сбыте и тем самым сократить издержки на ее хранение, снизить себестоимость производства, ускорить оборачиваемость оборотного капитала, снизить расходы на доставку конечной продукции потребителю, сократить время движения продукции от источника сырья до потребителя и обеспечить наиболее полное удовлетворение потребителя качеством товара и сопутствующих услуг.

Именно логистика обеспечивает координацию локальных целей функционирования отдельных подразделений с глобальной бизнес-целью организации. Логистика поддерживает системную устойчивость фирмы на рынке, сглаживая противоречия между производством, финансами, маркетингом, сбытом, организацией продаж и оптимизируя как межфункциональные внутрифирменные решения, так и систему взаимодействий с потребителями и поставщиками. Посредством методологии и инструментария логистики достигается главная цель управления – синергия в деятельности всех звеньев компаний, отрасли, регионов и экономики страны в целом.

Выделяют три периода в развитии логистических систем.

Дологистический период (до 1950-х гг.). Управление материальным распределением носило фрагментарный характер. Транспорт и материально-техническое обеспечение рассматривались как две не связанные сферы деятельности.

Период классической логистики (с начала 1960-х гг.). Отличительной чертой его являлось то, что вместо организации оптимальных перевозок на фирмах стали создаваться логистические системы.

Период неологистики (с начала 1980-х гг.). Логистические системы стали создаваться и управляться исходя из общей цели – достижения максимальной эффективности работы всей фирмы.

Логистическое управление предполагает логистическое решение. Поэтому большинство иностранных компаний сейчас сосредоточено на логистической оптимизации своих бизнес-процессов, что является следующим этапом после выстраивания всех процессов в соответствии с требованиями СМК-9000.

Логистический подход обеспечивает:

- значительное (на 30–50%) сокращение всех видов запасов материальных ресурсов;

- ускорение оборачиваемости оборотного капитала, сокращение (на 25–45%) времени движения продукции от первичного источника сырья до конечного потребителя;
- снижение затрат на производство, дистрибьюцию;
- наиболее полное удовлетворение потребителей качеством товаров и сервиса.

С логистическими системами связано получение 20–30% валового национального продукта ведущих промышленно развитых стран. Как показывает зарубежный опыт, сокращение на 1% логистических издержек эквивалентно почти 10%-му увеличению объема продаж фирмы [1, с. 253–255].

Большое значение имеет применение логистики в агропромышленном комплексе. Известно, что до 30% всей сельскохозяйственной продукции теряется из-за превышения норм естественной ее убыли и из-за неразвитости инфраструктуры для хранения продукции.

По оценкам американских специалистов, для увеличения прибыли на 100% надо:

- увеличить объем продаж на 100%;
- снизить накладные расходы на 33%;
- снизить заработную плату работников на 25%;
- увеличить цены на 15%;
- снизить затраты на закупки (что есть часть логистики) на 8,5% [1, с. 255].

Логистика шагнула далеко за пределы национальных границ государств. Активно развиваются межгосударственные и транснациональные макрологистические системы, призванные облегчить перемещение через границы информации, товаров, капитала и людей. Периодически проводятся всемирные конгрессы по логистике. Наиболее интенсивное развитие за рубежом логистика получила за два последних десятилетия. Именно в это время возникли современные маркетинговая и интегральная концепции логистики.

Как показывает мировой опыт, важнейшим фактором экономического роста является формирование логистической системы, охватывающей различные сферы деятельности в стране. В индустриально развитых странах логистика давно поставлена на службу повышения эффективности управления движением материальных потоков. В современной рыночной среде процесс совершенствования логистического управления товародвижением объективно приводит к усилению интеграции организаций, участвующих в перемещении товаров. Возникает необхо-

димость регулирования всей системы движения товаров, при этом эффективность цепи поставок определяется уровнем организационного оформления хозяйственных связей всех участников товародвижения.

Эволюция логистических систем за рубежом доказывает, что они становятся одним из важнейших стратегических инструментов в конкурентной борьбе не только для отдельных организаций, но и страны в целом. В Республике Беларусь сложилась несколько иная ситуация. В силу объективных причин исторического, политического, экономического характера имеет место определенное технологическое отставание в области логистики.

Для преодоления указанного отставания возникла необходимость в разработке правовой базы развития логистической системы страны, в которой наибольшее внимание будет уделено управленческому, экономическому и финансовому аспектам.

Основные направления социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2015 гг., утвержденные постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 4 ноября 2006 г. № 1475, предусматривают на втором этапе развития транспортной отрасли (2011–2015 гг.) внедрение логистических технологий и систем доставки грузов.

Программа развития связи в Республике Беларусь на 2006–2010 гг., утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 октября 2006 г. № 1395, в качестве одного из приоритетных направлений развития почтовой связи определила оптимизацию и модернизацию системы логистики.

Комплексным документом в области развития логистики стала Программа развития логистической системы Республики Беларусь на период до 2015 г. (далее – Программа), разработанная государственным научным учреждением «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси».

В Программе определены цели, задачи и пути развития логистической системы республики на период до 2015 г., представлена классификация логистических центров, разработаны основные подходы к созданию логистических центров (транспортно-логистических, оптовой торговли потребительскими товарами, оптовой торговли продукцией производственно-технического назначения, многофункциональных торгово-логистических комплексов (центров) за рубежом), даны схемы размещения объектов логистической системы, предложен механизм создания льготного режима для потенциальных инвесторов и система критериев их выбора, разработаны методические подходы к управлению

логистической системой Республики Беларусь, обозначены подходы к информационному обеспечению управления и функционирования логистической системы страны и др.

Предполагается, что реализация Программы будет осуществляться за счет средств инновационных фондов республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь, собственных средств организаций, средств инвесторов, включая иностранных, республиканского бюджета в пределах средств, выделяемых на содержание высших учебных заведений.

Целями Программы являются: разработка основных направлений развития логистической системы Республики Беларусь; создание организационной схемы размещения логистических центров в стране и за рубежом; формирование благоприятных условий для привлечения инвестиций в создание объектов и инфраструктуры логистической системы. Одной из важнейших задач Программы является предложение механизма создания льготного режима для потенциальных инвесторов и системы критериев их выбора и разработка методических подходов к управлению логистической системой, нормативного правового и информационного ее обеспечения [2].

Программа развития логистической системы Республики Беларусь на период до 2015 г. – первый и пока единственный документ, регламентирующий построение национальной логистической системы.

Тем не менее этот документ не покрывает нормативно-правовую нишу развития логистической системы Республики Беларусь. К примеру, таможенное регулирование и аутсорсинг отсутствуют в принятом варианте Программы. В связи с этим существует необходимость дальнейшего усовершенствования законодательной базы и принятия ряда новых документов.

Для реализации тех функций государственного регулирования развития логистики, которые сложились в развитых странах, а также для решения дополнительных задач в рамках стратегии догоняющего развития в Беларуси можно организовать отдельный государственный институт (орган), который бы отвечал за развитие логистики. Для решения проблемы институционализации логистической отрасли Беларуси целесообразно создать Департамент логистики при Министерстве экономики РБ.

Министерство экономики Республики Беларусь является межотраслевым органом государственного регулирования, что будет способствовать всестороннему развитию логистической отрасли в стране. Кроме

того, государственная принадлежность нового органа и его межотраслевой характер определяются функциями, которые будут возложены на создаваемый орган.

Следует отметить, что преодоление отставания от развитых стран возможно как за счет заимствования передовых производственных и управленческих технологий и их распространения среди белорусских субъектов логистической деятельности, так и за счет реализации отдельных прорывных инновационных технологий в этой отрасли.

Для решения указанной задачи в Беларуси имеет смысл создать также Центр логистических исследований и разработок, который мог бы функционировать при созданном Департаменте логистики (возможен и другой организационный вариант). Данный Центр необходим для реализации следующих основных функций:

1) исследование и заимствование передовых технологий в области логистики и их адаптация к условиям функционирования белорусского логистического рынка;

2) создание и реализация инновационных проектов в сфере логистики и их внедрение;

3) подготовка специалистов высшей квалификации по логистике.

Логистическая система Республики Беларусь включает совокупность логистических центров. В зависимости от отраслевой направленности будут формироваться транспортно-логистические, оптово-логистические (торговые) и многофункциональные логистические центры.

Транспортно-логистические центры предназначаются для оптимизации внутренних и внешних материальных потоков, а также сопутствующих им информационных, финансовых и сервисных потоков с целью минимизации общих логистических затрат. Одной из важнейших задач транспортно-логистических центров является обработка транзитного грузопотока. Кроме того, транспортно-логистические центры будут осуществлять разработку, организацию и реализацию рациональных схем товародвижения на территории республики и других государств на основе организации единого технологического и информационного процесса, объединяющего деятельность поставщиков и потребителей материальной продукции, различных видов транспорта, банков, страховых организаций, подразделений таможни, органов импортно-экспортного контроля, организаций оптовой и розничной торговли и т.д. Конечной целью деятельности транспортно-логистических центров является оказание полного цикла транспортно-логистических услуг промышленным и торговым организациям по рационализации пере-

возочного процесса и гарантированной доставке грузов в оптимальные сроки, маршруты, виды транспорта и груза. Транспортно-логистические центры могут быть территориальными и региональными, общего назначения и ведомственными, а также специализированными по отдельным видам грузов и условиям их хранения. Они предназначаются для обслуживания перевозок, обработки грузов по месту нахождения клиента и обеспечения транспортно-экспедиционных и логистических услуг.

Сейчас в Беларуси ведут активную деятельность в области логистики только ассоциации («АБЕЛОГ» и «БАМАП») и отдел развития транспортной деятельности и логистики Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь. Это обусловливает наличие проблемы совершенствования структуры транспортно-логистической системы в Беларуси.

Как показывает мировая практика, создание в стране транспортно-логистической инфраструктуры, интегрированной с глобальной логистической системой, позволяет экономике этой страны получить новые качественные характеристики. Увеличиваются объем и скорость товаропотоков, а транспортные и торговые компании выходят на новый уровень взаимодействия, приобретая пакеты логистических услуг, предоставляемых логистическими предприятиями.

Основной функцией оптово-логистических (торговых) центров является поставка оптовых партий потребительских товаров и продукции производственно-технического назначения отечественного и импортного производства непосредственно потребителям или организациям розничной торговли. На территории оптово-логистических центров размещаются склады для хранения и переработки мелких и крупных партий грузов общего назначения, склады с особым температурным режимом, а также площадки для приема, переработки и хранения грузов и контейнеров. Оптово-логистические центры также могут быть республиканскими и региональными, специализированными на поставках товаров производственно-технического и потребительского назначения. Последние, в свою очередь, могут специализироваться на продовольственных или непродовольственных товарах.

Разновидностью логистических центров являются многофункциональные логистические комплексы, которые включают также торгово-деловой, административно-деловой и выставочный центры. Многофункциональные логистические комплексы создаются как на территории Республики Беларусь, так и за рубежом.

Многофункциональные логистические центры, создаваемые за рубежом, представляют собой комплекс объектов, созданный инвестором при содействии Правительства Республики Беларусь для использования в рамках товаропроводящей сети в целях планирования и управления продвижением товаров, в том числе белорусского производства, в процессе их реализации в стране назначения, обеспечивающий управление товарными, сервисными и информационными потоками и включающий в себя площади, предназначенные для соответствующих целей.

Являясь транзитным государством, Беларусь способна более активно включиться в логистические цепи мировой экономики. На уровне правительства, ряда министерств, предприятий уже есть понимание, что логистика не дань моде, а важный инструмент экономики, стремящейся интегрироваться в мировое хозяйство.

Для преодоления отставания и дальнейшего развития логистики в Республике Беларусь необходимо активное участие Беларуси в международных проектах по созданию региональных транспортно-логистических и телекоммуникационных систем, сети логистических центров в сфере торговли и транспорта.

Таким образом, в Республике Беларусь для становления логистической отрасли необходимо выполнение следующих задач:

- ускорение развития логистики посредством использования зарубежного опыта и заимствования соответствующих технологий, институтов, методов управления;
- обеспечение законодательных условий для развития рынка логистических услуг;
- содействие развитию конкуренции на рынке логистических услуг;
- преодоление групповых, ведомственных интересов, присущих становлению новой отрасли, то есть исключение «провалов» государства (под «провалами» государства «понимаются ситуации, в которых результаты государственного вмешательства не только не ведут к оптимуму, но, более того, лишь ухудшают ситуацию, возникающую на рынке»);
- обеспечение комплексности и одновременности развития объектов логистической инфраструктуры;
- обеспечение координации различных участников логистического рынка.

Для решения указанных выше задач предлагается использовать концепцию индикативного планирования.

Основу концепции индикативного планирования составляет идея «согласованного хозяйства», предполагающая добровольное согласие всех заинтересованных субъектов на осуществление задач, содержащихся в индикативном плане. При этом предоставляется свобода принятия решений, сохраняется конкуренция, возможность конфликтов.

Индикативный план является рекомендательным, указывающим, не предполагающим какой-то специальной ответственности за невыполнение. В то же время по отношению к рынку – это волевое вмешательство государства, его большее или меньшее влияние на поведение хозяйствующих субъектов, на их выбор. Для государственного сектора применяются и элементы обязательности.

Концепция индикативного плана включает следующие позиции:

- прогнозирование важнейших процессов на длительную, среднюю или ближайшую перспективу;
- составление более или менее детальных программ, ориентирующих экономическое развитие отрасли на конкретные цели;
- определение средств реализации плана. В их числе предусматриваются государственное финансирование капиталовложений, система преференций (кредиты, субсидии, налоговые льготы);
- выработку экономических, политических и административных мер и создание учреждений (институтов), то есть механизма, с помощью которого государству предстоит реализовать принятые планы;
- перманентную корректировку планов и модификацию механизма их осуществления.

Реализация проектов по внедрению логистических систем в белорусскую экономику позволит устранить трудности ведения бизнеса с зарубежными партнерами, а также между предприятиями в рамках страны, ускорит интеграцию нашей страны в мировое экономическое и информационное пространство.

Литература

1. Паньшин, Б.Н. Менеджмент международного бизнеса. – Минск: БГУ, 2008. – Гл. 13. – С. 250–266.
2. О Программе развития логистической системы Республики Беларусь на период до 2015 г.: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29.08.2008, № 1249 [Электронный ресурс] // Законодательство Беларуси. Юридический портал. – Режим доступа: http://bankzakonov.com/republic_pravo_by_2010/blockg2/rtf-n5k1r0.htm. – Дата доступа: 20.03.2012.
3. Губский, М.И. Логистика в Республике Беларусь: проблемы институционализации // Проблемы управления. – 2009. – № 3(32). – С. 199–202.

Вероника Баранчук
(Вильнюс, Европейский гуманитарный университет)

ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ БИЗНЕСА НА ОСНОВЕ «НАРУШЕНИЯ» ГРАНИЦ ОТРАСЛЕЙ

The photographic services market is attractive for business development. One of the priority market segments is family photography. To achieve success and rapid growth business must follow the logic of value innovation. The basis of Fotobaby business strategy is an innovative business concept created with the help of value innovation techniques and violation of industry stereotypes. The product has been added to the emotional and physical component. This business works simultaneously at three markets: the market of photo services, the market of emotional experience and the market of interior decoration.

Не вступайте в конкурентную борьбу,
просто сделайте ее неактуальной.
Чан Ким и Рене Моборн. «Стратегия голубого океана»

В современной бизнес-литературе представлено множество подходов и приемов конкурентной борьбы, много внимания уделено тому, как выстраивать стратегию с учетом конкуренции. Однако многие успешные бизнесы были созданы на основе нарушения отраслевых стереотипов и границ существующих отраслей, вне поля конкурентной борьбы.

При создании нашего бизнеса за основу был взят именно этот подход. Мы выбрали рынок, изучили действующие стереотипы, применили методику поиска «голубого океана» – места на рынке, свободного от конкуренции, расширили существующие границы отрасли. Все это помогло разработать эффективную бизнес-стратегию и сделало конкурентную борьбу неактуальной.

Решение работать на рынке фотоуслуг было принято на основе анализа микро- и макрофакторов, трендов и тенденций, действующих на нем. Этот рынок, несмотря на действующие на нем стереотипы, оказался привлекательным по ряду причин.

Во-первых, в современной экономике с ее глобализационными процессами практически отсутствуют барьеры выхода на мировой рынок фотографии. Любой субъект хозяйствования может продавать свои фотографии как на локальном рынке, так и на глобальных мировых рыночных площадках готовых фотографий – фотобанках и фотостоках.

Во-вторых, этот рынок мы оценили как емкий с точки зрения потенциального дохода. Вывод о привлекательности фоторынка можно сделать на основании данных об объемах продаж фотографий на мировых площадках и экспертных оценок. Объемы рынка выражаются в миллиардах долларов. Это связано с трендом роста спроса на визуальные образы за счет повышения важности визуальной информации в информационном обществе, где люди из визуалов превращаются в еще больших визуалов[1].

Если говорить о емкости белорусского рынка фотоуслуг, то, по нашим оценкам, основанным на данных аналитических агентств и экспертов рынка, рынок фотоуслуг г. Минска значителен. Расчет основывался на данных Школы фотобизнеса, исследования которой показали, что емкость рынка города с населением порядка 300 тыс. человек составляет около 1 млн долларов США в месяц. Основываясь на этой цифре, можно оценить емкость рынка фотоуслуг г. Минска. Учитывая, что население города составляет около 1,8 млн человек, емкость рынка составит примерно 6 млн. долларов США в месяц[2].

В-третьих, белорусский рынок фотоуслуг является привлекательным с точки зрения наличия свободных ниш. На развитых рынках фотоуслуг (Европа, США) фотографы и фотостудии уже давно узко специализируются на каком-то одном виде съемки и занимаются только им. Рынок Беларуси характеризуется тем, что в основном здесь действуют «универсалы», которые снимают все то, за что платят. Это, с одной стороны, говорит о возможной неразвитости рынка, а с другой – о наличии стереотипов о невозможности зарабатывать, сконцентрировавшись на чем-то одном.

---

1 10 Trends for 2010; A JWT Trendletter December 2010. – Mode of access: http://jwtintelligence.com/trendletters2/.

2 Материалы сайта Школы своего фотобизнеса. – Режим доступа: http://photobusiness2.com.

Если говорить о структуре, весь рынок фотоуслуг принято делить на следующие сегменты по типам фотосъемки: свадебная съемка, бизнес-съемка, fashion-фото, рекламная фотосъемка, семейная и детская фотосъемка, макросъемка, предметная съемка, репортажная съемка, интерьерная съемка, пейзажная съемка, экспресс-фото на документы и др.

В соответствии с этим рынок фотоуслуг можно разделить на значимые сегменты по видам услуг, представленным на рис. 1.



Рис. 1. Структура рынка фотоуслуг[3]

Из рисунка видно, что интересующий нас сегмент семейной фотографии составляет около 5%, в цифровом выражении – 300 тыс. долларов США в месяц. Это является достаточным, на наш взгляд, для того, чтобы обратить внимание на этот сегмент как на рынок для работы на нем. Более того, в этом сегменте фактическое количество игроков исчисляется всего лишь десятками.

Стандартный продукт на белорусском рынке семейной фотографии можно характеризовать следующим образом:

- фотосъемка от 3 часов и более с длительной подготовкой;
- обработка фотографий более 2 месяцев;
- конечный результат – DVD-диск больше 100 фотографий;
- дополнительные услуги при желании клиента: печать фотографий, оформление альбома, изготовление фотокниги, создание слайд-шоу, изготовление паспарту и оформление фотографий.

При формировании концепции нашего фотобизнеса мы отталкивались от данных 30-летних исследований INSEAD[4] о том, что менее успеш-

---

[3] Материалы сайта Школы своего фотобизнеса. – Режим доступа: http://photobusiness2.com.

[4] Креативное мышление в бизнесе. Серия «КлассикаHarvardBusinessReview». – М.: Альпина БизнесБукс, 2006.

ные компании руководствуются в своей деятельности традиционными стратегическими схемами. Успешные же компании с быстрым ростом (как раз то, к чему мы стремились при запуске и развитии бизнеса) нарушали традиционную логику и следовали логике ценностных инноваций, тем самым нарушая границы отраслей.

Для поиска идей о направлении развития и о том, что может стать ценностной инновацией, которую компания сможет предложить своим клиентам, нами было проведено исследование клиентов фотостудии в форме интервью. Было выявлено, что основными сдерживающими факторами от использования фотоуслуг до того, как они пришли в Fotobaby, для них были:

- непредсказуемость и непонятность результата, который они получат;
- сложность процесса подготовки к классической фотосессии и длительность процесса съемки до 5 часов (с маленькими детьми это, как правило, невозможно);
- достаточно высокая стоимость.

Путем проведения интервью с экспертами рынка были выявлены стереотипы, нарушение которых сформировало наш бизнес:

- емкость рынка сокращается под давлением самообслуживания, следовательно, надо снимать все, за что платят;
- деньги есть только в свадебной фотографии, в семейной – денег нет;
- чем дороже фотокамера, тем выше коммерческий успех фотографа;
- большее количество фотографий прямо пропорционально влияет на удовлетворенность клиента;
- детей не снимают в фотостудии с искусственным светом.

Так появилась идея создать на основе неудовлетворенности потребителей и нарушения рыночных стереотипов семейную фотостудию, учитывая, что на рынке их не было. И, несмотря на привлекательность сегмента рынка семейной фотосъемки, мы решили пойти дальше, чем просто открыть фотостудию. Создать «голубой океан» – рынок (сегмент рынка), который на текущий момент еще не существует и который позволит сформировать собственные правила игры и работать вне конкуренции в долгосрочной перспективе.

Применение методики, описанной в книге Чан Кима «Стратегия голубого океана», позволило разработать уникальную концепцию бизнеса.

В соответствии с рекомендациями при формировании конкурентных преимуществ нужно было ответить на вопросы, которые вместе с ответами на них оформлены в виде таблицы.

Формирование концепции фотостудии

Вопрос	Изменение отраслевых стереотипов
1. От каких общепринятых параметров обслуживания есть возможность отказаться?	– Съемка большого количества кадров – действительно нужны клиенту максимум 10 фотографий за фотосессию – Предпродажное обслуживание (предварительные встречи с фотографом, длительная подготовка к фотосессии)
2. Какие характеристики можно снизить относительно принятых в отрасли стандартов?	– Необязательно использование дорогостоящей фототехники и оптики – Исполнение фотосессии фотографами-профессионалами, но необязательно самой высокой квалификации, не обязателен значительный опыт работы (за счет стандартизации всех процедур и, как следствие, повышения их простоты и понятности для специалистов) – Снижение вариативности визуальной картинки – снижение количества художественных приемов, поз, принципов построения композиции, световых схем – Длительность фотосессии с 4–5 часов до 1 часа

3. Какие особенности обслуживания, не предлагавшиеся ранее, следует внедрить?	– Минималистичный уникальный универсальный стиль (эмоциональный портрет на белом фоне – просто, весело, светло) – Реализация детской и семейной съемки только в студийных условиях (стандартные съемки проходят в домашних условиях, на улице) – безопасные и предсказуемые условия, дружелюбная маленьким детям среда – Нацеленность на специфику детской аудитории и ориентация в первую очередь на них – игровой подход и общение с детьми на их уровне для достижения только позитивных эмоций на фотосессии и, как следствие, на снимках – Материальное воплощение конечного продукта: распечатанные тематические открытки и/или изображения для оформления интерьеров (холсты, плакаты, баннеры в рамах на стену) – в отличие от стандартного продукта на рынке, представляющего электронные необработанные снимки на CD – Индивидуальность подхода к каждому клиенту и создание истории семьи за счет использования декораций, дизайнерских костюмов и аксессуаров высокого качества в процессе съемки – Фотосъемка как способ проведения досуга, как возможность получения положительных впечатлений, как праздник
4. Какие параметры необходимо поднять выше отраслевых?	– Простота процесса фотосъемки для клиента – Осязаемость услуг – Предсказуемость результата и гарантированность качества – Оперативность фотосъемки за счет присутствия ассистентов и четко спланированного сценария – Скорость обработки файлов и подготовки конечного результата

Из вышеописанного можно сделать вывод, что ценностными инновациями, реализованными в фотостудии Fotobaby, являются:

Для компании:

- концентрация и узкая специализация только на семейной съемке ведут к повышению профессионализма в этой сфере, высокому качеству конечного результата (наработаны приемы и подходы к работе с детьми

в процессе съемки, сформирована дружелюбная к ребенку среда, обеспечено наличие необходимых при съемке вспомогательных материалов и т.д.) и, как следствие, высокому профессионализму в этой сфере;

● сокращение издержек за счет сокращения количества кадров с одной фотосессии (снижает износ оборудования и время на обработку файлов дизайнером), сокращения времени обслуживания клиента, использования профессионального оборудования и оптики стандартного класса (непремиум), экономии издержек на высококвалифицированных специалистов, ориентации на массовый рынок (обеспечивает поток клиентов), благодаря чему срабатывает эффект масштаба (арендная плата делится на большее число фотосессий, скидки на производство материальных носителей фотографий за объемы).

Инновация ценности для потребителей Fotobaby состоит в обеспечении им максимума того, в чем они нуждаются больше всего, и минимума того, без чего они готовы обойтись.

Для потребителя:

● универсальные фотографии (можно использовать везде). Что возможно только в студийных условиях, которые дают такие преимущества и творческие возможности работы со светом, которые недостижимы при естественных условиях, и обеспечивают заведомо известный качественный результат снимков, не зависящий от внешних условий;

● преимущества студийной съемки в дружелюбной маленьким детям среде. Вообще появилась возможность съемки с маленькими детьми (ранее зачастую клиентам приходилось откладывать съемку на время, когда дети подрастут);

● комплексность продукта за счет материального воплощения (открытки, сувенирная продукция, фотокартины для оформления интерьеров в рамах, предметы интерьера);

● возможность реализовать себя в различных художественных образах (возможность игры, психологическая терапевтичность), создать историю своей семьи – увидеть самими и показать другим глянцевую картинку (лучше, чем в жизни);

● простота и приятность процесса съемки – ценность фотосессии как вида проведения досуга;

● предсказуемость результата фотосессии с гарантированным качеством за счет стандартности фотоснимков и дизайна;

● оперативность (подготовка к сессии, обработка снимков после фотосессии, длительность самой сессии – до 1 часа).

Помимо этого, уникальность концепции работы Fotobaby состоит в том, что при ее разработке была учтена специфика сферы услуг и были достигнуты:

- максимизация осязаемости услуг – наличие четко прописанных стандартных идей, образов и сценариев фотосессий, использование студийных костюмов, аксессуаров и декораций. Было выявлено, что клиенту максимально просто принять решение о покупке фотоуслуги, например, в парке с обезьянкой, и максимально сложно решиться на творческую фотосессию в студии у фотохудожника. Две составляющие двух абсолютно разных услуг на фоторынке: экспресс-фото в парке и классической студийной съемки были совмещены в новом продукте – фотосессии Fotobaby;
- минимизация изменчивости качества – подходы к съемке, сценарии съемки, композиция и дизайн максимально стандартизированы, что позволило практически исключить влияние личности фотографа на качество и результат съемки.

Это позволило нарисовать ценностную кривую, отображающую содержание инновации ценности Fotobaby. Она имеет следующий вид, представленный на рис. 2.

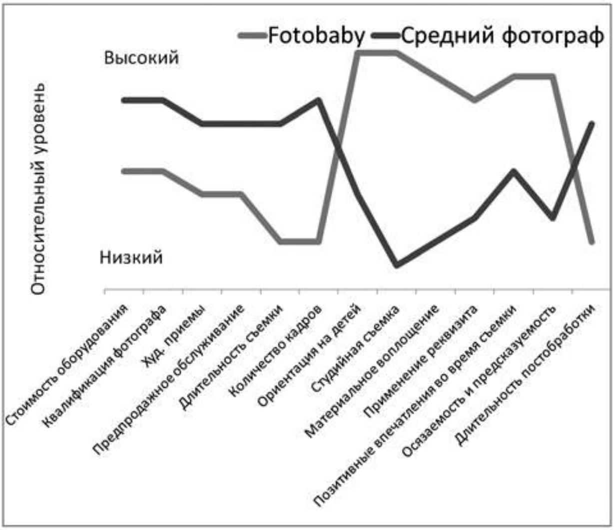


Рис. 2. Ценностная кривая Fotobaby

Из данного рисунка видно, что Fotobaby предлагает основной части потребителей, желающих получить услуги семейной фотосъемки, продукт инновационной потребительской стоимости, обеспечивая им максимум того, в чем они нуждаются больше всего, и минимум того, без чего они готовы обойтись.

Помимо концепции «Стратегии голубого океана», в современном бизнесе имеет большое значение концепция экономики впечатлений, в некоторых источниках можно встретить понятие «эмоциональный маркетинг»[5].

В последнее время на рынках с развитой рыночной экономикой наблюдается возрастание роли эмоциональных ценностей. Современный потребитель уже настолько избалован и изощрен, что его постоянно нужно удивлять и впечатлять.

Услуги фотосъемки – высокотехнологичный продукт, обладающий неощущаемыми технологическими различиями, для восприятия которых требуются особая подготовленность, грамотность потребителей (например, чтобы отличить пленочную фотографию от цифровой). По мере насыщения рынка и усложнения услуг функциональная ценность фотоуслуг перестает играть доминирующую роль. Это то, о чем мы говорили чуть выше, уже не имеет большого значения: какого уровня фототехника и оптика применяются при съемке. Потребителю уже не надо, чтобы его просто сфотографировали, ему нужно, чтобы его развлекли и подарили эмоции.

На передний план выходит задача наделения фотоуслуг эмоциональными ценностями. Все более важными инструментами конкурентной борьбы становятся:

- брендинг – именно поэтому было разработано отдельное название и логотип Fotobaby, а не используются отдельные фамилии фотографов, как это традиционно делается на рынке;
- приветливое поведение сотрудников – этому уделяется особое внимание в процессе съемки Fotobaby;
- доброжелательное окружение – фотостудия похожа на детскую игровую комнату с дружелюбной к маленьким детям средой (игрушки, батут, веселая детская музыка, запах конфет, вкусные угощения);
- приятность процесса фотосъемки – фотосессия проводится как череда игр, в которые играет вся семья.

[5] Экономика впечатлений: работа – это театр, а каждый бизнес – сцена. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2005.

Это все выводит фотостудию в плоскость конкуренции на «рынке создания эмоций». Тогда мы уже выходим на межотраслевую конкуренцию за покупателя, потребность которого – получение эмоций всей семьей. При таком рассмотрении конкурентами фотостудии являются парки развлечений, театральные и киностудии, кинотеатры, семейные рестораны и т.д. И преимущества фотосъемки – это возможность отличного проведения досуга всей семьей, получения незабываемых эмоций, которые останутся на долгое время, в том числе и для следующих поколений семьи.

Потребности, которые удовлетворяют частные клиенты за счет услуг Fotobaby:

- зафиксировать историю своей семьи;
- получить новые впечатления;
- получить материальное воплощение с собственным изображением для различных целей: возможность поздравить окружающих при помощи фотооткрытки, возможность сделать необычный подарок (подарить свое изображение близким), возможность оформить интерьер;
- использовать фотосессию как подарок (возможность для близких сфотографироваться).

Таким образом, при формировании концепции фотостудии были нарушены границы подотрасли фотоуслуг. Продукт был дополнен эмоциональной и материальной составляющей. Этот бизнес успешно работает одновременно на трех рынках: фотоуслуг, впечатлений и предметов оформления интерьера.

СВОБОДА И СОЛИДАРНОСТЬ: «РЕАЛЬНЫЕ» И «ВИРТУАЛЬНЫЕ» ИЗМЕРЕНИЯ

Дмитрий Гамезо
(Вильнюс, Европейский гуманитарный университет)

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ БЕЛАРУСИ

The Belarusian situation of social uncertainty brings local uniqueness when the authoritarian government articulates its claim to social hegemony. The main task for civil society is to find ways to identify the suppressed alternatives and design a project of social autonomy through social imagination or the principle of transcendence for the consolidation of society to solve urgent problems, without making society provide ubiquitous and heterogeneous ideological apparatuses of the state.

Улада падвойваецца й патройваецца,
разнастайныя ўлады сутыкаюцца на прасторы
культуры, спрабуючы прыўлашчыць паверхню,
руйнуючы, перапісваючы, пакідаючы
сьляды сваёй чыннасьці.
Ігар Бабкоў. «Каралеўства Беларусь»

Первой особенностью «современности», которую отмечает Владимир Фурс в статье «Белорусский проект “современности”?», является наделение исключительной ценностью настоящего, а точнее, момента этого настоящего, и «открытость *неопределенному* или определенному» будущему. Фурс указывает на особое отношение «современности» к «организации опыта времени». Понятие обновления является также центральной особенностью проекта «современности», выражаясь в процессах общественной и культурной модернизации, представляющих собой прогрессивное преобразование общества и культуры. Третьей особенностью «современности», отмечаемой Фурсом, является прогрессизм и оптимизм по отношению к будущим надеждам и свершениям. Надежды

«современности» переплетаются с фактическим историческим опытом, где утопические предвосхищения лишь направляют действия, ориентируют его в нужную сторону.

Владимир Фурс использует понятие автономии, заимствованное из философии Касториадиса, в качестве основы реальной стратегии социальных трансформаций в Беларуси. Чтобы более точно понять значение концепции Касториадиса для «обновления» по-белорусски, приведу слова Фурса, которые раскрывают понятия идеала автономии, заключающейся в том, что «надлежащие формы жизни должны разумно устанавливаться самими действующими субъектами» [10, с. 22]. Но, замечает Фурс, сегодняшнее восприятие идеи «современности» претерпело изменения в силу освобождения от рационализма и универсализма, присущее идее «современности» в интерпретации Просвещения. Фурс отмечает противоречие между понятием рефлексивности и ростом рационального контроля над ней. Теоретики Просвещения, отождествляя данные понятия, закрыли принудительным рационализмом возможность социального развития и трансформации посредством рефлексии, которая заключается в постоянной оценке и пересмотре социальных практик, которые могут привести к непредсказуемым последствиям.

Далее автор статьи «Белорусский проект “современности”?» обращается к факторам, которые разрушают восприятие известного Западу проекта «современности» и автономии как чего-то обладающего единством, универсальностью и общезначимостью. Основным фактором, разрушившим данное восприятие, стала концепция «множества (многообразия) современности». Ее приверженцы выступали против отождествления понятий «вестернизация» и «модернизация». Фурс при этом подчеркивает относительность локальных («многообразных») проектов «современности» в контексте глобализации в силу их пронизанности транснациональным капиталом, рынком, глобальными медиа, массовыми миграциями. Таким образом, локальные проекты «современности» оказываются не исключением глобализации, а ее побочными явлениями или реакциями.

Основанием же современных интерпретаций общества, через призму которых мы могли бы рассматривать белорусскую ситуацию «неопределенности», является особый понятийный аппарат, предложенный Касториадисом, смысл которого в том, что «общество» – это «особое социальное воображаемое в единстве с питаемыми им институциональными формами» [10, с. 22]. Это понятие, как показывает Фурс, есть разгадка множественности образцов «современности», которая кроется

в институциональном различии локальных культурных и социальных ландшафтов. Смысл идеи автономии Касториадис видит в рефлексивном обновлении, актуализации воображаемого измерения посредством «политики», которая осуществляется лишь при следующих условиях: «1) наличный институт радикально ставится под вопрос; 2) благодаря этому эксплицируется (всегда лишь частично) креативное измерение "общественно-исторического" и его взаимодействие с наличными институтами; 3) в рефлексивно прозрачной коллективной деятельности осуществляются переустановления общества» [10, с. 15].

Очевидно, что идея автономии в сегодняшнем понимании соотносится с институциональными формами, которые, являясь конструктами свободных и автономных субъектов, в последующем способны подавлять креативную рефлексию. Поэтому «политика» и становится сегодня проектом автономии, которая вынуждена соотносится с институциональными формами, во имя их и им вопреки. Насилие институционализации, как мы уже указывали выше, заключается в сокрытии креативных возможностей трансформации социального пространства. Касториадис называет данное сокрытие гетерономией, которую также можно назвать состоянием отчуждения общества, когда субъекты или человеческие коллективы больше не узнают в наличных институтах свои собственные творения.

Гетерономия белорусского общества характеризуется деполитизацией масс. Фурс следующим образом описывает данную ситуацию: «"Гражданская позиция" здесь предполагает добровольное самоограничение: бремя принятия политических решений передворяется власти ("я не занимаюсь политикой", "политика меня не касается"), существующий порядок воспринимается как квазиприродная рамка повседневного существования, горизонт мышления и действия замыкается в сфере частной жизни (проблем бытовых, семейных, карьерных и т.п.)» [8, с. 362]. Фурс предлагает на этом основании интерпретировать гетерономию белорусского общества как проявление глобализации в определенном социальном ландшафте, продукт местного преломления транснациональных «потоков» и реакционный отклик на проблемы, создаваемые глобализацией. Так, для Беларуси наиболее приемлемым и адекватным проектом автономии в противовес субстанционализации общества в образе «народа», что выступает особым алиби для действий официальной власти, может стать инклюзивный гражданский национализм. Фурс отмечает, что понятие «народ» является вредным и опасным для политической жизни общества: «Субстанционализация "народа" нивелирует

сложность организации модерных политических сообществ и является научно ошибочной и дезориентирующей в практико-политическом смысле»[8, с. 355]. Фурс также отказывает космополитизму в жизнеспособности и адекватности применительно к проблеме демократизации белорусского общества. Уникальность институциональной гетерономии побуждает отвечать на вызовы глобализации исходя из локальных социальных условий. Идея гражданского национализма также движима позитивными ценностями справедливости и солидарности и является, как отмечает Фурс, воплощением «идеи Европы» для Беларуси.

Определяя понятие глобализации, теоретик отмечает, что она есть только «реорганизация локальностей в глобальном контексте – глобальная экономика социальных ландшафтов» [10, с. 21]. Социальный же ландшафт – это не что иное, как конкретные обстоятельства «здесь и сейчас», представленные динамической структурой локального преломления транснациональных «потоков» и местного освоения сгенерированных проблем и перспектив. Национализм же определяется в этом плане как ландшафтная политика идентичности, глобальное позиционирование в рамках системы координат глобализации. Гетерономия применительно к Беларуси определяется Фурсом как глубокая и многосторонняя деполитизация белорусского общества, при которой горизонт мышления и действия ограничивается частной жизнью, а также всепроникающим администрированием общественной жизни.

Ольга Шпарага в статье «Место Беларуси в пространстве европейского социолиберализма» указывает на недостаток доверия в белорусском обществе. Она подчеркивает, что белорусское общество разобщено и деполитизировано и единственной возможностью выхода из сложившейся ситуации является адекватный национальный проект, построенный на основании борьбы за признание и взаимоуважение всех социальных агентов. Шпарага, как и Фурс, отмечает, что национализм может стать радикальным ответом на сложившиеся социальные условия «регрессивной социальности». Исследовательница выявляет следующие социальные условия «регрессивной социальности»: «Как уже отмечалось выше, решающим для нее (белорусской ситуации. – *Д.Г.*) является "регрессивная социальность" (деполитизация), следствием которой выступает общественная разобщенность, или неумение взаимодействовать по инициативе снизу» [11, с. 134]. Нация же, если соотносить ее с идеей автономии Касториадиса, в моем понимании, – это воображаемое «царство целей», помещенное в локальные обстоятельства, это горизонт белорусского воображения, объединенный идеей публичного мира, ав-

тономной гражданской активности и моментом креативной рефлексии. Автономия же воплощается в данной «политике», где креативные и самодеятельные граждане рефлексивно переустанавливают общество. Идеал белорусской нации заключается в утопическом предвосхищении горизонта «политики», а это, как мне кажется, также является критерием моральной оценки, выражающейся в «активном присвоении» самодеятельными индивидами социальных институтов. Данный идеал Фурс соотносит с «принципом трансценденции», предложенным белорусским философом Петром Рудковским в книге «Паўстанне Беларусі»: «Принцип трансценденции» как идея солидарного объединения для основания временных консенсусов «для тех, кто верит в Беларусь» [10, с. 24]. «Принцип трансценденции» «для тех, кто верит в Беларусь», являет локальной попыткой решить антагонизм партикулярностей, который рассматривали Лакло и Муфф.

Белорусская ситуация политической неопределенности также остается в логике претензии на гегемонию, которую несут в себе местные политические группы. «Принцип трансценденции» оказывается воображаемой рамкой, символической институционализацией, соотнесением конфликтующих партикулярностей с универсальным горизонтом, позволяющим политическим группам в Беларуси придти к пониманию и необходимости трансформации наличных социальных обстоятельств. Проблема, которую решает «принцип трансценденции», заключается в ярко протекающем конфликте между политическими участниками, что может приводить к насилию в ситуации социальной неопределенности. Так, Владимир Фурс отмечает особую связь между конфликтной природой политической игры и ситуацией неопределенности: «Одной из отличительных черт нового опыта *нестабильности* является обострение конфликтов легитимности: игроки, сталкивающиеся в политическом противоборстве, ввиду взаимной чуждости не воспринимают друг друга как легитимных партнеров по взаимодействию и с легкостью переходят к насилию для разрешения конфликта» [8, с. 356]. Данный тезис в первую очередь характеризует противостояния между белорусской оппозицией и официальной властью. Но в данных условиях необходимо обрисовать универсальный горизонт противостояния властному проекту гегемонии.

Идея плюральной демократии, где универсальное возникает из самого взаимодействия между политическими участниками, предложенная Лакло и Муфф, может стать стратегией белорусской политической трансформации в локальной ситуации неопределенности. Григорий Миненков следующим образом указывает на креативный потенциал кон-

цепции Лакло и Муфф: «Универсальное не имеет собственного конкретного содержания, но есть некоторый горизонт, охватывающий неопределенную цепь равнозначных требований; оно несовместимо с какой-либо партикулярностью и, тем не менее, не может существовать вне ее» [4]. Данный тезис и является ключевым и единственно верным основанием для построения гражданского общества в Беларуси. Миненков настаивает на том, что в рамках борьбы за признание мы настойчиво должны придерживаться взаимоуважения ценностей другого. Агонистическая модель демократии возможна лишь в случае допущения того, что мой оппонент также может оказаться прав. Миненков несколько утопично описывает представителя этого идеального общества: «Человека, который занимает критическую рефлексивную позицию по отношению ко всяким границам и ограничениям, который принимает инаковость другого и ищет способы согласованной жизни, который понимает, что всегда имеется множество проектов воображаемого будущего, и мы должны неким образом их сочетать, исходя из практик включения, а не исключения» [3].

Выбор же гражданского, а не этнического национализма объясняется тем, что первый есть проект автономии, а точнее, конструирования социального воображаемого, а не попытка обнаружения генома «белорусскости»; создание политической и социальной «собственности», то есть такого комплекса, который воображается солидарной и активной политической личностью, исходящей из автономной, стихийной самодеятельности: акции или протеста, акта социального творчества. Солидаризация же должна проистекать из равенства перед лицом сил подавления, сил гетерономии. Достигнуть же данного момента можно лишь при артикуляции общего социального воображаемого в проекте автономии.

Однако, чтобы бороться за автономию, мы должны поставить вопрос об особенностях гетерономии белорусского общества, а точнее об «идеологии белорусской государственности» (ИБГ). ИБГ является ярким примером артикуляции притязаний белорусской официальной власти на гегемонию. В книге «Идеология и идеологические аппараты государства» Луи Альтюссер пишет об «идеологии вообще» как другой реальности, которая занимает место сверхструктуры, подчиняя все отношения людей реальным условиям их существования. Это уже больше, чем идеология, это необходимое условие проведения в жизнь властной гегемонии. Заручившись «поддержкой» ментального уровня идеологии вообще, можно выстроить иерархическую пирамиду идеологических аппаратов государства.

Конструирование символического универсума позволяет кроить социальное поле на собственный лад, так как любая индивидуальная объективация и идентификация является подчиненным элементом в символическом универсуме. Как пишет Фурс, указывая на зависимость социального порядка в Беларуси от изменений в символическом универсуме, «происходит инволюционная дедифференциация общества; простое воспроизводство социальной стабильности, возводимой к “мифическому прошлому” советских времен, утверждается в качестве абсолютной ценности; устанавливаются “этнографические” критерии благосостояния, справедливости, научной значимости; общим эффектом этих преображений становится туземная инкапсуляция социального ландшафта» [9, с. 7]. Данную особенность белорусского ландшафта следует назвать ресоветизацией, то есть подгонкой советского прошлого под идею «модернизации». Андрей Роленок в рамках проводимого им дискурс-анализа белорусской идеологии делает вывод об особой роли советского прошлого в Беларуси: «Выявлено также, что “белорусская модель” в политическом и идеологическом измерениях конструируется как фундированная в советском прошлом. Иными словами, преемственность между “белорусской моделью” и советским прошлым обнаруживается первично в политическом (например, при попытке идеологического обоснования сильной президентской власти) или идеологическом измерениях» [5, с. 157]. Белорусская власть настойчиво ищет алиби в истории, прошлое становится настоящим и будущим.

Владимир Фурс утверждает, что дискурс белорусских властей конструируют новую практику «самолегитимации авторитарного государства путем производства “народа” как алиби» [9, с. 8]. Тем самым мы можем понять, как легитимация на уровне символического универсума создает фиктивное, но сильное в плане поддержания действующих социальных процессов понятие, которое становится основанием для идентификации всего белорусского общества (белорусского народа). С этим не спорят белорусские идеологи, творящие под вывеской редакции журнала «Беларуская думка». Так, один из них, Илья Левяш, полагает, что государственная идеология – это основа идентификации граждан с государством, а значит, наилучшая формой легитимации государственного устройства: «Государственная идеология *занимает* среди них особое место, является естественным способом духовной самоидентификации и регуляции такого ведущего политического института, как государство» [2]. В таких условиях происходит конструирование закрытого, по мнению Фурса, символического универсума. Есть народ, воля народа, кото-

рая тождественна воле Президента, и есть «отморозки», «враги народа», а не оппозиция, как считает сам Президент.

Фурс отмечает, что закрытый символический универсум совершенно не слышит критики: «Реакции на содержание официального символического универсума: “что за чушь?!” предстают нелегитимными: это реакции отщепенцев, противопоставляющих себя суверенной воле народа» [9, с. 10]. Здесь в очередной раз мы можем увидеть, как определение социальной реальности в символическом универсуме «устанавливает границы того, что относится к сфере асоциального взаимодействия» [1]. «Отморозки», «альтернативные» и «враги народа», которые «баламутят воду», не вписываются в мифологизированное поле воли народа, а значит, должны предстать в виде маргинальных «отщепенцев» или даже исчезнуть, хотя тут уже задействуется не идеология, а аппарат физического подавления. Но одного аппарата подавления и репрессий совершенно недостаточно для легитимации существующего порядка вещей. Именно поэтому белорусская власть берет на вооружение «идеологию белорусской государственности».

Обращаясь к проблеме и особенностям ИБГ, Петр Рудковский отмечает первостепенную важность в воспроизводстве существующего порядка именно идеологии: «База аўтарытарызму (грамадзская думка) патрабуе ўсё больш і больш дасканалых мэтадаў узьдзеяньняў, бо кожны рэжым добра ўсьведамляе, што для яго рэпрадукцыі недастаткова сыстэмы прымусу, а неабходна таксама сістэма пераконваньня. Гэтую функцыю і выконвае беларуская дзяржаўная ідэялогія» [6, с. 140]. Данная ситуация также описывается Фурсом в статье «Белорусская “реальность” в системе координат глобализации». Он подчеркивает, что в конструировании социальной реальности «особое значение имеют не столько репрессивные стратегии, сколько символические, обеспечивающие согласие подчиненного населения» [9, с. 15]. Именно такой путь и избирает белорусская власть: не забывая про «кнут», кормит сконструированный ею народ «пряником» «идеологии белорусского государства». Самое страшное оказывается в том, что собака начинает кусать, так и не показав зубы.

Но можно ли сказать, что сконструированный белорусской властью закрытый символический универсум предстал в образе тотальной, однородной гегемонии образцов поведения и идентификации целого общества? В отношении «девиантных» версий символического универсума, представленных в оппозиционных движениях, их альтернатива выставлена в официальном символическом универсуме в образе мар-

гинальных «эмигрантов». Также отзывается об оппозиции еще один из публицистов журнала «Беларуская думка» Яков Трещенок: «А *транзитный*, *чужеродный* сепаратизм есть попытка разрушить этот менталитет, заменить *живую сущность* искусственной конструкцией по чужим образцам. Поэтому две существующие белорусские национальные идеи *вовсе не две альтернативные равноправные ориентации* для дальнейшего бытия нации» [7]. Таким образом, признается претензия на гегемонию в борьбе за власть.

Нужно признать, что иногда для существующей власти мало создать маргинальную роль оппозиции, она стремится применить практику аннигиляции, то есть уничтожить все, что находится за пределами символического универсума. Конечно, мир вошел в эпоху глобализации и закрыться в собственном гетто для белорусской власти не представляется возможным, а значит, невозможно и уничтожить внешнее окружение, то есть то, что за границами универсума. Так или иначе, идеологические практики могут использовать бирку «врага» для демонизации в глазах общества всего, что неугодно. Это становится возможным при полном контроле над СМИ со стороны власти.

Но так ли однороден сам идеологический универсум в Беларуси? Для ответа на этот вопрос я сошлюсь на исследование «идеологии белорусского государства» в книге Петра Рудковского «Паўстанне Беларусі». Рудковский выделяет в белорусском идеологическом поле сразу 5 направлений, которые весьма сильно отличаются друг от друга. Я позволю себе их перечислить: 1) идеология Мельника – авторитарный русоцентризм; 2) идеология Яскевич и Канашевич – осторожный либерализм; 3) идеология Барушки – магическая арифметика; 4) идеология Академии управления при Президенте – синкретизм; 5) идеология Александра Лукашенко – мессианизм. В случае с первым идеологическим направлением Рудковский считает, что Мельник – главный враг любого идейного плюрализма, если он, конечно, не вписывается в рамки госидеологии. Идеологию Яскевич и Канашевич Рудковский представляет весьма позитивно, указывая на то, что авторы данной концепции отдают предпочтение критике и коррекции насущных проблем, видя роль идеологии в консолидации общества. Рудковский поддерживает данную позицию следующим тезисом: «Адзіная пэрспектыўная версія кансалідацыі – гэта кансалідацыя шляхам дыялёгу, а штучныя адверхныя спосабы аб'яднаць грамадзтва шляхам увядзеньня дзаржаўнай ідэалёгіі ня маюць сэнсу» [6, с. 143]. Касательно версии идеологии Барушки Рудковский иронически указывает на то, что автор данной идео-

логии создает метафизическую фикцию «постнармальнай навукі». Подобный иррационализм можно сравнить с «двоемыслием» из романа Джорджа Оруэла «1984».

Что касается версии идеологии Академии управления при Президенте, репрезентированной в изданном Академией учебнике, то она представляет собой эклектическое объединение четырех направлений «идеологии белорусского государства», выявленных Рудковским. Именно поэтому в данном учебнике можно выделить два слоя и два направления белорусской идеологии. Вот как об этом пишет сам Рудковский: «Апрача двух слаёў, ў падручніку можна вылучыць і дзьве тэндэнцыі, якія даюць аб сабе знаць і ўтвараюць чарговую антыномію: "атэнская" і "спартанская". Першай уласьцівая ліберальна-праўная ўстаноўка, другой – установка на дысцыплінаванае гіерархічнае грамадзтва і прынцып безумоўнага падпарадкаваньня. Першая адкрытая на нерэвалюцыйныя рэформы, а другая мае мэнтальнасьць "надзвычайнага становішча", лічыць, што ўсім трэба скансалідавацца вакол лідэра для барацьбы з бачным і нябачным ворагам» [6, с. 144].

Последним идеологическим направлением, рассматриваемым Рудковским, является идеология Лукашенко, которая строится на постоянной универсализации в сильных руках лидера белорусского общества, которое всегда предстает примером для других, то есть символически подчиняет все последней инстанции. Рудковский видит данную идеологию так: «Прэзідэнт і народ, народ і прэзідэнт утвараюць адно непадзельнае цэлае, сьвяты сімбіёз. Ёсьць сьвятары і пракокі, якія служаць справе захаваньня гэтай цэльнасьці… Ёсьць інквізыцыйная машына, якая мае моц пакараць няверных» [6, с. 146].

В итоге цепочка должна была замкнуться, стать тотальностью, но существование альтернативного взгляда на вещи в самой идеологии рано или поздно поставит точку на самой «идеологии белорусского государства», а значит, сможет изменить конструкцию символического универсума. Рудковский также уверен в том, что сосуществование в официальном символическом универсуме Беларуси альтернативных направлений всегда будет давать возможность «эмигрантам» политики найти очередной ключ к белорусскому обществу: «Беларуская ідэялёгія ніколі ня зможа стаць маналітам, ёй, калі яна будзе існаваць, наканавана быць кампраміснай і эклектычнай, а гэта значыць, што кантроль над мысьленьнем і грамадзка-палітычным дыскурсам будзе абцяжараны» [6, с. 146]. Умеренный, осторожный либерализм ИБГ является надеждой на необходимость демократических преобразований в Беларуси – и это при

том, что в рамках ИБГ считается наивысшей ценностью стабильность, сохранение и возрождение советского наследия.

Как мы понимаем, исходя из всего вышеописанного, целью «идеологии белорусского государства» является гегемония социального тела, которая предусматривает инкорпорирование в себя «чуждых», ранее игнорируемых и насильственно нивелируемых, элементов политической идентичности. А. Роленок в рамках своего исследования также делает вывод касательно гибкости и неопределенности ИБГ: «Стратегия ресоветизации исторической памяти направлена на достижение легитимации наличной политической власти (под прикрытием идеологемы "белорусская модель") и ее внешнеполитического курса, а одним из новых способов достижения поставленной цели становится включение в идеологический нарратив националистических, оппозиционных, независимых дискурсов. Следовательно, историческая политика носит в РБ конъюнктурный характер и может изменяться в зависимости от внешнеполитического курса или иных потребностей идеологии белорусского государства» [5, с. 157]. В ситуации социальной неопределенности все стремится обрести актуальную неопределенность, подстроиться под изменяющиеся тенденции. Но получится ли это у ИБГ, которая стремится обратить прошлое в будущее? Насколько конкурентным окажется оппозиционный проект, зависит не только от профессиональных политиков, но в первую очередь от общественной самотерапии, в рамках которой общество будет готово пересмотреть наличные социальные институты.

Главной задачей в этих условиях является поиск путей для идентификации подавленных альтернатив и конструирования проекта социальной автономии посредством социального воображаемого или принципа трансценденции, главной задачей которых является консолидация общества для решения насущных проблем, без подчинения вездесущим и гетерогенным идеологическим аппаратам государства.

Литература

1. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995.
2. Левяш, И. Интересы и ценности Беларуси. Новая книга о государственной идеологии [Электронный ресурс] // Беларуская думка. – 2009. – № 11. – Режим доступа: http://beldumka.belta.by/isfiles/000167_508021.pdf. – Дата доступа: 28.12.2010.
3. Миненков, Г. «Отморозки», или О том как рождается гражданская идентичность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belintellectuals.eu/library/book/205. – Дата доступа: 2.06.2012.

4. Миненков, Г. Политика идентичности: взгляд современной социальной теории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belintellectuals.eu/library/book/206. – Дата доступа: 2.06.2012.
5. Ралёнак, А. Рэсаветызацыя гістарычнай памяці як рэдакцыйная палітыка «Беларускай думкі» // ARCHE. – 2012. – №4. – С. 151–157.
6. Рудкоўскі, П. Паўстаньне Беларусі. Вільня: Кнігарня «Наша Ніва», 2006.
7. Трещенок, Я. Выбор нации [Электронный ресурс] // Беларуская думка. – 2007. № 11. – Режим доступа: http://beldumka.belta.by/isfiles/000167_396442.pdf. – Дата доступа: 28.12.2011.
8. Фурс, В. «Власть народа»: современные представления о демократии и белорусская модель «народовластия» // Соч.: в 2 т. / сост.: В. Фурс, Л. Малевич, О. Шпарага. – Вильнюс: ЕГУ, 2012. – Т. 1. – С. 352–365.
9. Фурс, В. Белорусская «реальность» в системе координат глобализации // Топос. – 2005. – № 1(10). – С. 5–18.
10. Фурс, В. Белорусский проект «современности»? // Практизация философии: современные тенденции и стратегии. – Вильнюс: ЕГУ, 2010. – Т. 2. – С. 11–28.
11. Шпарага, О. Место Беларуси в пространстве европейского социолиберализма // Пути европеизации Беларуси: между политикой и конструированием идентичности (1991–2010) / под ред. О. Шпараги. – Минск: И.П. Логвинов, 2011. – С. 130–155.

Дмитрий Бойченко
(Вильнюс, Европейский гуманитарный университет)

ОТ СИСТЕМЫ ВЕЩЕЙ К ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ ЭКОСИСТЕМАМ: НОВЫЙ ИНТЕРНЕТ-ПОРЯДОК ВИРТУАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ

Previously the word ecosystem was used in biology, ecology and urban studies and through marketing efforts it has now appeared in the discourse of IT. Ecosystem is mainly a certain number of interconnected gadgets, software and cloud services. The centre of ecosystem today is cloud services, which provide synchronization between its different parts. Ecosystem by itself is a non-national or even anti-national construction, a reality which is written from scratch to suite every identity. Post-Soviet integration of ecosystem is slowed down for economic and political reasons, but as gadgets are apolitical objects they appear at the market as new improved versions of ordinary things.

«В современной связной системе удача той или иной обстановки определяется законами абстракции и ассоциации» [5, с. 20]. Это цитата из книги Жана Бодрийяра «Система вещей», в которой он подвергает анализу современные интерьеры. 1968 г.: постмодерн является главной интеллектуальной религией, а тезис о том, что обстановка на самом деле не является тем, чем хочет казаться, открывает новое измерение критического дискурса. Сегодня критический пафос Жана Бодрийяра о систематизации культуры постмодерна превратился в главное оружие истеблишмента. От неочевидной для обычного человека «системы вещей» мы перешли к разрекламированным «экосистемам», а от потребителей, которые покупали себе бесполезные, но обаятельные «штуковины», к пользователям, для которых важны контент[1] и приложения[2]. «Нет приложений – нет и продаж. Вот так просто», – говорит аналитик Роберт Скоубл [4].

1 Сегодня в первую очередь – это аудио, видео и книги.

2 В данном случае это программа, расположенная в виртуальном магазине той или иной компании.

К определению цифровых экосистем

Экосистема в технологической потребительской сфере – это сервисы и (или) гаджеты, обладающие обоюдной интеграцией. Экосистема – термин, который обладает довольно длинной (и во многом самоочевидной) традицией использования. Помимо классических экологических и биологических дефиниций, где этот термин используется для описания взаимосвязи различных организмов с окружающей их средой, существует также социально-культурная версия, созданная городскими исследователями. Для урбанистов экосистема – это взаимосвязь биологических, социальных и физических составляющих города [3, с. 1]. На мой взгляд, в обоих случаях термин «экосистема» призван в первую очередь подчеркнуть постоянную функциональную зависимость элементов, и именно благодаря этому смыслу мы можем говорить о том, что между пониманием экосистемы в биологии, городских исследованиях и IT-сфере существует определенная преемственность. Однако стоит помнить также, что данная дефиниция впервые появилась в маркетинге и вполне возможно, что ее выбор основывался на том, что это слово в первую очередь хорошо узнаваемо – его значение изучается в начальной школе и вызывает минимум отрицательных коннотаций. Другими словами, оно вполне могло приглянуться маркетологам из-за его эстетических качеств. Также следует помнить о том, что сближение технологий и природы – это один из наиболее известных культурных трендов 90-х гг. [7, с. 149] и здесь можно говорить о конвертировании и коммерциализации культурных смыслов. 20 лет назад это была тема для йиппи[3] и читателей «MONDO 2000»[4]; сегодня на этом повстанческом пафосе корпорации зарабатывают деньги. Точно также как фраза «be yourself» переехала с транспарантов антикапиталистических демонстраций на рекламные плакаты брендов [9, с. 74], смысл, родившийся между словами «природа» и «технологии», стал слишком интересен, чтобы не быть проданным.

Рассматривая экосистемы, мы имеем дело с взаимосвязью, которая, во-первых, может называться стабильной: компьютеры сегодня не имеют права перезагружаться по собственному желанию, а сбои в ра-

[3] Международная молодежная партия (или движение), основанная в 1967 г. Джерри Рубином, Эбби Хоффманом и Полом Красснером. Одной из главных черт йиппи является индивидуализм, граничащий с иррациональностью: каждый активист может придумать себе собственный лозунг и стиль.

[4] Культовый журнал о киберкультуре, издавался в 80-е и 90-е. Считается прототипом журнала «Wired», центральной темой которого является влияние технологий на общество, экономику и политику.

боте Skype рассматриваются как предательство. Во-вторых, она должна быть продуктивной: главное слово здесь «синхронизация» – постоянное движение информации между элементами. Ранее различные гаджеты и сервисы были соединены рамками эпистемологии: уровень ассоциаций обогащался буквально всеми – разработчиками, пиарщиками, пользователями, теоретиками. Рекламные компании атаковали воображение, так как связь между предметами была весьма условна (что ни в коем случае не исключает продуктивности идеологии системы вещей – по сути, дизайнеры и маркетологи заставляли пользователей верить в природную принадлежность вещей друг другу в тот момент, когда именно об этом же писали фантасты). Теперь мы имеем дело с системами, связь которых не просто коннотативна, но и в максимальной степени функциональна. Вещи сегодня связаны не только дизайнерскими идеями, но проводами и волнами.

Цель экосистем – создание среды, дигитального окружения. Экосистема не просто находится в привычной для нас системе вещей, но создает новую, наиболее совершенную ее форму. По сути дигитализация пространства – это не дополнение к уже существующим предметам, а их символическая замена. Также экосистемы – это аккумулирование уже доступных подходов к реструктуризации различных типов опыта и практик. Ранее технологии заходили с разных флангов социальной жизни – теперь же имеет место централизация, основанная на сетевой интеграции. Мануэль Кастельс определял сетевое общество как индивидов, организованных вокруг технологических сетей [1, с. 143]. На данном этапе развития сетевого общества инструменты для создания и воспроизводства идентичностей обретают новый характер – от децентрализации обществ мы переходим к централизации потребительских систем[5].

Компании предоставляли пользователям игры, средства для коммуникации, офисные программы, органайзеры – все эти инновации в различное время уже были изучены и оценены. В рамках экосистем многие из этих элементов обретают новую жизнь и практически каждый – новое значение. Игры возвращаются в виде приложений для социальных сетей, облачные офисные системы теперь позволяют редактировать файлы совместно, а 40% американских продаж «символа стиля» iPhone приходится на корпоративную аудиторию. При этом возможности технологий продолжают расширяться. Так, чип NFC позволяет производить

5 Слово «потребительский» здесь важно, так как до этого экосистемы развивались в рамках корпоративных пространств.

оплату с помощью смартфона, а приложение FindMyFriends для iPhone позволяет определять территориальное местоположение друзей.

Многие из дефиниций, актуальность которых кажется несомненной по отношению к физическому миру, оказываются излишне обсессивными в виртуальных пространствах. Так, Александр Галловэй и Евгений Таккер отмечают, что понятие «отчуждение» больше не может считаться центральным для критической теории: «Отчуждение социальных отношений посредством объектов больше не может быть важной политической проблемой, так как сегодня мы имеем дело с извлечением абстрактного кода из объектов. Другими словами, интерес сегодня должна вызывать не реификация, но кодификация» [2, с. 144]. Мир проходит процесс оцифровки, и виртуальная реальность перестает быть чем-то вторичным по отношению к миру, но стремится занять лидирующие позиции. Как только проблема становится тотальной, она переходит на новый уровень: как минимум бесполезно говорить об отчуждении поколению, представители которого никогда не знали, что почтовый ящик в подъезде – это коммуникативный узел.

Каким бы марксистскими терминами мы сегодня не называли процессы, связанные с виртуализацией (фетишизация, коммодификация, реификация), главным из них должна стать «кодификация»: во-первых, этот термин наиболее нейтрален, а, во-вторых, его близость к словосочетанию «программный код» в любом случае спровоцировала бы теоретиков на его изобретение. При этом смысл этого определения довольно далек от того, который в него вкладывал Пьер Бурдье. Если последний рассматривал кодификацию как записанные правила в структуре того или иного поля, то в программном мире кодификацией является сам язык «написания» реальности [6, с. 121]. В физическом мире ближайший аналог технологической кодификации – это атомные и молекулярные структуры. Определение Бурдье, безусловно, может быть применимо и к цифровым экосистемам (как и к любой программной области в принципе), но в качестве второй (но не вторичной) системы координат, которая, что крайне важно, может не иметь никакого структурного сходства с кодификацией первого типа. В первую очередь это происходит потому, что синтаксисы программирования и социальных практик, для описания которых используется тот или иной язык, не имеют между собой практически ничего общего.

Последняя и крайне важная особенность экосистем – это их закрытость. Пользовательский опыт в максимальной степени эмансипирован от процесса производства. Если Бодрийяр говорил о том, что между

кнопкой и функцией в стиральной машине есть только ассоциативная связь, то сегодня мы живем в мире, где ассоциации – это единственная тотальность. «Когда я рос, термин "взлом" обычно относился к чужим компьютерам», – говорит Марк Пилгрим в своей статье «Закат эпохи энтузиастов». Пилгрим отмечает, что пользователь сегодня практически не имеет доступа к внутренним компьютерным механизмам. Оптимизация гаджета – это выбор цвета, установка программ и поиск аксессуаров. Доступ к коду дается только разработчикам, а пользователи iOS и MacOSX не имеют доступа даже к системным файлам. Так как возможность починить сегодня приравнивается к возможности сломать, место пользователя в экосистеме сегодня можно сравнить с комнатой для опасных больных – в изолированном пространстве с мягкими стенами индивиду дана полная свобода выбора.

Универсальный Интернет

Если в середине нулевых определение Интернета как основной системы интеграции было довольно смелым и во многом противоречивым заявлением, то сегодня стало ясно, что благодаря развитию технологий беспроводной передачи данных, ничто, кроме облачных сервисов[6], не может быть рассмотрено как центр той или иной экосистемы. Сегодня главный информационный буфер между различными гаджетами – это интернет-сервисы. Идеальным примером может считаться iCloud компании Apple: каждая фотография, сделанная на iPhone, iPod или iPad, автоматически размещается как в виртуальном хранилище данных пользователя, так и на других гаджетах пользователя. Более того, главная задача гаджетов – обеспечивать доступ в Интернет сервисам. Смартфоны, десктопы и ноутбуки являются, по сути, той необходимой условностью, без которой Интернет не может быть достижим. В облачных сервисах сегодня сосредоточена вся информация о пользователях, что вызывает немало нареканий со стороны левых теоретиков.

Акцентирование внимания на виртуальной реальности приводит к тому, что Интернет больше не имеет ничего общего с понятием «альтернативный». Развитие экосистем сегодня напрямую зависит от развития облачных технологий. Само собой, в экосистемах предусмотрены псев-

[6] Облачные сервисы (cloudcomputing) – это сервисы для хранения, производства и передачи информации, расположенные в дата-центрах компаний. Доступ к ним пользователь получает посредством интернет-браузера. Наиболее популярные «облачные» бренды – GoogleApps, WindowsLive, iCloudetc.

донимы и свою фотографию все еще можно подменить фотографией дракона, но подавляющее большинство пользователей предпочитает подписываться настоящими именами и выкладывать фотографии реальных домашних питомцев.

Правила игры изменились не только для пользователей, но и для разработчиков. Несмотря на то, что «стартап» как маленькая и инициативная компания – главный тренд IT-индустрии, цифровой мир переживает кризис независимых разработок. Уходит в прошлое главная утопия – Linux, а вместе с ним и эпоха творчества, в которой было принято создавать не только продукты, но и правила для их распространения [11]. Интернет действительно был андеграундом культуры, где не было никаких ограничений свободы действия и свободы выражения. Все изменилось в тот момент, когда такие компании, как Google и Amazon из перспективных стартапов превратилась в корпорации. Атмосфера всеобщей безнаказанности и креативности повторила судьбу традиционных обществ – частная собственность, бюрократия, фрагментация, суды и другие неотъемлемые элементы западного капитализма выбрали Интернет как направление главного удара. Важно понимать, что для указанных выше компаний виртуальная реальность всегда имела больший приоритет, чем что-либо: для Google физический мир долгое время не существовал в принципе, а Amazon продавала вещи исключительно с виртуальных полок. Эти компании изначально планировали не просто предоставить альтернативу традиционному рынку, но изменить его (как бы синонимично слова «альтернатива» и «изменение» не звучали в начале нулевых, сегодня эта разница чувствуется как никогда). Во многом именно поэтому в тот момент, когда Интернет стал на равных конкурировать с супермаркетами и почтовыми офисами, он вместо того, чтобы составить конкуренцию или уничтожить традиционный рынок, превратился в его наиболее совершенную форму.

Ни один сервис не может прожить без интеграции в известные экосистемы, а многие из них создаются для того, чтобы работать в рамках той или иной экосистемы. У аудитории есть определенные потребности, и они больше не связаны с поиском тематических форумов, локальных сайтов или использованием ICQ – одна из наиболее значимых возможностей социальных сетей состоит в том, что кнопки «share» или «retwitt» не просто позволяют поделиться информацией с друзьями, но заставляют играть по правилам компаний Facebook и Twitter всех тех, кто хочет быть популярен или зарабатывать деньги в виртуальной реальности. Каждому продукту нужна аудитория, а последняя сегодня организована

вокруг глобальных брендов цифрового капитализма. Индивиды ищут программы в магазинах приложений и рассказывают о них своим друзьям в социальных сетях – в 2005 г. это была суть рекламных слоганов, но сегодня это уже актуальное положение вещей. Вместе с этим границы экосистем становятся скорее видимыми, чем реальными – благодаря повсеместному внедрению логотипов и инструментов социальных сетей Facebook потенциально может быть доступен с каждого сайта или сервиса.

Одна из главных инноваций большинства экосистем в том, что они не имеют национального характера. Операционные системы, сервисы и приложения могут быть представлены на различных языках, но сама структура не связана ни с одной из культурных традиций, а цели имеют универсальный спрос. Перевод – это соблазнение, символ комфорта, который находится на стороне глобализма, стимулируя локальные сообщества участвовать в универсальных семиозисах. Парадоксальным образом программирование как профессия имеет дело с живыми людьми, которые обладают собственными биографиями, вкусами и стилями работы, а результат является абсолютным торжеством конструкционизма – в технологиях есть огромный набор правил[7], но сами программы можно переписывать с нуля, и ни на одной из них нет ни национального флага, ни герба. Компании не стремятся отнести себя к какому-либо из контекстов, предпочитая мыслить категориями глобализации: быть национальным или хотя бы глокальным сегодня, значит, лишить себя прибыли[8]. Паспорта, прописки и знание национальной музыки попрежнему имеют смысл для многих из нас, но для информациональной глобализации[9] – это аудитории, которые можно и нужно убеждать в важности ведения блогов и комментировании важных событий.

Сквозь новые закономерности маркетинга основной технологический тренд западных обществ выходит в сферу облачных вычислений, где наиболее актуальная форма репрезентации – это «социальный Интернет». Так, компания Google в течение 10 лет создавала и развивала различные веб-приложения, которые обладали внутренней синергети-

7 Здесь имеются в виду как особенности кода, так и технические возможности.

8 Следует также отметить, что существуют и локальные (региональные) экосистемы. Наиболее очевидный пример здесь Yandex – это российская облачная экосистема, которая является прямым конкурентом Google в постсоветском пространстве. Однако рассмотрение данных локальных кейсов – это тема для отдельной статьи.

9 Термин Мануэля Кастельса. Основным смыслом информациональной эпохи является производство информации, направленное на получение еще большего количества информации.

ческой связью, но летом 2011 г. компания запустила социальную сеть Google+, которая унифицирует большое количество наработок компании. В свою очередь, Facebook расширяет функционал своей социальной сети путем добавления новых возможностей – не так давно«сообщения» были преобразованы в полноценный почтовый ящик, а тематический ряд приложений значительно расширился.

Если Facebook пытается эмулировать облачную операционную систему, то Google пытается превратить уже готовую облачную операционную систему в социальную сеть. Учитывая то, что сервисы данных компаний – это наиболее посещаемые сервисы в Сети на сегодняшний день, можно говорить о том, что Интернет как место, формирующее специфические сообщества, исчезает, а вместе с этим наблюдается упадок креативного подхода к репрезентациям («профайл» теперь может считаться «альтер-эго» только в том смысле, что любая репрезентация является неизбежным конструированием, но не отражением индивида). На смену «никнэймов» приходят полноценные имена, которые дополняются личными данными, фотографиями, политическими взглядами и потребительским вкусами[10]. Интернет при этом превращается в единственное правильное место для развития рынка, а пользователи – в необходимую для этого развития статистику. Интернет больше не глобальная афиша, где важно разместить сайт своей компании, но пространство для функционирования компаний. Полюса личного опыта со стороны аудитории и формирования потребительского спроса со стороны компаний сходятся – потребительская стоимость становится в максимальной степени прозрачной. В ближайшем будущем проблема сохранности личных данных будет состоять не в том, что любой компьютер можно легко запеленговать, но в том, что информация о большинстве пользователей окажется в свободном доступе по их собственному согласию.

В этой новой, написанной с нуля, реальности реализуются мечты об обществе, которое предрасположено к созданию универсальной солидарности. Главная проблема здесь, очевидно, в том, что, несмотря на все очевидные плюсы виртуального, невозможно отрицать тот факт, что манифест такого общества (а мы уже прошли стадию речей и приступили к консолидированной виртуализации себя и своих семей) – это приглашение в огромную лабораторию социальной инженерии, которая является экономически выгодным проектом. Вполне возможно, что с агрессивной виртуализацией практик потребления эпоха анонимности подходит к

[10] Тем не менее псевдонимы остаются актуальными, однако в рамках социальных сетей сегодня они приобретают совершенно иное структурное значение.

концу – индивид использует Интернет не как практики, украшающие повседневность, но отказывается от повседневности в пользу Интернета.

Кардинально изменились не только продукты и индустрия, но и пользователи. Благодаря усилиям дизайнеров и маркетологов индивиды довольно быстро обратили внимание на новые возможности гаджетов и преимущества облачных сервисов. Если на формирование запроса на компьютеры ушло больше 10 лет, то на ознакомление с экосистемами, центром которых являются облачные технологии, ушло около 5 лет (а в форсированной стадии, которая продолжается и сейчас, головокружительные результаты были достигнуты всего за 2 года). Традиционный рынок тем временем медленно разваливается: пользователи больше не покупают диски, популярность игр в социальных сетях превышает все мыслимые ожидания, а мобильные операционные системы без достаточного количества приложений не спасают миллиардные рекламные затраты. Безусловно, здесь огромную роль играет давление со стороны распространителей, но дело в том, что благодаря то ли тому, что о таких технологиях мечтало не одно поколение, то ли тому, что разница между маркетологом и хирургом свелась к абсолютному минимуму, лишь единицы сказали «нет» этому глобальному потоку инноваций. Сопротивление аудитории оказалось минимальным, а КПД надписи «Тысячи бесплатных приложений» – максимальным.

Постсоветская ситуация

Отдельно стоит рассмотреть кейс постсоветских стран, среднестатистический житель которых далеко не всегда может позволить себе ноутбук, смартфон или игровую приставку. Существует убеждение в том, что процессы глобализации всегда обходили и будут обходить стороной множество стран, оставаясь при этом исключительной западной инициативой. Этот тезис часто поддерживается социологами, феноменологами и всеми теми, для кого жизнь здесь и сейчас – это единственное важное измерение, а единственный ответ трендам – сопротивление. Сообщества, которые мимикрируют под воздействием глобализации для того, чтобы сохранять свою неповторимую идентичность, действительно являются достойной альтернативой деструктивному влиянию многих глобальных трендов. Но экспансия гаджетов – это не ракетная атака, а рынок, главный товар на котором – вещи[11]. На мой взгляд, глобализм технологий

[11] Само собой, опасность в распространении гаджетов присутствует, и я этого не отрицаю. Проблема в том, что если даже, например, смартфоны, приведут к

здесь ошибочно приравнивается к глобализму политическому, которые, безусловно, связаны, но не действуют синхронно. Если даже мы приравняем эти понятия, то придется признать, что различаются пути адаптации данных процессов.

Национальная специфика действительно имеет право на жизнь и в ближайшее время не будет уничтожена полностью. Специфика же технологий заключается в их изначальной политической нейтральности – мобильный телефон сегодня находится не рядом с транспарантами, но рядом с предметами первой необходимости, а IT-компании апеллируют не к разрушению отдельных наций или культур, а к открытию виртуальных повседневных практик. Вне зависимости от того, будут ли Украина или Беларусь поглощены той или иной формой капитализма, продукты таких компаний, как HTC и Samsung, неизбежно станут более близкими для обществ этих стран. В тот момент, когда на прилавках магазинов не останется устройств без Wi-Fi или сенсорных экранов, каждый, считающий себя сомневающимся, консервативным или ортодоксальным субъектом, купит себе смартфон (так как необходимость быть доступным из любой точки города – уже является универсальной потребностью). Дигитализация сегодня – это эволюция предметов в первую очередь. Внедрение экосистем можно приравнять скорее к распространению машинного бизнеса. Если сейчас приравнять автомобили к политике либерализма и полностью отказаться от обоих в пользу демократии, то антиглобалистам в ряде стран придется довольствоваться архаичными средствами передвижения, а именно – ездить на лошади. Стоит ли замечать, что эта версия развития событий не совсем укладывается в правила дорожного движения (не говоря уже о местах для парковки), а также совершенно точно негативно скажется на скорости развития демократии?

Культурных резонансов или катастроф, связанных с тотальной дигитализацией, не будет. Новые культурные формы, безусловно, появятся, какие-то из этих форм будут акцентировать внимание на тех или иных гаджетах, какие-то – нет. Однако говорить о какой-то специфической перцепции, на мой взгляд, довольно сложно. Во-первых, внутренняя интеграция экосистем слишком крепка, чтобы быть кем-то конвертированной во что-то на себя не похожее. Гаджеты создаются для того, чтобы исполнять определенные функции, и единственная возможность создать какую-либо специфику – не иметь с дигитализацией ничего общего.

стихийному разрушению идентичностей – этот процесс нельзя будет остановить, так как торговлю гаджетами нельзя запретить так же, как торговлю оружием.

Во-вторых, в ближайшем будущем ни один из регионов не будет обладать достаточной креативной мощью для конкуренции с американским и азиатским. Следовательно, никакой национальной специфики в гаджетах не появится, и инновации все так же будут приходить из других стран (предустановленные приложения «ВКонтакте» и Mail.Ru я бы не стал называть национальными, так как их функциональность практически не отличается от Facebook или GoogleApps, а, напротив, во многом им уступает). Последние же не могут оказаться чем-то особенным в рамках то или иной локальной ситуации, так как ни одной из наций не предоставляются какие-либо привилегии в их использовании.

То, что отдельно взятое сообщество волнует национальная специфика или этнос, не вызывает паники у тех людей, которые знают, что чем дешевле гаджет, тем вероятнее его покупка следующим поколением стран третьего мира. На мой взгляд, проблема распространения влияния экосистем сегодня – это временные неполадки. Так, PayPal только начал работать в России, Netflix пока остается исключительно достоянием американского континента, а Евросоюз (не говоря уже о постсоветском пространстве) – рынок второстепенный. Проблемы могут продлиться довольно долго, но это не дает нам права называть современные информационные тенденции малозначительными или утопичными. Они, безусловно, значимы, и если ранее велись споры о том, можно ли найти универсальные черты, потребности или умения у совершенно разных культур, то теперь ответ ясен и четок: раньше – вполне возможно, теперь – совершенно точно.

Литература

1. Castells, M. Conversation with Manuel Castells Identity and changes in Network Society [Electronic resource] // The Center: International Politics, IR theory, Economics, Philosophy. – 2011. – Mode of access: http://globetrotter.berkeley.edu/people/Castells/castells-con0.html. – Date of access: 28.05.2011.
2. Galloway, A., Thacker, E. The Exploit: A theory of networks. – London, Minneapolis: University of Minnesota Press, 2007.
3. Nilon, H.C., Berkowitz, A.R., Hollweg, K.S. Introduction: Ecosystem Understanding Is a Key to Understanding Cities // Understanding Urban Ecosystems New York: Springer-Verlag, 2003. – P. 1–14.
4. Scoble, R. No apps, no sale: iPad 2 vs. Motorola Xoom vs RIM Playbook vs HP TouchPad [Electronic resource] // Scobleizer. – Mode of access: http://scobleizer.com/2011/03/02/no-apps-no-sale-ipad-2-vs-motorola-xoom-vs-rim-playbook-vs-hp-touchpad. – Date of access: 30.09.2011.

5. Бодрийяр, Ж. Система вещей. – М.: РУДОМИНО, 2001.
6. Бурдье, П. Кодификация // Начала. – М.: Socio-Logos, 1994.
7. Дерн, М. Скорость убегания: кибер культура на рубеже веков. – М.: Ультра Культура: АСТ, 2008.
8. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2001.
9. Кляйн, Н. No Logo. Люди против брэндов. – М.: Добрая Книга, 2002.
10. Кляйн, Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. – М.: Добрая книга, 2009.
11. Пилгрим, М. Закат эпохи энтузиастов [Электронный ресурс] // пер. ст. М. Карпов. «Компьютерра-Онлайн». – 2010. – Режим доступа: http://computerra.ru/own/520355. – Дата доступа: 30.09.2011.

Анастасия Вайтехович
(Минск, Белорусский государственный университет)

СТИГМАТИЗАЦИЯ ИНВАЛИДНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

The author examines the issue on three levels: macro – in public opinion and mass media; meso – among medical, social workers, and educators; and micro – family and friends of disabled people. At every stage the author makes her analysis using materials of Belarusian and international experts in sociology, education, and psychology and the results of her own sociological research.

Проблема инвалидности практически всегда привлекала внимание общества. Однако решалась она по-разному: от замалчивания проблемы до создания системы мер, направленной на интеграцию людей с особенностями психофизического развития (ОПФР) в социум.

В настоящее время в Республики Беларусь 503,7 тыс. инвалидов состоят на учете в органах по труду, занятости и социальной защите, среди них 25,3 тыс. детей-инвалидов в возрасте до 18 лет [8]. Несмотря на усилия, предпринимаемые государством для успешной интеграции инвалидов в общество, в этой сфере остается ряд нерешенных проблем, одной из которых является стигматизация людей с ОПФР. «***Стигматизация*** *– это негативное выделение обществом индивидуума (или социальной группы) по какому-либо признаку с последующим стереотипным набором социальных реакций на данного индивидуума (или представителей данной социальной группы)*» [4].

На современном этапе изучения феномена стигматизации преобладает системный подход, который предполагает изучение проблемы на уровне макро-, мезо- и микросистем. К макросистеме относят общественное мнение, а также институты, которые формируют «имидж» человека с ОПФР среди людей без инвалидности (СМИ).

Важным показателем состоятельности гражданского общества является чувство ответственности населения за решения проблем различных социальных групп. Анкетный опрос населения г. Минска, проведенный автором статьи в 2010 г. (выборка квотная – опрошено 400 человек: 48% мужчин и 52% женщин в возрасте от 18 до 60 лет), показывает, что большая часть (70%) населения столицы не чувствует себя ответственной за поддержку инвалидов и оставляет решение проблем, связанных с созданием условий для их полноценной жизни, на откуп государству и семьям инвалидов. Однако почти треть респондентов (30,8%) признали, что каждый здоровый человек ответственен за оказание помощи инвалиду. По мнению авторов, занимающихся проблемами стигматизации (Е.Р. Ярская-Смирнова, Ф. Асмус), истинное отношение общества к людям с инвалидностью проявляется, прежде всего, в отношении к участию данной категории граждан в жизни социума. Так, 33% минчан убеждены в том, что активное участие инвалидов в жизни общества положительно влияет на развитие страны. Чуть меньше половины респондентов (48%) затруднились с ответом на данный вопрос.

Одним из приоритетных направлений работы с инвалидами является их трудоустройство. Большинство (57,5%) минчан считает, что инвалиды могут работать так же продуктивно, как и здоровые люди, 21,3% не согласны с данным утверждением, а 20,8% затруднились с ответом на данный вопрос. Такая разница во мнениях зависит от наличия опыта общения с инвалидом. Подавляющее большинство (72,6%) людей, знакомых с данной социальной группой, согласны с утверждением, что люди с инвалидностью могут продуктивно работать.

В ходе опроса было выявлено наличие стереотипов относительно некоторых социальных ролей инвалидов. Существует представление о том, что человек, имеющий какие-либо проблемы со здоровьем, не может быть высококвалифицированным врачом. Так, к деятельности инвалида в качестве врача почти половина минчан относится отрицательно (42,8%), положительно – 22,3%, четверть горожан (25,5%) индифферентны к состоянию здоровья врача. Почти треть населения г. Минска также считает, что человек с инвалидностью не может быть учителем и политиком (32,3% и 30,6% соответственно). Однако почти половина (36,5% и 42%) респондентов указали на то, что состояние здоровья человека не важно для данных профессий. На вопрос «Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы человек с инвалидностью являлся мужем/женой Вашего ребенка?» мнение минчан распределилось следующим образом: больше трети опрошенных (38,6%) однозначно были бы против такого брака,

14,8 % отнеслись бы к нему положительно, индифферентно – 17,8%. Велик процент затруднившихся с ответом на данный вопрос (29,1%).

Проблема стереотипов по отношению к инвалидам видится в однобокости репрезентаций данной социальной группы. Как показывает анализ отечественных СМИ, большинство материалов, посвященных инвалидам, сообщает о необходимости развития социальной инфраструктуры, трудностях трудоустройства и о других социально-экономических проблемах людей с нарушениями здоровья. Начинает освещаться положительный опыт деятельности инвалидов в науке, творчестве и спорте, но при этом акцент делается на том, как отважен человек в преодолении трудностей, то есть его полноценная жизнь представляется не как норма, а как позитивная девиация, что также является проявлением стигматизации. За кадром остается опыт представителей обычных профессий имеющих инвалидность (врачей и учителей), а также недостаточно внимания уделяется успешной реализации инвалидов в качестве супругов (в том числе и здоровых партнеров) и родителей. Таким образом, сегодня главную свою задачу СМИ видят в том, чтобы вызвать сочувствие к инвалидам, однако практически отсутствует установка на пропаганду необходимости формирования эгалитарных отношений в обществе.

В Республике Беларусь особенно актуальны проблемы стигматизации инвалидности на уровне мезо- (социальные службы, медицинские учреждения) и микросистем (семья). Элементы данных систем могут как способствовать успешному становлению инвалида в качестве активного субъекта социальных отношений, так и стать агентами, запускающими механизм стигматизации.

Одними из таких проблем являются *бюрократизация системы помощи людям с нарушениями здоровья* и *формальный подход к решению их проблем.* Большую часть профессиональной деятельности специалистов составляет не помощь инвалиду и его семье, а написание отчетных документов о проведенной работе, по которым, в свою очередь, оценивается качество услуг вышестоящими инстанциями. Такая ситуация, по мнению экспертов, связана «не только с принятыми на государственном уровне формальными требованиями к деятельности соответствующих учреждений, но и неопределенностью, размытостью представлений самих специалистов о содержании работы с данной категорией людей и требованиями к ней» [7, с. 92]. Отсутствие гибкости и индивидуального подхода к инвалиду со стороны органов социальной защиты приводит к исключению его из полноправного участия в общественной жизни и

ограничению доступа к социальным ресурсам. Например, в организации профессиональной ориентации людей с ОПФР принимают участие различные учреждения определенных министерств и ведомств. Это, в первую очередь, медицинские реабилитационные экспертные комиссии (МРЭК), которые определяют физиологические и психологические возможности инвалидов и вид учреждения, в котором человек сможет получить определенную профессиональную подготовку.

Как показали исследования, проведенные автором статьи в 2009–2010 гг., родители детей-инвалидов не удовлетворены работой МРЭК. Они отметили необходимость переориентации детей на получение профессии, которая подходила бы им по состоянию здоровья, но с учетом интересов и пожеланий детей и их родителей, так как решение МРЭК этих факторов не учитывает [1]. В Республике Беларусь вводятся меры по совершенствованию организации профориентации инвалидов. Так, с 1 сентября 2011 г. введена новая форма индивидуальной программы реабилитации людей с ОПФР, которая призвана обеспечить преемственность медицинской, профессиональной помощи инвалидам [2]. Однако остается открытым вопрос об адаптации учебных заведений массового типа к образовательным потребностям людей с различными нарушениями здоровья – техническом оснащении учебного процесса и подготовки специалистов к работе с данным контингентом.

В нашей стране совершенствуется законодательная база, призванная решить проблему трудоустройства людей с инвалидностью. Государственными программами предусмотрены установление нанимателям брони для приема на работу безработных из числа инвалидов, организация финансирования мероприятий по адаптации инвалидов к трудовой деятельности и т.д. [5]. При этом обучение и трудоустройство людей даже с легкими функциональными нарушениями становятся невозможными из-за того, что их профессиональный выбор крайне ограничен по медицинским показаниям. Для людей же со средними и тяжелыми нарушениями единственной возможностью заработать на жизнь является занятость в мастерских, обучающих различным видам трудовой деятельности. Однако в настоящее время данные учреждения существуют в форме кружковой работы, не приносящей прибыли. Невостребованность человека с инвалидностью на рынке труда приводит к коренному перелому в его сознании, а нередко потребительскому отношению к обществу, в котором он живет. В свою очередь, общество «приклеивает» ему «ярлык» нетрудоспособного, нуждающегося в опеке человека, что окончательно отодвигает его на периферию социальных

отношений. Для решения проблемы трудоустройства людей с нарушениями здоровья необходимо пересмотреть принципы работы медико-экспертной комиссии и разработать новые методики, направленные на выяснение профессиональной пригодности человека. Целесообразно внедрение в практику МРЭК такой формы взаимодействия специалистов, как консилиум, что позволит избежать ошибок в принятии окончательного решения.

Одной из причин стигматизации инвалидов является *отсутствие комплексной работы с семьями инвалидов.* В качестве одной из основных задач оказания помощи людям с особенностями в развитии (особенно детям) выступает побуждение семьи инвалида к сотрудничеству со специалистами. Некоторые центры в Республике Беларусь (Центр раннего вмешательства, центры коррекционно-развивающего обучения и реабилитации) ведут просветительскую работу среди родителей: выпускают брошюры, проводят консультации. Однако, как отмечают специалисты (Е.С. Слепович, А.М. Поляков), только в некоторых случаях помощь родителям в социальном воспитании ребенка приобретает самостоятельные формы, не говоря уже о работе со всеми членами семьи [7]. Работа со всей семьей очень важна, так как из-за недостаточной компетенции в работе с людьми с инвалидностью члены семьи становятся субъектами, которые запускают механизм стигматизации на уровне микросистемы. Патологические формы социального воспитания больного ребенка (например, по типу «кумир семьи») являются условием формирования задержки психического развития психогенной природы, то есть «вторичной инвалидности» ребенка, что затрудняет его доступ к социальным ресурсам. В этой плоскости особенно актуальной проблемой является информационно-психологическая поддержка братьев и сестер инвалидов. По данным исследования, проведенного «НОВАК» в 2006 г., с братом/сестрой идут на контакт только 8% инвалидов, 34,9% подростков в возрасте с 12–17 лет оценили свои отношения с братом или сестрой как «никакие», данная тенденция только усиливается с возрастом (52,2% – 18–25 лет) [6].

На основании глубинных интервью с родителями детей-инвалидов можно сделать вывод о том, что напряженность в отношениях между здоровыми и больными детьми обусловлена следующими факторами:

- <u>отсутствие информации о нарушении брата (сестры)</u>. Родители могут не хотеть или быть не в состоянии делиться такой информацией со своими здоровыми детьми, что приводит к возникновению психологического дискомфорта у здорового ребенка;

- ответственность и уход за больным братом (сестрой). Нередко на здорового ребенка ложится весь спектр домашних обязанностей, а нередко и забота о больном брате или сестре, что может вызывать у здорового ребенка гнев, неприязнь, чувство вины и привести к ухудшению отношений между детьми;
- передача стигмы «*по ассоциации*», когда сверстники избегают общения со здоровым человеком из-за больного брата (сестры). Так, мама инвалида с интеллектуальной недостаточностью отмечает, что болезнь брата влияла на окружение дочери: «*то родители не разрешали приходить к нам своим детям, то дети сами не хотели, но сейчас ситуация изменилась: к нам приходят даже те дети, чьи родители раньше не пускали их к нам*».

Мамы отмечают, что здоровые братья и сестры лучше относятся к детям с особенностями, если с ними проводили беседу по поводу ситуации, которая сложилась в семье. Однако проблема заключается в том, что не все родители знают, как правильно преподнести информацию и предпочитают замалчивать проблему. Данная тенденция распространяется не только на микро-, но и на макроуровень.

Для того чтобы общество приняло людей с особенностями в развитии как равных себе, необходимо просвещение населения в детском возрасте. По результатам исследования «НОВАК», на фоне достаточно благоприятного отношения к детям с ОПФР взрослого населения несколько отстает формирование позитивного отношения к ним со стороны сверстников. Значительная часть родителей инвалидов (44,1%) определила эти отношения как отрицательные и скорее отрицательные, чем положительные. Однако данные опроса свидетельствуют о том, что существуют резервные возможности для улучшения отношений между детьми с особенностями в развитии и их здоровыми сверстниками, которые заложены, прежде всего, в позиции взрослых. Их терпимость и доброта, по мнению респондентов, будут способствовать улучшению отношений между детьми (89,5%) [6]. Как показало глубинное интервью с родителями детей-инвалидов, не только терпимость к людям с ОПФР со стороны взрослого населения может изменить ситуацию, но и способность открыто обсуждать данную проблему. По сути, терпимость является фиктивным принятием, которое тонко чувствуют дети. Согласно положениям возрастной психологии дети нуждаются в информации относительно интересующих их явлений. Отказ родителей говорить на какие-то темы толкуется ребенком как запрет на что-то постыдное, что достойно осуждения. Таким образом, формируется негативное отноше-

ние детей к людям с ОПФР. Решение проблемы видится в пересмотре стандартов работы с семьей человека с особенностями психофизического развития. Необходимо регулярно проводить индивидуальное и групповое консультирование родителей и других членов семьи по вопросам социального воспитания детей с инвалидностью. В данный вид услуг нужно включить психологическую поддержку здоровых детей, а также информационно-просветительскую работу, посредством которой детям в доступной форме отвечали бы на волнующие их вопросы. С целью преодоления стигматизации инвалидов необходимо проводить в учебных заведениях тематические информационные часы, посвященные людям с особенностями психофизического развития.

Гендерно-нейтральный подход к работе с людьми с особенностями в развитии также является одним из проявлений стигматизации инвалидности. Как отмечают Л. Доминелли и Е.Р. Ярская-Смирнова, опыт инвалидности не является гендерно-нейтральным, так как мужчины и женщины имеют дело с различными реальностями, которые оформляют опыт и понимание инвалидности. Проблема данного подхода чрезвычайна актуальна для системы оказания помощи в Республике Беларусь. Некоторые авторы считают, что женщины-инвалиды наиболее часто подвергаются стигматизации, что является источником дополнительных эмоциональных переживаний у девочек с особенностями в развитии и их семей [3]. Данное утверждение является спорным, но очевидно, что семья, воспитывающая девочку-инвалида, и семья с мальчиком-инвалидом будут сталкиваться с разными проблемами (особенно в период полового созревания). Поэтому необходимо пересмотреть принципы работы с детьми и подростками с ОПФР, так как проблемы в гендерной социализации могут привести к психологическим барьерам в общении с противоположным полом, а в последующем – к трудностям в создании семьи и другим социально-психологическим проблемам. Следует отметить, что особенно сложной является проблема полового воспитания людей с умственной отсталостью, так как их нереализованная сексуальная энергия нередко принимает форму агрессии и ставит под вопрос безопасность других членов семьи.

Таким образом, для Республики Беларусь длительное время была характерна медицинская модель социальной защиты, в которой акцентировалось внимание на здоровье человека. Однако в настоящее время данная концепция уходит в прошлое и на смену ей приходит концепция независимой жизни человека с инвалидностью. В стране при участии государства создана разветвленная система учреждений, которая вклю-

чает в себя совокупность учреждений социальной помощи и реабилитационных центров. Положительный опыт участия инвалидов в сфере науки, литературы и спорта широко освещается средствами массовой информации. Огромную роль в интеграции людей с инвалидностью играют негосударственные структуры, а также ассоциации, основанные инвалидами и их семьями. Благодаря работе родителей в г. Минске открылись центры социального обслуживания детей с особенностями психофизического развития и их семей, учреждения коррекционно-развивающего обучения и развития. Однако на практике реализация основных направлений интеграции инвалидов имеет немало проблем. Переход от медицинской модели к концепции независимой жизни осложняется, главным образом, гендерно-нейтральным подходом в социальной работе с людьми с ОПФР и бюрократизацией системы помощи таким людям, что приводит к стигматизации инвалидов и их семей на мезоуровне. Отсутствие систематической работы с членами семьей инвалидов может стать причиной того, что сама семья становится субъектом, запускающим механизм стигматизации. Это проявляется прежде всего в патологических формах социального воспитания, а также в негативном отношении некоторых членов семьи к человеку с инвалидностью (чаще всего это здоровые дети). Ключевую роль в решении проблем стигматизации инвалидности играют государство и общественные организации, а также осознание проблемы инвалидности всеми членами общества как общенациональной.

Литература

1. Вайтехович, А.И. Педагогические аспекты профессиональной ориентации учащихся с ограниченными возможностями здоровья // Сб. работ 66-й науч. Конф. студентов и аспирантов Белорусского государственного университета: в 3 ч. – Минск: БГУ, 2009. – Ч. 2. – С. 143–147.
2. Вводится новая форма индивидуальной программы реабилитации инвалидов [Электронный ресурс] // Сайт «ОФИС по правам людей с инвалидностью». – 2011. – Режим доступа: http://disright.org/files/file_name187.doc. – Дата доступа: 30.11.2011.
3. Доминелли, Л. Гендерно нейтрально? Женский опыт инвалидности // Журнал исследований социальной политики. – 2004. – № 1. – С. 29–52.
4. Кабанов, М., Ломаченков, А., Коцюбинский, А., Бурковский, Г., Юрьев, А. Уменьшение стигматизации и дискриминации в отношении психических больных [Электронный ресурс] // Сайт «Аутизм». – 2005. – Режим доступа: http://autism.ru/read.asp?id=6&vol=0. – Дата доступа: 02.05.2010.

5. Национальный доклад о положении инвалидов в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Сайт «ОФИС по правам людей с инвалидностью». – 2011. – Режим доступа: http://disright.org/files/file_name187.doc. – Дата доступа: 30.11.2011.
6. Оценка существующих знаний отношения и практики в сфере работы с детьми и молодыми людьми с особенностями развития / Отчет лаборатории аксиометрических исследований «НОВАК». – Минск, 2006.
7. Развитие детей в раннем возрасте. Ситуационный анализ ЮНИСЕФ. – Минск, 2006.
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mintrud.gov.by/ru/gsp.

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анна Рябова
(Вильнюс, Европейский гуманитарный университет)

ИНТИМНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ПОЗДНЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ

The paper explores tendencies in the current social theory related to the notion of intimacy in contemporary Western societies. Striking changes have occurred in intimate relations and family life over the last half a century, and these changes cannot be explained by a universal, «all-included» perspective. Since there are different approaches to intimacy as a research object, theoretical perceptions about the current situation in the sphere of intimate life also vary. By comparing and combining different models of intimacy the article seeks to demonstrate the transformation of intimacy as a heterogeneous project.

Введение

Последние десятилетия в социальной теории были ознаменованы выходом целого ряда работ, исследующих трансформацию интимности и любви в поздней современности. Такой интерес к личной жизни – сексуальности, любви, браку и отношениям – вызван значительными переменами в сфере интимных отношений, происходившими на протяжении второй половины XX в. Переход от «жесткой» фазы капитализма к «мягкой» [1], качественно новая индивидуализация, появившаяся вследствие модернизационных процессов [2], глобализация, вторая феминистская волна – ввиду этих и других специфических социальных условий конца XX в. природа интимности и ее значение поменялись коренным образом. В свою очередь, социальные исследования интимности наряду с масштабной «захваченностью» общества поиском ответов на вопросы, касающиеся самой сокровенной части нашей повседневной жизни, являются симптомом привнесения рефлексивности в интимную

жизнь, которая отсутствовала в предыдущие эпохи. Нужда в ней вызвана тем, что в настоящее время, как отмечает Зигмунт Бауман, индивидам не хватает «паттернов, кодексов и правил, которым можно подчиняться, которые можно выбрать в качестве устойчивых ориентиров и которыми впоследствии можно руководствоваться» [1, с. 13]. В условиях снижения влияния традиционных институтов и норм на формирование личной идентичности рефлексивизация интимности и является попыткой найти или же создать такие ориентиры.

Интерес социальной мысли и социологической теории к понятию интимности является частью более масштабного процесса, происходящего в гуманитарных и социальных науках, по смене исследовательского фокуса в дихотомии публичное/приватное [23]. Имеет место «поворот» к приватному. Объектом нашего исследования выступает интимность, которую мы будем понимать исключительно как интимные отношения между сексуальными партнерами.

Анализ того, какие структурные изменения в обществе и каким образом привели к трансформации интимности и какова ее специфика сегодня, важен для выявления будущих перспектив развития сферы как интимных отношений, так и межличностной коммуникации в целом. Социальные теоретики, пытаясь осмыслить эти трансформации, предлагают ряд различных моделей интерпретации современной интимности.

Многообразие таких моделей и современных социологических дискурсов об интимности можно разделить на три исследовательские перспективы[1]:

1) *Индивидуализированная природа современной интимности*. Эта перспектива рассматривает такой основополагающий для современности процесс, как индивидуализация в качестве главного структурирующего фактора интимности. Качественно новая индивидуализация подразумевает разрушение традиционных социальных структур и рост личностной автономии. Ввиду этих специфически новых условий ин-

[1] В качестве альтернативы можно рассмотреть статью Нила Гросса [15], где в соответствии со своей концепцией о детрадиционализации интимности автор классифицирует современные теоретические перспективы относительно интимности исходя из критерия, *что* у того или иного теоретика служит причиной, толчком к идее трансформации интимной сферы. Систематизация Гросса выглядит более дробной. Авторы могут иметь сходные позиции при анализе специфики современной интимности, но могут расходиться в том, что касается причин такой специфики.

тимность, по мнению ряда социальных теоретиков, становится иллюзорной [1; 2; 11–13].

2) *Демократизация интимной сферы и ее революционный потенциал для трансформации общества*. В отличие от предыдущей позиции, которая подчеркивает индивидуализированную и нестабильную природу современных отношений, эта перспектива делает акцент на таком аспекте интимной сферы, как ее демократизация и потенциал для трансформации самих основ нашего общества. Демократичные отношения представлены более стабильными, чем традиционные формы отношений, потому что основаны на согласии и переговорах, а не на принуждении [4]. Интересна в данном случае и гипотеза американского теоретика Лауры Кипнис о параллельных отношениях как одного из возможных ресурсов в демократизации интимной сферы [21].

3) *Коммерциализация интимности и практик с нею связанных в условиях рыночной экономики позднего капитализма.* В рамках данного подхода исследователи рассматривают, как интимность структурируется под влиянием рыночной экономики позднего капитализма. В данном случае речь идет о коммерциализации интимной сферы и ее зависимости от потребностей рыночной экономики [17–19]. Кипнис показывает, как капиталистический образ семьи заставляет индивидов работать на него. Зигмунт Бауман также пишет о коммодификации межличностных отношений, в частности интимных, и делает выводы о дегуманизации общественной жизни [11].

Используя метод систематической реконструкции, я попытаюсь систематизировать основные положения обозначенных выше моделей интерпретации современной интимности. Я сфокусируюсь на следующих проблемах: гендерный аспект трансформации интимности; возможности и ограничения, которые несут с собой новые формы интимных отношений; риски, порождаемые интимностью в поздней современности. То, насколько диагноз, обозначенный западными теоретиками, актуален для постсоветских широт и как эти тренды здесь преломляются – тема для дальнейшего исследования.

Новые ограничения и возможности современной интимности

Теория индивидуализации Ульриха Бека, впервые систематично представленная им в 1986 г. в работе «Общество риска» [2], открыла новое измерение данного процесса, отличное от той индивидуализа-

ции, которая рассматривалась применительно к ранней современности (modernity). Это измерение описывается как снижение влияния традиционных институтов, норм и паттернов на формирование личной идентичности. Данный тезис находит поддержку в теории «текучей» современности Зигмунта Баумана: «Если быть кратким, индивидуализация состоит в преобразовании человеческой идентичности из “дано” в “найти” и возложении на отдельных людей ответственности за выполнение этой задачи и за последствия (а также побочные эффекты) их действий. Другими словами, она состоит в учреждении автономии де-юре (независимо от того, была ли автономия установлена де-факто)» [2, с. 39].

Начало процесса выключения индивидов из традиционных связей, согласно Максу Веберу, было положено идеями Реформации с ее учением о том, что спасти человека может лишь личная вера. Начало разрушения традиционных связей и дезинтеграции социальных норм сопровождалось рядом иных процессов на многих уровнях: возникновением капитализма, секуляризацией, урбанизацией, увеличивающейся мобильностью. Эти и другие трансформации, сопутствовавшие индивидуализации, привели к потере человеком прежней внутренней стабильности.

Ответ на вопрос, почему жизнь в домодерном обществе предстает более стабильной, кажется вполне очевидным. Традиционные формы интерпретаций и веры, а также высокая степень интеграции индивида в определенные сообщества, связи предполагали социально «прописанные» ответы на все случаи жизни; таким образом, индивид знал, что ему необходимо делать. Как отмечают Бек и Бек-Гернсхайм, традиционные институты и структуры «с одной стороны, строго ограничивали выбор индивида, с другой – обеспечивали привычность и защиту, прочные взаимоотношения и определенную идентичность. Там, где они существуют, человек никогда не одинок, а всегда интегрирован в некую большую единицу» [12, с. 46]. Такая двойственность традиционных связей сопряжена с амбивалентным характером природы индивидуализации: чем больше индивидуализационные процессы освобождают людей от прежних ограничений и обязательств, тем меньше ощущается ими поддержка и безопасность.

Изменения на макроуровне идут рука об руку с изменениями на микроуровне: трансформации в экономической, политической и социальной жизни влияют на мироотношение людей, и наоборот, перемены в системе ценностей и убеждений влияют на экономику и политику. Так, процессы индивидуализации, приведшие к отсутствию стабильности и

заданности поведенческих паттернов ввиду ослабления традиционных связей, тесно связаны с ценностными изменениями, в особенности во второй половине XX в. Именно после Второй мировой войны, по мнению Рональда Инглхарта, в большинстве индустриальных стран наблюдается постепенное формирование новых ценностей. Происходит это благодаря быстрому экономическому росту в послевоенное время, а также усиленному развитию государства всеобщего благосостояния. В результате, если раньше на протяжении истории люди были озабочены угрозой экономических лишений и голода, то относительная послевоенная экономическая безопасность и стабильность привели к тому, что начался сдвиг от «материалистических» ценностей (экономическая и физическая безопасность) к «постматериальным» (самовыражение, качество жизни и соответствующие переживания) [6].

Тезис о смене фокуса в типе ценностей находит поддержку в работах немецкого теоретика Герхарда Шульце, который считает, что матрицей современной культуры является ориентация общества на опыт и переживание [22]. Такая ориентация, становясь ведущей линией культуры, означает, что переживания перестают быть чем-то сопутствующим и неважным. Наоборот, многие из действий, которые индивиды предпринимают, нацелены на то, чтобы стимулировать и добиться переживаний особого качества. Переживания теперь не нечто второстепенное, а конечная цель даже тех действий, что направлены вовне. Индивиды направляют свои действия на организацию переживаний, на их усиление. Основная идея теории общества переживания Шульце заключается в том, что не положение в (объективной) социальной структуре, а качество субъективных переживаний – вот, что важно. Растворение внешнего во внутреннем – ключевая тенденция Erlebnis gesellschaft. Внешнее служит внутреннему: предпринимая какие-то изменения в окружающем мире, индивиды стремятся к достижению определенных переживаний внутри себя. Причину таких изменений Шульце, как и Инглхарт, видит в возникновении «общества всеобщего благоденствия» в 60-х гг.: вопрос о выживании уже не стоит столь остро; не поиск ресурсов для жизни, а поиск достойных смыслов становится настоящей проблемой, вызывающей к жизни многообразие стратегий-ответов. Насколько такая постановка вопроса действительно релевантна для всех социальных слоев и групп, актуально ли это, например, для постсоветских широт? Как мы считаем, смена установок происходит вне зависимости от материального благосостояния: новые образцы поведения транслируются через медиа и становятся глобальными ориентирами.

Подытоживая вышеозначенное, скажем, что индивидуализация и ориентация на опыт ведут к сосуществованию различных жизненных стилей и форм отношений. Разнообразие этих стилей сопровождается ощущением постоянной нестабильности, уязвимости и ответственности за каждый свой выбор. Это приводит к тому, по мнению австрийского психиатра Виктора Франкла, что главную болезнь современного общества можно охарактеризовать как «экзистенциальную фрустрацию», или «экзистенциальный вакуум» [7].

Неопределенность и нестабильность проникают во все сферы жизненного опыта человека, в том числе и в интимные отношения, сущность которых радикально меняется во второй половине XX в. Это обусловлено соответствующими изменениями в обществе позднего модерна: становлением государства всеобщего благосостояния консьюмеристского общества, развитием нового женского движения, проблематизировавшего традиционный гендерный порядок.

Важным историческим процессом, повлиявшим на формирование интимности позднего модерна, был массовый выход женщин на рынок труда, начиная с 1960-х гг. Это было связано, главным образом, с изменением уровня рождаемости (падение смертности в связи с медицинскими мерами и улучшением качества жизни, развитие контрацепции, изменение «стоимости» детей). В результате женщины смогли воспользоваться образовательными возможностями и выйти на рынок труда. Это заложило основу для ослабления экономической зависимости женщины от мужа/отца. Таким образом, уровень рождаемости снижается одновременно со снижением патриархатного контроля.

Формирование нового женского движения и требование гендерного равенства обозначили разрушение патриархатной системы, на которой основывался индустриальный капитализм. Несмотря на весь пафос индустриализации, который заключался в том, что женщины «как бы» вышли на рынок труда, структура семьи была обусловлена разделением труда по половому признаку. Традиционный капитализм делил общество соответственно гендерным ролям и был возможным благодаря «вассализации» женщин в домашней сфере [12, с. 25–28]. Требование гендерного равенства послужило возникновению напряжения между нуклеарной семьей, с одной стороны, и государством благосостояния и рынка – с другой.

Отметим, что процессы индивидуализации проходили по-разному для мужчин и женщин. Изначально на рассвете эпохи модерна индивидуализация – отход от традиционных предписаний и относитель-

ная свобода выбора – была эксклюзивной привилегией мужчин [9]. Отстаивание мужчиной своих прав и притязаний в публичной сфере происходило (и происходит сейчас) благодаря женской заботе о членах семьи и ее неоплачиваемому домашнему, а также «эмоциональному труду» [17]. Арли Хохшильд, исследующая коммерциализацию интимности и заботы в современном мире, так описывает ситуацию своих родителей: «…недооцененный труд домохозяйки (ее матери) давал возможность ее мужу иметь более успешную карьеру» [18, с. 5]. Такое гендерное разделение труда – мужчина/публичная сфера, женщина/приватная сфера – способствовало существованию одной биографии – мужской.

В 1960-х гг., когда произошел резкий скачок в доступе женщин к образовательным возможностям и рынку труда, когда появились противозачаточные таблетки, дающие женщине свободу, уменьшилась экономическая зависимость женщины от мужчины. Как следствие, стало возможным говорить об индивидуальной «*женской биографии*». Ввиду частичного освобождения женщины от семейных обязанностей, возможности контролировать количество рождаемых детей, профессионального развития и массовости оплачиваемого трудового заработка для женщин, происходит отделение женской биографии от мужской. Если раньше жизнь женщины соответствовала интересам и приоритетам семьи, во главе которой стоит мужчина, то сегодня мы можем говорить о том, что индивидуализация становится доступна и для женщины. Вместе с этим происходит и дестабилизация как семейных, так и интимных отношений. Возникает такой феномен, как индивидуализированная природа современной интимности. Таким образом, специфика индивидуализации поздней современности заключается в том, что она перестает быть чисто мужской прерогативой и становится доступной и для женщины как в приватной, так и в публичной сферах.

Интересна точка зрения Энтони Гидденса, который также отмечает хрупкость современных отношений, но для него они все же более стабильны, нежели традиционные формы отношений, потому что основаны на переговорах между партнерами [4]. Идея о стабильности демократической структуры, основанной на переговорах, а не на принуждении, не нова в социальной теории. Так, Юрген Хабермас, развивая свою концепцию делиберативной демократии, писал о том, что стабилизация общества зависит от действий индивидов, направленных на понимание друг друга, что предполагает преобладание коммуникативной рациональности над стратегической [16]. И первого, и второго теоре-

тика можно критиковать за «романтизм» их подходов к проблеме социального взаимодействия: они описывают *идеальные* коммуникативные ситуации (в случае Гидденса это – «чистые отношения»), которых в действительности почти не бывает. Поэтому либерализация и демократизация в интимной сфере, о которой пишет Гидденс, вовсе не свидетельствует о стабильности нынешних отношений, к тому же переговоры в паре в любой момент могут зайти в тупик – и отношения распадутся. Для автора автономия индивидуального действия стоит в центре современной интимности. Ставя приоритет личных границ в отношениях, Гидденс считает взаимную зависимость партнеров в паре патологичной и оставляет нерассмотренным вопрос о взаимоотношении автономии и вовлеченности.

Подытожим, каким образом процессы индивидуализации повлияли на структуру интимных отношений в поздней современности. Индивидуализация, заключающаяся в дезинтеграции существовавших ранее социальных норм, классов, слоев, гендерных и семейных ролей, имеет двойственную природу: с одной стороны, она несет с собой освобождение от традиционных ограничений и принуждения, с другой – лишает индивидов стабильности, безопасности и привычности, существовавших в домодерном обществе. Возникновение индивидуальной женской биографии в поздней современности и сдвиг в ценностной системе от «материалистических» ценностей к «постматериальным» привели к дестабилизации интимной сферы.

Однако свобода выбора в определении собственных жизненных проектов, полученная индивидами благодаря эмансипации от традиционных рамок, структурировавших их жизни прежде, не так однозначна. Как отмечает Бауман, ограничения не исчезают, а лишь заменяются новыми. Описывая переход от «твердой» современности к «текучей» и трансформации, сопровождающие этот переход, Бауман пишет: «Однако, что касается отдельных людей, им вполне простительно, что они могли не заметить этого обновления; они столкнулись с паттернами и формами, которые, хотя и были новыми и улучшенными, но оказались такими же жесткими, как и прежде» [1, с. 13]. Эту же линию поддерживают Бек и Бек-Гернсхайм: для них на смену одной «смеси» свободы и ограничений приходит новая. Ограничения общества поздней современности, главным образом, представляют собой ограничения запросами позднего капитализма и его рыночной экономики [12, с. 7].

Под непосредственным влиянием этих запросов находится и интимность. Казалось бы, в условиях постепенного разрушения традиционных

социальных структур и рыночного запроса на возрастающую мобильность именно интимность становится «убежищем в обстановке холода и равнодушия нашего свободно текущего, обезличенного и неопределенного общества; общества, лишенного своих традиций и обозначенного всеми видами рисков» [12, с. 2]. Интимность воспринимается как облегчение и частичное освобождение от безжалостных запросов и потребностей двойных уз государства и рынка. Однако те же самые силы, которые заставляют людей искать интимность, делают ее иллюзорной. Как отмечают Бауман и Бек, рыночные силы, требующие от людей мобильности, «летучести», конкуренции и преследования личных интересов, входят в противоречие с долгосрочными интимными обязательствами и ограничениями [11; 12].

Индивиду, «произведенному» государством всеобщего благосостояния и рынком позднего капитализма, приходится соблюдать баланс между достижением личностной автономии и интимностью. Баланс соблюдать сложно, в случае неудачи возникает угроза потери либо отношений, либо экономической стабильности/профессиональной реализации. А с еще большей интеграцией женщин в рынок труда уровень соответствующей цены в сфере интимности возрастает.

Тем самым условия нашей жизни существенным образом формируются экономической системой, над которой субъект имеет мало власти или не может контролировать ее вовсе. Именно этот факт игнорирует Гидденс, когда пишет о том, что демократичные отношения предполагают свободу и равенство партнеров в выборе условий, определяющих их жизни. Гидденс выдвигает еще более провокационную гипотезу. Несмотря на противоречия современных интимных отношений, для него они обладают революционным потенциалом в трансформации самих основ общества. Гидденс утверждает, что радикальная демократизация интимности способна трансформировать общество и культуру в целом, включая экономическую систему, с замещением цели экономического роста целью эмоционального удовлетворения [4, с. 112]. Тем не менее автор не дает объяснений, как это возможно в условиях рыночной экономики, чьи принципы, по моему мнению, препятствуют таким изменениям. Такая позиция созвучна тезису Хабермаса о колонизации «жизненного мира» системой. В условиях позднего капитализма, по мнению Хабермаса, баланс взаимодействия жизненного и системного миров нарушается: «система» (общество как система институтов, главные из которых экономика и государство) начинает превалировать над жизненным миром (общество как субъективный мир, как совокупность

интерпретаций различных ситуаций, в которые попадают индивиды в своей повседневной жизни), используя механизм позднекапиталистического овеществления [8].

Более того, рыночная экономика не просто влияет на формирование и выстраивание отношений, она составляет саму их структуру и становится неотделима от отношений. Так, Эва Иллоуз, рассматривая в книге «Романтическая утопия», как практики романтической любви инкорпорируют в себя экономические практики рынка и наоборот, утверждает, что даже романтические отношения, выглядящие как антирыночные, полностью зависят от рынка и потребления [19].

Согласно Иллоуз, образы любви и интимности в рекламе и кинематографе внушают мысль о том, что для того, чтобы достичь «романтической утопии», необходимо быть богатым. Любовь – это награда для тех, кто трудится хорошо. Таким образом, она становится для среднего класса одним из аспектов потребления. Интервьюируя представителей рабочего класса, автор приходит к выводу, что у этих людей ограниченный доступ к «романтической мечте», потому что образ романтической любви и отношений выстроен вокруг материальных благ и достижений. Ввиду того, что они живут в категориях необходимости, они лишены возможности пережить «аутентичную» любовь. Автор доказывает, что опыт любви и ее переживание разнятся в зависимости от классовой принадлежности индивида. Несмотря на то, что все индивиды посредством медиа сталкиваются с одинаковыми культурными образами романтической любви и интимности, чтобы воплотить их в жизнь, необходима соответствующая компетенция, которая связана с доступом к лингвистическим, культурным, экономическим и временным ресурсам. Романтические отношения конструируются в оппозиции к повседневной жизни: чем меньше этот опыт похож на работу, тем больше он воспринимается как романтический. Поэтому романтические отношения, например, ассоциируются с жизненным стилем и возможностями ресурсных групп – среднего и высшего классов.

Демонстрируемый в различных нарративах – визуальных, лингвистических – «интимный» идеал заставляет индивидов на него работать. Чтобы его достичь, необходимы соответствующие ресурсы, получить которые можно все бóльшим вовлечением индивидов в рыночную экономику позднего капитализма, которая предусматривает замкнутый круг отчужденного труда и практик потребления. Принципы такой экономики лишь отдаляют от индивида интимность.

Заключение

Трансформации, имевшие место вследствие перехода к модерну и набравшие свою силу в позднем модерне, указывают на противоречивый характер современности. Ключевые ценности западной современности – политическая эмансипация, секуляризм, рациональность, индивидуализм, моральный плюрализм и равенство – существуют одновременно с высоким уровнем беспокойства и нестабильности, явившегося результатом разрушения «традиционного» мира. Процессы индивидуализации, приобретшие качественно новую форму на заре модернизации, ослабили традиционные социальные отношения и связи, а система верований и убеждений, которая определяла жизни людей в домодерном и ранее модерном обществе, теряет свои силу и значение. Особенностью индивидуализации позднего модерна является то, что она становится доступной для женщины в приватной и публичной сферах. Этот процесс – индивидуализация женской биографии – повлиял на структуру интимных отношений: они становятся хрупкими; нет строгих рамок, правил и системы поведения. Плюрализация жизненных стилей и поведенческих паттернов открывает для индивидуумов новое пространство и новые возможности. Сегодня женщины и мужчины не только могут, но и должны сами решать, как спланировать и воплотить свои жизненные проекты. Однако наряду с появившейся свободой от традиций возникает новая структура зависимостей и ограничений – рыночная экономика позднего капитализма. Западные социальные теоретики показывают, что два процесса, действующие одновременно,– индивидуализация и реструктуризация капитализма – делают интимность трудно достижимой.

Литература

1. Бауман, З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008.
2. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельнику и Н. Федоровой; посл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
3. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма // Избр. произведения. – М.: Прогресс, 1995.
4. Гидденс, Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / пер. с англ. В. Анурина. – СПб.: Питер, 2004.
5. Дюркгейм, Э. Самоубийство. – М.: Мысль, 1994.
6. Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. – 1997. – № 4.

7. Франкл, В. Экзистенциальный вакуум: вызов психиатрии // Основы логотерапии. Психотерапия и религия. – СПб.: Речь, 2010.
8. Хабермас, Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. – 1993. – Т. 1, вып. 2. – С. 123–136.
9. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Избр. произведения: в 3 т. К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1986. – Т. 3.
10. Bailey, J. Some Meanings of «the Private» in Sociological Thought // Sociology. – 2000. – № 34. – P. 381–401.
11. Bauman, Z. Liquid love: on the frailty of human bonds. – Blackwell Publ, 2003.
12. Beck-Gernsheim, E., Beck, U. The normal chaos of love. – Cambridge: Polity Press, 1995.
13. Beck-Gernsheim, E. Reinventing the family: In search of new lifestyles. – Oxford: Polity, 2002.
14. Galland, O., Lemel, Y. Tradition vs. Modernity: The Continuing Dichotomy of Values in European Society // Revue française de sociologie. – 2008. – Vol. 49. – P. 153–186.
15. Gross, N. The Detraditionalization of Intimacy Reconsidered // Sociological Theory. – 2005. – Vol. 23(3). – P. 286–231.
16. Habermas, J. Some Further Clarifications of the Concept of Communicative Rationality // On the Pragmatics of Communication. – Cambridge: The MIT Press, 1998.
17. Hochschild, A. The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. – Berkeley, CA: University of California Press, 2003.
18. Hochschild, A. The Commercialization of Intimate Life: Notes From Home And Work. – San Francisco and Los Angeles: University of California Press, 2003.
19. Illouz, E. Consuming the Romantic Utopia: Love and the Cultural Contradictions of Capitalism. – Berkeley: University of California Press, 1997.
20. Inglehart, R., Baker, W.E. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. – 2000. – Vol. 65. – P. 19–51.
21. Kipnis, L. Against Love: A Polemic. – New York: Pantheon, 2003.
22. Schulze, G. Die Erlebnisgesellschaft: Kultursoziologie der Gegenwart. – Frankfurt a.M.: Campus, 2005.
23. Weintraub, J., Kumar, K. (eds.) Public and Private in Thought and Practice. – Chicago: University of Chicago Press, 1997.

Ирина Горошко
(Вильнюс, Европейский гуманитарный университет)

ГЕНДЕР, НАЦИЯ И ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

The article explores the interrelations between the nation and homosexuality. The author analyses comments that followed the video «Love is Equal» on the Belarusian web-site «NashaNiva». «Love is Equal» was made by the Belarusian gay community and aims to promote tolerance towards same-sex relationships. The first part of the video shows romantic relationships between a man and a woman, the second – between two men. The author points out two discursive strategies articulating interrelations between the nation and homosexuality. The first discourse is based on the belief that homosexuality is «unnatural» and as a disease has nothing to do with the Belarusian nation. Tolerance towards homosexuals is seen as an imported European value. The second discourse connects tolerance towards homosexuality with the notion of 'Europe' as well, but argues that Belarus is also part of Europe and has to accept this value as a way for development and democratic transformation.

В данной статье речь пойдет о взаимодействии гендера и нации на примере дискурса о гомосексуальности в современной Беларуси. Кейс, который я рассматриваю, касается онлайн-обсуждения ролика «Каханне без межаў»[1], размещенного на сайте издания «Наша Ніва». Данный ресурс и данный материал были выбраны в силу нескольких причин. Во-первых, «Наша Ніва» имеет репутацию оппозиционного ресурса, сама газета выходит исключительно на белорусском языке, сайт – на белорусском, русском, английском языках. Газета является полноценным медиа, со своими материалами и авторами, сайт же работает в режиме своеобразного дайджеста, размещая новости и статьи с других ресурсов

[1] http://nn.by/index.php?c=ar&i=66157.

(tut.by, БелаПАН, Charter97, 34mag и т.д.). Собственные оригинальные материалы иногда появляются на сайте, однако намного реже.

Как мы увидим далее, символический капитал ресурса как «белорусского» и «оппозиционного» будет для некоторых комментаторов несовместим с публикацией ролика «Каханне без межаў», который связан с темой гомосексуальности. Это является второй причиной, по которой данное медиа-событие было выбрано для анализа. Важно, что обсуждение гомосексуальности в комментариях к ролику очевидно выходит за привычные дискурсивные рамки «нормально–естественно–заложено природой» против «отклонение–болезнь–извращение» и затрагивает широкие контексты нации, страны, выживания и т.д. И это в очередной раз доказывает, что тема гомосексуальности в первую очередь политична, в принципе, как и любой вопрос, касающийся личного и интимного.

В данной работе я хочу ответить на вопросы: почему возможны именно такие обсуждения ролика, почему для аргументации выдвигаются определенные тезисы, каким образом это все связано с идеей нации. Связь гендера с гомосексуальностью очевидна: само существование гомосексуалов как группы, борющейся за свои политические и социальные права, угрожает стабильности существования такого явления, как традиционная семья, полностью переопределяя гендерные роли.

Маскулинность как гомофобия

В статье «Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности» Майкл Киммел объясняет феномен гомофобии через репрессивные, социально навязываемые модели маскулинностей. Доминирующая модель маскулинности является классовой и расовой: «В доминантной культуре маскулинность, прилагаемая к белому мужчине, принадлежащему к среднему классу и находящемуся в начале зрелого возраста, устанавливает стандарты для других мужчин: исходя их этих стандартов оцениваются другие мужчины, которые в своем большинстве признаются не соответствующими им» [3, с. 36]. Киммел вслед за Гидденсом называет такую маскулинность «гегемонной». Гегемонная маскулинность подавляет все остальные варианты маскулинностей, делая их «неполноценными», и выстраивается негативно по отношению к женщине: быть мужчиной – значит не быть женщиной.

В таком контексте гомосексуальность становится опасна: любое подозрение в гомосексуальности может поставить под сомнение маску-

линность мужчины, а это, по мысли Киммела, едва ли не самое страшное для мужчины: «Быть признанным недостаточно мужественным – таков страх, который побуждает американских мужчин отказывать в мужественности другим, что представляет собой способ доказать недоказуемое: кто-то обладает мужественностью в полной мере» [3, с. 45]. Гомосексуалы и женщины являются теми *другими*, по отношению к которым выстраивается маскулинность, поэтому Киммел заявляет, что сексизм и гомофобия идут рука об руку. Страх быть признанным недостаточно мужественным заставляет мужчин доказывать мужественность через проявления утрированной гегемонной маскулинности. Сексизм и гомофобия становятся необходимыми проявлениями маскулинности: сексизм и гомофобия становятся самой маскулинностью.

Разумеется, данной схеме можно задать некоторые вопросы. Основной касается социальной и исторической обусловленности маскулинности, понимаемой как социальный конструкт. Киммел не зря постоянно делает упор на то, что речь в тексте идет об *американской* маскулинности. Это действительно важно, так как маскулинности, как уже было подчеркнуто, связаны с социальным контекстом. Справедливо ли применять описанную модель к современному белорусскому обществу? Какими, кроме сексизма и гомофобии, ресурсами конструирования маскулинности обладают современные белорусские мужчины? Анализ комментариев к ролику про гомосексуальные (наряду с гетеросексуальными, подчеркиваю!) отношения поможет приблизиться к ответу на этот вопрос.

Геи: за и против. Кому и почему они мешают?

Сразу хочу подчеркнуть, что в данной работе я постараюсь максимально дистанцироваться от анализируемого материала, то есть не принимать ничьей «стороны». Прекрасно понимая свою возможную ангажированность определенными дискурсами, доминирующими в выбранном мной университете и на выбранной специальности, я буду всячески сопротивляться соблазну выступать на стороне защитников прав гомосексуалов. И причина тому социологическая: аргументы, которыми апеллируют защитники гомосексуалов, не менее политичны и потому с социологической точки зрения не менее любопытны, чем аргументы их противников, а увидеть эту аргументацию, не сохраняя критическую дистанцию, будет не так просто.

Прежде всего хочу отметить, что дискурсы «защитников» и «противников» гомосексуальности симметричны: они часто озвучивают одно и

то же, лишь меняя оценку явления с положительной на отрицательную, и наоборот. Например, абсолютно симметричны попытки сторон выяснить «природность» и «нормальность» однополых отношений/секса: защитники говорят о «нормальности» и «природной данности», противники – об «отклонении», «болезни», «психическом заболевании». Оба дискурса используют одни и те же категории для оправдания/отрицания феномена. Любопытно здесь то, что, даже говоря о сконструированности категории «норма», защитники гомосексуальности сразу же вводят новое ее определение, просто включая в рамки «нормального» и гомосексуальные отношения.

Часто свое отношение к обсуждаемому явлению выражают в категориях «красиво – некрасиво» и «приятно смотреть – противно смотреть». История ровно та же, что и с предыдущими категориями: обе стороны легитимируют возможность оценивать право геев на политические права с эстетической точки зрения: «меня тошнит, когда я вижу, как они целуются» – не будет им права на брак и детей, «мне нравится смотреть, как они целуются» – я за всяческое расширение их политических прав.

Оба обозначенных выше способа аргументации позиций относительно однополых отношений относятся к компенсаторному механизму по устранению культурной несправедливости, который Нэнси Фрейзер называет «утверждение-признание» [4], то есть устранение неуважения через позитивную переоценку тех, кто относится к угнетаемым групповым идентичностям. Попытки утверждения-признания не являются эффективными: обе позиции (и «гомосексуальность – это норма», и «гомосексуальность – это болезнь») фактически недоказуемы и легко дискурсивно манипулируемы. Я вслед за Фрейзер рассматриваю механизм преобразования-признания, то есть деконструкцию самих категорий «нормы», «природы», «болезни», потенциально более продуктивным в разговоре о гомосексуальности. Среди анализируемого материала был лишь один развернутый комментарий такого рода, который, однако, не вызвал никаких реакций в силу, на мой взгляд, своего объема и нелегкости для прочтения (использования некоторых непростых и неформатных для пространства комментариев слов).

Интересно так же и то, как некоторые пользователи связывают поднимаемую тему гомосексуальности с самим медиумом, «Нашай Нівай». Три комментария хвалят издание: «Наша Ніва малайчына! Дзякуй))», «Дзякуй, Наша Ніва, што звяртаеце ўвагу на праблемы меншасцяў», «НН молодцы… нужно поднимать такие темы в нашем обществе». Девять – ругают. Из негативных приведу несколько: «Я супраць таго, каб такое

змяшчала "Наша Ніва"», «Вялізны мінус НН», «Калі яшчэ раз такая мярзота з'явіцца на нн, то больш не буду заходзіць сюды. Сорамна павінна быць», «Куда мы катимся? Уважаемая Редакция! Перестаньте рекламировать гомосексуализм. Заканчивайте это петушиное шоу!».

«Наша Ніва» как носитель националистического символического капитала может быть похвалена за «прогрессивность» и «европейскость», а может быть и пристыжена за «аморальность», которая подчеркивается введением религиозно-духовного дискурса: «Рэкламай аднаполых адносін вы дыскрэдытуеце і без таго амаральнае беларускае грамадства. Калі вы сапраўды хочаце лепшай будучыні для Беларусі, то патрэбна рэкламаваць агульначалавечыя каштоўнасці: любоў, дабрыню, справядлівасць... Рэкламаваць цнатлівасць, а не распусту. Запомніце: народ, які знаходзіцца на нізкім духоўным узроўні, не можа разлічваць на лепшую будучыню...». Здесь сплетаются воедино нация, религия («духовность» отсылает именно к ней), сексуальность.

Это один из доминирующих дискурсов, связывающих сексуальность с идеей нации, и он репрессивен для гомосексуальности. В его рамках гомосексуальность – это позор для нации, угроза ее вымирания (аргументация основывается на том, что однополые отношения не репродуктивны). Презентация однополых пар как угрозы вымирания нации отсылает к националистическому дискурсу о рождаемости, который Нира Ювал-Дэвис называет «люди как сила» [5]. Для данного дискурса характерны репрессивные меры по увеличению рождаемости (Нира Ювал-Дэвис пишет в первую очередь о положении женщин и запрете на аборт, однако данный дискурс приложим и к рассматриваемому в данной статье дискурсу). В рамках данного дискурса юридическая и политическая легитимизация однополых отношений (брак, усыновление) невозможны в силу того, что однополые пары не могут воспроизводить население, а значит, они неэффективны для государства как «ячейки общества».

Второй доминирующий дискурс о нации и гомосексуальности противоположен первому. В его рамках толерантность и лояльность к гомосексуальным парам являются признаками «прогрессивности» и «европейскости»: «относитись ТОЛЕРАНТНО !!!!! хотите быть в ЕВРОПЕ!!!!! ЗНАЧИТ ПРИВЫКАЙТЕ!!!!! КО ВСЕМУ....это НОРМАЛЬНО!!!! В ЕВРОПЕ ЭТО ПРИНЯТО!!!!! ЗА ТОЛЕРАНТНОСТЬ!!!!», «А наконт тэмы аднаполых шлюбаў – Ну так людзі, калі вы хочаце жыць у сапраўды дэмакратычнай і свабоднай краіне, тое не фіг так выказвацца. Сапраўды-21 стагоддзе на двары!», «А гамафобы – вы проста саўкі... Калі хочаце жыць у нармальнай краіне ПА-ЕЎРАПЕЙСКУ – трэба спачатку навучыцца

ўспрымаць еўрапейскі лад жыцьця, паводзіны і т.п., а не пляваццa. Мне за вас сорамна:)».

Неприятие однополых отношений, утверждают представители данного дискурса, доказывает, что белорусы не заслужили демократии, а заслужили то, что имеют на данный момент: «вы, белорусы, еще не доросли до уровня толерантности, что и доказывает, что имеете такого президента, которого законно заслуживаете…», «а они еще в Европу хотят, да с такими гомофобами никогда Беларусь в Европе не окажется», «к несчастью, леди и джентльмены, вы вместе с крестьянским и советским большинством, и мы имеем такую власть, какую заслуживаем: пока вся регрессивная чернь не вымрет, мы будем жить с перспективой палки за любые, не вписывающиеся в ее сознание взгляды», «Судя по комментам, в стране в ближайшее время мало что изменится...», «з такімі беларусамі, як большасьць камэнтатараў тут, свабода перакананьняў ды шмат іншых свабодаў яшчэ ня хутка зьявяцца ў нашай краіне...».

Итак, очевидно: обсуждение ролика, где наравне с гетеросексуальной парой показана гомосексуальная, обнажает два вида националистического дискурса, причем один из них явно выстраивает себя через соотнесение с Большим Другим – Европой. Второй дискурс власть и ценность этого Большого Другого отрицает. Это доказывают все комментарии, проблематизирующие «европейские ценности» как ценности универсальные и для Беларуси актуальные, и саму толерантность к однополым отношениям как «европейскую ценность»[2].

Для того, чтобы приблизиться к понимаю причин существования и противостояния именно данных доминирующих дискурсов о гомосексуальности и нации, я обращусь к идеям Елены Гаповой о взаимосвязи нации, класса и гендера на постсоветском пространстве. Гапова пишет о том, что национально-освободительные движения, сформировавшиеся в постсоветских странах к периоду советской перестройки, носили классовый характер, и в этом они подобны французской буржуазной революции конца XVIII в. [1]. Для меня в этой связи важен аргумент о том,

[2] «А што ж вы рабяты думалі? Гэта неад'емная частка сучаснай "дэмакратыі". "Сэрца Эўропы", а паняцці як у Сярэднявеччы. Трэба хутчэй "прыабшчацца" да эўрапейскіх каштоўнасцяў», « вось, аказваецца, уся праблема нашая ў тым, што мы альтэрнатыўнасэксуальна адораных ня любім. як толькі палюбім – адразу ж у нас эўрапейскія каштоўнасьці зьявяцца, нас прымуць у Эўразьвяз, шэнген, СГА і куды там яшчэ. ну-ну, цешцеся гэтым, таварышчы-ліберасты)», «И не надо сказок, по поводу "нормального отношения" в Европе к этому недоразумению. Я на 100% уверен, что они тоже вас не понимают. Просто вам об этом не говорят», «Калі што, то жыву я ў Эўропе, але тут такой рэклямы геям (ну, акрамя, бадай, гейпарадаў) не існуе» и т.п.

что и революция во Франции XVIII в., и национально-освободительные движения в период перестройки провозглашали ценность буржуазной нуклеарной семьи. Если сузить оптику до Беларуси, то националистические движения в стране имели классовый характер и несли идею традиционной семьи как новую (альтернативную советской) ценность.

Что дают нам эти идеи для понимания современного дискурса о гомосексуальности в Беларуси? «Традиционные» националисты, аргументирующие свою позицию неприятия гомосексуальности отсутствием возможности для геев размножаться и производить новых граждан, их потенциальной возможностью разлагать «нормальные» семьи, а также цитатами из Библии, производят все тот же дискурс классово-националистической перестройки. Смею предположить, большинство из комментирующих в таком духе относятся к старшему поколению тех, кто «помнит» перестройку и весь пафос национального возрождения 1990-х гг.

С другой же стороны, мы видим уже совершенно иной тип национализма, выстраивающий себя через соотнесенность с «Европой», «демократией» и «толерантностью». В рамках такого национализма однополые отношения уже не являются табу и «болезнью» из-за того, что противоречат ценности традиционной семьи, так как сама ценность такой семьи ставится под вопрос. В рамках этого национализма само понимание нации иное, и традиционные ценности начинают девальвироваться. Примером проявления взаимодействия такого рода национализма и гендерного конструирования может быть описанная Сергеем Жеребкиным украинская маскулинность, основанная на «перманентном похуизме» [2, с. 240]. Это совершенно иной тип национальной маскулинности, и буржуазные ценности для нее уже чужды. К сожалению, мне не удалось найти примеров исследований доминантных и альтернативных типов национальной маскулинности в современной Беларуси.

Выводы

Основываясь на проведенном анализе комментариев к ролику «Каханне без межаў», можно сделать следующие выводы относительно связи гомофобии и идеи нации в современной Беларуси:

1. В спорах о правах однополых пар превалируют те компенсаторные механизмы, которые Нэнси Фрейзер называет «утверждение-признание» и не считает эффективными. Примерами являются споры о «природности»/«ненормальности» и «красивости»/«мерзости» гомосексуальных отношений. Лишь один раз была произведена попытка де-

конструкции самих значений нормы/не нормы, однако она не вызвала ответных реакций.

2. В обсуждениях гомосексуальности существуют два доминирующих националистических дискурса, условно мной названных *репрессивный* и *дискурс европейскости*. Репрессивный националистический дискурс является продуктом так и не осуществившегося в полной мере в 90-х гг. национального переворота: его представители наряду со значимостью национальной идентичности (язык, история) подчеркивают ценность традиционной семьи. Гомосексуальность эту ценность подрывает, поэтому выносится за границы «нормы» и объявляется «болезнью», «извращением» и т.п.

Второй националистический дискурс, дискурс европейскости как толерантности к однополым отношениям, выстраивает уже иную систему ценностей: традиционной семье в ней отводится далеко не такое важное место, как в первом дискурсе. Здесь уже пишут о том, что все свободны выбирать, кого любить и как, а также критикуют представителей первого дискурса, уличая их в отсутствии «прогрессивности», «европейскости», «толерантности», налагая при этом на них ответственность за то, что в Беларуси сегодня существует та власть, которая существует.

Литература

1. Гапова, Е. О гендере, нации и классе в посткоммунизме // Гендерные исследования. – 2005. – № 13. – С. 101–118.
2. Жеребкин, С. Наслаждение быть украинцем: украинская маскулинность и Оранжевая революция // Гендерные исследования. – 2006. – № 14. – С. 226–243.
3. Киммел, М. Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности // Гендерные исследования. – 2006. – № 14. – С. 34–49.
4. Фрейзер, Н. От перераспределения к признанию // Гендерные исследования. – 2000. – № 5. – С. 85–114.
5. Yuval-Davis, N. Gender and Nation. – London: Sage, 1997.

Научное издание

ЕВРОПА-2012:
ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ ЕВРОПЕИЗАЦИИ

Материалы международной студенческой научной конференции
18–20 мая 2012 г.
Вильнюс

Сборник научных трудов

В авторской редакции
(ответственность за недостоверность фактов, приведенных в текстах, несут авторы)

Ответственный редактор *Г.Я. Миненков*

Корректор *М.Б. Тэйлик*

Технический редактор *О.Э. Малевич*

Дизайн обложки *А.И. Аксёнова*

Взгляды авторов могут не совпадать с мнением редакции

Издательство
«Европейский гуманитарный университет»
г. Вильнюс, Литва
www.ehu.lt
e-mail: publish@ehu.lt

Подписано в печать 26.04.2013.
Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 26,97.
Тираж 100 экз.

Отпечатано «Petro Ofsetas»
Savanorių pr. 174D, LT-03153
Vilnius Lithuania